

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН
СЕЗОН КРОВИ

Annotation

Когда-то в детстве Алан, Рик, Дональд и Бернард были неразлучными друзьями. Теперь им уже под сорок, жизнь каждого не слишком-то удалась, их пути разошлись, и вместе старых приятелей сводит страшное известие: Бернард, самый одинокий и безобидный человек в их компании, совершил самоубийство. Алан, Рик и Дональд находят предсмертное послание, в котором Бернард признается, что на самом деле был серийным убийцей. Даже когда полиция находит в городе закопанные изуродованные трупы, они не могут поверить в то, что узнали, но вскоре из-за кошмаров и жутких видений наяву осознают, что Бернард, может, и умер, но не исчез, и за ним стоит нечто страшнее любого человека. Когда же друзья начинают искать ответы в прошлом Бернарда, они понимают, что когда-то в детстве с ними случилось что-то ужасное: событие, о котором они все предпочли забыть. И теперь истина угрожает разрушить не только их жизни, но и представления об устройстве окружающего мира.

Книга содержит нецензурную брань.

- [Грег Ф. Гифьюн](#)
 -
 -
 - [Благодарности](#)
 -
 - [Зима](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Весна](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Лето](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Осень](#)
 - [Глава 39](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Грег Ф. Гифьюн

Сезон крови

Greg F. Gifune
THE BLEEDING SEASON

Серия «Мастера ужасов»

© 2018 by Greg F. Gifune
© Александра Миронова, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Благодарности

Спасибо моему другу Джону Ру за то, что он всегда рядом. А также моей семье за любовь и поддержку. Особая благодарность Шейну Райану Стейли за его дружбу, поддержку и неувядающую веру в меня.

Этот роман посвящается всей нашей старой компании – живым и мертвым.

Всем воспоминаниям, добрым и плохим.

И Джимми Б.: ты нас покинул, но не был забыт.

Увидимся на той стороне.

И, как всегда, моей жене Кэрол с любовью.

Ты говоришь себе, что это дурной сон. Что ты умер – ты, а не другие, – и оказался в аду. Но ты знаешь, что это ложь. Ты знаешь, что это ложь. Сны заканчиваются, но этот кошмар будет длиться бесконечно. А когда люди умирают, они остаются мертвыми – кому, как не тебе, знать об этом лучше других?

Джим Томпсон. Побег

Зима

Глава 1

Тогда я еще не знал, что в самых темных уголках его разума невозможно было выжить, не пройдя через самые мрачные закоулки моего собственного. Я направлялся вслед за ним в те же глубины Ада, и, хотя он прошел сквозь это пламя по другим причинам, пути наши навечно сплелись. О нем невозможно говорить, не рассказав и обо мне, и, может быть, так выходит правильное всего. В конце концов, Добро даруется свыше.

Зло рождается в человеческом разуме.

* * *

Внезапное вторжение во тьму. Краткая оранжевая вспышка и негромкое шипение горящей спички быстро угасли, оставив после себя запах серы и одинокий уголек, похожий на далекую точку на пустом горизонте. Я оглянулся на женщину, лежащую на кровати, – сигарета свисает с губы, качаются, ласкают кожу щупальца дыма – и подумал, что, возможно, теперь-то у меня есть повод бояться темноты.

Усталый, все еще сбитый с толку, я отвернулся от нее и попытался сосредоточиться на водовороте мыслей, размывавших сознание...

Наверное, думал я, мы навсегда останемся друзьями. Даже тогда казалось, что оно так и есть, как будто на некоем космическом уровне мы оставались сиамскими близнецами, и наши жизни существовали как продолжения или ответвления друг друга. Хотели мы того или нет.

Сначала нас было пятеро. Томми погиб еще в старшей школе. Мы вышли из автобуса и, не глядя по сторонам, выскочили на дорогу. Сбившая Томми женщина потом утверждала, что не заметила мигающих огней и стоп-сигнала на автобусе. Только что мы все болтали и смеялись, а в следующую минуту раздался глухой удар – настолько неуместный, что я услышал его только после того, как Томми взлетел в воздух, а машина промелькнула так близко, что на долю секунды я был уверен: она зацепила и меня. Я отшатнулся. Тело Томми развернулось, извиваясь, как одержимый демонами гимнаст. Машина со скрежетом остановилась как раз вовремя, чтобы поймать его на капот. От удара он снова взлетел в воздух – человек-ядро, беззвучно парящий над землей. В конце концов, под

аккомпанемент шлепков ударяющейся о тротуар плоти тело кубарем прокатилось по асфальту, ударяясь головой, изгибая под неестественным углом шеи, вертясь и переламываясь, как будто не имело костей.

Еще два дня после аварии аппаратура поддерживала в нем жизнь, но я понял, что Томми мертв, когда он замер у края дороги: спокойный взгляд, устремленный в необычайно прекрасное небо, струйка крови, стекающая откуда-то из-под светлых волос – пронзительный багровый мазок, еще одна яркая черточка на лице, даже тогда застывшем во все понимающей усмешке.

Томми умер так же, как жил. Как будто ничто на свете не стоило принимать всерьез. Может быть, у тебя есть все время на свете, а может, конец поджидает сразу за углом. Как будто в конечном счете ничто не имело значения. По иронии, в нем всегда было нечто несомненно одухотворенное, точно ему рассказали что-то, нам не известное, и взяли слово молчать.

Даже много лет спустя, когда жизнь, как это всегда бывает, пошла своим чередом, меня не покидали видения: его лицо в тот день, у алтаря – обтянутый белым гроб из полированного дерева в сверкающей позолоте...

Я никогда никому не рассказывал, что через несколько дней после смерти Томми стал повсюду чувствовать его присутствие. Может быть, дело было в чувстве вины – ведь я выжил. Может, Томми пытался попрощаться, как мог. Может, я все придумал. Как бы там ни было, смерть Томми стала вехой в наших жизнях. Какое-то время каждый из нас шел своей дорогой, как расходятся многие после того, как заканчивается школьная пора и начинается настоящая жизнь. Бернارد пошел в морпехи, Дональд поступил в колледж, Рик оказался в тюрьме, а я женился на своей школьной любви. Но уже через год Бернارد вернулся домой, серьезно повредив колено во время неудачного прыжка с учебной платформы, и стал продавать автомобили. Рик отсидел положенный срок за нападение и побои. Дональд бросил колледж. А я оставался на все той же низкооплачиваемой работе охранником, на которую устроился вскоре после окончания школы. приятели-старшеклассники превратились в молодых людей, кое-как справлявшихся с прошлым, настоящим и тем, что им готовило будущее. В печали, в радости и в безразличии, что частенько рождается из повседневности, мы оставались вместе.

Во время нашей с Тони свадьбы Дональд стал моим шафером, Бернارد и Рик – распорядителями. Для всех троих эта свадьба была первой и последней. Рик несколько лет жил с одной из своих подруг, он не мог оставаться верным, и их отношения в конце концов распались. Остальные

так и остались холостяками. Дональду брак не светил, а Бернард никогда не пользовался особой популярностью у противоположного пола. Он не особенно распространялся о своей жизни вне нашей компании, и, хотя часто рассказывал о каких-то своих победах, мы ни разу не встречали ни одного доказательства и считали его рассказы пустым хвастовством. Он жил с матерью, вскоре после ее смерти банк забрал дом за долги. После этого Бернард еще больше отдалился от нас и казался подавленным. Переселился в подвальную квартиру к двоюродному брату в Нью-Бедфорде, в получасе езды от города, и из-за удаленности и растущей нелюдимости Бернарда мы виделись с ним все реже и реже.

Еще в старшей школе мы купили одинаковые куртки из серебристого атласа и назвали Султанами, единственной бандой в Поттерс-Коув, штат Массачусетс, в других отношениях тихого и непритязательного рабочего городка, приютившегося на побережье к югу от Бостона. Все, разумеется, в шутку, но она значила, что мы – одна команда. Друзья на всю жизнь, всегда готовые прийти на помощь, все те же кровные братья с тех давних пор, когда еще детьми мы набились в шалаш на дереве позади дома Томми, прокололи подушечки больших пальцев и «смешали кровь», как герои какого-нибудь второсортного вестерна.

Через девятнадцать лет после окончания школы я стоял у себя в спальне со своей старой курткой в руках и недоумевал, как мы все умудрились так облажаться.

Злился... тянул время...

И нас осталось трое.

Я нацепил куртку обратно на пластиковые плечики, закрыл шкаф и отошел к окну. У меня дрожали руки.

Я не слышал, как Тони выбралась из постели, лишь ощутил тепло, когда она обняла меня сзади. Ее голос пробился сквозь шепот в мозгу, отвлеч от воспоминаний и разгоравшегося восхода.

– Почему он так поступил? – спросил я вслух. – Почему он не пришел к кому-то из нас?

Я снова прокрутил в голове мгновение, когда звонок телефона прервал наш сон и на мое ошарашенное и злое спросонья «Алло!» откликнулся голос Дональда, надтреснутый, неуверенный, размытый водкой и лишенный обычных его самоуверенных интонаций, частенько превращавшихся в надменность.

Алан, я... Боже мой, извини, что разбудил, но... Алан, случилось что-то ужасное.

Я обернулся, уже не опасаясь, что Тони увидит мои слезы, и осознал,

что она пытается меня утешить, поддержать как умеет.

Ее карие, как у лани, глаза моргали, проясняясь.

– Ты-то в порядке?

Я коснулся ее хрупкого плеча под клетчатой фланелью ночной рубашки. Вспомнив кошмар, прерванный звонком Дональда, – один ужас, сменившийся другим, – глубоко вздохнул и попытался собраться с мыслями. Бернарда больше нет, а мир не заметил. Да и *мы* не заметили.

– Через час я должен встретиться с Дональдом и Риком.

Она молча прошлепала к кровати, подхватила сигарету из пепельницы на тумбочке и затаилась, прежде чем сунуть ноги в тапочки, похожие на вислоухих кроликов.

Я хотел и дальше смотреть в окно. Наблюдать за тем, как поднимается солнце, потом побрести в гостиную, натянуть наушники и слушать, как «Мамас энд Папас» поют о Калифорнии, мечтах и танцах на улицах, пока за окном с серого неба сыпался холодный серый дождь. Хотел выбросить весь этот бардак из головы.

– Тебе снился кошмар, – внезапно сказала Тони, как будто только что вспомнив. – Я хотела тебя разбудить, но тут зазвонил телефон.

Я зажмурился. В те краткие неопределенные секунды до того, как сумел стряхнуть с себя сон и поднять трубку, я уже знал, что Бернард мертв.

– Он умер пять дней назад. – Я перевел взгляд на скользившие по стеклу льдинки. Дождь превращался в снег. Ночь – в день. – Даже записки не оставил.

– Пойдем, – сказала она и осторожно взяла меня за руку. – Я сварю кофе.

Пока мы шли по коридору, Тони обещала, что все будет хорошо.

Она лгала.

Глава 2

Мы стояли у железнодорожных путей и разговаривали. Вдалеке свистел приближавшийся поезд, пронзительный ветер играл высокой травой вокруг. Снег снова превращался в легкий, но ледяной дождь.

Все казалось ненастоящим.

Дональд раздраженно вскинул покрасневшие глаза.

– Почему, собственно, мы тут торчим?

– Уединение. – Рик оглядел сорняки, парковку и забегаловку на другой стороне, потом посмотрел на часы. – Кроме того, они откроются только через несколько минут.

Разыскивая по карманам плаща сигареты и зажигалку, Дональд закатил глаза и вздохнул. Его дыхание тут же превратилось в дымное облако, которое повисло над головами, сцепившись с нашими выдохами, как воинственное привидение.

– Да боже мой, здесь так холодно.

– Не ной, Донни. – Рик выкатил грудь, как бойцовский петух, и скрестил перед собой руки. – Так что именно сказал его двоюродный брат?

Я сунул руки в карманы кожаной куртки, пошаркал ногами и посмотрел на Рика, которого непогода, кажется, совершенно не беспокоила. Наши различия в этот момент были отчего-то особенно заметны, и я изумился тому, что мы оставались вместе вопреки столь разительному несходству.

«Как части целого», – говорил когда-то Томми. Нашего первого, давно похороненного главаря в какой-то момент сменил Рик, совершенный альфа-самец, не упускавший возможности напомнить, какие мы жалкие и как из нас не вышло чего-то и вполтину стоящего, но всегда готовый нас защищать и спасать в случае чего.

Дональд пытался зажечь сигарету на усилившемся ветру. Его глаза с темными кругами, казалось, запали глубже, чем обычно, лицо было бледнее, все тело выглядело еще более тощим, почти изможденным.

– Я позвонил ему около десяти вечера. – Ему наконец удалось зажечь сигарету. – Я выпил, не знал, что уже так поздно. Наверное, разбудил его брата, он казался сонным. Бернард несколько раз звонил мне, оставлял сообщения на автоответчике, но я все не мог собраться и перезвонить, а тут решил узнать, как он там.

Его прервал пронесшийся мимо с оглушительным гудением поезд. Мы

наблюдали за почти бесконечной вереницей грузовых вагонов, пока они не скрылись за поворотом.

– Мусорный поезд, – объявил Рик, как будто только он обладал столь сокровенным знанием.

Тощее тело Дональда пошатывалось от ветра. Длинными тонкими пальцами он пригладил редующие волосы.

– Когда я попросил позвать Бернарда, – продолжил он, – его брат ничего не сказал, и я сначала подумал, что соединение оборвалось. Но потом я услышал, как он дышит, и понял... *понял*, что-то случилось. В конце концов он сказал, что, мол, ему очень жаль, но Бернард ушел из жизни. Именно так и сказал: *ушел из жизни*.

– Все еще в голове не укладывается. – Рик покачал головой, и стала особенно заметна покрывавшая ее синяя бандана и болтавшийся в ухе маленькой золотой крестик. Рик был загорелым, подтянутым и мускулистым, выглядел лучше и моложе нас с Дональдом и прекрасно это осознавал. Он участвовал в спортивных играх, качался, не курил и редко пил. Даже не начал терять волосы. Тщеславие, боевитость, секс с молодыми женщинами – вот слабости Рика, и он предавался им всем, работая вышибалой в местном клубе.

– Я спросил, что случилось, – без выражения продолжил Дональд, затягиваясь с бездумным автоматизмом. – Он ответил, что нашел Бернарда во вторник вечером.

– Господи, – вздохнул Рик. – Он умер так давно, а мы даже не знали. Дональд отвел глаза.

– Он ничего больше не говорил, и я снова спросил, что случилось. И тогда он сказал, что Бернард повесился.

Я отмел мелькнувший перед глазами образ подвешенного к стропилам безвольного тела. Подумал было, не рассказать ли о кошмаре, и решил, что не стоит.

– По закону штата, если смерть наступила без свидетелей, проводится вскрытие, – пояснил Дональд. – Разумеется, смерть Бернарда признали самоубийством, но, судя по всему, у его двоюродного брата не было средств на похороны, а сам Бернард совсем разорился, так что...

– Почему этот придурок не позвонил кому-то из нас? – рявкнул Рик. – Об этом ты его спросил?

Дональд бросил сигарету, раздавил ее ботинком и обхватил себя руками, потом помотал головой.

– Я был не в себе... хотел поскорее закончить разговор. Не хотел больше ничего слышать.

– И где он теперь? – спросил я.

– Штат оплатил похороны. Подозреваю, лишь необходимый минимум. Его двоюродный брат сказал, что на одном из общественных кладбищ есть для этого специальная территория, там Бернарда и похоронили. Даже надгробия нет.

Рик упер руки в бока и принял бессознательно-героическую позу, которая при других обстоятельствах смотрелась бы забавно.

– С этим разберемся по ходу дела. У меня есть знакомый. Что с его вещами?

– Не думаю, что после Бернарда много осталось. – Дональд мотнул головой в сторону закуской. Внутри горел свет. – Давайте спрячемся от дождя.

Обычно с раннего утра в закусочной было оживленно, но так как основная часть ее посетителей не работала по выходным, субботы начинались куда тише. Кроме нас внутри оказалась только пара постоянных посетителей – ссутулившихся на табуретах у стойки, попивавших кофе и обменивавшихся байками стариканов.

Рик вытащил из чашки на стойке зубочистку, загнал ее в угол рта и принялся болтать с официанткой, а мы с Дональдом уселись в кабинке подальше от входа. Мгновением позже Рик вразвалку прошел между столиками и сел с нами.

– Заказал кофе, – объявил он, шлепнулся на скамью рядом с Дональдом, напротив меня. – Я этой ночью работал и еще не ложился, но теперь все равно не усну. Я так скажу: нам надо поехать в Нью-Бедфорд и поговорить с двоюродным братом Бернарда.

– Мы же его вообще не знаем, – сказал я. – Может, он не захочет нас видеть?

– Какое нам, на хрен, дело до того, что он хочет?

Дональд судорожно закопошился, доставая новую сигарету.

– А что толку?

– Я хочу понять, что случилось.

– Да мать твою, я только что рассказал, что случилось.

К счастью, тут появилась официантка, поставила перед нами кружки с горячим кофе и поинтересовалась, станем ли мы заказывать завтрак. Улыбнувшись через силу, я ответил, что с нас хватит кофе. Как только она оказалась за пределами слышимости, Рик наклонился вперед, оперся локтями на столик между нами и уставился на меня.

– Ты что думаешь?

Я прижал руки к теплой кружке и посмотрел на дождь.

– Бернарда больше нет. Какая разница, что мы теперь будем делать?

Рик откинулся на спинку скамьи.

– Ладно, как хотите. А я поеду.

– Зачем? – спросил Дональд. – Чего ради?

– Во-первых, – огрызнулся Рик, – я хочу знать, где он похоронен. Во-вторых, я хочу знать, не осталось ли после него каких-то вещей. Разве не здорово было бы иметь что-нибудь на память о нем? Как, помните, когда Томми умер, его мать послала нам всякие безделицы на память?

Я помнил. В особенности иллюстрацию, которую Томми нарисовал в начальной школе, а его мать отдала ее мне вскоре после его смерти. Картинка до сих пор хранилась у меня в столе, и хотя я не смотрел на нее уже много лет, само знание об этом материальном напоминании о нем, о его жизни, было утешением. Я взглянул на Дональда, который крутил в руках салфетку так, будто она его чем-то обидела.

– Нам нужно узнать, где он похоронен.

– Я даже не знаю, где этот дом, – сказал Дональд.

Рик сделал несколько глотков кофе.

– Я знаю. Пару недель назад мы договорились вместе пообедать. Я забирал его от дома.

– Тогда ты и видел его в последний раз? – спросил я. Рик кивнул и отвел глаза. Наступило неуютное молчание, которое, казалось, длилось вечность, подчеркивая шум дождя. Ко мне подкрались воспоминания о кошмаре, и по шее пробежал холодок.

– Я не видел его уже с месяц, – наконец сказал я.

– Я тоже. – Дональд отбросил салфетку. – Надо было перезвонить ему, я...

– Только не начинай себя казнить. – Рик громко хрустнул костяшками пальцев – нервная привычка с детства. – Мы ни в чем не виноваты. У Бернарда дела шли неважно, как и у всех нас, и он принял решение. Вот и все.

Я отпил кофе и спросил:

– Почему он так поступил? Господи, зачем?..

– Просто струсил, я так думаю, – ответил Рик.

Дональд угрюмо посмотрел на него.

– Твоего мнения никто не спрашивал.

– У него не хватило совести даже записку оставить.

Дональд раздавил сигарету в небольшой стеклянной пепельнице и с отвращением отодвинул ее в сторону.

– Иногда ты ведешь себя как невыносимый козел. Можем мы просто

поговорить о нем, без твоих веских суждений? Хотя этого-то он заслуживает?

– Мы были друзьями. Почти братьями. Он должен был прийти к кому-то из нас. Должен был...

– Он тебе звонил в те две недели после вашей встречи? А? Мне звонил. Точно звонил Алану. А тебе, Рик? А?

– Я так ему и не перезвонил, – признался я. – Все собирался, но...

Рик сделал еще глоток и грохнул кружкой об стол.

– К черту. Как только его поприжало, Бернард свалил. Выбрал простейший способ, вот что я хочу сказать.

– Простейший способ, – повторил Дональд с издевательским смешком. – Что это вообще такое, *простейший* способ?

Я протянул руку и вытряхнул из пачки Дональда одну сигарету. Я бросил курить несколько месяцев назад, но теперь, учуяв беспокойство и скорбь, привычка принялась манить вновь. Я покатал сигарету в пальцах.

– Если мы собрались ехать, то поехали уже.

– А вот этого не надо. – Протянув руку через стол, Рик схватил сигарету и раздавил ее в кулаке. – Ты столько месяцев пытался бросить, а тут решил все испортить?

Дональд выпучил глаза.

– Валяй, раздави всю пачку. Не ты же за нее платил.

– А мне насрать. Эта дрянь нас убивает. – Рик разжал кулак, стряхнул с ладони порванную бумагу и табачные крошки и выбрался из-за стола.

– Подымайтесь. – Он вытащил из кармана пачку банкнот, отделил несколько долларовых бумажек и бросил их поверх устроенного им беспорядка. – Поедем на моем джипе.

* * *

Дождь барабанил по крыше, стараясь перебить скрипучий метроном дворников. Салон принадлежавшего Рiku «чероки» был болезненно чистым, а так как он не разрешал курить в машине, Дональд, который уже извелся на заднем сиденье, подался вперед и просунул голову между передними креслами.

– Что он там возится?

Я прищурился, вглядываясь сквозь залитое водой окно.

– Кажется, разговаривает с работником.

– Господи боже мой, заплати за бензин и поехали уже. – Дональд

откинулся назад и положил ногу на ногу, его джинсы скрипнули по коже сиденья. – Иногда мне хочется удавить этого козла.

– Такая уж у Рика манера. Ты же знаешь, он не пытается кого-то обидеть.

– Я уже по горло сыт этой манерой Рика. Боже упаси, если он выкажет хоть какие-то чувства, кроме радости или злости. Это, судя по всему, недостаточно мужественно.

Я подвинулся так, чтобы взглянуть назад.

– Это Рик, он таким был и всегда будет. Он расстроен не меньше нас, просто не станет этого показывать.

– Точно так же, как когда умер Томми. Этот говнюк не пролил ни слезинки, – произнес Дональд почти рассеянно. – Я не удивляюсь тому, что двое из нас умерли до сорока, но вот кто умер... Никогда не думал, что проживу дольше кого-то из вас. Начинаешь думать, что в жизни нет никакого смысла.

– Может быть, это потому, что ты – несокрушимый тоскливый идиот.

Наши взгляды встретились, и откуда-то из-за налитых кровью глаз и темных кругов выглянул прежний Дональд, полный озорства и яростной энергии. Тот, каким он был много лет назад, до выпивки и мрака.

Время казалось самым неподходящим для веселья, но мы все равно рассмеялись.

Смех скоро затих, заглушенный несмолкающим гулом дождя.

* * *

Из автомобильного радио неся скрипучий монолог местного спортивного обозревателя. «Брюинз» снова боролись за место в плей-офф и проиграли прошлым вечером. При других обстоятельствах я бы заинтересовался, но сейчас мое внимание было сосредоточено на шорохе колес по мокрому асфальту и быстро приближавшейся панораме Нью-Бедфорда.

– Чертовы «Брюинзы», – простонал Рик. – Я так скажу: им бы плюнуть на все эти нежности да вмазать как следует. Все эти новые правила только игру портят.

Я на мгновение повернулся, взглянул на Рика и торопливо качнул головой в надежде, что он догадается заткнуться до того, как на него накинется Дональд.

– Даже в старшей школе все поменяли, – продолжил Рик. – Да блин,

когда мы играли, то играли всерьез – мы играли, как положено! Помните, как мы вышли против...

– Если я дам тебе доллар, ты заткнешься? – спросил с заднего сиденья Дональд.

Рик ухмыльнулся.

– Тебе просто завидно, потому что ты никогда не играл.

– Ага, прямо весь позеленел от зависти.

– Ага, шути-шути, а все равно я прав.

– Мы можем поговорить о чем-то другом? – быстро вклинился я.

Дональд хмыкнул.

– Я предлагаю помолчать.

Рик сильнее вцепился в руль и сбросил скорость, сворачивая с трассы в сторону Нью-Бедфорда.

– И с футболом то же, – продолжил он гнуть свое. – Я был одним из лучших игроков за всю историю школы, но ты делал вид, что это так себе достижение. Парни вроде тебя всегда так делают, если у них что-то не выходит.

– Парни вроде меня. Как интересно.

– Ты знаешь, о чем я, не пытайся тут политкорректность разводить.

Дональд просунул голову между сидений.

– Я рад, что эти игры приносят тебе столько удовольствия, Рик, правда. Но тебе почти сорок, может, пора подумать о чем-то посерьезнее?

– Ты просто злишься. Вся эта заумь, книжки твои, классическая музыка, – все это в конце концов оказалось ненужно. Ты можешь наизусть прочитать вшивое стихотворение, которое какой-нибудь чувак написал сто лет назад, знаешь все о пьесах и театрах. Ну и что? В итоге ты все равно бросил колледж, живешь в Поттерс-Коув, устроился на обычную работу, как и остальные. У меня, по крайней мере, есть...

– Вы можете просто заткнуться оба, а?

Дональд нырнул обратно на заднее сиденье, а Рик посмотрел на меня с искренним удивлением. Я отвернулся, но краем глаза заметил, как он покачал головой, и услышал его неразборчивое бормотание.

Мы направлялись в южную часть Нью-Бедфорда, в один из не самых благополучных районов. Даже учитывая погоду, улицы казались необычно пустынными, город непривычно затих, как будто предчувствовал наш приезд.

– Миленькое местечко, – пробормотал я.

– Настоящие трущобы.

– Как говорил Мелвилл, «что за унылые улицы», – тихо произнес

Дональд. – Исторически значимый город с достойными и работающими жителями все равно местами остается таким же унылым. Интересно, что Герман сказал бы о нем теперь?

– Это все из-за наркотиков, – заявил Рик, сворачивая на боковую улочку. – Наркотики убивают нашу страну, и вот что я тебе скажу...

– Есть ли на свете тема, о которой у тебя *нет* собственного мнения? – спросил Дональд. – Город уже какое-то время на подъеме.

– То-то здесь все так *поднялось*.

Рик сбросил скорость и припарковал автомобиль на единственном свободном месте в дальней части квартала. Узкую улицу обрамляли двухэтажные дома с боковыми въездами и крошечными огороженными двориками. Здания по большей части выглядели обветшавшими, одно запущеннее другого. Несмотря на проливной дождь, повсюду валялся мусор, всевозможные отбросы упорно забивали водостоки и заляпывали тротуары. В городе казалось темнее, как будто здесь, среди унылых улиц, которые больше полутора веков назад описал в «Моби Дике» Мелвилл, ночь отступала медленнее, чем за окраиной. Рик протянул руку над моим плечом:

– Вот дом.

Угловое здание, огороженный передний двор, среди нестриженной травы за ржавой сеткой раскиданы игрушки и еще какая-то ерунда. При взгляде на небольшое подвальное окошко у меня засосало под ложечкой. Где-то там, за этим грязным стеклом, прожил последние свои дни и в конце концов покончил с собой один из лучших моих друзей. Я перевел взгляд на окна первого этажа. В одном из них, выходящих на улицу, горел свет.

Как кто-то мог здесь жить после того, что сделал Бернард?

Я попытался вообразить, как он идет по улице, открывает хлипкую калитку и заходит внутрь. Попытался представить, как он здесь жил, но увидел и почувствовал только смерть.

– Пошли.

От резкого тона Рика я очнулся и, еще не успев ничего сообразить, вышел из джипа и оказался под дождем. Дональд, бледный и нездоровый на вид, едва успел выбраться наружу, а Рик уже обошел автомобиль и кнопкой на брелоке включил сигнализацию. Какое-то время мы стояли, разглядывая здание, как детишки перед местным домом с привидениями.

Следующая улица заканчивалась невероятных размеров пустырем, а за заросшим сорняками пространством высился один из самых печально известных жилых комплексов города. Я смутно припомнил, как почти двадцать лет назад, еще в старшей школе, ездил среди этих многоэтажек на

автомобиле в надежде по-быстрому купить травки, прежде чем отправиться на вечеринку поблизости, в Уэстпорте.

Все это как будто происходило в другой жизни; может, так оно и было.

– Ладно, – выдавил Дональд сквозь долгий вздох. – Говорить буду я.

Следом за ним мы все прошли через калитку и столпились перед входной дверью. Я почувствовал океан неподалеку, его запахи и звуки. Это шепчущее бдительное присутствие всегда было живым напоминанием о том, что он по-прежнему оставался сердцем города и, как дерзкий ребенок, не терпел пренебрежения. Прожив всю свою жизнь в двух шагах от Атлантического океана, я вновь осознал, как неуютно чувствовал себя рядом с ним. Он казался пугающим и грозным существом, злобным стражем, который проглотил бы меня, подвернись ему такая возможность. Мысль об утоплении, о смерти в воде приводила меня в ужас, и, в отличие от большинства жителей юго-восточного Массачусетса, я не был страстным пловцом, садился в лодку только в случае крайней необходимости и не согласился бы есть морепродукты даже под угрозой смерти. Для меня океан был прекрасным и поразительным лишь в силу его смертоносности. Точно так же можно считать прекрасным торнадо или особенно яростную грозу. Они полны величия в силу самой своей природы и заключенной в них мощи. И я бы предпочел наслаждаться океаном с порядочного и, предположительно, безопасного расстояния. Но если живешь здесь, от него никуда не денешься, он всегда рядом. Даже когда я не видел океан и до меня не доносились его звуки и запахи, я все равно *ощущал* его присутствие.

Не представляю, отчего я в тот момент так сосредоточился на океане, но на уме у меня была смерть, делившая пространство с первыми уколами страха. Где-то там, за дверью, в недрах этого медленно ветшавшего здания умер Бернارد, там какое-то время лежал его *труп*, и, что бы мы ни делали, теперь уже поздно.

Дональд постучал, и звук вернул меня к реальности. Мы не получили ответа, и во второй раз в дверь заколотил уже Рик. Через несколько секунд мы услышали щелчок замка. Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Дверь приоткрылась, и перед нами оказалась усталая полноватая женщина. При виде нас она слегка прищурилась. Из-за ее спины, из глубины дома доносились детские голоса и звуки телевизионной передачи. Женщина вопросительно уставилась на нас.

– Здравствуйте, – Дональд выдавил улыбку. – А Сэмми дома?

Женщина кивнула, подняла палец и закрыла дверь.

– Эта стерва вообще разговаривать умеет? – пробормотал Рик.

Прежде чем Дональд успел ему возразить, а я – сказать, что хватит препираться, дверь открылась во второй раз, на этот раз полностью, и перед нами предстал крупный мужчина в майке и рабочих штанах. Он выглядел угрожающе – со здоровыми, мускулистыми руками в татуировках, густыми темными волосами и полуторадневной щетиной – и, кажется, не испытывал особенной радости от того, что мы торчали у него перед дверью.

– Да?

– Я прошу прощения за беспокойство...

– Что вам нужно? Вы кто?

По выражению лица Рика я понял, что он счел такое обращение вызовом и собирается ответить. Он открыл было рот, но Дональд успел заговорить раньше:

– Меня зовут Дональд Лакруа, я вам звонил вчера вечером.

Мужчина слегка расслабился.

– А, друг Бернарда?

– Да, мы разговаривали вчера вечером.

– Да, да, точно.

Дональд указал на нас с Риком.

– Это Рик Бриско и Алан Ченс.

Хозяин дома коротко кивнул, искренне улыбнулся и пожал нам всем по очереди руки.

– Бернард все время о вас рассказывал. Заходите, не стойте под дождем. Уж извините, к нам в такую рань редко кто заглядывает, особенно по субботам. А в наше время, сами понимаете, никогда не знаешь, кто может заявиться.

Он отступил в сторону, позволяя нам пройти, и мы все набились в тесную полутемную прихожую. Коридор за ней выходил на хорошо освещенную кухню в задней части дома. Сразу направо от нас была скромно обставленная гостиная, там перед старым кинескопным телевизором сидели две девочки и ели сухой завтрак. Дверь слева, как я понял без всякой подсказки, вела в подвал.

Сэмми закрыл дверь и защелкнул замок.

– Так что вы, парни, хотели?

– Я прошу прощения за то, что бросил трубку вчера вечером, – сказал Дональд. – Я просто... да ладно. Мы решили заглянуть и узнать, можем ли чем-то помочь.

– Это здорово, – сказал Сэмми. – Я хотел позвонить кому-нибудь из вас, но у меня не было ни ваших телефонов, ничего, так что я решил, что рано или поздно вы сами появитесь. Но теперь тут уж точно ничего не

поделаешь. – Он заглянул в гостиную. Его жена присоединилась к дочерям; все они, судя по всему, были увлечены телевизором. – Как я и сказал вчера, – продолжил он, – его похоронили в другой части города, на одном из участков для тех, кто не может заплатить. Там нет надгробия или еще чего, но если вы зайдете в администрацию на кладбище, рабочие покажут вам место. Жалко, что так получилось, я б и рад сделать больше, но вы сами представляете, как нам живется. У меня самого две работы, жена работает, двое детей, квартплата, машина... Денег хватает едва-едва, а похороны – штука дорогая.

– Нет, – сказал Дональд, – пожалуйста, не думайте, что вам надо перед нами как-то объясняться, все же понимают. Я жалею только, что мы не смогли помочь. Честно говоря, я думал, что военные обо всем позаботятся. Вроде как, если человек служил, а потом умирает без цента за душой, они покрывают расходы на похороны и кладбище...

– Бернارد год прослужил в морской пехоте до того, как повредил колено, – поддержал я.

Сэмми скрестил руки на груди и прислонился к стене.

– Все это было вранье.

Мы замерли в молчании, ожидая пояснений.

– Бернارد врал, – наконец сказал он. – У них нет никаких записей о нем. Не был он морпехом.

– Как же так? – Я оглянулся на остальных в поисках поддержки. – Он пошел в армию сразу после школы.

– Это он вам так говорил, но на самом деле ничего такого не было.

– Как же он повредил колено? – спросил Рик. – Он говорил, что потерял равновесие на учебной платформе, разбил колено и оттого его отправили в отставку раньше времени.

– Он же уезжал куда-то на год, – добавил я.

– Точно не на службу в армии, – сказал, пожимая плечами, Сэмми. – Я ж понимаю, звучит как полный бред. Я тоже сначала удивился, когда мне сказали. Бернارد все время твердил, что был морпехом, и, слушайте, я не хочу говорить плохо о мертвом, но все это было чистой воды вранье. Сказать по правде, мы не очень хорошо его знали. Вы трое, наверное, были знакомы с ним куда лучше нас. Семья у нас небольшая, и от нее так мало осталось, что я пожалел Бернарда. У него-то вообще никого не было, ни жены, ни подружки. И то, что он так и жил в нашем доме, – это вроде как грустно. А когда тетя Линда умерла, он здорово сдал. Бернارد всегда был со странностями, скрытный, и по большей части трудно было понять, врет он или говорит правду. У него были проблемы. Сами знаете.

Я внезапно засомневался, знаем ли мы.

– После того как он потерял работу, дела пошли совсем плохо, к тому времени, как банк забрал дом, Бернард совершенно расклеился. Как я говорил, мы не то чтобы хорошо его знали, но мы одна семья, а он остался без дома. Что мне было делать? Он попросился пожить у нас, пока не оправится, так что я уступил ему подвал. – Прежде чем продолжить, он снова посмотрел в гостиную. – Если бы я знал, что он сотворит, никогда бы не... А что, если бы его нашла одна из моих девчонок? Боже мой...

– Ну вот, – сказал Дональд, – мы просто решили заглянуть, узнать, не надо ли чем помочь.

– Это очень здорово с вашей стороны, но с похоронами теперь покончено, и мне хочется, чтобы все это поскорее позабылось, сами понимаете. Девочки даже не знают, что он умер в доме, – добавил он тихо. – Хватит и того, что об этом знает жена, ее до сих пор трясет. Меня тоже, но тут уж ничего не поделаешь.

– Бернард после себя ничего не оставил? – внезапно спросил Рик.

Сэмми взглянул на него, даже не пытаясь скрыть подозрение.

– В каком смысле? Денег у него не было, если вы об этом. Я уже сказал, у него не осталось ни цента.

– Да, это я уже понял, – откликнулся Рик. – Я не о деньгах. Я думал, может...

– Оставалась только машина, его старый бьюик, и сумка с вещами, которые он привез с собой, когда переехал. Машину я продал парню с работы. Выручил всего ничего, за такую-то развалюху, но этого хватило на костюм, чтобы его похоронить. Сумку я проверил на следующий день после его смерти, там денег не было. Два доллара в кошельке. Тут ему не надо было платить за аренду или еще за что, мы звали его обедать с нами, когда он был тут, это все мелочи. Но ему все равно нужны были деньги на бензин и все такое, и под конец он остался без цента. Он время от времени одалживал у меня денег, десять-двадцать баксов, но я тоже, как понимаете, не кредитное учреждение. Мне счета надо оплачивать. – Сэмми обратился к Дональду, посчитав, видимо, что поставил Рика на место: – А что, вы надеялись что-то найти?

– Нет, – ответил Дональд. – Мы просто надеялись найти какие-то его личные вещи. Ни у кого из нас не осталось ничего на память о Бернарде, и было бы здорово...

– Да, я понимаю. – Сэмми осмотрел нас, дольше всего задержав взгляд на Рике, затем снова обратился к Дональду: – Его сумка еще лежит внизу. Я думал отдать ее в Армию спасения, но пока не собрался. Можете

посмотреть, что там есть. Ничего особенного, одежда и всякие вещи, только и всего. Но если вам захочется оставить что-то себе, что угодно – пожалуйста, забирайте.

Как только он повернул к двери, я понял, что он не собирается просто сходить за сумкой. Что-то в его взгляде и походке, в том, как он заколебался, положив руку на ручку двери, подсказало мне, что нам всем придется спуститься в подвал вместе с ним.

– Пошли, – сказал он, – она там, внизу.

Дверь распахнулась, и я через силу сглотнул. Дональд посмотрел на меня. Он, судя по всему, находился на грани истерики. Я оглянулся на Рика. Он быстро подмигнул и выступил вперед, но, несмотря на эту показную непринужденность, я понял, что ему было не по себе не меньше, а может и больше, чем нам с Дональдом. Но, как оно часто бывало, Рик пошел первым, перешагнул порог, ступил на крякнувшую под его весом старую лестницу и пропал в темноте.

* * *

Еще не дойдя донизу, я уловил запах пыли. Где-то позади меня Сэмми щелкнул выключателем, и перед нами возникла небольшая часть подвала, которую Бернард превратил в свою комнату. Прямо с потолка свисала на толстом проводе единственная мощная лампочка без абажура. Оказавшись внизу, я сообразил, что стена из шлакобетонных блоков разделяла подвал на две части. За закрытой дверью прямо перед нами находилось, без сомнения, помещение большего размера.

Сэмми последним спустился по лестнице, но на нижней ступеньке заколебался, подался вперед и указал на старую раскладушку в углу.

– Бернард жил здесь, – сказал он; его голос, отраженный от цементных стен каморки, звучал незнакомо. – Остальную часть подвала мы переделали под склад.

В изголовье раскладушки стояла самодельная тумбочка из поставленного на попа дощатого ящика. Постельное белье, которое, должно быть, использовал Бернард, было аккуратно сложено в ногах. Оглядывая крошечное помещение, я постарался не обращать внимания на потолочные балки, и сосредоточился на одиноком окошке, которое заметил снаружи. Невероятно, что кто-то мог жить в такой тесноте и пыли, но теперь в подвале не осталось ни следа жизни. Все здесь говорило только о смерти, как в какой-нибудь темнице, куда человека могли упрятать, чтобы

он тихо увял и умер – как Бернард. И все же я не ощущал его присутствия, ни следа чьего-либо присутствия вообще, как будто на самом деле его никогда здесь не было; хотя, возможно, дело было в самой комнате, лишенной даже намека на жизнь и движение.

Сэмми указал на матерчатую сумку, прислоненную к стене возле лестницы.

– Вот его вещи. – Он подался еще немного вперед, не сходя с нижней ступеньки, и ткнул пальцем в одну из балок примерно в ярде от меня. – Я нашел его вот тут.

Рик в два шага пересек комнату и схватил сумку. Мы с Дональдом не сдвинулись с места, предпочитая не толкаться. Ощущение тесноты возникло сразу же, едва мы вошли в дом, а в подвале чувство неприятной стесненности только усилилось.

– К тому времени он был мертв уже какое-то время, – добавил Сэмми.

– Ты точно хочешь заниматься этим прямо здесь? – спросил я у Рика.

– Да все нормально. Я подожду наверху. Подымайтесь, как закончите. Только не забудьте выключить свет и закрыть за собой дверь.

Он ушел, и я пожалел, что не могу последовать его примеру. В закрытой им двери было что-то окончательное, и на меня снова нахлынуло воспоминание о недавнем кошмаре. Я с усилием отогнал его.

– Да ладно, – сказал я, не обращаясь к кому-то конкретно, – давайте уйдем отсюда.

– Что это за бред про морпехов? – спросил Рик. – Получается, что Бернард нам врал, а мы этого даже не заметили, что ли?

– Давайте поговорим об этом потом, а?

– Ты что, вдруг струсил?

– Эй, Бернард здесь умер. Прямо вот здесь, понимаешь? Я хочу отсюда уйти, мне здесь не по себе.

– Я понимаю, что это жутковато, но не страшнее, чем оказаться в какой-нибудь больнице, – сказал он. – В больницах все время кто-нибудь умирает.

– Ненавижу больницы.

– Господи, – прошептал Дональд, как будто зачарованный. – Какое ужасное место.

– Давай уже поскорее, – пробормотал я.

Рик демонстративно кинул сумку на раскладушку, расстегнул ее и вывалил содержимое на постель. В основном там была грязная одежда, мятая и поношенная. Большую часть вещей я в разное время видел на Бернарде. Я старался смотреть только на содержимое сумки, но заметил,

что Дональд с тревогой уставился на стропила. На глазах у него выступили слезы, и я притворился, что не заметил этого.

– Эй, Алан, глянь, – окликнул Рик, склонившись над вещами.

Мои ноги как будто налились свинцом, но я заставил себя подойти к нему. Рик продемонстрировал старую фотографию с моей свадьбы. Я, Рик, Дональд и Бернард во время вечеринки, с улыбками во всю физиономию и бокалами и пивными бутылками в руках. Мы были такими молодыми.

– Я помню, как мы позировали для нее, – сказал я.

– Я тоже. – Рик продолжил копаться в грудке вещей.

Фотография задрожала, и я понял, что у меня снова трясутся руки.

– Я помню то мгновение, то самое мгновение...

– У него их тут целая куча. – Рик передал мне небольшую стопку и продолжил поиски.

Я принялся перебирать фотографии. Всего шесть, четыре с моей свадьбы, на одной был Томми, сфотографированный в старшей школе, карточка в размер бумажника. На шестой была незнакомая мне женщина. Я передал первые пять Дональду.

– Кто это?

Рик поднял голову и пожал плечами.

– Понятия не имею. Какая-то его девица, наверное. Может, родственница?

Что-то в изображении подсказывало мне, что это не родственница. Среднего роста, с густыми рыжими волосами до плеч и темными глазами. Раскрепощенность позы и выражения лица намекала, что женщина могла значить куда больше для автора фотографии. На ее губах играла то ли улыбка, то ли усмешка, как будто перед тем, как нажать на спуск, человек по ту сторону камеры рассказал шутку, понятную только им двоим. Что-то в этой женщине казалось невыразимо соблазнительным. Ее улыбка была не просто дружеской, глаза смотрели с намеком, но в то же время загадочно. На фотографии она была видна только выше пояса, в завязанной под грудью рубашке с глубоким вырезом. Фоном служила какая-то небольшая кухня, женщина опиралась о столешницу. Незнакомая обстановка. Я показал фотографию Дональду.

– Ты ее знаешь?

Он взял фотографию и рассматривал ее несколько секунд, потом отрицательно покачал головой.

Рик отыскал среди одежды старый кассетный плеер и пачку кассет.

– Кто-нибудь это возьмет?

– Это уже *слишком* мрачно, – со вздохом сказал Дональд.

– Да уж. Рик, пожалуйста, давай уже уедем отсюда. Я чувствую себя стервятником, обшаривающим труп в поисках последних клочков плоти.

Рик отложил кассеты и начал засовывать остальные вещи в сумку, и тут из прочего хлама выпал небольшой предмет. Мы все проследили за тем, как он – блокнот-ежедневник в потертом нейлоновом чехле – бесшумно прокатился по матрасу и замер. Рик взял его в руки и тут же обнаружил, что чехол застегнут на молнию – стоило ее расстегнуть, и из-под обложки выпало несколько бумаг и мелочей.

– Надо же, забито под завязку.

– Наверное, какие-то бумаги с работы, – предположил я.

Рик улыбнулся, что показалось мне непристойным в этой комнате. Но я тут же понял, что его внимание привлекла выпавшая из ежедневника коллекционная карточка в пластиковом чехле. Он подобрал ее и какое-то время разглядывал, потом объявил:

– Дебютка^[1] Бобби Орра^[2]. Странно, что этот засранец Сэмми не прибрал ее и не продал. Должно быть, проглядел.

Рик затолкал бумаги обратно в ежедневник и застегнул чехол, но его взгляд оставался прикованным к карточке. Впервые в его глазах появилось что-то необычное.

– Слушайте, вы не против, если я возьму ее себе?

Прежде чем я успел ответить, Дональд положил руку Рiku на плечо и сказал:

– Уверен, что Бернард был бы этому рад.

Рик кивнул, не переставая улыбаться.

– Определенно, – согласился я. – И давайте уже поедем, а?

Рик сунул карточку в карман, Дональд взял фотографии. Только тогда я сообразил, что у меня ничего нет, схватил ежедневник, сунул его под мышку и пояснил, что потом гляну повнимательнее, что там есть.

В каком-то смысле, уходя из подвала, мы впервые прощались с Бернардом. Ни у кого из нас до сих пор не было возможности сделать это лично, и мы молча замерли у лестницы, окидывая взглядом все, даже балку, на которой он висел. До нас дошла окончательность произошедшего, и впервые возникло ощущение, что все кончено, как будто Бернард по-настоящему умер только теперь, и пришло время тихо оплакать и обдумать его смерть, обратиться к добрым воспоминаниям и попрощаться.

Мы примирились с этим ужасным тесным подвальчиком, каждый по-своему, и поднялись наверх. Но тьма, которая так часто предстает живым существом, пошла следом.

Она с нами еще не закончила.

Глава 3

Обратно в Поттерс-Коув мы ехали почти в полном молчании, что, наверное, было к лучшему. Дождь все лил с темных небес, и мы вместе погрузились каждый в свои мысли. Я думал, не заговорить ли о том, что Бернард врал о своей службе в морской пехоте, но в тот момент это ничего бы не дало, так что я отодвинул от себя и кошмар, и сомнения и обратился к более приятным воспоминаниям.

Не успел я опомниться, как мы снова оказались на парковке у кафе.

Рик припарковал автомобиль, но оставил включенными двигатель и дворники.

– Мне надо добраться до дома и немного поспать.

– Мне тоже, – негромко сказал Дональд.

Я верил Рику, но знал, что Дональд сначала зайдет в бар или какой-нибудь магазин и проведет какое-то время с бутылкой. Скажи он об этом прямо, я бы к нему присоединился, но, так как он промолчал, я сунул ежедневник Бернарда под куртку и приготовился к броску до собственной машины.

– Я вам позвоню, – рассеянно сказал я.

– Как думаете, почему он жил в подвале?

Рик бросил взгляд на меня и тут же отвернулся. Я посмотрел на Дональда поверх спинки сиденья.

– Ты о чем?

– Почему он не жил наверху? – Дональд уставился на меня так, будто я знал ответ и отказывался ему объяснить. – С чего запирать собственного двоюродного брата в этом ужасном закутке, если можно выделить ему какой-нибудь диван?

– Не знаю, – сказал я. – Может, так было проще...

– Почему? Зачем так поступать?

– Дональд, я без понятия.

– Мне этот парень совсем не понравился, – объявил Рик.

– Тебе никто не нравится, – напомнил я.

Он помотал головой, и серьга затанцевала как живая.

– Не, есть в нем что-то такое, неправильное. Как будто Бернард его напугал.

– Ну блин, найти удушенника в собственном подвале довольно страшно, – заметил я.

– Я не об этом. Как будто его пугало то, что Бернард поселился с ними, так что он затолкал его в подвал, с глаз долой.

– С чего ему бояться Бернарда? Бернарда никто не боялся.

– А что с этими морпехами? – неожиданно спросил Дональд. – Зачем Бернард про них выдумал? Что толку? Я никак не могу понять.

Не мог и я, но был уверен, что здесь и сейчас нам не удастся решить эту загадку. Я потер глаза, чувствуя нараставшую за ними головную боль.

– Слушайте, нам всем надо передохнуть.

– Да, я не спал с прошлого вечера, а мне сегодня еще на работу, – вздохнув, согласился Рик. – Давайте встретимся через пару дней, вместе пообедаем, например.

– Отлично. – Я оглянулся на заднее сиденье. – Дональд, у тебя все будет в порядке?

Его глаза потемнели, и я не смог определить, то ли это я нечаянно коснулся больной темы, то ли он хотел мне что-то рассказать, но отчего-то не мог.

– Разумеется.

– Веди осторожно, – сказал Рик. – Погода отвратная.

– Ладно, увидимся. – Я открыл дверцу автомобиля и выскочил наружу.

* * *

Поттерс-Коув, прибрежный поселок к югу от Бостона, когда-то был процветающим фабричным городом, но, как и от прочих его прославленных достижений, от бывшего изобилия остались лишь смутные воспоминания.

Главная улица могла похвастаться рядом кафе и частных магазинчиков и множеством пустых витрин. В северной части города торчало несколько громадных строений с заколоченными окнами – памятник времени, о котором ясно помнили только старики. Более пятисот жителей работало на изготовителя одежды и громадную сеть универмагов, но в основном Поттерс-Коув состоял из рабочих, вынужденных искать занятие на стороне.

Я проехал через весь город, свернул на главную дорогу и припарковался позади местной пиццерии. Выбрался из машины и какое-то время в задумчивости смотрел на железнодорожные пути и воду за ними, здесь океан подходил особенно близко. Две утки скользили по поверхности, не обращая внимания на дождь, и меня внезапно посетили воспоминания о матери. До ее смерти несколько лет назад мы часто стояли на этом самом

месте, кормили уток и тихо разговаривали обо всем, что приходило на ум.

Зимой я часто думал о ней.

Поднявшись по ветхой лестнице позади здания, я проскользнул в квартиру. В двухэтажном здании были как жилые, так и нежилые помещения. Половину первого этажа занимала самая популярная пиццерия в городе, другая половина уже больше трех лет пустовала. Наша квартира занимала весь второй этаж, и поскольку тут было безопасно и достаточно уютно, мы прожили на одном месте десять с лишним лет. Предполагалось, что это будет наша первая квартира. Но прошло двенадцать лет, а мы так и не переехали во вторую. Покупка собственного дома так и останется неосуществимой мечтой, если только деньги внезапно не свалятся на нас с неба.

В квартире было темно, в гостиной, на тумбочке возле дивана, горела единственная настольная лампа. Я положил ежедневник Бернарда на кофейный столик, отряхнул куртку от капель дождя, повесил ее в шкаф и пошел искать Тони.

Она стояла у раковины в кухне, уставившись в окно на площадку пожарной лестницы. Я не знал, догадалась ли она о моем присутствии, и прошел вперед; подо мной скрипнул пол. Проникавшие через окно редкие лучики солнца боролись с тенями, разрисовывая ее профиль полосками света и тьмы. Тони по-прежнему не оборачивалась, но по выражению ее лица я понял, что она знает о моем возвращении. Медленно моргая, она смотрела на выставленные в ряд на пожарной площадке глиняные горшки.

– Через несколько недель наступит весна, – сказала Тони, вытирая руки посудным полотенцем.

– Уже прямо не терпится.

– Мне тоже. – Она повесила полотенце на кран над раковиной. – Я хочу в этом году посадить какую-нибудь зелень. Может, петрушку. Не помню даже, когда у меня в последний раз был двор... настоящий сад, но...

Она умолкла, не договорив. Я подошел к буфету, схватил кружку и налил себе остатки из кофейника.

– Невероятно, ты решила наезжать на меня сегодня? Я делаю что могу, Тони.

Она наконец отвернулась от окна и встала, облокотившись о раковину.

– Я не наезжаю. – Внезапно она стала сама невинность с честными глазами. – Не поверишь, но я вовсе не пытаюсь унижить тебя при каждом удобном случае.

Я отпил кофе. Едва теплые помои.

– Я, наверное, пойду в душ.

– Завтракать будешь? – спросила она. – Мне надо сбегать в магазин, но у нас еще есть яйца.

Я взглянул на часы. Было только одиннадцать с минутами, но казалось, что уже намного больше.

– Нет, я не голоден. Просто хочу ополоснуться, сесть и спокойно разобрать вещи Бернарда, которые привез с собой.

– Все в порядке?

– У нас возникли кое-какие вопросы, но, подозреваю, так всегда выходит, когда кто-нибудь совершает самоубийство.

Я протянул руку мимо нее, вылил кофе в раковину и поставил кружку на кухонную стойку. От Тони смутно пахло кокосом и еще чем-то неопределенно мыльным.

– Тебя это не удивило, ведь так?

Она догадалась, что мои слова были скорее утверждением, чем вопросом, но все равно ответила едва заметным кивком.

– Мне жаль, что он так поступил, – негромко произнесла она, – но меня это не удивило.

– Почему?

– Жизнь может быть суровой. Не всем она под силу.

– Бернард тебе никогда особенно не нравился.

– Я не очень хорошо его знала.

Я взглянул в ее глаза.

– Ты совсем не умеешь врать.

Тони оторвалась от кухонной стойки и подошла к столу.

– Давай не будем сейчас устраивать разборки, а?

– Ты тоже знала его много лет.

– И мне жаль, что он умер, Алан. – Она подхватила сумочку с одного из кухонных стульев, закинула ремешок на плечо и повернулась ко мне. – Но ты спросил, удивилась ли я. Нет, не удивилась. Бернард был странным. Он жил с матерью до самой ее смерти, так и не нашел девушки. Я вообще не слышала о каких-то его отношениях с женщиной – или мужчиной, или с чем угодно, если уж на то пошло. Он продавал машины, как будто даже не осознавая, что является живой карикатурой на продавца подержанных автомобилей. Да, Бернард умел быть милым и всегда вел себя со мной вежливо, но мы оба знаем, что он вольно обращался с правдой и бывал уклончив. В нем всегда проглядывало что-то неприятное, Алан.

Она была права, и я не мог придумать для него никаких оправданий.

– Кроме того, он всегда казался очень грустным, – продолжала она. – Его глаза всегда оставались печальными, это было видно, если взглянуть.

– Ну правильно, – сказал я, уставившись на нее. – А я ничего не заметил.

Ко мне снова подкрался кошмар, и я почувствовал, что пасую перед его решительностью. Мне всегда снились кошмары, даже во взрослом возрасте, но никогда сон не цеплялся за мое сознание даже после пробуждения. У меня снова затряслись руки, и на секунду я испугался, что упаду. Как можно незаметнее вцепился в кухонный стол и навалился на него всем весом. Тони замерла, разглядывая меня огромными карими глазами. Естественные изгибы ее фигуры скрывались под мешковатым спортивным костюмом.

– Ты готов спорить с каждым моим словом. – Она придвинулась и быстро поцеловала меня в щеку. – Прими горячий душ и отдохни. Я скоро вернусь, хорошо?

И исчезла прежде, чем я смог возразить, предложить пойти с ней или закричать, прося о помощи.

* * *

Перед встречей с Риком и Дональдом я ополоснул лицо, натянул джинсы и свитер, но не принял душ, так что теперь потоки горячей воды были особенно приятны. Окутанный клубами пара, я откинул голову и позволил воде стекать по лицу и плечам, наслаждаясь покоем и тишиной.

Длились они недолго.

Кошмар вернулся, пытаюсь захватить мое сознание, и теперь, подчинившись гипнотическому теплу и ритму текущей воды, я не стал сопротивляться.

Эти часы сводят меня с ума. Знаете, такие вычурные, настольные, с рисунком земных полушарий. Они стоят футах в десяти от постели, но в небольшом помещении их тиканье перебивает все, даже шум проезжающих под окном автомобилей и случайные звуки, доносящиеся до спальни. От угнездившейся где-то позади глаз головной боли меня подташнивает. А от этого треклятого тиканья становится только хуже, как будто часы отсчитывают удары, пронизывающие мои виски. Я провожу рукой по лбу, смотрю на низкий потолок прямо над собой и замечаю краем глаза его. По-покойнически сложив руки на груди, я глубоко вздыхаю и закрываю глаза. Отчего-то проще вернуться в темноту. Я слышу, как поскрипывает пол по мере того, как он подходит ближе; задерживается, едва переступив порог. Я чувствую, что теперь он

смотрит на меня, ждет, когда я обращу на него внимание. У меня ужасно пересохло во рту. Если я сяду, головная боль только усилится, но я все равно быстрым движением скидываю ноги с постели и сажусь на краю. Потирая виски, смотрю на него и отвожжу взгляд. Он просто стоит и грустно смотрит на меня. Он выглядит... не то чтобы больным, а... непохожим на себя. Бледным. Он выглядит бледным и осунувшимся, как будто очень долго не спал. Наконец, я спрашиваю, что он здесь делает. На его лице появляется самая грустная улыбка, какую мне приходилось видеть, и он говорит, что пришел попрощаться, что ему дали несколько минут, чтобы попрощаться. Это всего лишь Бернард, но отчего мне так страшно? Оттого что он умер, или из-за ощущения, что он пришел не один? Я откашливаюсь, протягиваю руку к чашке с водой на прикроватной тумбочке и быстро отпиваю. Киваю Бернарду и говорю: как жаль, что так получилось. Я пытаюсь объяснить, как мне на самом деле жаль, но он снова улыбается – так грустно! – и поднимает руку, как будто... будто хочет сказать – не надо объясняться.

Я знаю, что остальные где-то поблизости, и при одной только мысли о них во мне зарождается такой глубинный ужас, какого мне никогда прежде не приходилось испытывать. Физически ощутимый, душащий страх, на котором мне не хочется задерживать внимание, потому что я знаю: он глубже, сильнее и смертоноснее меня самого. Как чудовище в коробке. Если его выпустить, все кончено. Я продолжаю говорить, лопочу в надежде, что, может быть, сумею словами затопить собственный страх. И снова Бернард поднимает руку, и я умолкаю. Я замечаю, что у него грязные руки, ногти слишком отросли, под ними набилась земля. Он говорит, что пришел попрощаться, что ему пора уходить. Потом вроде как вздыхает и облокачивается о дверную раму, как будто может упасть без поддержки. А я просто стою возле кровати и смотрю на него, не зная, что и думать. А потом... приходят они. Тихо проникают в комнату из-за его спины. У меня потеют ладони, а сердце бьется так, что я слышу, как оно стучит о грудную клетку. Это моя спальня, и я не хочу, чтобы они здесь находились, я их не знаю, они выглядят совершенно незнакомыми. Их четверо, трое мужчин и женщина, и они все заходят, как будто им тут самое место.

Бернард говорит, что все в порядке, но мне так страшно. Они, эти... люди меня пугают. Потому что я знаю, что они такое. Они не произносят ни слова, просто стоят и смотрят на меня черными глазами, и Бернард ничего не объясняет, но я знаю, знаю, что они такое и зачем они здесь. Бернард улыбается снова, но на этот раз его губы трескаются и

рассыпаются, как засохшая глина, и изо рта вытекает отвратительная нитка крови, слюны и грязи, а глаза становятся такими же холодными, как у остальных. Я слышу крик, но он тут же задушенно стихает, и я не успеваю сообразить, что кричу я сам...

Я выключил душ и встал, склонив голову, упершись руками в кафель, прислушиваясь, как давится, глотая воду, сток. Мое сердце отчаянно билось, но я чувствовал, что если лягу, то просплю несколько дней подряд. Когда вода и мыльная пена просочились в водосток, я открыл глаза и отдернул занавеску. Зеркало запотело, вся ванная заполнилась паром. По единственному окну стучал дождь, сотрясая раму.

Зеркало на двери сквозь пар продемонстрировало мое отражение в полный рост. Волосы, кажется, редеют с каждым днем. Следовало бы побриться, но мне нравится вид щетины. Она подчеркивает линию подбородка и голубизну моих глаз. Я рассматривал себя среди подымавшихся к потолку завитков пара и думал: вот так вот подбирается к нам возраст. Подкрадывается, постепенно и едва заметно, как умелый соблазнитель, и мы оказываемся в его объятиях, не успев еще ничего сообразить. Мне нет сорока – еще три года до сорокалетия, но частенько кажется, что я уже куда старше.

Откуда-то из глубины отражения на меня глянул человек из прошлого, который никогда не поверил бы, что станет таким усталым, таким изнуренным. По крайней мере, не в тридцать семь. И иногда мне казалось, что это незнакомец, совершенно чужой и чуждый персонаж в чьей-то еще истории. Человек, которого я едва могу узнать.

Постепенно обсыхая, я стоял перед зеркалом, пока его поверхность не запотела окончательно. После этого вышел из душа и взял с раковины полотенце. Головная боль улеглась, но мышцы гудели. Я вытерся и перебросил полотенце через плечо, открыл дверь и вышел в прохладную спальню. Рухнув на постель, я потянулся и поудобнее устроился на подушке. Глаза закрывались. Кошмар отступил, и вскоре меня поглотила тьма.

Я распахнул глаза. Болела спина, желудок вовсю ворчал. Неужели я успел уснуть? А раз так, значит, меня разбудило что-то не совсем обычное. Какое-то время я лежал, прислушиваясь, уставившись на вылинявший потолок и множество пересекающих штукатурку тончайших трещинок.

Судя по звукам, погода все ухудшалась. Бесновавшийся снаружи ветер сотрясал оконные рамы. Я немедленно перевел взгляд на источник шума, и, хотя причина его стала очевидна, меня это не успокоило.

Из гостиной в спальню проник другой звук, и я уже не был так уверен,

что на этот раз виноват ветер. Я лежал совершенно неподвижно и напряженно вслушивался, но мог уловить только шум дождя и ветра.

– Эй?

Заперла ли Тони дверь, когда выходила? Она никогда прежде об этом не забывала, с чего бы на этот раз было по-другому? И все же что-то было не в порядке. Мне казалось, что я *не один*. Я медленно сел в постели, соскользнул к ногам кровати и позвал:

– Тони? Тони, это ты?

Потом несколько секунд просидел в тишине. Хотя из гостиной больше не доносилось ни звука, время отдыха определенно подошло к концу. Я встал с постели, взял полотенце, которое принес из ванной, и обернул его вокруг талии. Дверь спальни была слегка приоткрыта, за ней виднелась небольшая часть гостиной. Только сделав первый осторожный шаг по ковру, я понял, что меня беспокоит.

Из-за непогоды в квартире было куда темнее, чем обычно, и Тони оставила свет в гостиной и на кухне. И я не помнил, чтобы выключал его, прежде чем пойти в душ.

– Эй? – Меня пробрала ощутимая дрожь.

А потом зазвонил телефон.

Я подскочил от неожиданности, отшатнулся обратно к кровати и принялся шарить по столу – успел подхватить трубку и прижать ее к уху до того, как прозвучал второй звонок.

– Алан, – всхлипнул голос на другом конце. – Алан, я...

– Дональд?

– Алан, я...

– В чем дело? – Я уставился на дверь. – Где ты?

– Дома, – ответил он срывающимся голосом. – Извини, я выпил.

– Все нормально. Слушай, давай я перезвоню через...

– Я хотел тебе сказать сегодня, хотел, но...

– Слушай...

– Я не смог, просто... Алан, мне снятся кошмары.

Я кивнул в трубку.

– Все образуется. Я...

– Тебе он тоже приснился, да?

Что-то в его голосе заставило меня переключить внимание с темной гостиной на его слова.

– Он?

– Кошмар, который все не забывается, никак не оставляет в покое.

Я услышал, как он плачет, не скрываясь, и догадался, что он не только

пьян, но и смертельно напуган.

– Ну, мне приснился кошмар, и что с того?

– Бернард приходил попрощаться? И с ним были эти... *существа*?

Я изо всех сил вцепился в трубку. У меня так сильно задрожали колени, что я боялся упасть.

– Как... Откуда ты знаешь?

– Алан, мне так страшно. Господи, мне так ужасно страшно.

– *Откуда* ты знаешь?

– Они ничего не говорили, но я знал – *знаю*, как и ты, – что случилось.

Они забрали его в ад. Происходит что-то непонятное. Почему они забрали его в ад, Алан? Почему они забрали Бернарда в...

– Да ответишь ты наконец? Откуда ты знаешь!

Дональд начал давиться и закашлялся.

– Потому что между нашими кошмарами было одно различие, – шепотом ответил он. – Мне Бернард сказал, что сначала побывал у тебя.

* * *

Я несся по городским улицам, не обращая внимания на нависшие над головой черные тучи, на дождь и тьму, более подходящую для середины ночи. Мои мысли путались, ладони взмокли от пота, я чувствовал необычную отстраненность, как будто беспомощно наблюдал за окружающей меня действительностью, а не был ее деятельной частью.

От нашей квартиры было меньше двух миль до дома Дональда в небольшом поселке, состоявшем по большей части из дачных коттеджей, гнездившихся среди густого леса на утесе, над самым большим пляжем города. Я свернул на грунтовую дорогу и поехал через лес. Летом эта часть Поттерс-Коув кишела туристами и дачниками, все дома были заняты, дворы завалены садовой мебелью и жаровнями, люди всех возрастов спускались по дороге к пляжу, и из всех магнитофонов и автомобилей гремела музыка. Но до начала сезона оставалась еще пара месяцев, постоянно здесь жило всего несколько человек, и большая часть домов стояла заброшенной и заколоченной. Этаким город-призрак, оживавший только раз в год. Сейчас он казался самым подходящим местом для обращения к прошлому и изгнания засевших там демонов.

Я припарковал машину перед домом Дональда. Его старенький «фольксваген» стоял на узком боковом въезде. Из-за жидких занавесок на окнах сочился бледный свет.

Входная дверь была открыта, так что я торопливо постучал и вошел, сразу оказавшись в гостиной. Скрамная комната пребывала в некотором беспорядке. До этого мгновения я не задумывался о том, как давно не бывал у Дональда дома. Повсюду валялись журналы и книги в бумажных переплетах, переполненные пепельницы; смятые сигаретные пачки и пустые бутылки занимали практически все место на кофейном и журнальном столиках. В небольшой кухне в задней части дома царила чистота – за исключением холодильника, ею явно редко пользовались. В доме были еще только ванная комната и спальня, обе пустые и темные.

В углу гостиной работал телевизор с выключенным звуком, что объясняло бледное свечение, а в кресле в противоположном конце комнаты развалился в пьяном беспмятстве Дональд: на одном колене ненадежно балансирует пепельница, на полу, рядом с безвольно повисшей рукой, валяется пустая бутылка из-под водки. В другой руке он по-прежнему сжимал телефонную трубку, которая успела переключиться с гудка на неприятное жужжание. Я забрал ее и положил на место. У Дональда слегка дрогнули веки, и тут я заметил, что сигарета, которую он, по всей видимости, закурил, прежде чем отключиться, все еще дымилась на краю пепельницы и успела прогореть почти до середины фильтра. Я со вздохом загасил ее.

– О господи, однажды ты спалишь эту халупу и себя вместе с ней.

Он открыл глаза и с трудом поднял голову.

– Алан.

– Ты в порядке?

– Не знаю, – выдавил он, медленно шевеля пересохшими, растрескавшимися губами. – А ты?

Я присел на корточки рядом с креслом.

– Как нам мог присниться один и тот же сон?

Несколько секунд он бессмысленно ворочал глазами, затем несколько раз сморгнул и как будто немного собрался с мыслями.

– Я никогда не верил в загробную жизнь, сам знаешь. Никогда ни во что такое не верил. Ты верил, а я не верил, вот только... все это, я не знаю, я не понимаю, что происходит. – Дональд попытался сесть и едва не отключился. Он вряд ли долго мог оставаться в сознании. Его нижняя губа дрожала. – Я не знаю даже, почему, но... мне страшно.

– Мне тоже. – Заметив загнутое выражение его налитых кровью глаз, я предположил, что в моем собственном взгляде могло прятаться такое же выражение. – Все образуется. Всему есть разумное объяснение, нам просто нужно его найти.

– Тебе не обязательно было приезжать, я... Зря я тебе стал вот так звонить, ты... Ты извини, я...

– Успокойся, все нормально. – По прошлым запоям Дональда я знал, что он только смутно запомнит то, что сейчас происходит.

Он попытался улыбнуться, но алкоголь и утомление одолели его, и он внезапно осел, погружившись в глубокий сон.

Я взял со спинки дивана старый плед и осторожно накрыл им Дональда, потом подошел к телефону и позвонил домой. Тони ответила после второго гудка.

– Это я.

– Ты где?

– Мне пришлось ненадолго заскочить к Дональду.

– Все нормально?

– Он немного перебрал с выпивкой, я только хотел убедиться, что с ним все в порядке.

– Это что-то новенькое. – Когда я не ответил, он сказала: – Я думала, ты будешь дома, когда я вернусь из магазина.

– Я тоже так думал. – Я отвлекся на мелькавшие на экране кадры старого черно-белого фильма. – Я буду дома через несколько минут, хорошо? Я уже выезжаю.

Я наскоро прибрался в гостиной и унес пепельницы в кухню. Вытряхивая в мусорное ведро окурки, я заметил разбросанные по кухонной стойке фотографии, которые Рик нашел в сумке Бернарда. Судя по всему, Дональд несколько раз лихорадочно их перетасовывал. Фотография неизвестной нам женщины лежала сверху. Я сунул ее в карман куртки, не знаю зачем, и вернулся в гостиную.

Дональд находился в полной отключке, но дышал ровно. Даже погружившись в навеванный алкоголем сон, он сохранял на лице выражение душевной муки, которое никогда не покидало его до конца. Но сейчас Дональд казался как никогда умиротворенным.

Убедившись, что с ним все будет в порядке, я пошел к дверям.

* * *

Квартиру заполнял аромат жареной курицы, который напомнил мне о том, что я не ел со вчерашнего дня, и из-за этого, а также из-за недосыпа и сегодняшних событий я находился не в самом дружелюбном расположении духа.

Пока Тони готовила салат к ужину, я устроился за кухонным столом и в меру своих способностей объяснил ей ситуацию. Нам с Дональдом каким-то образом привиделся один и тот же кошмар, и даже до того, как мы это поняли, он донимал нас во сне и наяву. Она терпеливо слушала, не перебивая, пока я не договорил. Казалось, она потратила целую вечность на то, чтобы разрезать огурец и уложить его поверх салатных листьев. Работая, она прикусывала нижнюю губу, и это, как я знал, означало, что ответ-то у нее был, но она хотела тщательно обдумать его, прежде чем заговорить. Наконец Тони взглянула на меня, сведя брови.

– Алан, помнишь, после того как умер папа, он мне приснился? Через несколько дней я говорила с мамой, и оказалось, что ей он тоже снился.

– Тут совсем другое, – настаивал я. – Вам обоим приснился сон. Но не *один и тот же*.

– Любовь моя, вы с Дональдом тоже видели разные сны.

– Говорю тебе...

– Послушай, – сказала она, – мне приснилось, что папа пришел, поговорил со мной, сказал, что все будет в порядке. Мама видела примерно то же: папа пришел, они поговорили, он заверил, что у него все хорошо и что все будет в порядке. С тобой и Дональдом то же самое. Вы оба дружили с Бернардом, вам обоим приснилось, что он к вам пришел. Это довольно обычное явление. Людям постоянно снятся покойные близкие, особенно сразу после их смерти.

– Это не то же самое, это...

– Ты спрашивал об этом Рика?

– Нет, именно об этом не спрашивал, но сомневаюсь...

– Может быть, в таких снах, включая твой, нас и правда навещают умершие. Может, мой отец и правда явился мне во сне? Мне хотелось бы думать, что это утешение. Я верю в жизнь после смерти, а если так, то с чего бы считать посещение во сне чем-то невероятным? Оно вполне вероятно. – Она улыбнулась. – Может быть, Бернард мог попрощаться только так?

– Хорошо. Тогда почему нам не мог присниться один и тот же сон?

– По сути, так и случилось.

– Не *по сути*.

Тони улыбнулась.

– Для начала, словам Дональда едва ли можно доверять из-за его состояния. Когда человек вот так пьет, нельзя понять...

– Тут же не в том дело, что я рассказал ему о своем сне, а он по пьяни вообразил, будто ему приснился точно такой же. Я даже не упоминал о

своем. Дональд первым принялся рассказывать *мне* о собственном кошмаре. И еще до того, как я что-то сказал, он знал, что мне приснилось то же самое.

– Ну хорошо, как Дональд описал свой кошмар? Что именно он сказал?

Я уставился на нее, уже догадываясь, куда вели все эти вопросы, и внезапно усомнился в собственной уверенности.

– Он упомянул несколько деталей, которые показались мне точным повторением того, что приснилось мне, – сказал я, – но я не расспрашивал его обо всех подробностях.

– Ну вот видишь. – Она развела руками, затем позволила им упасть, хлопнув ладонями по бедрам. – Вам обоим приснилось, что вас навестил Бернард. Что он был не один. В обоих случаях он пришел, чтобы попрощаться, и сказал Дональду, что уже побывал у тебя. Так? Или я упустила что-то из твоего описания?

– Нет, – со вздохом признал я, – все точно.

– Как бывает со многими, вам приснились похожие сны. *Похожие*, Алан, а не одинаковые. И я не сомневаюсь, что это само по себе может беспокоить, но в таких снах нет ничего необычного. – Она вернулась к стойке и салату. – Кроме того, когда вы его обсуждали, Дональд уже напился в стельку. К тому же ты устал, не успел выспаться и поесть, вы оба все еще пытаетесь справиться с потрясением, напряжением и душевным смятением из-за смерти близкого вам человека, и получается обстановка, в которой ты перестаешь понимать, что реально – или, по крайней мере, достоверно, – а что нет.

– Ты... да, наверное, ты права. Просто... – Я помотал головой, одновременно в замешательстве и в надежде немного прочистить мозги. – У нас обоих возникли дурные предчувствия. Этот сон не был особенно приятным или успокаивающим. Это был кошмар.

– Ну, если тебе снится, что умер твой лучший друг, конечно же, это будет кошмар.

– Я не об этом. – Сам того не осознавая, я начал нервно потирать руки. У меня снова вспотели ладони. – В этом сне был мрак, ощущение, будто... Я понимаю, что это звучит глупо, но в нем было ощущение *зла*. Как будто Бернарда забрали в ад.

Тони накрыла салат полиэтиленовой пленкой и поставила его в холодильник.

– Любовь моя, Бернард покончил с собой – разумеется, вас это потрясло. И, хуже того, он даже не оставил записки, которая хоть как-то

объяснила бы, почему он так поступил. Это чудовищное, невыносимое и болезненное событие. – Она посмотрела на меня с сочувствием. – Ты наверняка считаешь себя в чем-то виноватым – это неправильно, но неизбежно, и в тебе одновременно кипят недоумение, гнев и бог знает какие еще чувства. Случилось нечто действительно мрачное и травмирующее, и ты пытаешься как-то разобраться, понять, что произошло. Только и всего, Алан. И этого вполне достаточно.

У меня на губах появилось что-то вроде улыбки.

– Неплохо.

– Невозможно десять лет проработать помощником мозгоправа и кое-чего не хвататься. – Она ухмыльнулась, но улыбка почти тут же пропала. – У Джина очень много случаев в практике связаны именно со смертью.

Тони работала секретарем у частного психиатра в городе и успела многое узнать о человеческой природе. Я ненавидел свою работу, но Тони нашла дело, которое приносило ей настоящее удовольствие, она ладила со своим начальником и пользовалась его уважением. Если кому и следовало продолжить обучение после школы, так это ей. Она всегда интересовалась психологией, но, хотя я много лет предлагал ей пойти на какие-нибудь курсы, она так и не собралась. Все появлявшиеся у нас свободные деньги отправлялись прямо в «фонд дома», накопительный счет, который Тони создала сразу после нашего медового месяца. Сумма на этом счету росла так медленно, что мы неизменно оставались в четырех столетиях от покупки собственного дома, но Тони отказывалась сдаваться. Это во многом напоминало мне наш брак и то, почему она по-прежнему оставалась со мной, несмотря на все наши недостатки.

Разумеется, сначала меня привлекла ее красота. Хотя мы были ровесниками, Тони выглядела значительно моложе меня и сохранила не только фигуру, но и порядочную часть своей подростковой живости. Но наш брак держался на плаву благодаря искреннему взаимопониманию, а не только ее физическим качествам. Я отлично понимал, что не сумел стать кормильцем, как она ожидала, что застрял на низкооплачиваемой работе, куда устроился практически сразу после школы, и что спустя двенадцать лет брака мне вряд ли удастся найти другое занятие. Тони осознала этот факт и смирилась с ним куда раньше меня и, подведя, так сказать, итог, решила остаться со мной.

Мы никогда не говорили об этом, но оба в какой-то мере разочаровались друг в друге, в однообразной рутине, в которую превратилась наша жизнь, в автоматических действиях, совершаемых день

ото дня. Но были в нашем существовании и удобство, безопасность и доверие, а это тоже кое-чего стоит. Привычка и постоянство пришли на смену страсти, ослабевшей через несколько лет после свадьбы, и из задыхающихся любовников мы превратились в надежных партнеров, друзей, верных и постоянных соседей по квартире, которые время от времени, как будто по глупости, занимались любовью.

– Не все могут смириться со смертью, – услышал я слова Тони. – Большинство не может. Но она касается нас всех.

Все, разумеется, правда, но я начинал думать, что у смерти были любимчики. За тридцать семь лет смерть не просто посещала меня с завидной регулярностью, она находилась рядом с самого начала, как будто с нетерпением поджидая начала кровопролития. Мой отец, каменщик, погиб в результате несчастного случая на стройке всего через несколько недель после моего рождения. В старшей школе Томми насмерть сбил невнимательный водитель. Родители Тони умерли от сердечного приступа, не дожив до шестидесяти, сначала отец, а всего год спустя – мать. Моя мать пережила несколько инсультов и вскоре умерла у меня на руках. А теперь и Бернارد взял смерть под руку и переступил грань. Все это казалось таким бесцельным, таким *бессмысленным*, как сказал Дональд, но мне хотелось верить, что у этого хаоса была какая-то убедительная причина, какой-то *план*.

– Слушай, до обеда еще есть немного времени, – сказала Тони. – Может, тебе прилечь и немного отдохнуть?

Я встал, обхватил ее за талию и притянул к себе. Тони положила руки мне на плечи и улыбнулась, но я чувствовал, как напрягается ее тело. Я с радостью согласился бы с ее объяснением – что я переутомился и мой рассудок, возможно, был не совсем ясен, – но все еще не мог избавиться от страха.

– Просто у меня от всего этого неприятное чувство.

– Ты, скорее всего, беспокоишься за Дональда, – сказала она, поглаживая мою шею теплыми пальцами.

– Да, и это тоже. – Я обнял ее крепче. – Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. – Еще раз быстро поцеловав меня, Тони отстранилась и с шуточно-строгим видом велела: – А теперь иди отдохни.

* * *

На этот раз обошлось без снов. Проспав больше часа, я проснулся на

диване, хотя едва помнил, как на него ложился. После того как Тони разбудила меня, я постепенно выплыл из тьмы, как пловец медленно и плавно поднимается к поверхности мутной воды. Впервые за долгое время я пробудился как бы незаметно, без встряски, которая вырвала бы меня из сна. Все равно просыпаться, не чувствуя тепло прижатого ко мне тела Тони, было непривычно. В первые несколько секунд, еще не вполне сообразив, где нахожусь, я слепо протянул руку, пытаясь ее нащупать, но отыскал лишь пустоту и успел заметить, как Тони вернулась на кухню.

Какое-то время я лежал, вновь закрыв глаза. Тони включила проигрыватель и выбрала компакт-диск, из ближайшей колонки доносились негромкие переливы рояля. Безостановочный вой ветра и удары дождя по окну отвлекли меня от музыки, но внезапно возникший перед внутренним взором образ Бернарда – таращившееся на меня лицо, как будто приклеенное к внутренней стороне век, – заставил меня сесть. Я сделал медленный вдох, выдохнул и энергично протер глаза.

Мы поужинали за кухонным столом. Пустая болтовня изредка прерывалась случайным звяканьем столовых приборов по тарелкам и приглушенным жеванием, а весь остальной мир в это время поливал как будто бесконечный ливень. Еда была превосходной, беседа – несколько сдержанной. Мы оба не хотели продолжать прежний разговор, но, подозреваю, по разным причинам. Тони умела отстраниться от происходящего и, без сомнения, находила в этом облегчение, я же чувствовал себя *слишком* вовлеченным; ко мне, возможно, частично возвратилось здравомыслие, но, несмотря на все утешения и объяснения, я все еще не мог избавиться от страха. Что-то происходило или собиралось вот-вот произойти, – или, может быть, уже произошло, но *что-то* творилось; в этих кошмарах и неколебимом ужасе было нечто большее, чем Тони готова была принять во внимание, а я – осознать. В этом, по крайней мере, я был уверен.

После ужина Тони устроилась на диване с книгой, а я ушел в спальню с ежедневником Бернарда и фотографией, которую забрал из дома Дональда. Я сел на край постели и пролистал ежедневник, пытаясь отыскать среди неразборчивых пометок и записей что-то необычное, выделявшееся среди прочего, но не нашел ничего, что вызывало бы малейшее подозрение. Засунув фотографию внутрь, я застегнул чехол и положил ежедневник на тумбочку.

– Блокнот Бернарда? – Тони стояла в дверях. Она переоделась в шлепанцы-зайчики и атласную пижаму. Лампа на прикроватной тумбочке отбрасывала на нее мягкий желтоватый свет.

– Угу.

Она посмотрела мимо меня, на окно.

– Этот дождь когда-нибудь закончится?

Дождь мне всегда нравился, он казался скорее успокаивающим, чем подавляющим.

– Надеюсь, что нет.

– Ты такой странный. – Она улыбнулась, демонстрируя отличные зубы.

– Да, но ты меня любишь.

Она пожала плечами.

– Да, ты ничего так.

Я рассмеялся и почувствовал себя прекрасно. Как и кошмар, смех действовал разрушающе, но в хорошем смысле. Скука бессодержательного существования внезапно нарушалась смертью, самоубийством, кошмарами – или всего лишь простым искренним смехом. Существование было так легко потрясти, оно было столь поразительно хрупким. Я смотрел на Тони в дверном проеме, такую живую и прекрасную, и гадал, не теряю ли рассудок.

– Иди ко мне.

Ее улыбка пропала.

– Алан, мы оба устали.

Я, как всегда, пал духом и мог лишь надеяться, что выражение лица меня не выдало.

– Рано еще спать.

– Тебе надо отдохнуть.

– Мне надо... – Я умолк.

Уверенным шагом Тони прошла через комнату к противоположной стороне постели и отбросила одеяло.

– Давай немного полежим вместе.

Было приятно свернуться под одеялами, прижавшись друг к другу, соприкасаясь руками, ногами и пальцами рук и ног. Тони приютилась щекой в ложбинке между моим плечом и шеей, ее ровное теплое дыхание касалось моей груди. Пока совсем рядом неистовствовали дождь и ветер, мы лежали в тишине и покое, в безмятежном оке бури. Как любовники.

Пока комната не совсем погрузилась во мрак, в сумраке все еще жили тени, по стенам и потолку скользили призрачные отсветы, извивающиеся привидения выбирались из потайных углов, призывая ночь.

Тони пошевелилась и издала едва слышный мяучащий звук. Я провел рукой по ее спине к плечу, затем коснулся груди. Она немедленно напряглась.

– Алан, прекрати.

Я закрыл глаза и стал гладить ее волосы, отодвигая случайные пряди со лба, призывая воспоминания о ночи, когда умерла моя мать.

Мы лежали в этой же комнате, в этой же самой постели, возможно, в точно такой же позе, пока я не уткнулся лицом ей между грудей, тычась в них, целуя, нуждаясь в этом тепле. Но когда я зажал губами ее сосок, Тони оттолкнула меня.

– Хватит, – прошептала она, как будто кто-то мог услышать. – Боже мой, сейчас?

Она не понимала – и никогда не поняла – что в ту минуту, в то стихийное мгновение мне нужно было почувствовать себя сильным, мужественным, сексуальным и живым. Ей казалось, что заниматься любовью через несколько часов после смерти моей матери было отчего-то неприлично. Для меня это было необходимым выражением неувядающей любви, нашей любви, любви, которая способна выжить, выразить и защитить нас обоих.

С тех пор секс не был прежним. Чаще всего Тони не выражала никакого интереса, предпочитая лежать в обнимку, как будто любое другое действие было безвкусицей и разрушило бы в остальном прекрасное мгновение. А когда мы все-таки занимались любовью, процесс был таким же заученным, как все прочие повседневные действия. Я не мог понять, куда подевалась чувственная женщина, на которой я женился. Она не желала об этом говорить. И я давно перестал спрашивать.

Тони приподнялась, окруженная ангельским сиянием.

– Сделаем что-нибудь завтра утром, хорошо? А сейчас давай просто...

Я притянул ее к себе, уткнулся губами в шею. Когда она откинулась на подушку и закрыла глаза, я понял, что связь между нами оборвалась. Да, может, и не было никогда этой связи. Я поцеловал Тони нежно, без страсти, и почувствовал, как расслабилось ее тело.

– Когда мы стали такими? – спросил я.

Она взглянула на меня с выражением, которое можно назвать только преданным, погладила темные волосы на моей груди и прошептала:

– Спи, любимый.

А когда я уснул, Бернард уже ждал.

Глава 4

Как обычно по воскресеньям, я неожиданно проснулся от пронзительного свистка поезда, проползавшего через задворки города. Всего в десятке ярдов от нашей квартиры рельсы гудели под весом первого на этой неделе мусорного поезда с Кейп-Кода. Он всегда проезжал между семью и восемью часами утра и, следуя параллельно городским улицам, предупреждающе гудел. Потом грохотал мимо, сотрясая квартиру. За дверцами буфета подскакивала посуда и утварь. Я выбрался из постели, спустил ноги на пол и невольно усмехнулся: в том, что практически все поезда на этом пути везли мусор, был некий мрачный символизм. Даже то, что обычно ассоциировалось с романтикой и интригой, превращалось в банальность, соприкоснувшись с моей жизнью, как будто становилось частью преследовавшего меня безрадостного кошмара.

Пиццерия на первом этаже открывалась только через пару часов, так что снизу еще не просачивались запахи, обычно наполнявшие квартиру (как бы мы ни пытались их замаскировать). Я какое-то время сонно сидел, потом заметил, что небо до сих пор затянуто тучами, но дождь прекратился. В квартире царила тишина. Я оглянулся через плечо и обнаружил, что постель пуста. На месте Тони лежала только груда смятых простыней.

Судя по всему, я проспал всю ночь без происшествий, но по-прежнему чувствовал себя измотанным, как будто все это время занимался чем-то другим. Таскал цементные блоки. Или копал канавы.

Как раз когда я вышел из ванной, зазвонил телефон, и тут же появилась Тони с беспроводной трубкой в руках.

– Это Нино, – сказала она, закатывая глаза.

Я взял у нее трубку и сел на кровать.

– Нино, что стряслось?

– Ал, – торопливо откликнулся мой руководитель, – слушай, приятель, у меня тут беда с назначениями, мне нужна помощь.

За все те годы, что я работал на «Охрану Батталия», Нино Батталия, брат владельца и мой непосредственный начальник, звонил мне домой только по одному поводу.

– Ясно. – Я вздохнул и поглядел на Тони, которая стояла в ногах кровати, уперев руки в бока и склонив голову на сторону. – Что стряслось?

– Крейг заболел, не сможет выйти этой ночью.

– Новенький?

– Да. Сам знаешь, как бывает с этими новичками. Говорит, что заболел, что у него грипп или еще что-то, – да мне насрать, что с ним такое, как ты понимаешь. Вот только он должен был выйти на «Бантам-Моторз». Я не могу просто отказать им, Ал, это хороший клиент.

Название было мне знакомо – автосалон на юге Нью-Бедфорда, всего в нескольких кварталах от дома, где покончил с собой Бернард.

– Во-первых, это не самый приятный район, – сказал я. – Во-вторых, ночная смена.

– Да и да, но...

– Да блин, Нино. Я больше не работаю по ночам и не беру отстойные задания. Я старший сотрудник. Кроме того, я только проснулся. Если бы ты раньше сказал, что надо будет работать ночью, я бы не ложился вчера вечером и поспал бы сегодня днем. Я провожу воскресенья с женой. Свали это на кого-нибудь еще.

Я услышал, как на заднем фоне шипит в большом стакане таблетка «Алка-Зельтцера». Нино пил эту дрянь, как другие люди – газировку.

– Ал, ты думаешь, я тебе первому позвонил? Я уже всех в списке перебрал, никто не может выйти. Я же на тебя всегда могу рассчитывать. Сам знаешь. Возьми эту смену, а в понедельник можешь не выходить. И я подкину немного бабла за эту неделю, идет?

– Сколько?

– Как насчет двадцати баксов?

– Никак. Пятьдесят, и мне нужны наличные.

– Сорок.

– Ладно, – сказал я. – Возьму я эту смену. С оружием?

– Нет, пистолет оставь дома. Только дубинка.

– Хорошо. Ты работаешь этой ночью?

– Да, за диспетчера. Но на объездах меня не будет, так что вы все можете расслабиться. – Нино от души рассмеялся, но практически тут же замолчал, заглатывая свой антацид. – Адрес нужен?

– Нет, я знаю, где это. Время смены?

– Начало в одиннадцать, конец в семь.

– Мне всю ночь как, в машине сидеть?

– Нет, внутри. У них там есть для тебя стол и все остальное.

Тони присела на корточки рядом с постелью и провела рукой мне по бедру. Чувствуя поднимающийся в промежности жар, я сказал в трубку:

– Хорошо. Выйду на связь, когда буду на месте.

Ее рука скользнула под резинку моих трусов, пальцы сомкнулись

вокруг мошонки. Нино еще что-то бормотал, благодарил, но я отбил звонок и отбросил трубку. Тони уже успела стянуть с меня трусы до лодыжек. Когда она сняла их совсем, я раздвинул ноги пошире, притягиваясь к ней растущим возбуждением. Одной рукой Тони провела по моей ноге, от икры к внутренней стороне бедра, другой сжала мой член и направила его себе в рот. Я застонал и обхватил ладонями ее голову, медленно покачиваясь в ритме с ее движениями.

Я погладил Тони по волосам и подался вперед, навис над ней, раскачиваясь все энергичнее по мере того, как она увеличивала давление и плотнее сжимала губы.

– Боже, – всхлипнул я, но слова застряли в горле, когда Тони выпустила меня, все еще стоя на коленях, едва видимая за краем постели. Она рассмеялась, и ее тон показался мне как будто угодливым, потом шлепнулась на кровать рядом со мной, слегка подскочив на матрасе. Мое сердце все еще билось как сумасшедшее, я обхватил Тони руками и потянул, пытаюсь повалить ее поверх себя, но она оттолкнула меня и встала.

– В чем дело? – спросил я. – Что не так?

– Все нормально, – сказала она, поправляя пижаму.

Я поднял с пола трусы и натянул их поверх увядающей эрекции.

– Ты издеваешься надо мной. *В чем дело?*

Тони покачала головой.

– Тебе вечно надо еще, да?

– Еще? Серьезно? Когда мы в последний раз занимались любовью?

– Твой член только что побывал у меня во рту, разве нет?

Какое-то время мы стояли, глядя друг на друга.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Она приподняла бровь и скрестила руки на груди.

– Точно?

– Тони, если ты не знаешь, о чем я говорю, то у нас и в самом деле проблемы.

– Теперь я должна притвориться, что понимаю, что за херню ты несешь?

– Мы больше не занимаемся любовью, – сказал я, глядя на нее уже с яростью. – Ради всего святого, ты обходишься со мной как проститутка с клиентом. Никакой страсти, ничего от себя, от сердца, просто механический, бесстрастный половой акт.

– *Проститутка...* Вот так комплимент. – У нее задрожали губы. – Козел.

– Прости. – Я положил руки ей на талию. Тони казалась такой маленькой, такой хрупкой. – Я просто не могу понять, что с нами происходит.

– Я тоже.

– Как будто все сломано, перепутано и потеряло всякий смысл.

– Не преувеличивай.

Подымавшаяся во мне ярость угасла, оставив после себя пустоту, ощущение беспомощности.

– Ты ведешь себя так, будто это не имеет значения, – сказал я.

Она отвела глаза и что-то пробормотала, но тут нас прервал звонок телефона.

Я со злостью схватил трубку с постели.

– Что?

– Это Рик.

– Я перезвоню.

– Нам надо поговорить. Происходит что-то странное.

– *Теперь*-то что за нахуй?

– Мы ошибались, – беспокойно сказал Рик. – Бернارد все-таки оставил записку.

Я почувствовал, как сердце ушло в пятки, но на самом деле у меня всего лишь подогнулись колени, и я уселся обратно на кровать.

– Что?

– Он оставил посмертную записку, но не обычную. – Рик откашлялся. – Я проверял вчерашнюю почту, и... это какая-то бредятина, но... Бернارد прислал мне сообщение. Он оставил записку. Только не в подвале. Он отправил ее мне.

Глава 5

Небо было странного серого оттенка.

Я припарковался рядом с пустым баскетбольным полем за забором-сеткой и перебежал улицу, задержавшись только возле затоптанного газона рядом с многоквартирным домом. Неподалеку я заметил машину Дональда и джип Рика. Хотя это был самый бедный район Поттерс-Коув, обычно тут было оживленно, но сейчас вокруг царила тишина, улица опустела. У дверей дома разговаривали два старика, притопывая ногами на пронизывающем ветру. Они не обратили на меня внимания, когда я поднялся по ступеням к двери и прошел внутрь, в относительно теплый коридор.

Справа с громким скрипом открылась дверь: на пороге квартиры стояла изнуренная чернокожая женщина с нездоровым лицом. Я часто бывал у Рика, и, несмотря на то что жильцы в доме часто менялись, знал многих из них в лицо. Эта женщина определенно переехала недавно, раньше я ее не видел. Она стояла передо мной в халате и шлепанцах и моргала медленно, как кошка.

– Вы по поводу канализации? – спросила она.

– Нет, извините.

– Вы по поводу канализации? – повторил тоненький голосок.

Опустив глаза, я обнаружил, что из-за тощих ног женщины на меня глядит маленький мальчик. Я сдержанно улыбнулся и подмигнул ему, и он тут же спрятался за мать. Женщина вздохнула, вернулась в квартиру и закрыла за собой дверь.

По разбитой лестнице я поднялся на третий этаж, к квартире Рика. На секунду замер, прислушиваясь, затем негромко постучал.

Рик почти сразу открыл дверь и отступил, пропуская меня внутрь. Лицо его было напряженным.

Небольшая квартира была скромно обставлена и захламлена, как любое холостяцкое жилище. За гостиной находились кухня и коридор, который вел в спальню. После того как от Рика ушла девушка, квартира стала безликой, почти как временное обиталище. О том, что здесь живет именно Рик, говорили только фотографии и газетные вырезки с описаниями его спортивных достижений в старшей школе, вывешенные в рамках на стене, и несколько наград и выцветших лент на столе под ними. Что-то вроде алтаря, постоянного неприятного напоминания о прошлой

славе и упущенных возможностях. Подростки с такими способностями к спорту, какие были у Рика, чаще всего поступали в колледж с полной стипендией. Некоторые даже становились профессиональными игроками. Вместо этого Рик отправился в тюрьму, после того как чуть не убил человека во время потасовки из-за парковочного места рядом с местным рестораном. Хотя многие свидетели утверждали, что противник первым нанес удар, было немало и тех, кто говорил, что Рик продолжал избивать его, даже когда тот явно потерял сознание. Жестокость ответной реакции и серьезные травмы, которые он нанес противнику, дали судье право устроить показательный процесс. И он этим правом воспользовался, приговорив Рика к двенадцати месяцам в тюрьме Уолпол, где держали некоторых из худших преступников Массачусетса. Рик отсидел полный срок, и этот год за решеткой фактически покончил с любой надеждой на колледж или карьеру в спорте. И изменил его навсегда. Рик и раньше был несдержанным и вспыльчивым, но после тюрьмы стал еще грубее и, вероятно, еще опаснее. На мгновение я вспомнил, как навещал его в этом ужасном месте.

– Ты же обычно в это время спишь? – спросил я небрежно.

– Угу. – Он пытался сохранять беззаботный вид. – Хочешь чего-нибудь выпить? В холодильнике есть кола.

– Нет, спасибо. Что там с запиской?

Из туалета послышался звук сливаемой воды, и в коридоре появился Дональд, судя по виду, страдавший ужасным похмельем. Он махнул мне без всякого воодушевления и опустился на потертый диван.

– Сюжет закручивается.

Интересно, помнил ли он вообще о том, как я заезжал вчера к нему домой?

– Что стряслось?

Рик уселся на ручку дивана, взял с сиденья плотный картонный конверт и бросил его мне.

– Пришло вчера. Я проверил почтовый ящик только сегодня утром.

Я поймал конверт. Он практически ничего не весил. На лицевой стороне черным маркером были написаны имя и адрес Рика, обратным адресом служил рекламный стикер частной почтовой компании.

– «Вселенная посылок»? Это тут, в городе. Если Бернард умер почти неделю назад, почему конверт пришел только вчера?

– Послушай запись.

– Наверное, Бернард велел не отправлять конверт до определенной даты, – сказал Дональд – Им можно заплатить за такую услугу.

Я кивнул.

– Но зачем было ждать так долго?

Никто не ответил, и я просунул руку сквозь разорванный клапан и вытащил кассету без подписи. Не нащупав ничего другого, заглянул внутрь. Пусто.

– Что это?

– Его записка, – сказал Рик.

– Он записал ее на кассету?

– Наверное, на том плеере, который мы нашли в его сумке, – сказал Рик. – Я заметил, что у него есть кнопка «Запись».

Я подошел к креслу, сел и отложил конверт.

– Вы уже слушали запись?

– Только Рик. – Дональд вздохнул. – Я решил, что не хочу слушать ее дважды.

– В конверте больше ничего не было, на кассете нет никаких пометок, – сказал мне Рик. – Я не знал, что это, пока не начал слушать.

Я уставился на кассету одновременно зачарованно и с отвращением.

– Я, когда услышал голос Бернарда, едва не обосрался, – продолжил Рик, и я обратил внимание на его постепенно краснеющее лицо. – А когда услышал, что он говорит, кажется, и правда обосрался.

Рик взял кассету у меня из рук, подошел к стоявшему в углу магнитофону и вставил кассету. На эквалайзере зажглись разноцветные огоньки, поднялись и тут же упали под аккомпанемент ровного шипения. Огоньки продолжали плясать, шипение превратилось в дыхание, а затем в голос Бернарда.

– Если вы слушаете... Если вы слушаете эту запись, значит, я все-таки решился.

Голос звучал непривычно, не только из-за пленки, которая изменяет естественный тембр, но и потому, что он был гулким, как будто Бернард обращался к нам со дна каменного колодца. Я подался вперед, сложив ладони вместе.

– Рик, я послал запись тебе, потому что так будет лучше всего. Я знаю, что ты прослушаешь ее и примешь верное решение – расскажешь о ней Дональду и Алану. Без обид, ребята, но если бы я послал кассету кому-то из вас, не уверен, что вы рассказали бы о ней Рiku или даже друг другу. Но я знаю, что ты, Рик, поступишь правильно. Ты наш главарь. Наш атаман.

Я встретился взглядом с Дональдом, а затем с Риком. Атаман был главой Султанов, нашей детской банды. После гибели Томми атаманом стал Рик. Титул, по сути, был шуточной, я не вспоминал о нем много лет, но само

слово оживило картины прошлого, и у меня возникло подозрение, что именно этого Бернард и добивался. Хотя к концу он и превратился в собственную тень, практически всю свою жизнь Бернард занимался продажами и, как всякий хороший торговец, знал, как общаться с людьми и вызывать у них нужную или желаемую реакцию. Если говорить менее доброжелательно, он умел манипулировать людьми.

– Я попросил работников почтовой службы придержать конверт и отослать его в определенный день, – продолжал Бернард. Его голос сопровождался слабым жутковатым эхом. – Я прикинул, что к тому времени, как вы ее получите, я уже со всем... покончу. Уверен, что у вас остались вопросы, что вы расстроены и наверняка злы на меня за то, что я сделал, но, поверьте мне, так лучше. Рик, ты, наверное, считаешь меня слабаком, трусом, да? По крайней мере, вслух, хотя в душе и знаешь, что это не так. Дональд, ты просто грустишь и язвишь, и готов поспорить, что ты, Алан, как всегда погрузился в себя и от всех отстранился. Мы так давно друг друга знаем, слишком давно. Но не странно ли спустя столько лет задаваться вопросом, можно ли в принципе до конца понять другого человека? Мы дружили с самого детства, многое пережили вместе, но у нас все еще остались тайны. У нас всех. Никто не является точно, определенно тем, кем кажется, так? Мы ведем себя по-разному с разными людьми, и, может быть, совсем иначе, оставаясь в одиночестве. Все сводится к этому. Ночью, когда каждый из нас ложится в постель, глядит в потолок и вспоминает прошедший день, обдумывает все, сделанное за сегодня, и то, что будет завтра, когда мы остаемся наедине с богами, к каким уж там каждый обращается в темноте... только тогда слетают все маски, и остаемся только мы. Только мы и те, кто... или *что* мы есть.

Раздался какой-то неопределенный звук и снова шипение.

– Это все? – спросил я.

Рик отрицательно покачал головой и поднял руку, как регулировщик движения, приказывающий машинам остановиться. Снова появился звук дыхания, потом щелчки. Бернард остановил запись, потом запустил. Когда он заговорил опять, его голос звучал как прежде: далеко и почти искусственно.

– Вы никогда не думали о том, почему мы подружились? Не задумывались об этом *всерьез*? Последние несколько недель я много думал, вспоминал прошлое, хорошие времена и дурные – все, какие были, – конечно, насколько мог. Когда я был маленьким, моя мать сказала, что в этой жизни можно считать себя везунчиком, если удастся найти одного или двух настоящих друзей, которые будут рядом, что бы ни случилось. Это

если *повезет*. – Бернارد тихо язвительно рассмеялся. – Разве не странно, что все эти годы мы держались вместе? Все мы родились в рабочих семьях, тут, в городке, но... на этом сходство между нами и заканчивается, так ведь? Еще в школе все этому изумлялись. Парни вроде нас, такие непохожие друг на друга, могли дружить в детстве, но в старшей-то школе каждый должен был пойти своей дорожкой, найти собственную подходящую компанию. Но мы не разошлись. И даже сблизились, правда же? В некотором смысле, по крайней мере. Мачо Рик, заучка и лучший ученик Дональд, Алан, мятежник без цели, Томми, рубаха-парень, наш обаятельный главарь... и я. Шут, болван. – Голос Бернарда оборвался, что-то щелкнуло, и наступила тишина.

Я посмотрел наружу сквозь дальнее окно. Шел легкий снег. Казалось бы, уже слишком поздно для снега, но здесь и сейчас он был такой же реальностью, как искаженный голос Бернарда, как будто обращавшийся к нам из могилы.

– Господи боже мой, – негромко сказал Дональд. – Много там еще?

– Он звучит так, будто говорит из могилы, – услышал я собственный голос.

– Подозреваю, он все это записывал в том подвале, – сказал Рик. В тот же момент шипение сменилось новым громким щелчком. – Потому и кажется, что он говорит издалека – цементные стены искажают голос.

– Я не дурак, я знаю, как на меня смотрели другие, – продолжил Бернارد уже спокойнее. – Все, кроме вас, понятное дело. Мы отлично умели не обращать внимания на недостатки друг друга. Между нами всегда была связь, что-то общее. Рик, мы с тобой – единственные дети в семьях, мы оба знаем, каково это, – все достоинства и недостатки такой жизни. Никто на нас никогда не давил, правда ведь? – Тяжелое дыхание, шорох. – А ты, Дональд, старый добрый Донни, мы оба знаем, каково это – отличаться от других. Быть выброшенным за борт, осмеянным... затравленным. Мы с тобой знаем, что такое одиночество, да, Донни? Навязанное извне или принятое по собственной воле, одиночество нам хорошо знакомо.

Я быстро взглянул на каждого, когда прозвучали их имена. Никто не поднял глаз.

– Алан, мы оба знаем, каково это – жить без отца, – продолжил Бернارد. – Каково расти с матерью-одиночкой, любить ее и оставаться близким с ней, и сколько дряни люди способны свалить тебе на голову из-за этого. Маменькины сынки, ты и я... И гордимся этим, да-а? – Он рассмеялся негромко и на этот раз как будто искренне. – А потом я

вспоминаю Томми и принимаюсь гадать... что было общего у нас с ним? Я очень долго думал, крутил все так и эдак – и наконец сообразил: в чем-то Томми был похож на каждого из нас. Если взять лучшие наши черты и собрать их вместе, получился бы Томми.

Дональд, который сидел, уставившись в пол, слегка кивнул. Рик повернулся к нам спиной и стоял перед окном, глядя на снег. Но мы все знали, что Бернард был прав: Томми был лучшим из нас.

– Алан, я всегда жалел тебя из-за того, что ты был рядом, когда это случилось. После того, как он умер, каждый день думал: не останься я тогда в школе после уроков, то был бы с вами. Может быть, первым вышел бы из автобуса. Может быть, оказался бы на дороге вместо него. В этом было бы больше смысла...

У меня сжалось горло, и я едва сумел сдержать слезы. В тот день я шел в паре шагов позади Томми, и с тех пор меня не покидала та же самая мысль. Что я легко мог оказаться на его месте. Что, возможно, я *должен* был оказаться на его месте.

– Но у нас есть кое-что общее. То, что знаем мы все, – испустив долгий вздох, продолжил Бернард. – Боль. Нам всем знакома боль – и ярость, что следует за ней по пятам. Да, ярость нам тоже хорошо знакома. Ярость от того, что мы так и не стали теми, кем могли, *должны* были стать. Мы все обладаем особым талантом: недотягивать.

Дональд вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате, скрестив руки на тощей груди.

– Рик, ты мог бы стать профессиональным футболистом. С самого детства ты только об этом и говорил. И у тебя были способности, был *шанс*. Но ярость тебя подкосила. Ты едва не забил этого бедолагу до смерти из-за места на парковке. Ради чего? Чтобы произвести впечатление на какую-то девчонку, с которой тогда встречался? Прости господи, парень три дня пролежал в коме. В коме, Рик. Ради места на парковке. Я помню, как мы навещали тебя в тюрьме. Набивались все вместе в машину и в мертвой тишине ехали в Уолпол – самые долгие поездки в моей жизни, потому что никто не произносил ни слова ни по пути туда, ни обратно. И уходя, я каждый раз бежал от необходимости видеть тебя в этой гребаной дыре. Ты всегда был таким сильным – куда сильнее меня, и мне невыносимо было видеть тебя сломленным, запертым в клетку. И посмотри на себя теперь. Пятнадцать минут ярости из-за места на парковке, и вся жизнь покатилась к черту. Разве это справедливо? А? Какая уж тут справедливость! – Бернард примолк, по всей видимости, осознав, что серьезно повысил голос. Когда он заговорил снова, его тон снова был

спокойным и более взвешенным. – Ты счастлив, Рик? Добился в жизни всего, чего хотел? Вышибала в ночном клубе, до сих пор один, до сих пор, как старшеклассник, все бегаешь за девчонками или болтаешься по квартире, пялясь на эти старые награды. Не очень-то похоже на Национальную лигу, а?

Дональд посмотрел на меня налитыми кровью глазами.

– Ерунда какая, зачем...

– Тихо, – оборвал его Рик, все еще стоявший к нам спиной.

– Мне кажется, никому из нас не нужно выслушивать такое...

– Заткнись нахуй, Донни. – Рик медленно повернул голову и через плечо взглянул на нас темными глазами. – Нам всем нужно это послушать.

– С другой стороны, вот Дональд, – ровно произнес Бернارد. – Князь нереализованных возможностей. Настоящий принц крови по этой части, да, Донни?

Почти радостный тон Бернарда меня изумил. Никогда я не замечал за ним любви к смакованию чужой боли, особенно если речь шла о друге. Выражение на лице Дональда сменилось с неловкости на что-то, близкое к бешенству. Он яростно уставился на меня, и я попытался выразить на лице обещание, что все в порядке, все будет хорошо.

– Я все гадал, кого, по-твоему, ты наказываешь, – продолжал в тишине безжизненный голос Бернарда. – Ты был самым умным из всех моих знакомых, Донни. И самым несчастным. Помнишь, в детстве ты все мечтал о том, как мы уедем куда-нибудь, когда вырастем? В Париж, в Берлин, в Лондон – все эти города казались тогда такими невозможно далекими. Ты хотел преподавать, помнишь? Ты все распланировал. Работа учителя в какой-нибудь европейской деревеньке, где всегда тихо, и ты мог бы спокойно сидеть и читать – вот о чем ты мечтал. И эту мечту ты мог бы исполнить, но так и не сумел, потому что сначала тебе помешали собственные тараканы, а потом выпивка вконец все испортила. Но мы же все отлично понимаем, что дело-то не в выпивке, да, Донни?

У Дональда на глаза навернулись слезы.

– Какое право... – прошептал он, – какое право он имеет так с нами поступать?

– Какая беда, послушный маленький католик оказался педиком.

– Боже мой, – простонал я.

Боль на лице Дональда была практически ощутимой. Годами он выслушивал полные ненависти оскорбления, но никогда – от Бернарда.

– Ты это ты, Донни, – сказал Бернارد. – Ты просто все никак не можешь с этим смириться, признать, кто ты есть, и научиться жить с самим

собой. В конце концов, это, наверное, тебя и убьет. Никто не достоин твоей любви, кроме этой треклятой бутылки, так что ты прячешься от себя и от всего, что вечно сваливали на тебя остальные. Время от времени заглядываешь в бар, чтобы найти компанию на несколько часов, – может, на выходные, – и возвращаешься на службу, все в тот же офис, прозябаешь, набирая чужие мысли; а оттуда десять минут езды до дома, но и этот путь ты не можешь проделать, не заглянув по дороге за бутылкой. Все *настолько* плохо, Донни. Куча народа все отдали бы за твои мозги, а ты взял и выкинул их на помойку. Однажды ты встретил парня, какого-то тайного возлюбленного, но между вами не получилось той романтики, на которую ты так надеялся, в которой так нуждался. Ты влюбился, ты сам мне говорил, но он-то просто экспериментировал, так? Просто притворялся, просто напился, просто совсем не *такой*. И ты все еще страдал, когда отправился в колледж. Когда все покатилося к черту, ты прихватил с собой бутылку, не смог оправиться, встряхнуться, так что сбежал из колледжа, как побитая собачонка, и все страдаешь по своему избраннику, закрывшись от всех, как эдакий пьянствующий монах. Я всегда думал, что ты выше всего этого, что уж ты-то сумеешь выбраться отсюда, кем-то станешь. Мы все понимали, в чем дело, тебе не нужно было даже как-то особо об этом объявлять. А когда ты наконец решился, мы не слышали ничего нового, чего бы мы не знали и так. Мы приняли тебя. Блин, даже Рик. Сколько бы он ни выступал, сколько бы вы ни спорили, он всегда тебя защищал. Кроме того, не так уж ты от нас, по сути, отличаешься. Если присмотреться к самой что ни на есть гребаной сути. Ты одинокий... и злой. Ярость, вечно эта ярость. Она всегда с нами, чтобы напомнить, как несправедлива жизнь, как всякий раз, когда мы открываем ей объятья, она бьет нас по зубам.

Запись щелкнула, голос Бернарда стих.

Дональд медленно опустился на диван, как сдувшийся шарик. Рик стоял, упираясь ладонями в подоконник, по-прежнему глядя на падающий снег.

– Выключи запись, – негромко сказал Дональд. – Ты не обязан это выслушивать, Алан.

Но ни я, ни остальные не сдвинулись с места. Еще один щелчок объявил о продолжении монолога. Я уселся поглубже в кресле, чувствуя, как все у меня внутри сжимается, а на ладонях выступает пот.

– Алан, – произнес Бернард с нежностью, – ты же не думал, что я забыл о тебе? Как бы я мог, ведь мы с тобой подружились первыми, помнишь? Ты помнишь, помнишь тот день, когда мы в первый раз встретились? Я помню. Нам было по семь лет, и до Хеллоуина оставалось

несколько дней. Мы с матерью только переехали в новый район и никого не знали. Я играл на газоне перед домом в своем новом костюме, я был тигром, помнишь? Отличный был костюм, с лапами и всем остальным. Я играл, а ты ехал мимо на велосипеде. Ты остановился и сказал: «Привет», – и я удивился тому, что ты такой дружелюбный, что ты вот так заговорил со мной и, кажется, просто хотел подружиться. И ничего не сказал про мои очки или про то, что в них такие толстые стекла, и что я такой тощий и куда ниже детей нашего возраста, – ничего. Ты просто сказал мне, как тебя зовут, указал пальцем на свой дом и объявил, что ты живешь вон там. А потом сказал, что у меня классный костюм, а тебе второй год подряд придется быть привидением, потому что у твоей мамы не было денег на новый наряд. Кроме того, она разрешила отличную простыню, чтобы сделать в ней отверстия для глаз, и теперь та никуда больше не годилась, кроме как на костюм или на тряпки.

Я был поражен, что он запомнил такие подробности. Я уставился в пол. Воспоминания о том вечере возникли передо мной так же ясно, как будто все произошло совсем недавно.

– А потом на своих велосипедах подкатили близнецы Берринджер и со скрежетом остановились прямо перед въездом. Как будто с неба свалились, напугали меня до полусмерти. И по выражению на твоём лице я догадался, что от них можно ждать неприятностей. Господи, как я ненавидел двух этих засранцев, они держали в страхе весь район, вечно нападали на детей младше себя. Им было тринадцать, нам – семь. Джеки и Джонни Берринджеры. Настоящие ублюдки. Помню, ты сказал мне пойти в дом, но до меня не дошло, и я просто стоял на месте. А потом они начали надо мной издеваться, по-всякому меня обзывать из-за костюма. Я ужасно испугался и все надеялся, что моя мать услышит их и выйдет на улицу, но она не слышала. Ты снова велел мне идти в дом, но тут близнецы слезли с велосипедов и начали тебя толкать и говорить, чтобы ты не лез не в свое дело и что я был маленьким ребеночком, раз носил такой костюм. Помнишь, Алан?

Я кивнул, как будто он мог меня видеть.

– Джеки схватила меня и бросила на землю, – сказал дрожащим голосом Бернارد. – Я начал плакать. Блин, я ведь тогда *был* ребенком, а они были намного старше нас, но... тут ни с того ни с сего ты слетел с катушек и стал на них нападать. – Голос Бернарда изменился, теперь казалось, что он едва сдерживает смех. – Ты был не то чтобы больше меня, и... о господи, они в тот день здорово тебя отдубасили, прямо перед моим домом. Но ты все время подымался снова. Они били, ты падал; губа разбита, кровь

из носа – но ты подымался снова и снова нападал. Я пытался помочь, но они меня повалили обратно, порвали костюм... Я ревел и звал маму, и ты снова лежал на дорожке, весь в крови, и снова готовился встать... Но тут Берринджеры смотались. Наверное, побоялись, что моя мать услышит вопли. Они еще не знали, что она пила и спала большую часть дня. Я никогда этого не забыл, Алан. Ты еще толком меня не знал, но стал защищать, потому что знал: эти два засранца обязательно кого-нибудь побьют. И ты не хотел, чтобы этим кем-то оказался я. Никто никогда вот так за меня не вступался. Никто.

К семи годам я уже кое-что знал о жестокости и грубости мира, но не слишком много, и никогда прежде мне не приходилось сталкиваться ни с чем вроде того, что случилось в тот вечер. Бернард был таким невинным, таким крошечным и доверчивым. Маленький мальчик в костюме тигра, который для него сделала его мама, играл в собственном дворе, никого не трогал, он совсем недавно поселился в городе и не подозревал, чего следует ожидать от местных хулиганов. И тут этот «теплый» прием. Даже много лет спустя я не мог понять, какое удовольствие близнецы Берринджеры получали от нападения на мальчишку, который ничем им не докучал, которого они даже не знали. В то же время мысль, что они так быстро определили Бернарда в разряд как бы менее достойных человеческих существ, менее важных и оттого не имеющих ценности, была одновременно отвратительной и любопытной.

Голос Бернарда прервал мои размышления.

– На следующий день ты познакомил меня с Томми, Риком и Дональдом, – сказал он, – и мы весь день играли в шалаше на дереве во дворе у Томми. Если бы не ты, Алан, не уверен, были ли бы у меня вообще друзья. Наверное, нет.

Я хотел было расчувствоваться, но сумел сдержать эмоции. Порвав остальных на куски, он по какой-то причине решил помиловать меня; и нежные воспоминания уступили место беспокойству и замешательству.

– Мне, наверное, стоило просто упомянуть тот день, – продолжал Бернард, – и позволить тебе самому рассказать историю. У тебя всегда хорошо выходило рассказывать. Сколько помню, ты всегда хотел стать писателем.

Стоило ему упомянуть мои писательские потуги, и я понял, что ошибся. Он не планировал обойти меня стороной.

– Вечно строчил что-то в блокнотиках, которые всегда таскал с собой. И иногда у тебя выходили отличные рассказы. У тебя был талант от природы, без вопросов. Моим любимым был тот, что ты написал... классе в

четвертом-пятом, кажется, про реактивный самолет и НЛО. Помнишь? НЛО остановило время, и как-то там его изменило, и забрало всех на борт, а потом вернуло, но никто ничего не помнил. А потом они сообразили, что никто не помнит, что происходило на протяжении двадцати минут, и ровно столько времени не было радиосвязи. Блин, это был классный рассказ. Прямо как «Сумеречная зона» или серия «За гранью возможного» по телику. Такой талант в таком юном возрасте. Как жаль, что ты выбросил его точно так же, как Рик и Дональд.

– Нахуй, – неожиданно сказал Дональд. – Выключи эту фигню.

– Оставь, – сказал я.

Никто не пошевелился.

– Что произошло, Алан? – спросил Бернард почти нежно. – Ты должен был стать новым Стейнбеком. Помнишь, что говорили все учителя? Если бы только этот Ченс нормально ходил в школу, не впутывался в неприятности и развивал свои способности... Да, если бы только. Но ты все знал лучше всех, ты правда знал. – Короткий издевательский смех. – Ты был таким классным, я тебя боготворил. Как будто точно понимал, кто ты и чего хочешь, и чего ждать от жизни, и не нужна была тебе эта ерунда в школе, и все это глупое общество. Ты всегда шел своей дорогой, и я уважал тебя за это. Никогда бы не предположил, что ты откажешься от всего ради женитьбы. Господи, ты же собирался уехать в Нью-Йорк, хотел писать и жить в Гринвич-Виллидж, и тусоваться с художниками, ходить на свидания с хипповками и создать великий роман, стать самым крутым автором со времен Керуака, Джеймса Дина или... Скажи мне, Тони этого стоит? *Взаправду?* Тони хорошая девушка, она всегда мне нравилась, но, как я уже говорил, когда ты лежишь ночью в постели, наедине с богом, и спрашиваешь об этом самого себя – а я точно знаю, что спрашиваешь, – какой ответ возникает у тебя в голове? Тони – провинциалка. Всегда была и всегда ею останется. Ей бы не подошла такая жизнь. Все, что ей нужно, – это хорошенький домик за белым заборчиком, положенные два с половиной ребенка, собака и «вольво» на въезде. Ничего плохого в этом нет, но такая жизнь не для тебя, правда, Алан? Ты отказался от своего будущего из-за того, что она никогда не смогла бы стать частью мира, о котором ты мечтал всю свою гребаную жизнь. – Голос Бернарда снова поднялся, и он умолк, несколько раз вздохнул и только потом продолжил: – Вы могли быть вместе, только если бы ты отказался от своей мечты и остался здесь. Нашел бы работу, обустроил жизнь. *Жизнь?* В Поттерс-Коув? Удачи, блин. Как там твоя работа охранником? Уже начал получать больше прожиточного минимума? Ты никогда не понимал, что толку в этом доме, в детях, в

заборчике и «вольво». Даже в собаке. Так ради чего все это? Скажи мне, столько лет спустя ты стал ненавидеть Тони? Каждый раз, когда ты смотришь на себя в зеркало и замечаешь еще один прожитый год, еще несколько набранных фунтов, еще немного несчастья. Каждый раз, когда надеваешь униформу и выходишь на смену, когда мечтаешь о возможностях, о том, как все сложилось бы, если бы ты занимался тем, что делало тебя счастливым, что делало тебя самим собой, – ненавидишь ли ты ее? И ненавидит ли она тебя, Алан? Она тогда не понимала, что ты умеешь *только* писать, правда же? Готов поспорить, что теперь-то понимает. Готов поспорить, теперь она понимает, что ей следовало связать свою жизнь с кем-нибудь другим. Но так уж сложилось, что теперь проще стерпеться, чем разрушить все до основания и начать заново, так? Ты хотя бы перечитываешь свои старые рассказы? Блин, ты их хоть сохранил? Ты думаешь хоть иногда о том, как все могло обернуться?

Бернард замолчал, и я практически увидел его перед собой: он лежит на раскладушке в своем подвале, улыбается, удерживая плеер в нескольких дюймах от губ.

– Зачем он это делает? – спросил Дональд. – *Почему?* Чего такого офигительного он сам добился в жизни? У него нет никакого права...

– А что же я? – сказал Бернард, как будто ему в ответ. – Да, так а что же я? Блин, да мы просто собрание стереотипов, и даже этого не понимаем. Но знаете что? Большинство людей такие же. Почти никто из нас не понимает, в каком дерьме мы оказались, а люди рядом с нами видят и того меньше. И даже если появляется такая возможность, мы не слишком-то уверены, что хотим видеть. Знаете, в тот день, когда Томми погиб, я встретил его на лестнице. Он спускался вниз, к выходу, а я шел в противоположную сторону. Мы посмотрели друг на друга, улыбнулись, а потом я в шутку ткнул его в руку и сказал, что еще увидимся. Как понимаете, уже не увиделись. В следующий раз я увидел его уже в гробу. Тогда, встретившись с ним на лестнице, я хотел бы просто улыбнуться. Может быть, обнять его, сказать спасибо за то, что он был моим другом. Но нет, ведь *мужики* так не делают. Так что вот тебе тычок в руку и такое крутое бормотание в духе «свидимся». Мы все просто лицемеры. Да что там, я не лучше вас всех, – а может, даже хуже, – но у меня-то никогда не было ваших талантов. Я не занимался спортом, не был сильным, симпатичным или умным. Я мог только болтать. Всегда умел сносно говорить, оттого-то у меня и получалось так хорошо продавать. И какое-то время болтовня была моим прибежищем... но правда, она всегда нас находит. Никто не может прятаться вечно. Правда в конце концов находит

каждого и вытягивает на свет, хотим мы этого или нет. Жизнь – настоящая стерва, так ведь? С ней даже связываться страшно. Почти так же страшно, как оставаться незамеченным. Вы-то, конечно, ничего об этом не знаете, вы всю свою жизнь зубами и ногтями цеплялись за какие-нибудь грани, на которых повисали, лишь бы не оставаться в тени. Ради этого был весь твой мятеж, Алан, это одна из причин, почему ты в тот день вступился за меня перед близнецами Берринджер. Даже получить взбучку лучше, чем остаться незамеченным. Но боже мой, я бы многое отдал за то, чтобы хоть разок стать невидимым. Спрятаться от всех хулиганов, достававших меня пацанов и вечно смеявшихся надо мной девчонок. Но вы-то не такие. Наша жизнь может быть полным дерьмом, но, господь милосердный, не позволяй нам остаться незамеченными. Что угодно, но только не это. Из-за этого Рик одевается как старшекласник, качается и ведет себя так, будто ему восемнадцать, а не тридцать восемь. Поэтому Дональд напивается до беспамятства, а Алан остается с Тони и терпит. Без всех этих выкрутасов вы все просто растворитесь, и это пугает вас до усрачки. Я знаю, потому что и сам был таким. Но я растворился. Упал, просто чтобы посмотреть, что на дне этой ямы. И знаете что? Я кое-что *нашел* здесь, во мраке. Знаете, что еще я понял? Во мраке не так уж плохо. Сказать по-честному, мне тут *нравится*. – Теперь он дышал чаще и немного тяжелее. – Мне здесь самое место, здесь безопасно.

Дональд вытянул из кармана рубашки сигарету и сунул ее между губами не зажигая.

– Какого черта он несет?

Я пожал плечами и уставился на магнитофон, ожидая продолжения.

– Но всякий путь подходит к концу, – сказал Берnard, – и я почти дошел. Я пытался. Видит бог, я старался изо всех сил – но все было определено заранее. Предрешено, понимаете? Вдумайтесь хорошенько, постарайтесь вспомнить – и вы все поймете.

Рик отвернулся от окна и встал лицом к нам, плотно сжав губы и играя желваками.

– Суть в том, – продолжал Берnard, – что я не такой уж безобидный неудачник, каким вы меня воображали. У меня не было практически никакой личной жизни за пределами нашей компании. Девушки никогда не обращали на меня внимания, а если и обращали, то лишь затем, чтобы посмеяться надо мной или одарить таким взглядом, который ясно дает понять: они ни за что в жизни не связались бы с кем-то вроде меня. Дружба и связь с вами не могла заменить всего... но когда вы все разошлись кто куда, каждый своей дорогой, я пошел своим путем. Я прекратил убегать от

ярости. Я повернулся к ней лицом, схватил ее и использовал. Для начала признание: я не служил в морской пехоте, но я уехал вскоре после окончания школы. В конце концов, мне тоже надо было чем-то заняться, так ведь? Вы все для себя что-то нашли, но у меня не было ничего, никакой жизни или планов, или девушки и будущей жены, не было даже тюремной камеры, чтобы скоротать время.

– Говнюк, – пробормотал Рик.

– Загулы моей матери начали сказываться на ее здоровье. От всей этой выпивки она потихоньку разлагалась изнутри, но все еще была относительно молодой, и я знал, что, скорее всего, долгие годы буду заботиться о ней, так что начал все обустраивать за несколько месяцев до выпуска. На морской пехоте я остановился потому, что знал: всем от этого просто крышу снесет. Кто бы мог подумать, что тощий коротышка Бернард в очках-аквариумах станет морпехом? Я всем объявил, что собираюсь именно туда, а на самом деле откладывал каждый цент, который получал, работая после школы. До сих пор помню последний вечер в Поттерс-Коув. После выпуска прошло какое-то время, так что ты, Рик, уже несколько месяцев как сидел, но Донни и Алан, вы устроили мне ужин в ресторане Браннигана, помните? Мы заказали отбивную с картофелем и пиво и... Мы столько смеялись в тот вечер! В те несколько часов жизнь казалась почти выносимой. Отличное вышло прощание, вот только на следующее утро, когда вы довезли меня до автобусной станции, я отправился вовсе не в тренировочный лагерь.

Я заметил, как Дональд покачал головой, затянулся незажженной сигаретой и пробежал пальцами по волосам.

– Безумие какое-то.

– Но меня ждала новая жизнь. Я уехал, чтобы наконец взяться за дело, которое, как я теперь понял, было моим предназначением. – Какое-то время Бернард молчал, но кассета продолжала крутиться. – Понимаете, все мы испытываем ярость, но только немногие осознают, что с ней делать, как полюбить и воспитать ее, как преданного питомца. Я отправился в Нью-Йорк, снял комнату и жил там, пока у меня не закончились деньги. Меньше чем через год я возвратился в Поттерс-Коув и рассказал вам о том, как повредил колено из-за падения с учебной платформы. Я действительно повредил колено, но учебная платформа тут ни при чем. По правде сказать, я упал во время погони. Люди очень быстро бегают, когда боятся. Когда они в ужасе. Нью-Йорк был восхитительным. Я и вообразить не мог, что он будет настолько подходящей обстановкой для начала моего пути, но уже через несколько дней все стало таким очевидным. Я увидел город как

человеческий зоопарк. И стал в нем надзирателем. Вот что я понял, оказавшись во мраке: сила, которой мне недоставало всю жизнь, всегда была со мной. Если всего лишь отступить на шаг и отделить себя от остального стада, все меняется. Тогда я понял, что могу делать все, что захочу. И преобразил мир вокруг себя из зоопарка в бойню.

У меня перехватило дыхание, и я посмотрел на Рика, который ответил мне взглядом, в котором ясно читалось: «А я говорил».

– Какого хрена все это значит? – спросил я.

– Подумайте обо всех прошедших годах, – говорил Бернард. – Обо всех воспоминаниях, которые вы не можете или не хотите оживить. Подумайте о тех случаях, когда что-то во мне казалось немного неправильным, как будто чуточку странным, как будто концы не совсем сходились с концами. И подумайте о том, как на это реагировали вы, как отмахивались от несоответствий точно так же, как отмахиваетесь от случайного звука среди ночи. С вами когда-нибудь такое случалось? Лежишь в постели, вокруг темно, – и вдруг откуда-то раздается посторонний звук? И ты знаешь, что это тебе не приснилось и не послышалось, что это не что-то обычное. Ты знаешь, что этот звук посторонний, что ему здесь не место, но – даже если ему нет никакого нормального объяснения, даже если это может оказаться грабитель или еще черт знает что, ты поворачиваешься на другой бок и забываешь о нем... А вы никогда не гадали, что обнаружили бы, встав с постели?

– Я так устал, – продолжил он после тяжелого вздоха. – Я так ужасно устал. У меня все было под контролем, или, по крайней мере, я так думал, а потом все рассыпалось. Я не мог сосредоточиться на работе, я знал, что мать умирает, я... знал, что без нее моя жизнь покатится под откос. Мы могли выплачивать ипотеку только благодаря ее накоплениям и пособию по инвалидности каждый месяц. Без этих денег, даже работая, я не смог бы оставить дом, я знал, что потеряю и его. Я больше не мог держаться, я... все так запуталось. Не мог думать... Мысли все путались, понимаете? Все эти треклятые голоса одновременно, и... Я не мог работать, меня уволили, потом мама умерла, банк забрал дом, я... Боже мой, как она страдала. За что? За что!

Он выкрикнул эти слова еще три раза, с такой яростью и так громко, что звук в больших колонках стал практически неразборчивым. Я почувствовал охватывающий меня холод. Бернард казался полнейшим, бесповоротным безумцем.

– Господь оставил меня. – Дрожь в его голосе выдавала едва сдерживаемые слезы. – Переехав сюда, к Сэмми, я точно знал, что мое

время подошло к концу. Я свое дело сделал, оставил по себе память... мне не страшно, теперь уже совсем. Встреть страх лицом к лицу, говорят нам, и ты сможешь его одолеть. Это правда. Все правда. Я повернулся лицом к своему страху... и *стал* им. То, что вы видите, – невероятно, но все это правда.

– Я буду скучать, – произнес он через несколько секунд. – Я не тот, кем – *чем* – вы меня считали, но я по-прежнему ваш Бернард, верный Султан, один из вас, навсегда. Мы всегда останемся вместе, что бы ни случилось. Мне бы так хотелось, чтобы этого было достаточно, но спросите себя: достаточно ли этого? Как бы мне хотелось рассказать вам правду о себе, о моих делах, но если вы хорошенько вдумаетесь и перестанете себе врать, то поймете: ответы всегда были прямо перед вами.

Дональд с трудом поднялся на ноги.

– Он свихнулся.

– Мне нравится мысль о зимней смерти, – перебил его голос Бернарда. – Все голо, холодно и неподвижно – отличное время, чтобы отойти в сторону после того, как я исполнил свое предназначение и сделал все, что мог, заслужив себе место на той стороне, в мире тьмы. Это моя судьба, она была назначена мне с самого рождения. Когда потеплеет, когда мир согреется и начнет оттаивать от зимнего холода, вы лучше поймете, о чем я говорю. Вы собственными глазами увидите плоды моих трудов. Гнилые плоды, но тут уж ничего не поделать. Как в прежние времена из человека выпускали болезнь, мрак и порок, пуская *кровь*, я пустил кровь этому миру, позволил ей течь по улицам, чтобы указать вам путь. Именно поэтому я не могу вспороть себе вены, как бы мне этого ни хотелось. Да, – сказал он с тихим удовлетворением. – Она мне *понадобится* там, куда я отправляюсь... в самой грязи... вне Земли. И, вполне может статься, вам придется пойти следом за мной. Но теперь мне надо идти. Пора.

Наступила тишина, но мы все еще могли различать дыхание Бернарда. Наконец он заговорил вновь, но на этот раз голос, бесстрастный, лишенный всякого выражения, мог принадлежать кому угодно:

– *Будьте трезвы, не спите! Ваш противник, дьявол, бродит, как лев рыкающий, ищет, кого сожрать.*

Никто не сдвинулся с места до тех пор, пока не закончилась кассета, и магнитофон щелкнул, громко, жутко и окончательно. Онемев, мы сидели в тишине, пока Рик не вынул кассету и не перебросил ее мне. Я поймал ее и вернул обратно в конверт, не желая больше ее касаться.

– Здорово получилось, – сказал Дональд. – Как думаете, запись выходила на диске?

Рик расхаживал по комнате, уперев руки в бедра.
– Да, отлично, теперь самое время шуточки шутить.
Я откашлялся и медленно поднялся на ноги.
– Нам надо разобраться.
Рик крутнулся на месте, оказавшись лицом ко мне.
– Ты понял, о чем он говорил, как и я.
Я кивнул.
– Мы всегда знали, что у Бернарда были проблемы.
– Человек в здравом уме не повесился бы, – торопливо добавил Дональд.
– Кроме того, ты же слышал, каким он стал к концу записи. У него определенно не все было в порядке с головой.
– Это не означает, что он врал. – Рик приподнял бровь. – Так ведь?
– Нет, не обязательно.
– Он как будто говорил, без всякой конкретики, но... – Я недоверчиво покачал головой, все еще надеясь, что все это неправда.
– Он утверждал, что убивал людей.
– Спасибо, инспектор Пуаро, что бы мы без тебя делали! – Дональд закатил глаза и снова затянулся незажженной сигаретой. – Слушайте, это же Бернард. Ради всего святого, мы говорим о *Бернарде*. Он бы и мухи не обидел. Да, у него были проблемы, с этим никто не спорит. Временами он несколько вольно обращался с правдой, но он не... это бред. Бернард не мог быть каким-то...
– Ты слышал, что он сказал в самом конце? – спросил Рик. – Это из Библии.
Дональд пожал плечами.
– Я догадался. Что с того?
– Это недобрый знак. – Он посмотрел на меня, взглядом умоляя о поддержке. – Алан, это не какие-то выдумки Бернарда, ты же понимаешь. Мы все понимаем. Не забывайте, это предсмертная записка. Довольно странно было бы размечтаться в такой момент, разве нет?
Рик был прав. В конце наступало время для правды, для признания и, хочется надеяться, искупления, а не для создания новой лжи. Но если Бернард обезумел, мог ли он отличить выдумку от реальности?
– Он сказал, что мы все поймем, когда потеплеет, – в конце концов ответил я.
– До весны осталось еще несколько недель, – пробормотал Дональд.
– Это могло бы объяснить наши кошмары, – сказал я.
Дональд посмотрел на меня с нескрываемым страхом.
– Ко... кошмары.

Рик, расхаживавший у окна, внезапно замер.

– Какие кошмары?

Мы с Дональдом переглянулись, потом я сказал:

– Нам приснился похожий сон, в котором... короче, Бернард...

– Пришел попрощаться, – договорил за меня Рик. – И с ним были люди... что-то *вроде* людей.

– О господи. – Руки у Дональда дрожали так сильно, что сигарета у него в пальцах переломилась. – Такого не может быть *взаправду*.

Рик подошел ближе.

– Вы надо мной не прикалываетесь, ведь так? – Он посмотрел на меня, и последняя краска сошла с его лица, когда я торопливо помотал головой в ответ. – И эти люди, во сне, вы знаете, зачем они пришли?

Я снова кивнул, чувствуя разрастающуюся внутри пустоту.

– Чтобы забрать его...

– В Ад.

Мы одновременно повернулись к Дональду. Он весь трясся и все еще пытался занять руки растрепанным сигаретным фильтром.

– Зачем им забирать его? – спросил он громким шепотом. – Почему они хотят забрать Бернарда в Ад?

– Потому что он не врал, – ответил Рик. – Потому что все, что он сказал на этой записи, – правда, и мы пойдем, когда потеплеет.

– Может, стоит отдать кассету полиции? – предположил Дональд.

Рик фыркнул.

– И что мы им скажем? Здравствуйте, нам показалось, что наш приятель, – ну, знаете, тот, который только что удавился в подвале у своего двоюродного брата, – кого-то убил. Вот, послушайте эту запись, он кажется полнейшим психом и не говорит ничего определенного, но мы решили отдать ее вам.

– Почему, собственно, нет?

– Потому что тогда мы сами будем выглядеть как полные психи. – Рик снова принялся мерить комнату шагами. – Кроме того, а если это *правда*? Что если Бернард действительно кого-то убил? Я не хочу с этим связываться. Копы начнут вынюхивать, копаться в моей жизни, так как мы были друзьями. Кто знает, какие неприятности свалятся нам на голову, если мы полезем в это дело?

Дональд как будто несколько секунд размышлял над словами Рика, потом обратился ко мне:

– Алан, а ты что скажешь?

– Мы пока не понимаем, что означает запись, – сказал я. – Может

быть, это признание в убийствах, а может – всего лишь безумный лепет психически больного человека всего за несколько часов до того, как он покончил с собой. Так или иначе, мне кажется, нам пока стоит оставить кассету у себя.

– Согласен, – сказал Рик. – На все сто.

– И если что-то произойдет, – продолжил я, – и за следующие месяцы мы поймем, что в его словах есть какая-то доля истины, мы уже тогда сможем решить, как нам поступить дальше. Мне просто кажется, что сейчас отправляться в полицию рановато. Кроме того, я не уверен даже, что именно происходит. Может быть, полиция вообще не сумеет нам помочь.

– Я оставлю кассету у себя, – сказал Рик, – найду для нее безопасное место.

Дональд удалось овладеть собой, по крайней мере, на какое-то время, и теперь он казался более уравновешенным и менее потрясенным.

– Сны у нас странные, тут не поспоришь, – сказал он. – То, что они так похожи и словно несут в себе какой-то сверхъестественный смысл, может выбить из колеи. Вдобавок все, что Бернард сказал на записи, ужасно, но мы не должны расклеиваться. Нам следует сохранить здравомыслие и попытаться разобраться во всем логически и беспристрастно.

– Ты делай что хочешь, – сказал Рик. – А я буду держать ухо востро. Уверен, что происходит что-то недоброе, и готов поспорить, что мы не знаем и половины.

Я посмотрел на часы.

– Мне пора идти, я сегодня ночью работаю. – Я пошел было к двери, но остановился и посмотрел на них. – А то, что Бернард наговорил про Тони, неправда. Он всегда завидовал нам. Если бы мне пришлось прожить все эти годы заново, я бы женился на ней, даже глазом не моргнув. Она – лучшее, что есть в моей жизни.

Дональд скривился.

– Не надо ничего...

– *Лучшее* в моей жизни.

Рик вернулся на свой пост у окна.

– Снова идет снег, – произнес он рассеянно. – Последний удар под дых от зимы. Эта сучка никак не желает просто сдохнуть.

Мало кто желает.

Глава 6

От шоссе до автосалона было меньше мили, он занимал большой участок возле берега, в самом конце бульвара, между громадным магазином автозапчастей и китайским рестораном. Напротив медленно рассыпалась давно заброшенная фабрика. Моя смена начиналась в одиннадцать вечера и длилась до семи утра, когда приходил владелец и салон начинал работу. Примерно раз в час я должен был обходить территорию, но большую часть времени предстояло провести за столом менеджера напротив центрального окна. Оттуда, несмотря на снег, который время от времени бросали в стекло порывы ветра, были отлично видны весь салон и значительная часть улицы за ним. Оружие в эту смену не требовалось, это было только к лучшему – я получал недостаточно для того, чтобы брать в руки пушку. При мне были дубинка и предоставленная компанией ручная рация, и обычно я проводил время за чтением какой-нибудь книжки или слушал переносное радио, которое всегда брал с собой. В случае чего мне полагалось только передать сообщение в полицию и предоставить им со всем разбираться. Я был нянькой для свалки машин, на которые и так никто бы не позарился, но снаряжался так, будто являлся кем-то большим, кем-то официальным.

Через улицу от затененной стоянки высилась пустая фабрика, одна из множества, засорявших город, – памятник временам, когда здесь, как и в Поттерс-Коув, цвела текстильная промышленность. Невероятных размеров строение заслоняло те остатки лунного света, что умудрялись пробиться сквозь порывы швырявшего снег ветра.

Зная, что мой начальник не будет на объездах, я прихватил с собой упаковку с шестью банками пива. Алкоголь меня расслаблял, и я надеялся, что он поможет забыть о кошмарах и о том, что сказал на записи Бернард. Но даже алкоголь не мог изгнать рыскавшие в моем мозгу мысли, потому что, как и кошмары, запись была нашим общим опытом. Теперь требовалось только понять ее смысл. Но опасность, что могла в ней заключаться, была куда больше всего, с чем нам приходилось сталкиваться до сих пор. Она была куда реальнее любого сна или предчувствия. Она была ощутимой. Не могли ли эти намеки оказаться всего лишь очередными байками, новыми выдумками Бернарда, или, лежа в своем подвале, он говорил правду?

Подумайте обо всех прошедших годах. Подумайте о тех случаях,

когда что-то во мне казалось немного неправильным, как будто чуточку странным, как будто концы не совсем сходились с концами.

На дне спортивной сумки, которую я брал на каждую смену, имелся небольшой холодильник. Из него я вытащил банку пива, открыл ее и отпил.

Как бы мне хотелось рассказать вам правду о себе, о моих делах, но если вы хорошенько вдумаетесь и перестанете себе врать, то поймете, что ответы всегда были прямо перед вами.

Я представил себе Тони. Когда я уходил на работу, она спала, уютно свернувшись в постели. Как всегда, она казалась особенно прекрасной и умиротворенной во сне, будто ничто в мире ее не заботило. Вернувшись от Рика, я рассказал ей о записи, но опустил большую часть подробностей и преуменьшил значение признания. Она посчитала все это еще одной, последней выходкой Бернарда, и больше беспокоилась о моем самочувствии. Мы вместе устроились в кресле и смотрели телевизор, потом Тони легла в постель, и я гладил ее по волосам, как ей нравилось, пока она не уснула. Сидя на краю постели, я задумался, не было ли правды в том, что сказал Бернард?

Готов поспорить, теперь она понимает, что ей следовало связать свою жизнь с кем-нибудь другим.

Может быть, из-за этого у нас уже так давно не было нормального секса. Может быть, она любит меня, но уже много лет не влюблена в меня. Может быть, она боится забеременеть, и одна мысль о том, чтобы завести ребенка в браке вроде нашего, для нее невыносима. Может быть, она получает все необходимое с кем-то другим. Может быть, все так просто. А может, и нет. Может, мы обожаем друг друга, но у нас накопились проблемы, как у любой другой пары. И, может быть, эти проблемы не имеют особого значения, пока мы знаем, что никогда не оставим друг друга.

Я допил пиво и кинул пустую банку в сумку.

Подумайте обо всех прошедших годах...

* * *

Кроме редких важных эпизодов, имевших особое значение, наши детские годы вспоминались лишь смутно. Жизнь в Поттерс-Коув по большей части текла однообразно, здесь мало что менялось. В те времена еще существовало явное различие между «школьной» и «уличной» одеждой, но не было видеокассет, игровых приставок и кабельного

телевидения, компьютеров, Интернета и электронной почты, сотовых телефонов, пейджеров и микроволновых печей. Самым замечательным образцом новейших технологий, который можно себе вообразить, был ручной калькулятор без провода. Дети играли на улице и редко смотрели телевизор, да и каналов тогда было всего семь (ну или девять-десять, считая те, что ловились на дециметровых частотах – если в доме стояла соответствующая антенна) – последнее поколение, котороеросло не таким искушенным и не столь поглощенным технологиями. Конец эпохи невинности, иначе не скажешь.

Летом 1975 года мы все переживали несуразный переход к подростковому возрасту. В тринадцать мы, по сути, перестали считаться детьми, но не были и взрослыми, и еще несколько лет нам предстояло находиться в некоем промежуточном состоянии между двумя этими этапами.

Годом раньше президент Никсон ушел в отставку и была похищена Патти Херст. В январе три человека, Джон Митчелл, Гарри Холдман и Джон Эрлихман, которые постоянно появлялись на экранах телевизоров из-за процесса, на который мы не обращали особого внимания, были признаны виновными в деле о скандале в Уотергейтском отеле и получили тюремные сроки от тридцати месяцев до восьми лет. В апреле наконец завершилась война во Вьетнаме, Сайгон сдался, и остатки американских войск возвратились домой.

Из-за Вьетнама и Уотергейта времена изменились, и даже мы в свои тринадцать лет это чувствовали. В каком-то смысле, оба события нанесли вред нашей человечности, все вокруг стало другим. Люди теперь смотрели на вещи иначе, с меньшим доверием и большим цинизмом. Ущерб был непоправимым, и – в печали, в радости и безразличии – страна никогда уже не стала прежней.

Но этим летом происходили события, куда более важные для большинства тринадцатилетних мальчишек. Бостонские «Ред Сокс» рвали все выше (и дошли до Мировой серии, но проиграли Цинциннати в душераздирающей итоговой игре). Мать Бернарда сводила нас на «Пролетая над гнездом кукушки» и «Собачий полдень», фильмы со «взрослым» рейтингом, но потом вышли «Челюсти» и стали самым классным и страшным из всего, что нам разрешалось смотреть. Даже в популярных местах пляжного отдыха вроде Поттерс-Коув и по всему полуострову Кейп-Код люди боялись соваться в воду; все беспрестанно высматривали акул-убийц и видели плавник за каждой волной.

В том же году президент Форд за семнадцать дней пережил два

покушения, а потом еще и проиграл выборы Джимми Картеру в 1976-м.

Но о предыдущем лете, лете 1975 года, у меня осталось первое воспоминание, намекавшее, что Бернард был немного другим.

В нашей компании у Бернарда была самая молодая мать, и хотя все родители знали друг друга, но общались нечасто и особо не дружили. Она одна не работала. Когда-то Линда повредила спину и теперь получала государственные выплаты по инвалидности, хотя с нашей точки зрения с ней все было в порядке. Она много пила и редко выходила из дома днем, но несмотря на все проблемы, оставалась очень привлекательной женщиной, и в нашей компании считалась «классной» мамой. Практически каждые выходные Бернард проводил у кого-то из нас, пока его мать «развлекала» мужчин. Она встречала их в местных кабаках, куда частенько наведывалась, и предпочитала оставаться наедине со своими ухажерами. О таком положении дел знали все, но мы никогда это не обсуждали, так как Бернарда, казалось, все устраивало. Он смущался или расстраивался, только если об этом заговаривал кто-то посторонний.

Разумеется, благодаря своей внешности и поведению (среди прочего, летом она загорала в бикини на заднем дворе) Линда вскоре стала центральным действующим лицом практически всех мальчишеских фантазий, порожденных бурлившими гормонами, но при Бернарде мы всегда сдерживались. Он все равно знал, что мы пускали слюни на его мать, но, казалось, был слишком увлечен всеми прочими представительницами женского пола в городе, чтобы обращать на это внимание. Женщины нас только начали интересовать, правда, у Рика был сексуальный опыт – всего через несколько недель после тринадцатилетия он лишился девственности в компании с пятнадцатилетней болельщицей из старшей школы, с которой остальные не посмели бы даже заговорить.

Как всякий достойный главарь, Томми подходил к делу серьезнее и по большей части оставался в стороне от нашей одержимости. При этом мы отлично понимали, что уж он-то с легкостью нашел бы девушку «для этого», если бы захотел. Он был таким симпатичным, что это было почти нечестно, но, кажется, никогда не использовал внешность с выгодой для себя, как будто не вполне осознавая свои преимущества. Дональд все еще притворялся (по большей части ради нас), что женский пол представлял для него какой-то интерес, а мы с Бернардом плелись в условном хвосте и проводили большую часть дня, думая о девчонках, но едва ли решаясь к ним приблизиться.

В сентябре нам предстояло перейти в старшую школу, и уже через несколько месяцев у меня появятся кожаная куртка, бунтарское ампула и

первая настоящая подружка. Но тем летом я еще был прежним тощим, неуклюжим мальчишкой с круглосуточной эрекцией. Мой старший брат Кенни называл меня «стояком на ножках». Кенни был старше на пять лет – достаточно взрослым, чтобы понимать, что случилось с отцом, скучать по нему и мучиться. К тому времени, как я перешел в старшую школу, он уже закончил учебу и поступил на службу во флот. Он как будто ужасно неуютно чувствовал себя в роли старшего брата, и еще меньше хотел стать некоей заменой отцу, так что по большей части держался в стороне. И хотя он никогда не делал этого осознанно или со зла, я видел его как раз достаточно, чтобы скучать по нему, но при этом нередко ощущал себя единственным ребенком. Кенни вступил в военно-морской флот, оставив дом в конце лета 1975 года, и ни разу не свернул с выбранного пути. С этого момента мои воспоминания о старшем брате состояли по большей части из открыток из всех точек мира да одного-двух раз в год, когда мне удавалось с ним повидаться: он на пару дней заскакивал в город и тут же возвращался на корабль, чтобы отправиться к какому-нибудь далекому берегу.

Тем летом многое произошло, многое поменялось, и у меня было полно воспоминаний. Но этой ночью, в задрипанном автосалоне, при бледном свете ночников безопасности, попивая пиво и размышляя о прошлом, я сосредоточился на одном определенном дне.

* * *

Мы целеустремленно двигались через лес, быстро шагая по тропинке, пока не достигли уклона, а затем, примерно через пятьдесят ярдов, и просторной поляны. В середине, на круглом цементном основании стоял каменный очаг примерно пятнадцати футов высотой. В прошлые годы, когда этот клочок леса слыл популярным местом для отдыха, очаг был необходимым нарушением естественной обстановки: он обеспечивал защиту от костров, которые разводили слетавшиеся сюда толпы туристов. Но вокруг продавалось и застраивалось все больше участков, на другом конце города несколько лет назад появилась более современная площадка для палаток, и этот клочок леса оказался практически полностью забыт. Деревья здесь уже значительно поредели, дома подступали все ближе, но нас привлекало то, что совсем недалеко от центра города, в каких-то пяти минутах ходьбы, можно было оказаться в достаточно укромном месте.

Когда мы оказались у очага, я остановился, огляделся, чтобы

убедиться, что вокруг не было свидетелей, затем кивнул Бернарду.

Он присел на корточки перед очагом, вытащил несколько камней, закрывавших устье, и сунул руку внутрь по самый локоть. Обратно он вытащил ее, уже сжимая журнал в прозрачной целлофановой обертке. У меня подскочило сердце. Так это правда! Бернард ничего не выдумывал.

– Вот же блин, – пробормотал я. – Это он?

Бернард отполз от очага и плюхнулся на плотную подстилку из сосновых игл. Его глаза быстро моргали за толстыми стеклами очков.

– Зацени.

Я сел рядом с ним. По краям обертки скопился водяной конденсат и земля.

– Сколько он уже тут лежит?

– Пару дней. – Бернард положил пакет на колени и принялся распаковывать журнал с такой осторожностью, будто держал в руках тонкий фарфор. – Я не рискнул оставлять его дома. Если бы мама его нашла, она бы взбесилась.

Бернард утверждал, что нашел журнал, по сравнению с которым «Плейбой» показался бы комиксом. Он не рассказывал о нем никому, кроме меня, по крайней мере, по его словам, – но ему никогда нельзя было вполне доверять. Вранье Бернарда никогда не было злонамеренным, но часто обильным, и из-за этого даже близкие друзья вроде меня не всегда были уверены, говорил ли он всю правду или приукрашивал. Поначалу я отнесся к его рассказу с большим подозрением: журнал настолько откровенный, что он не решался хранить его дома, даже не мог рассказать о нем никому, кроме самых близких друзей, таким он был непристойным, – все это было подозрительно похоже на обычные выдумки Бернарда. Но вот смотри-ка.

Я огляделся, внезапно осознав, что в лесу стояла необычайная тишина, которую нарушал лишь редкий крик птицы или отдаленный рев автомобиля, пронесившегося по ближайшему шоссе.

– Надо обращаться с ним осторожно, потому что он не в лучшем состоянии. – Бернард достал журнал, судя по виду, очень старый, из полиэтиленовой обертки. На обложке красовалась черно-белая фотография блондинки, привязанной к деревянному креслу. На женщине были лифчик, трусики, чулки с поясом и туфли на высоком каблуке, а в рот было вставлено кожаное приспособление вроде лошадиных удиц. На первый взгляд она была обычной моделью для какого-нибудь журнала с «детективными» рассказами или историями о «настоящих преступлениях», которые нам удавалось отыскать прежде. На их обложках, под пестрыми заголовками вроде «Сексуальный маньяк с ножом пытается прекрасных

блондинок!» (или что-нибудь не менее кричащее), тоже всегда красовались полуобнаженные женщины. И все же с самого начала что-то в ней показалось мне иным. Выражение на лице этой женщины не казалось наигранным или притворным, как у других моделей. Она выглядела по-настоящему напуганной. Я быстро перевел взгляд на ярко-красные слова над фотографией: «СУЧКИ В ТЕЧКЕ». Обложка потрескалась в нескольких местах, поблекла от старости и завернулась по углам, и нигде на ней я не нашел ценника. Журнал был похож на любительский, обложка у него не была такой опрятной и глянцевой, как у тех, что лежали в магазинах и киосках.

– Ты просто не поверишь. – Смех Бернарда был скорее утробным, чем веселым. – Его издали в шестидесятых и, думаю, *незаконно*.

– Где ты его взял?

– У Чаки Динунцио.

– Ну разумеется.

– Я собирался купить еще один номер какого-нибудь «Пентхауза», но спросил, нет ли у него чего еще, ну, понимаешь, чего получше, где девицы что-нибудь делают, а не просто лежат. *Порнухи*.

– Идиот, я знаю, как это называется.

Бернард ухмыльнулся.

– Короче, Чаки сказал, что у него есть кое-что подпольное, журналы его папаша. Целые стопки этого добра свалены в подвале под всяким хламом. Он мне показал, где это, и разрешил в них порыться. Не поверишь, я так боялся, что вот-вот заявится его папаша, но Чаки сказал, что журналы лежат там уже так давно, что старик, наверное, даже забыл о них. Короче, я их быстренько перебрал и взял один. Не знал даже, что в нем, пока не сел потом, чтобы заценить, а тогда... *о-о-о-о да-а-а-а!*

Я легонько толкнул его локтем и рассмеялся.

– Чесслово, Бернард, ты такой балбес.

Он тоже рассмеялся, но быстро стал серьезным.

– Да, Чаки сказал, что, если нас застукают с этим журналом, мы реально попали.

Я пожал плечами.

– Чаки Динунцио просто кретин.

– И этот журнал был дороже остальных, – сказал Бернард, как будто не слышал меня. – Двадцать баксов.

– *Двадцать баксов?* Откуда ты взял столько денег?

– Стянул у мамы из сумочки.

– Болван, таких денег она точно хватит.

– Она уже спросила, не я ли их взял, – сказал он, улыбаясь. – Я просто сказал нет, и она мне поверила.

Я покачал головой.

– Ну ты псих.

– Эй, ты только никому не говори про журнал, ладно? Если Чаки прознает, что я кому-то рассказал, откуда его взял, они с ДиДжи меня убьют.

Чаки Динунцио был коротышкой в стильных черных очках, с зализанными назад волосами. Он носил вельветовые джинсы «Левайс» и узкие галстуки и был местной легендой. Родившись в семье сидельцев, Чаки, судя по всему, собирался следовать тем же путем. Он был на год старше нас и, сколько мы себя помнили, держал что-то вроде местного черного рынка. Какой бы предмет ни был нам нужен, он либо уже был у Чаки, либо тот знал, где его можно достать. Если у него ничего не выходило, в дело вступал его лучший друг и поделник, ДиДжи Яблонский, парень невероятных размеров, но почти что умственно отсталый. Он был единственным шестнадцатилетним парнем в начальных классах старшей школы. ДиДжи служил Чаки физической поддержкой, когда сделка срывалась или «покупатели» вели себя неуважительно. По большей части Чаки торговал сигаретами, журналами «Плейбой» и «Пентхауз», пивом, карманными и охотничьими ножами – и даже билетами на концерты, когда мы перешли в старшую школу. Если мы хотели заполучить что-то, чего не могли достать сами, Чаки Динунцио всегда был готов прийти на помощь.

Впрочем, это казалось немного чересчур даже для Чаки.

– Да не стану я никому ничего рассказывать, – пробормотал я.

Бернард осторожно отвернул обложку, и я увидел на странице поразному сгруппированные фотографии. Все они были черно-белыми и сериями продолжали тему, начатую на обложке. Та же женщина привязана к креслу, фотография с близкого расстояния, на темном фоне без глубины, как будто все снималось перед растянутым от пола до потолка черным полотнищем. Мой взгляд медленно перемещался от кадра к кадру, и каждый казался хуже предыдущего. К женщине присоединился толстый мужчина без рубашки, но в кожаной маске, и встал у стола, на котором были разбросаны какие-то странные приспособления и пыточные принадлежности. В первой последовательности он угрожающе нависал над женщиной, затем последовал ряд, в котором он держал ее за подбородок и раз за разом бил по лицу.

– Херня какая-то, – сказал я. Журнал уже теперь производил на меня действие, обратное обычному. Одно дело – голая женщина, но тут было

что-то мрачное и уродливое, и вовсе не завлекательное.

– Не, – выдохнул Бернард, – погоди.

Он перевернул страницу, и хотя что-то подсказывало мне не смотреть, я взглянул.

Мужчина срезал с женщины бюстгальтер и позволил ему упасть на пол. Затем он начал трогать ее, а она кричала и пыталась вывернуться. На последней фотографии на странице мужчина стоял возле стола. В одной руке он держал странное металлическое приспособление с длинной резиновой трубкой, пальцем другой угрожающе указывал на связанную и перепуганную женщину.

– А это что такое? – Я сглотнул так сильно, что почувствовал боль.

Бернард посмотрел на меня и улыбнулся. Его тощая грудь вздымалась быстрее, чем раньше, от стекол очков отражались яркие солнечные лучи.

– Знаешь, что такое клизма?

Я знал, но мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, как именно она работает.

– Господи, – наконец произнес я, – он же не собирается это делать, правда?

Бернард торопливо закивал, его лицо покраснелось, но не от солнца. Он перевернул страницу.

– Сначала она выглядит такой испуганной, – сказал он, медленно переводя взгляд на журнал, – но когда он начинает, ей нравится, видишь?

– А блин, какая мерзость! – Побоявшись, что меня вот-вот стошнит, я с трудом поднялся на ноги и стряхнул с брюк сосновые иголки. – Зачем мне вообще на это смотреть?

– Ей нравится, – повторил он. – Смотри, на последней странице он ее отвязывает, и она...

– Чувак, ты совсем спятил, – сказал я, изобразив беспечный смех.

Выражение его лица как-то изменилось, и он едва заметно пожал плечами.

– Но сиськи клевые, а?

Я кивнул.

– Да, наверное.

– *Наверное?*

– Да ну на фиг, она теперь, наверное, старше моей бабушки.

Он закрыл журнал и вернул его в пакет.

– Как думаешь, сиськи у Джулии Хендерсон такие же клевые?

– Не такие здоровые, как у этой, – сказал я, с облегчением наблюдая за тем, как он убирает журнал. – Но наверняка куда клевее.

Джулия Хендерсон была сногсшибательной девятнадцатилетней старшей сестрой нашего одноклассника, Брайана. Все живые обитатели мужеского пола воцеловили ее, и мы не были исключением. В довершение всего, почти каждый вечер Джулия пробегала по городу в невероятно коротких шортиках и крошечной маечке, так что для нас не было ничего необычного в том, чтобы бросить все дела и оказаться на улице, как раз когда она пробегала мимо. Это простое событие длилось от силы пятнадцать секунд, но породило бесчисленные обсуждения всего, что касалось Джулии, – разумеется, по большей части невероятно непристойные, – лишь разжигая пламень наших эротических фантазий.

Бернард подполз к очагу и затолкал журнал в пластиковом пакете глубоко внутрь, затем вернул камни на место. Поднявшись на ноги, он прыгнул с цементного постамента и встал рядом со мной.

– Ты в курсе, что она тут пробегает, да?

Я этого не знал, но не хотел показаться невеждой в том, что касалось ее маршрута.

– Ну да.

– Иногда я прячусь за очагом и наблюдаю, как она пробегает мимо.

– Ну ты и извращенец.

– Ну что поделать, если я не гомик вроде тебя.

– Заткнись, козел. – Я толкнул его, в шутку и не слишком сильно. – Получается, что я гомик только потому, что не прячусь в лесу и не дрочу, подглядывая за тем, как бежит какая-то девица?

Бернард слегка пожал плечами и рассмеялся, потом поправил очки.

– Ты подсматриваешь за ней так же, как все остальные.

– Да, но не здесь же. В смысле, если я оказываюсь на улице и...

– Если? Ага, рассказывай!

– Ладно, я выхожу из дому, когда она пробегает мимо, ну и что? – Теперь мы уже оба смеялись, но хотя я и чувствовал себя получше, у меня в памяти то и дело всплывали картинки из журнала. – Я смотрю на нее, улыбаюсь, она, как обычно, не обращает на меня внимания и пробегает мимо. Я ухожу обратно домой, и все. Я не поджидаю ее в лесу как какой-нибудь рукоблуд.

Бернард взглянул на меня так, будто занимавшие его мысли были куда важнее, чем ответ на мои оскорбления.

– Знаешь, – негромко сказал он, – если бы я хотел что-нибудь с ней сделать... это отличное место.

– Ага, я уверен, что Джулии прям не терпится прийти сюда и потрахаться с тобой, Бернард. Наверное, сидит сейчас дома и прям трогает

себя, вся извелась, мечтая об этом.

Я ожидал, что он рассмеется, но он оставался серьезным.

– Может быть, поначалу она и не захочет.

– Скорее уж никогда. Слушай, если ты окажешься последним парнем на планете, она, наверное, станет лесбиянкой.

– Кретин, я серьезно. Сам знаешь, в сентябре она уедет в колледж.

– И что?

– А то, что если мы собираемся что-то с ней сделать, то надо делать это до конца лета.

– Бернард, послушай меня. Джулия Хендерсон не согласится ничего с тобой делать. Очнись, она, наверное, даже не знает о твоём существовании.

Он прошел к тропинке из леса, потом остановился и посмотрел на меня.

– Я говорил об этом с Риком.

– О Джулии Хендерсон?

– Ага. Он сказал, что было бы прикольно однажды подсторожить ее тут, когда она пробегает мимо, и один из нас мог бы задержать ее и заговорить с ней. – Он снова улыбался, как будто шутил. – А потом другой мог бы подкрасться сзади и быстренько стянуть с нее шорты. Она бы очень смутилась и все такое, но мы бы все там увидели.

Я подошел ближе, и мне в глаза ударил луч света, заставив прищуриться.

– Это Рик сказал?

Бернард кивнул.

– Понимаешь, тогда, если она разозлится, мы просто развернемся и убежим, как будто все это в шутку... но если не разозлится, тогда мы можем попробовать что-то еще и посмотреть, что из этого выйдет.

– Это все Рик сказал?

– Да.

Еще одна ложь Бернарда.

– Ты гонишь.

– Через пару минут мы подойдем к его дому, – напомнил он. – Сам спроси.

– У вас из-за этого могут быть большие неприятности. Серьезно.

– Она никому не расскажет. – Бернард прищурился. – Они никогда не рассказывают.

От тона его голоса у меня свело мышцы живота.

– Ты о чем вообще?

– Девчонки обычно не рассказывают, если с ними случается что-

нибудь такое, – сказал он.

– Тебе-то откуда знать?

– Видел передачу по телику. Там говорили.

– Да без разницы. Я бы никогда ничего такого не сделал, – заявил ему я, все еще не понимая, говорит ли он всерьез.

– Тебе не хотелось бы сделать это с Джулией Хендерсон?

– Хотелось бы, но... Но, блин, я хочу, чтобы ей тоже хотелось. Если она не хочет, то это нападение, изнасилование, вот что.

– Ну и что?

– Ну и то, что я не хочу ее насиловать, ты что, совсем больной?

– Но если она ничего не расскажет и никто не узнает... Тогда бы ты хотел?

– Она будет знать, – ответил я. – Я буду знать.

– Она будет знать, – передразнил он тоненьким голоском, прижимая руки к груди, как будто умирал. – Я буду знать! Я буду знать!

– Ну ты и козел. – Я рассмеялся и в шутку ударил его кулаком. – Я думал, ты всерьез.

– А может, и всерьез.

– Ага, а может, и нет, – сказал я, и мы вместе развернулись и пошли из леса. – Кроме того, ты же такой педик, что все равно не знаешь, что делать с девчонкой.

– Как скажешь, гомячок.

Наш смех разносился среди деревьев. По дороге из леса мы, по обычаю большинства мальчишек этого возраста, продолжали обмениваться гомофобными фразочками и бесконечно изобретательными непристойностями. В этом смысле мои воспоминания о том вечере ничем не отличались. Бернард никогда больше не говорил со мной о том, чтобы подстеречь Джулию Хендерсон в лесу, и я выбросил ее из головы как еще одну его фантазию.

Но теперь я задавался вопросом, чем было это безобидное, казалось бы, подростковое обсуждение за порнографическим журналом? Пытался ли Бернард, как и мы все, просто разобраться с собственными пробуждавшимися сексуальными позывами, смущением и вожделением, болтал с обычной мальчишеской самоуверенностью и бравировал тем, к чему не испытывал интереса? Или это был знак, который я пропустил, предупреждение о том, что даже тогда в нем существовало нечто иное? Нечто темное, нездоровое... смертоносное?

Она не расскажет. Они никогда не рассказывают.

Я давно не вспоминал тот день, но лучше всего запомнились самые

тревожные – даже спустя столько лет – образы.

Взглянув на стол, я обнаружил еще три пустых банки из-под пива, выставленные ровным рядком. Я сгреб их со стола и бросил в сумку, потом закинул ноги на стол и попытался устроиться как можно удобнее в жестком пластиковом кресле.

Снег сменился морозящим дождем. Ночь стала как будто темнее.

От алкоголя в желудке потеплело, но ум все не унимался, и, закрыв глаза, я принялся копаться в памяти в поисках других намеков.

* * *

Когда я заметил ее, было начало третьего.

С воды тянулся густой туман, и уже в нескольких футах едва можно было что-то разглядеть. Улицы затихли, уже больше часа не появлялось ни одной живой души или даже проезжающей машины, и тут, копаясь в сумке в поисках новой банки пива, я краем глаза заметил движение.

Я выпрямился и вгляделся в туман. Внутри салона горела только небольшая лампа и ночник, освещая лишь часть зала. Два мощных прожектора на крыше выхватывали из тумана небольшой участок стоянки и ряды машин. На самом краю территории стояла женщина – просто стояла на месте, безвольно опустив руки по бокам, а вокруг, обнимая ее призрачными пальцами, медленно вились плети тумана.

Я вернул нетронутую банку пива в сумку и обошел стол, не отводя от женщины взгляда. Медленно подкрался к центральному окну. Женщина смотрела прямо на меня. На фоне ночной темноты и тумана выделялись только ее глаза.

И глядя в эти глаза, я сообразил: она была похожа на женщину с маленьким мальчиком в доме Рика.

Вы по поводу канализации?

Насколько я помнил, она выглядела точно так же. Я придвинулся к окну так близко, что мог коснуться стекла рукой. Должно быть, просто какая-то проститутка слоняется по улице среди ночи. В этом районе они были обычным явлением, даже в такое время. Но женщина выглядела нездоровой, а Нью-Бедфорд и Поттерс-Коув разделяло много миль. Невероятным образом глубоко в душе я был уверен, что это та самая женщина.

И, судя по тому, как она глядела на меня, женщина тоже меня узнала.

Любопытство одолело страх, и я направился к двери. В ночной тишине

звук множества отодвигаемых засовов на входной двери отчего-то показался тревожным.

Женщина все еще стояла на прежнем месте, но теперь сложила руки на впалой груди.

В тот момент, когда я толкнул дверь и ступил в туман, дубинка у меня на поясе напомнила о себе своим весом. Воздух был прохладным, куда холоднее, чем следовало бы, и туман как будто начал рассеиваться. Ровные удары сердца эхом отдавались у меня в ушах. Медленно и как бы невзначай я опустил руку на пояс и почувствовал, как пальцы сомкнулись на рукоятке дубинки и сжались плотнее.

Либо я выпил больше, чем думал, либо недавние события в сочетании с недосыпанием и все повторявшимся кошмаром о Бернарде наконец дали о себе знать. *Или, – подумал я, – все это происходит на самом деле.*

– Мэм, – окликнул я, с трудом сглотнув, – у вас все в порядке?

Женщина не дала никакого определенного ответа.

– Вы в порядке? Вам... нужна помощь, мэм?

Не сказав ни слова, она уронила руки и позволила им повиснуть вдоль боков, как будто они были сломаны и больше ей не нужны. Но что-то в ее взгляде изменилось. Она как будто умоляла меня, манила.

У меня слегка задрожали колени, и я отвел взгляд, чтобы торопливо оглядеть стоянку. Я должен был убедиться, что женщина одна. На территории автосалона и на улице за ней было пусто и тихо. Я снова посмотрел на женщину в тумане и пробормотал:

– Не может быть она той самой женщиной. Не может быть.

Я схватился за рукоятку дубинки, но не снял ее с пояса.

– Вы живете где-то рядом?

Снова молчание.

– Женщина, вы заблудились?

Она отвернулась и побрела прочь.

Я стоял на месте, напуганный, презирая собственную слабость.

– Вы заблудились? – снова спросил я, на этот раз громче.

Женщина продолжала идти и ускользнула в туман, и я в последний раз разглядел ее сквозь клубящуюся дымку. Затем, достигнув противоположной стороны улицы, она пропала окончательно.

Глубоко вздохнув, я зажал в руке дубинку и бросился следом.

Глава 7

Туман сгустился и навалился на меня со всех сторон, как громадное привидение без начала, середины и конца. Я подкрался к краю стоянки, отлично осознавая, что здание автосалона с двумя прожекторами на крыше, рассекавшими тьму и туман, осталось далеко позади. Единственным источником света теперь был одинокий фонарь через улицу, что отделяла меня от подступов к заброшенной фабрике. Я остановился, давая глазам привыкнуть, и прислушался. Женщины нигде не было видно, и, ходя обычный шум города по-прежнему доносился издалека, вокруг все было тихо и, если не считать медленно ползущего тумана, неподвижно.

Некоторое время я стоял на месте, прислушиваясь к разгоревшемуся в моем уме спору: я хотел забыть обо всем и вернуться в относительную безопасность автосалона, но в то же время знал, что не вернусь, не смогу. Я сошел с тротуара и пересек улицу, сняв дубинку с пояса, но удерживая ее внизу, у ноги.

Туман расступился, и я шагнул на тротуар на противоположной стороне, туда, где прежде находился въезд на фабрику. В нескольких футах от края участка постепенно ветшала заколоченная будка охраны и информации. Длинный кусок тяжелой, хотя и проржавевшей цепи все еще перегораживал въезд, не позволяя никому подъехать слишком близко к заброшенной фабрике. Я снял с пояса фонарик, включил его и медленно провел лучом вокруг. Свет был ярким, но лишь отражался от тумана. В конце концов я отключил фонарик, вернул его на пояс и пошел вперед, ориентируясь в уличном освещении.

Дойдя до цепи, я пригнулся и прошел под ней. Надо мной нависла угрожающая махина фабрики, высокие вертикальные окна зияли как глазницы. Большая часть стекол давно была разбита, несколько уцелевших покрылись непроницаемой грязью от времени и запустения. Десятки лет назад эти же близорукие окна покрывала испарина, за которой безмолвно перемещались неопределенные, безликие, покорные тени. Но я был уверен, что те призраки давно изгнаны. Теперь здесь обитало что-то другое.

Возможно, впрочем, оно жило только в моей голове.

Тонкий слой снега, еще покрывавший все вокруг, начинал таять, тек и капал со стен на тротуар. Окна первого этажа были заколочены, но широкие двери главного входа сгнили и почти развалились, оставив здание с вечно распахнутым зевом.

Я приблизился к проему. Вход наискось пересекала доска, которая, судя по всему, упала сверху много лет назад, да так и осталась торчать. Изнутри невероятных размеров пустого пространства доносилось эхо капающей воды и едва слышные царапающие звуки. Я снова снял с пояса фонарик и направил луч на доску и в темноту за ней. На одном конце доски сидела невероятных размеров крыса. Со странным скрипучим звуком она поднялась на задние лапы и оскалила зубы.

От неожиданности я отступил на шаг, но не отвел от крысы луч фонарика. Свет отразился от ее глаз, и они вспыхнули в темноте двумя алыми шариками. Противостояние продолжалось до тех пор, пока крыса, пару раз неторопливо приняхавшись, не развернулась, вразвалочку не подошла к краю доски и не спрыгнула в темноту.

У меня в желудке поднялась кислота, и я отрыгнул, почувствовав привкус пива. Несмотря на холодный воздух, у меня на лбу выступили капельки пота. В голове стало понемногу проясняться. *Какого дьявола я тут делаю?* Я оглянулся через плечо. Туман стал таким густым, что совершенно скрыл автосалон на другой стороне улицы, хотя прожекторы на крыше все еще слегка проглядывали сквозь дымку.

Позади меня что-то шевельнулось.

Я резко развернулся обратно лицом к фабрике и дверному проему, держа перед собой фонарик в одной руке и дубинку в другой. Прямо за гнилой доской, наполовину скрываясь во мраке, стояла женщина.

Наши взгляды встретились, и я едва приметно кивнул.

Она сделала несколько шагов вглубь здания, затем оглянулась на меня.

Я почувствовал, как двигаюсь вперед, одну за другой перекидываю ноги через доску и пробираюсь сквозь дверной проем, будто больше не управлял собственным телом. Свет в моих руках мигнул и погас. На меня холодным потоком ринулась темнота, и я, чувствуя накатывающий вместе с ней страх, одним отчаянным движением встряхнул фонарик. Свет возвратился, растекся передо мной тусклым озерцом, но когда глаза привыкли к нему, я понял, что женщина пропала.

Я осторожно перешагнул через небольшую грудку обломков и отбросов, изо всех сил стараясь не обращать внимания на обилие тошнотворных запахов. Поводил фонариком из стороны в сторону, пытаясь отыскать женщину, но увидел только покрытые граффити стены и толстый слой мусора на полу. На мгновение меня отвлекли царапание и суета крысиной возни, и я посветил фонариком в ту сторону.

В конце длинного узкого коридора справа наметился слабый отсвет, но ни следа женщины.

Я осторожно пересек помещение, двигаясь в направлении света. Он привел меня в другую комнату, куда меньшего размера и в куда худшем состоянии. Я остановился в полуразвалившемся дверном проеме и увидел на полу одинокую зажженную свечу, мусор устилал пол комнаты от стены до стены. Неподвижный воздух наполняла отвратительная вонь человеческих экскрементов.

Фонарик у меня в руке задрожал. Я выключил его, прицепил обратно на пояс, сжал дубинку обеими руками и шагнул внутрь. Мигающий огонек свечи отбрасывал тени, похожие на скачущих демонов. Женщина стояла посреди комнаты на коленях, держа что-то в руках и медленно покачиваясь. Рядом валялись грязный шприц, пустой спичечный коробок и почерневшая ложка. Я перевел взгляд – она держала на руках мальчика, того самого, который прятался за ней в доме Рика, но теперь ребенок не подавал признаков жизни. Его руки и ноги болтались, повернутая набок голова покоилась на сгибе локтя женщины, рот был разинут, и из него торчал крошечный распухший язычок, глаза слепо распахнулись – он был давно мертв.

Погружаясь в безумие, я шагнул ближе. Женщина повернула голову: грязное измученное лицо, ужас в налитых кровью глазах, впалые щеки, оспины на темной коже.

Она посмотрела на меня так, будто в этом была моя вина, медленно качнула мертвого ребенка в болезненно тощих, исколотых иглами руках и негромко заскулила.

– Вы по поводу канализации?

– Нет, извините, – ответил я.

Женщина посмотрела в сторону, скользя взглядом по дальней стене так, будто видела что-то еще, нечто большее. Беззвучно шевеля губами, она продолжала качать мальчика на руках.

Я быстро оглядел комнату, обведя взглядом от краев освещенного свечой пространства к дальней стене, на которой то ли красной краской, то ли кровью были торопливо начерчены странные знаки, почти иероглифы. То, что осталось от двери, было теперь установлено на невысоких стопках оббитых бетонных блоков и служило чем-то вроде самодельного алтаря. Под ним неопределенной грудой лежал какой-то темный неподвижный предмет, но я не мог разобрать, что это.

Женщина пошевелилась, и я снова обратил внимание на нее. Нежно, с большой осторожностью она положила мальчика на грязный пол и принялась тянуть пояс, державший ее халат. Костлявые пальцы отчаянно дергали материю и в конце концов то ли развязали, то ли порвали пояс, и

халат распахнулся. Сунув руку под голову мальчика, женщина притянула ее к себе и склонилась к ребенку. Из-под ее одежды показалась небольшая иссохшая грудь с удлинившимся, истерзанным соском.

Подтянув ребенка к себе, она поднесла сосок к его губам и принялась массировать обвислую грудь; ее губы при этом быстро, но беззвучно шевелились.

– Женщина, – сумел выдавить я. – О господи, женщина, вас надо... нужно вытащить отсюда и вас, и мальчика.

Она посмотрела на меня.

– Вы по поводу канализации?

– Нет, я не по поводу никакой канализации!

Ее глаза закатились, как будто она перестала контролировать их движение, все тело выгнулось, точно ее душили невидимые руки.

Я замер на месте, наблюдая за тем, как прямо из-под кожи ее растрескавшегося соска появился небольшой отросток. Сначала я подумал, что это длинный волос.

Но потом он шевельнулся.

Из-под кожи появился еще один и начал двигаться синхронно с первым, ощупывая губы мальчика, как будто в поисках опоры. Рука женщины плотнее сжалась вокруг груди, сосок прорвался, и изнутри протиснулся панцирь какого-то жука или таракана, за ним другой и третий. Они потекли из нее в рот мальчика, протискиваясь между его губами и исчезая во рту, и я сообразил, что этот волос был усиком. Насекомые хлынули из тела женщины в невероятном количестве, переполнив рот ребенка, словно частицы единой пощелкивающей и взбухающей массы.

Я на ощупь оперся о стену позади, согнулся пополам и как-то сумел подавить уже поднимавшуюся к горлу рвоту. Отшатнувшись, я прислонился к стене и взглянул на женщину.

Она по-прежнему стояла на коленях рядом с мальчиком, но больше не держала его.

Насекомые пропали. Из ее неестественно распахнутых глаз потекла кровь.

– Что... что со мной происходит? – спросил я.

С нечеловеческой скоростью она бросилась на меня и обхватила руками мой лоб. Ее хватка была болезненной и куда более сильной, чем можно было предположить, и в тот момент, когда ее плоть прикоснулась к моей, я почувствовал, как меня электрическим разрядом пронзил поток энергии. Мое тело рывком выпрямилось, голова запрокинулась, и я услышал, как дубинка покатила по цементному полу.

Перед моими глазами, как кадры из старого кинофильма, замелькали ужасающие сцены неопишемого побоища. Лица – отвратительные, покрытые нарывами, залитые кровью ухмыляющиеся хари; рычание и утробный смех; огонь; вопли отвратительных созданий, охваченных языками пронзительно-оранжевого пламени, погруженных в потоки крови. Зубы – клыки – рвали куски человеческой плоти, человеческие когда-то тела висели вверх ногами, выпотрошенные как скот. Порочность, невиданная мною прежде порочность пронизала меня единым яростным потоком и обратилась в мерцание, в клочок тумана, который рассеялся у меня на глазах, как сигаретный дымок под потолком.

Но потолка не было, надо мной раскинулось лишь темное небо и густой туман.

Я снова оказался снаружи, посреди улицы между фабрикой и автосалоном. Дубинка лежала на асфальте у моих ног, но включенный фонарик остался крепко зажатым в левой руке. Чувствуя, как бьется мое сердце, я нагнулся и подобрал дубинку, потом бросился обратно к автосалону.

Погрузившись в туман, я едва мог понять, где нахожусь, и бежал изо всех сил, не обращая внимания на жжение в легких и боль в ногах. И хотя я не мог видеть его, я знал, что зло все еще было здесь, рядом со мной. Оно гналось за мной, кружило в тумане, окликало низким, вымученным ворчанием.

Глава 8

Три дня. Три дня замешательства и отрицания, смутных воспоминаний и приступов ужаса. Три дня я провел в постели, пялясь в потолок, не зная, день или ночь стоит за плотно занавешенным окном, погружаясь в медикаментозный сон и проводя даже часы бодрствования в бездумном повиновении. Три дня я пытался убедить себя, что не схожу с ума.

Владелец автосалона в то утро пришел на работу и обнаружил, что я пропал без всяких объяснений, дверь не заперта, а стол, за которым я сидел, завален пустыми пивными банками. Нино несколько раз пытался связаться со мной по рации, но я не отвечал. Я уехал из салона, вернулся в Поттерс-Коув, припарковался перед домом Рика и стал ждать, когда он вернется из клуба.

Тот подъехал к дому около четырех часов, и я встретил его снаружи. Забеспокоившись, он пригласил меня зайти, но я отказался и начал расспрашивать о молодой чернокожей женщине и ее сыне, которые жили в квартире на первом этаже, у самого входа.

Рик заявил, что в этой квартире никто не живет. Что она пустует много месяцев, с тех пор как съехал последний жилец, одинокий мужчина средних лет. Значит, она жила там незаконно, взломала дверь и поселилась без чьего-либо разрешения, настаивал я, потому что вчера я ее видел. Вчера она со мной разговаривала. Вчера ее *сын* со мной разговаривал.

Находясь уже практически на грани срыва, я рассказал ему, что произошло, и тогда Рик стал настаивать, что должен отвезти меня домой. Я согласился, но только после того, как он пообещал разузнать про квартиру.

Я смутно помнил, как Тони поблагодарила Рика и уложила меня в постель; потом, лежа в полном изнеможении и истощении, я слышал их голоса на кухне до тех пор, пока не погрузился в какое-то подобие сна. Через некоторое время Тони вошла в спальню с лекарством, которое прописал ее начальник; она пообещала, что таблетки помогут мне расслабиться и уснуть. Она попросила верить ей, и я поверил.

Теперь, спустя три размытых дня, я припарковался напротив главного офиса «Охраны Батталия», находившегося в небольшом магазинчике на проспекте Акушнет, одной из центральных улиц Нью-Бедфорда. Я сидел в машине и смотрел на входную дверь до тех пор, пока не почувствовал, что готов к предстоящему неприятному разговору.

Два крошечных колокольчика над дверью известили о моем прибытии.

Я подошел к столу в приемной, за которым сидела Мардж, администратор, секретарь и, время от времени, диспетчер: гарнитура на голове, длинные акриловые ногти клацают по клавиатуре. Увидев меня, она неуверенно улыбнулась.

– Привет, Ал.

– Привет.

– Как ты себя чувствуешь? – тихо спросила она. – Все в порядке?

Я кивнул.

– Нино здесь?

Мардж качнула головой в сторону закрытой двери кабинета в конце коридорчика за ее спиной.

– Заходи, он тебя ждет.

* * *

Когда я вошел, Нино, как всегда вымотанный до предела, поднял глаза от невероятной груды бумаг. Он изобразил натужную улыбку и указал на стул напротив стола.

– Присаживайся, Ал.

Закрыв за собой дверь, я подошел к столу, но остался стоять.

– Нино, слушай, мне жаль, что так получилось, я...

Нино поднял руки, бросил карандаш на стол и сел поглубже в крутящемся кожаном кресле.

– Я знаю, Ал, я знаю. – Он снова указал на стул. – Сядь.

Я подошел к стулу и опустился в него, чувствуя себя школьником в кабинете директора.

– Нино, ты не можешь себе представить, как мне стыдно за то, что произошло, мне правда, правда очень жаль. Даю слово, что ничего подобного никогда больше не случится. Никогда.

Его глаза блуждали, останавливаясь на чем угодно, кроме меня. Задвинувшись еще глубже в кресло, он нервно погладил усы толстенными пальцами.

– Ты очень давно работаешь у нас, – наконец сказал он. – Лучший из наших работников. Лучший из всех, кто когда-либо у нас работал.

– Пятнадцать лет, Нино, – напомнил я.

– Я знаю. Ты наш старший сотрудник, господи прости, ты работаешь у нас лет на десять дольше всех остальных. – Он снова улыбнулся, хотя явно чувствовал себя не в своей тарелке. – И, кроме того, ты... Блин, ты мне уже

как друг, понимаешь?

– Просто... у меня сейчас кое-какие трудности, но...

– Я понимаю, все понимаю. – Он выпрямился в кресле, откатил его от стола и встал. Нино был приземистым человечком с грушеобразным туловищем и необъяснимой страстью к безвкусным украшениям, нескладно сидевшим брюкам и рубашкам из синтетического шелка, но теперь на нем был спортивный костюм и теннисные туфли, означавшие, что он не собирался надолго оставаться в офисе после нашего разговора. – Но тут вот какое дело. Я поговорил вчера вечером с Пити, убеждал его как мог, но ты сам знаешь, мой брат тут главный. Я могу высказаться, но за ним последнее слово.

– Слушай...

– Он в тебе души не чает, сам знаешь. – Нино проковылял к бутылки с водой в углу, обнаружил, что рядом с ней не осталось одноразовых стаканов, и схватил ближайшую кофейную кружку. – Но Ал, блин, ты ушел посреди смены.

– Я знаю. Я здорово облажался.

Нино понюхал изгвазданную кофе кружку, потом сунул ее под кран и наполнил водой. Наблюдая за поднимавшимися в бутылки пузырьками воздуха, он сказал:

– Из-за тебя мы потеряли клиента.

– Черт, Нино, мне так жаль.

– Я сделал все, что мог. – Наполнив кружку, Нино вернулся к столу и плюхнулся обратно в кресло. Из центрального ящика стола он вытащил упаковку антацида, разорвал ее и высыпал таблетки в воду. – Извини, но нам придется тебя уволить.

– Да ладно, Нино, – сказал я, снова вставая. – Я облажался, но я здесь столько лет проработал.

– Ты ушел посреди смены! Ты, блядь, ушел посреди ночи и оставил салон незапертым! – Он схватил кружку и влил в себя ее содержимое одним отчаянным глотком. – И, вдобавок ко всему, хозяин салона нашел кучу пивных банок! – Он с такой силой грохнул кружкой об стол, что она раскололась на две равные половинки. Посмотрев вниз, Нино осознал, что держит только часть с ручкой, и швырнул ее в стену. – Все иногда выпивают на работе. Думаешь, я ничего об этом не знаю? Но блин, надо же убирать за собой! Какой идиот оставляет после себя пустые бутылки? Ты что, совсем без мозгов? Пити пришлось лично заниматься этим делом. Понимаешь? Пити не любит лично заниматься делами. Ему пришлось беседовать с чуваком, успокаивать его. Он мог подать на нас в суд, Ал.

Блин, он все еще может подать на нас в суд!

– Может, ты дашь мне пару недель? – спросил я. – Неделю или две, чтобы поправить мозги. Отпуск. Дай мне отпуск. Без оплаты, просто время, чтобы со всем разобраться.

– Прекрати, не надо устраивать сцену, и без того тошно, – попросил Нино. – Мы с Пити все обсудили и решили: даже после того, что ты натворил, мы дадим тебе хорошую рекомендацию, лады? – С одной из стопок на столе он схватил конверт. – Здесь деньги, которые мы тебе должны за прошлый период, плюс отпускные. Я добавил еще плату за месяц по базовой ставке. Возьми деньги и беги, Ал.

Я схватил конверт, сунул его в карман куртки и бросил на стол жетон и удостоверение. Прежде я на всякий случай прицепил на пояс рацию и теперь стянул ее и бросил вместе с остальными вещами.

Нино протянул через стол руку.

Поколебавшись, я пожал ее.

* * *

Я вернулся в Поттерс-Коув вскоре после полудня. Рик и Дональд поджидали у основания лестницы, ведущей к моей квартире. Рик, облаченный в черную кожаную куртку, плотный джемпер, джинсы и кепку козырьком на затылок, оглядел меня с беспокойством. Дональд, в пиджаке и при галстукe, неуверенно махнул рукой и нервно улыбнулся. Мне не понадобилось ничего объяснять; они поняли, что меня уволили.

– Мудаки, – пробормотал Рик.

Я пожал плечами.

– Я сам виноват. Нельзя просто так свалить со смены.

– Ты в порядке? – спросил Дональд.

– Выживу.

Рик почесал щетину на подбородке и подставил лицо легкому, хотя и прохладному ветерку, задувавшему с воды.

– На следующей неделе у нас увольняется один из привратников на неполный день, – сказал он через несколько секунд. – Уже подал заявление. Если хочешь, я могу устроить тебя в клуб.

– Спасибо, но мне нужно еще немного времени. Надо собраться с мыслями.

Рик кивнул, не отрывая взгляда от воды, от медленно скользивших по ней уток.

– Ты не рассказывал им о... об остальном?

– Разумеется, я рассказал Нино все о том, как я струсил, потому что меня преследовали призраки маленького мальчика и его матери. – Я покачал головой и тоже повернулся лицом к ветру. – Не говоря уже о розовых слониках под моей кроватью и летающих эльфах в гребаном ковре.

– Я позвонил домовладельцу, сказал, что один из моих приятелей вчера видел кого-то в пустой квартире. Он отправил работника, чтобы все проверить. Дверь была заперта, в квартире все цело. Ни следа взлома или того, что там кто-то был после того, как съехал последний жилец.

– Я знаю, что видел, Рик.

Он взглянул на меня.

– Я тоже туда заглянул. Зашел вместе с работником. В этой квартире никто не жил.

– Я знаю, что видел.

– Я просто говорю, что...

– Нет, говно собачье! Ты уж реши: либо ты мне веришь, либо нет.

– Ты уверен, что это были те же женщина и ребенок?

Меня передернуло.

– Да, на все сто.

Но, по правде сказать, я больше ни в чем не был уверен. По правде сказать, я боялся, что схожу с ума.

– Ладно, ладно, – сказал Дональд, – давайте все успокоимся.

Рик развернулся и зашагал к джипу.

– Поехали.

– Куда?

– У Донни обеденный перерыв, – ответил он, не оглядываясь. – Я предлагаю купить что-нибудь пожарить и все обсудить.

Миновав пару улиц, через пять минут мы припарковались в полуквартале от вьетнамца, продававшего с тележки хот-доги и колу.

Рик и Дональд купили по хот-догу. Я купил бутылку газировки. С покупками в руках мы отошли на пару метров, ко входу в один из городских парков. Впервые за долгое время на небе не было ни облачка, солнце светило ярко и, несмотря на холодный воздух, пригревало, намекая на то, что до весны оставались считанные дни. Хотя место мы выбрали проходное, здесь было достаточно уединенно, чтобы продолжить разговор вполголоса.

– Давайте начистоту, – сказал я. – Вы мне не верите, вот и все.

Дональд откусил от хот-дога и какое-то время жевал, прежде чем

ответить.

– Этого никто не говорит, Алан. Но ты должен понимать, что между кошмарами, снами, которые снились всем нам, и тем, что описываешь ты, есть большая разница. Со снами все странно, тут не поспоришь, но в конце концов ими все и ограничивалось. А ты говоришь о том, что происходило с тобой наяву.

– Я знаю лишь одно: кем бы ни были эта женщина и ребенок, они как-то связаны с Бернардом. – Я сделал глоток газировки и бросил бутылку в ближайшую урну. – Они явно пытались со мной связаться. Что-то мне сказать.

Рик и Дональд переглянулись, но не произнесли ни слова.

– Знаете что? Катитесь оба к черту.

– Ты сказал, что выпил в ту ночь, – сказал Дональд. – Могло как-то повлиять на то, что произошло?

Я повернулся к нему.

– Нет, мне кажется, уж тебе-то не стоит уводить разговор в *эту* сторону.

– Слушай, я просто хочу сказать...

– Что? Что именно ты хочешь *просто сказать*, Дональд?

В воздухе саваном повисло напряжение.

Рик откусил от своего хот-дога, скривился и посмотрел на него так, будто не был уверен, держит ли в руках что-то съедобное.

– Ты мне рассказывал, что на фабрике происходили всякие странности, – наконец сказал он.

– Да, я видел какие-то символы на стенах и что-то вроде алтаря. – Я провел рукой по волосам. – Там творится такая жуть, что я... – *что я не могу вспомнить и половины того, что со мной произошло*, хотел сказать я, но не смог. – Там просто жуть какая-то творится. Если вы мне не верите, сходите и посмотрите сами.

Дональд с трудом доел свой хот-дог.

– Прекрати вести себя так вызывающе. Мы ни разу не говорили, что не верим тебе.

Я посмотрел на Рика.

– Так что нам теперь делать?

Было тревожно видеть его в состоянии такого отчаяния и беспокойства. Мы привыкли к раздражительности Рика, но подобной смеси страха и неуверенности я не видел на его лице уже много лет, со дня оглашения приговора.

– Я уже не понимаю, что за херня происходит. Сны, и всякие мысли, и

все эти непонятные вещи крутятся в голове, и я... я не знаю, что с нами творится, но в этом должен быть какой-то смысл. Все стало как будто размытым. Неясным и...

– Разрозненным, – закончил я.

– Точно. – Дональд зажег сигарету и уставился под ноги. – Со мной то же самое. Мне все время кажется, что я должен вспомнить что-то определенное, но не могу; стараюсь изо всех сил, но иногда все кажется совершенной бессмыслицей.

– Я думаю, что бы ни случилось, – сказал Рик, – нам надо держаться вместе. Держаться вместе и приглядывать друг за другом, как всегда. Если мы начнем разбегаться или ссориться между собой, нам конец.

Я кивнул, приглашая их в свое безумие, радуясь тому, что больше не буду тонуть в нем в одиночестве.

Рик выплюнул кусок хот-дога и швырнул остаток в направлении торговца.

– Блин, что за мерзость.

Торговец недоуменно наблюдал за тем, как кусок хот-дога катится по тротуару.

– Спокойно, – сказал Дональд. – Не надо устраивать скандал.

– Да мать вашу, эта хрень *хрустит*! – Он сделал угрожающий жест в направлении продавца и продолжил еще громче: – Хрустит арахис, а не хот-доги, кретин! Косоглазый мудака. Какого хрена ты вообще продаешь американскую еду? Всякая шваль понаедет и...

– Забирает всю хорошую работу, соглашаясь быть уличными торговцами хот-догов или сборщиками урожая за считанные центы. Подонки. – Дональд выкинул сигарету и взял Рика под локоть. – Пойдем, ты обещал подвезти меня обратно до работы.

Рик вырвал руку и медленно, но угрожающе двинулся к продавцу.

– Ты на что пялишься, хуесос хренов?

– Терпеть не могу, когда он так себя ведет, – сказал Дональд. – Прямо как маленький.

– Ладно, хватит, – сказал я, вставая между Риком и продавцом, который уже начал отступать в дальний угол. – Не вымещай все на нем, давай просто уедем отсюда.

Рик уставился на меня с таким видом, как будто вот-вот действительно взорвется, если кого-нибудь не ударит, и на мгновение мне показалось, что этим кем-то могу стать я, но тут он развернулся на месте, ринулся к джипу и пнул его.

Путь до офиса Дональда прошел в неуютном молчании. Торопливо и формально распрощавшись, мы с Риком поехали к моему дому. Он припарковался возле железной дороги, и довольно долго мы сидели молча.

– Не стоило мне вот так заводиться, – наконец сказал он. – Просто иногда... накапливается всякая херня, понимаешь, и...

– Это неважно, – сказал я. – Не забивай себе голову.

– Может, мы все немного спятили.

– Может быть.

В его взгляде читался гнев, вызов страху.

– Что за херня происходит?

– Не знаю. Но мне кажется, ты был прав, когда сказал, что это недобрый знак. И мы не знаем и половины.

– Как думаешь, мы когда-нибудь узнаем все до конца?

– Да, – сказал я. – Хотим мы того или нет.

Глава 9

Я моргнул и переместился из одной тьмы в другую. Перед моими глазами начали вырисовываться едва различимые очертания спальни. Занавески были опущены, но внутрь просачивалось достаточно лунных лучей, чтобы осветить противоположную стену. Я не знал точно, как долго спал, но у меня возникло ощущение, что уже поздно. Я принял еще одну из этих треклятых таблеток и спал без сновидений, но даже теперь, полностью пробудившись, знал, что действие успокоительного будет ощущаться еще долго. Во сне я скинул одеяло, и теперь оно лежало у меня в ногах. Кровать на стороне Тони была аккуратно застелена, одеяло по-прежнему подоткнуто с одного края. В темноте за кроватью виднелась слегка приоткрытая дверь спальни, в щель между ее краем и дверной коробкой просачивался слабый свет. Я потер глаза, все еще тяжелые веки и длинно зевнул.

Где-то на улице взывала сирена и тут же затихла. Вместо нее до меня издали донесся голос Тони. Я замер и прислушался. Она разговаривала по телефону на кухне, почти шептала, и время от времени пол поскрипывал, когда она ходила с места на место. Я не мог разобрать слов, но тон ее голоса был мрачным.

Я посмотрел на свои ноги на краю постели. В темноте они казались такими бледными, такими белыми и бескровными, как будто были вырезаны из слоновой кости.

Однажды я буду лежать голый, вытянувшись во весь рост, как сейчас, но не на постели, а на холодном металлическом столе. Кто-то мне незнакомый, кого я, наверное, никогда не встречал, нависнет надо мной, будет подготавливать мое тело, осквернять его, сливая кровь и заменяя ее чем-то иным, чужеродным и противоестественным, чтобы превратить меня во что-то не совсем человеческое. Мысль о том, что однажды кто-то преобразит и обработает мое тело, защитит его от разложения только для того, чтобы спрятать под землей, – уже не живой организм, а скорее некий скрытый декоративный объект, пародию на то, чем он был прежде, – была одновременно ужасающей и завораживающей. Что я буду ощущать? Буду ли я вообще что-то чувствовать, будет ли мне дело до того, что со мной происходит?

Возникают ли подобные мысли у других людей, когда они смотрят на свое тело?

Я перевел взгляд на тумбочку у кровати, на выключенную лампу, электронные часы, Библию в кожаном переплете, спускавшиеся с нее бусины розария и задумался, когда был изготовлен каждый из предметов. И осознал, что это не важно, так как и лампа, и книга, и все остальные вещи, вероятно, будут так или иначе существовать еще долго после моей смерти, если только кто-нибудь не уничтожит их нарочно.

В уме промелькнули события последних нескольких дней. Когда мельтешение образов замедлилось, мои воспоминания сосредоточились на Рике, на том, как он расхаживал, угрожая несчастному продавцу хот-догов, словно какой-нибудь свихнувшийся от тестостерона подросток. Мы с Риком очень не походили друг на друга, и хотя я считал некоторые черты его характера отталкивающими, были у него и качества, которым я завидовал. Мне не хватало терпения на то, чтобы ходить в спортзал пять раз в неделю или бегать по три мили в день; я не разделял его увлечения собственной физической красотой и навязчивого стремления вечно оставаться молодым. Я никогда не мечтал о бессмертии. Но для Рика жизнь и возраст были еще одной спортивной игрой, вроде тех, что он уже освоил. Для него они были противниками, а Рик играл, чтобы выигрывать.

Иногда казалось, что этим он пытается повернуть время вспять и стереть год, проведенный в тюрьме, заставить замереть стрелки часов и остаться таким же, каким он был до того, как все пошло наперекосяк. Он никогда не рассказывал о времени, проведенном за решеткой, и я уважал его за это. Можно сказать, я всегда втайне восхищался Риком. Он был способен на такое, что мне не под силу, но иногда казалось, будто он делает все это только чтобы доказать себе то, что и так очевидно для окружающих. В восемнадцать лет я бы и недели не протянул в тюрьме строгого режима, а дожив до тридцати, не имел ни храбрости, ни желания прыгать с парашютом, заниматься сплавом или скалолазанием, как иногда делал он. Я не мог припомнить, каково это идти под руку с девушкой, с которой я не планировал провести больше нескольких часов, или заниматься любовью больше чем с одним человеком за неделю. Такого рода одинокая и беспечная свобода осталась в воспоминаниях настолько далеких, что я даже сомневался, была ли она когда-либо частью моей жизни. И все же, как столь жестоко заметил на записи Бернارد, Рик никогда не думал, что проведет жизнь, работая вышибалой в ночном клубе. Его вызывающее поведение и внешность были лишь механизмом самосохранения. Скоро мужчины моложе и сильнее него начнут претендовать на ту же работу – если не претендовали уже теперь, и рано или поздно один из них выпихнет его на обочину. И тогда никакая грубоватая красота, накачанные мышцы,

независимость и поза крутого парня ему не помогут. Какой бы непостижимой ни была эта мысль, но однажды Рик состарится и не сможет рассчитывать на свои физические качества, ему придется признать, что он так же напуган и ни в чем не уверен, как и остальные, и что, в конце концов, он всего лишь еще одна душа в поисках пути.

Может быть, именно в этом и была причина его гнева, его ярости из-за того, как повернулась жизнь, и того, что ожидало его впереди. Но сколько я его помнил, Рик всегда легко прибегал к насилию. Была ли виной тому постоянная необходимость поддерживать выдуманный им для себя образ Супермена? Или какие-то неизвестные события в прошлом лучше объясняли эту склонность?

Мне вспомнился день, проведенный с Бернардом в лесу. Не произошло ли там что-нибудь на самом деле? Неужели Бернард действительно что-то сделал с Джулией Хендерсон? И помогал ли ему Рик? Стал бы Рик участвовать в чем-то таком? Мог ли он совершить нечто подобное даже тогда, в тринадцать лет? Я закрыл глаза и попытался восстановить в памяти события прошедших лет. Насколько мне было известно, в сентябре Джулия уехала в колледж, но она была куда старше нас, и мы едва ее знали. Я не мог припомнить, чтобы она появлялась в городе после того лета. Да и моя дружба с ее братом постепенно сошла на нет, так что я ничего не знал о дальнейшей судьбе Джулии даже в общих чертах. Но если бы что-то произошло, об этом узнал бы весь Поттерс-Коув, были бы выдвинуты обвинения – если только она кому-то рассказала.

Они никогда не рассказывают.

Я провел руками по волосам и уставился в потолок.

То, в чем я прежде был уверен, больше не казалось таким уж безусловным. Было ли в словах Бернарда на записи больше правды, чем мы хотели признавать? Был ли кто-то из нас тем, кем казался? Был ли я подлецом, подозревая в Рике склонность к подобным вещам, или наивным дураком, который никогда прежде не подозревал ее в Бернарде?

Я пытался представить, чем Рик занимался в это самое мгновение, но вместо этого мои мысли обратились к Дональду.

В каком-то смысле я всегда чувствовал большую близость к Дональду, чем к Рику, но временами он, как и Бернард, вел себя очень отстраненно. Вот только в Дональде, в отличие от Бернарда, в жизни которого то и дело проявлялись новые странности, никогда не было ничего загадочного. Когда он отдалялся от нас, то делал это, как я считал, исключительно ради уединения, а не чего-то подозрительного. По правде сказать, он был полной противоположностью Рику, так как не имел вовсе никакой склонности к

насилию. Я не мог припомнить ни единого случая, когда Дональд в гневе поднял бы на кого-то руку. Его оружием всегда был его ум. И оружием этим он частенько пользовался до тех пор, пока не погиб Томми. Его смерть изменила нас всех, но Дональд замкнулся на год с лишним, и очень скоро в нем не осталось даже намека на детскую невинность, на наивное изумление.

Я вспомнил, как мы с ним гуляли по пляжу в день похорон Томми. Мы ходили туда и сюда по одному и тому же отрезку пляжа, лишь изредка перебрасываясь краткими фразами. В какой-то момент Дональд заметил среди высокой травы на краю пляжа гнилой грейпфрут. Он подобрал его и протянул мне, лицо его выражало нечто среднее между яростью и отчаянием. Я вопросительно посмотрел на него.

– Просто заberi его, – едва слышно попросил Дональд. – Нельзя ничего вот так запросто выбрасывать.

И хотя грейпфрут был бесполезной, уже выброшенной гнилью, я взял его и таскал с собой до тех пор, пока мы не ушли с пляжа и не вернулись домой. Только когда Дональд ушел, и я был уверен, что он этого не увидит, я выкинул грейпфрут. Но даже тогда чувствовал себя виноватым, потому что он был прав. Нельзя ничего вот так запросто выбрасывать. Будь то грейпфрут или мальчик-подросток.

Как и планировалось, Дональд поступил в колледж, но у него больше не лежало к этому сердце, все восторги и надежды на будущее остались в прошлом, неисполненные мечты умерли и были похоронены так же, как Томми. Он начал больше пить, и, как мне кажется, его проблемы назревали уже много лет, хотя дела пошли совсем плохо только недавно.

Как и Рик, Дональд так и не завел серьезных отношений, но, в отличие от Рика, он не был распутником. Если не в нашей компании, то он, как правило, оставался в одиночестве. На протяжении всех этих лет я слышал от него всего одно или два имени, да и тогда речь шла скорее о случайных знакомых, редких свиданиях или друзьях, а не о серьезных партнерах.

Как сказал на записи Бернارد, в старшей школе он встретил кого-то, но их отношения, судя по всему, плохо закончились, лишь усугубив недоверчивость и подавленность Дональда. В каком-то смысле, с тех пор он прятался. Даже в заполненной людьми комнате он казался безнадежно одиноким – не то чтобы его избегали, скорее он сам сознательно отстранялся от окружающих, будто бы один в полной мере осознавал, каким пустым и бессодержательным может быть существование.

Дональд отбросил многое, но не свое остроумие и способность сопереживать. И хотя с годами его юмор смягчился, он оставался

важнейшей частью его характера, как и искренняя забота об окружающих. Дональд был крайне сложной личностью, и, как бы хорошо я его ни знал, порой я задумывался, всегда ли он будет рядом, по ту сторону телефонной линии или за дверью? Как и Рик и в какой-то мере я сам, он выживал как мог, но только вопреки, а не благодаря собственным действиям.

Но, может быть, и Дональд не был исключением. Знал ли он что-то еще о том, что происходит? Были ли между ним и Бернардом какие-то свои тайны, как были, вероятно, у Бернарда с Риком? Были ли они повинны в том, что он покатился по наклонной, которая стала лишь круче в последние месяцы?

Я сел и осторожно переместил ноги на пол. Непрошенные подозрения сменились легким головокружением. Я закрыл глаза – и увидел глядящие на меня лица мальчика и его матери.

Мои глаза распахнулись. Комната прекратила кружиться.

Я размышлял о других, мысленно подозревал и предавал их, но как насчет меня самого? Не было ли чего-то, что знал я, не разделял ли я, сам того не зная, что-то общее с Бернардом?

Прежде чем я смог углубиться в собственные мысли, из кухни раздался звук возвращенной на аппарат телефонной трубки, а потом Тони прошлепала к спальне.

Открыв дверь, она слегка отпрянула, но тут же справилась с собой.

– Я думала, ты спишь, – сказала она с жалкой улыбкой. – Ты меня напугал.

– Только проснулся. От этих таблеток меня вырубает.

– Поэтому Джин их и прописал. Они снижают тревожность, – пояснила она. – Он сказал, что они помогут тебе спать.

– Он прав. – Я помассировал затекшую шею. – Который час?

– Начало одиннадцатого.

– Вечера?

– Да, любовь моя, вечера.

Тони подошла к окну и подняла занавеску. Я посмотрел на лунный свет, потом снова на нее. Я почти чувствовал ее беспокойство.

– Слушай, ты прости, что так вышло с работой.

– Ты всегда можешь найти новую.

– Я сам напросился, но Нино уволил меня только потому, что ему велел Пити. Через несколько недель он будет умолять меня вернуться. Где они найдут другого такого же надежного и преданного, как я? Кроме того, я получил приличную доплату, так что какое-то время мы продержимся.

Тони подошла ко мне с осторожностью, которой я не замечал в ней

прежде, и села рядом на постель.

– Алан, нам надо поговорить.

– Разве мы не разговариваем?

– О том, что произошло той ночью.

Я кивнул. Она много курила, я чувствовал исходящий от нее запах.

– Слушай, я рассказал тебе все, так подробно, как...

– Я говорила об этом с Джином и...

– Что? Почему ты не поговорила сначала со мной?

– Любовь моя, он психиатр, это его работа.

Я поднялся, ноги у меня слегка подкашивались.

– Это не его собачье дело. Господи, Тони, с чего вдруг Джину надо знать каждую деталь нашей личной жизни? Он не какой-нибудь член семьи, ты на него работаешь, а мне он даже не друг.

– Он друг мне. – Ее волосы, густые, но коротко остриженные, спутались. Она отвела от усталых, измазанных тушью глаз непослушную прядь. – Он беспокоится о тебе, Алан, и я тоже.

Я стоял перед ней в одних трусах и не знал, куда себя деть.

– Я перенервничал, понимаешь? Теперь со мной все в порядке.

– Мне не кажется...

– Только и всего, весь разговор.

Она уставилась в пол.

– Я боюсь, Алан.

– Я тоже.

– Я боюсь *тебя*.

У меня сжалось горло.

– Да ладно, малыш, ну что ты. – Я опустил перед ней на колени, взял за руки. – Я бы никогда не причинил тебе вреда, ты же знаешь.

Она задрожала, на ее глазах появились слезы.

– Той ночью... Я никогда тебя таким не видела, ты... что-то бормотал и настаивал, что случилось что-то безумное, и я не могла тебя успокоить, не могла с тобой поговорить. Ты совершенно расклеился, у тебя случился срыв. Это не нормально, Алан. Это не *безопасно*.

– Со мной все в порядке, – сказал ей я. – Клянусь тебе, со мной все в порядке.

Она высвободила одну руку и вытерла слезы.

– Джин считает, что для тебя было бы очень полезно сходить к нему и поговорить о том, что произошло той ночью.

– Ты сейчас с одним из пациентов разговариваешь, что ли? – Я выдернул руки и встал. – Джин. Что он обо всем этом знает? Это с ним ты

сейчас разговаривала по телефону?

– Да, мы...

– Очень уж ты сдружилась с этим говнюком, тебе не кажется?

На ее лице с раскрасневшимися, все еще мокрыми от слез щеками появилось потерянное выражение.

– Что ты такое говоришь?

Я подошел к окну.

– Скажи, чтобы он не лез в чужие дела.

– Я обратилась к нему за помощью.

– Значит, прекрати обращаться к нему за помощью. Пусть он оставит нас в покое. – Я ухватился за края оконного проема, чтобы как-то занять руки и не начать бить стену. – Я не псих какой-нибудь, и мне не нужен психиатр. Я не один из его сбрендивших пациентов.

– Я никогда этого не говорила, – негромко произнесла она. – Я всего лишь подумала, что тебе было бы полезно пойти и поговорить с ним, только и всего.

– О чем, интересно узнать? – Я оттолкнулся от окна и повернулся к ней. – О чем? С чего нам следует начать, а? С кошмаров? Или с того, что Бернард, возможно, оказался кровожадным психопатом, что он, возможно, резал людей на протяжении многих лет? Что все эти годы свидетельства этому были у нас под носом, но мы по какой-то неизвестной причине решили не обращать на них внимания? Что все вокруг – все до единого, включая меня, – не те, кем я их считал? Что я вижу людей, которых на самом деле нет? Мертвых женщин и мальчиков в темноте – шикарная деталь, кстати. И я знаю, что на этой фабрике произошло много чего еще, чего-то плохого, зловещего, что я... я не хочу вспоминать, Тони, я... Господи, меня отправят в психушку, я...

Сдавленное всхлипывание быстро превратилось в отчаянные, неуправляемые рыдания. Тони молча распахнула объятия, и я бросился к ней. Кажется, мы очень долго лежали, обнявшись, переплетя руки, и плакали.

Я обхватил ее лицо ладонями, заглянул в глаза.

– Я должен разобраться со всем сам. Я знаю, что это звучит вполне безумно, но что-то *действительно* происходит, и не только в моей голове. Все это правда. Я не сошел с ума.

– Я никогда этого не говорила. Но у тебя сейчас трудности, ты...

– Все будет хорошо. Сейчас я должен узнать правду. Я не могу и дальше не обращать на нее внимания, она... она этого больше не позволит, понимаешь?

Коснувшись моей щеки, Тони попыталась улыбнуться, и лишь тогда я осознал, что на ней были только длинная футболка и трусики. Темные пятнышки ее отвердевших сосков прижимались изнутри к материи, как будто пытались протиснуться наружу. В лунном свете Тони казалась такой беспомощной, такой напуганной, будто ее безопасность и душевное спокойствие держались только на мне. И, может быть, так оно и было.

– Я люблю тебя, – сказал я. – Что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя.

Ее мягкие ладони коснулись моих бедер, теплое дыхание защекотало шею, и через мгновение Тони материализовалась надо мной. В томных, медленно моргавших глазах таилась история – наша история. Ее язык прошелся по моей щеке, скользнул в ухо. Я обхватил ее руками, впился пальцами в крепкие ягодички, потом медленно переместил ладони по спине на плечи и почувствовал, как отвердеваю, раздвигая мягкий пучок волос у нее между ног. Тони приподняла бедра, выгнула спину и двинулась навстречу, впуская меня глубже. Она питоном скользнула ближе, выпрямила спину и легла поверх меня, пристально взглянула в глаза, как будто боялась потерять в темноте.

* * *

Когда все закончилось, она легла рядом со мной так, что я чувствовал биение ее сердца, и теплыми пальцами принялась обводить очертания моей груди. Мы лежали в объятиях друг друга, запыхавшиеся и вспотевшие. Впервые за долгое время мы занялись любовью. Возможно, только из-за опасения Тони, что этот раз может оказаться последним?

Образы проникали в мое сознание, как капли дождя: подвал, фотография неизвестной женщины, запись, кошмары, призраки, заброшенная фабрика. Безумие.

– Бернард не был тем, кем мы его считали, – негромко произнес я. Тони прижалась ко мне плотнее, но ничего не сказала. Я знал, что она по-прежнему мне не верит. Впрочем, как мне кажется, тогда мне вообще никто не верил.

До тех пор, пока не прошла зима, не стоял снег и не обнаружили первый труп.

Весна

Глава 10

В конце Главной улицы железнодорожные пути сворачивали в направлении лесистой местности, где буйно росли высокие травы и кусты. Рельсы проходили по засыпанной щебнем земляной насыпи, которая рассекала естественный пейзаж и уползала куда-то за горизонт. Гулять вдоль путей было нашим любимым развлечением с детства. Позднее, уже в старшей школе, один участок возле Главной улицы, как раз перед тем, как рельсы исчезали среди зарослей, стал местом наших встреч. Хотя, чтобы дойти до него пешком, требовались считанные секунды, из-за неровной, неухоженной земли большинство взрослых, включая копов, предпочитали туда не соваться, поэтому дети считали этот пятачок отличным прибежищем. Мы не были исключением и часто собирались там, чтобы выкурить сигарету, косяк, может, выпить банку-другую пива или посидеть с девушкой.

За поворотом рядом с путями находилось поле, куда с дальней стороны можно было попасть по узкой грунтовой дороге, пересекавшей лесистый участок. Земля здесь частенько перекапывалась, а затем торопливо укладывалась обратно. Трава росла только редкими пучками, в углу стоял крошечный полуразвалившийся сарайчик. Все знали, что там хранились всякие инструменты, ничего интересного. Кроме мистера Макинтайра, единственного сотрудника службы по контролю за животными в Поттерс-Коув, туда никто не ходил.

В тот день мы решили пропустить часть учебного дня. Бернард чувствовал себя подавленным – прошлой ночью погиб его пес Кудряш. Утром Бернард обнаружил его на заднем дворе, рядом со столом для пикников. Пса, судя по всему, сбила машина, и он как-то сумел доползти до двора, упал рядом со столом и умер. Мистер Макинтайр увез Кудряша в большом мусорном мешке из прочного пластика, но помня, что поле было городским кладбищем для животных, мы знали, где искать могилу пса.

– Отчего вы не похоронили его у себя на дворе? – спросил я.

Бернард сидел на склоне насыпи между путями и раскинувшимся внизу полем, заткнутая между его губами травинка раскачивалась на ветру.

– Я хотел, – тихо сказал он, – но он очень большой, мама сказала, что мы не можем перекопать весь двор, даже ради Кудряша. Она мне что-то втирала о том, как Макинтайр похоронит его как положено и все такое. Да щас. – Он прищурился, по-прежнему глядя на поле. – Наверное, он его

закопал вон там. – Он указал на небольшой участок свежеперекопанной земли. – Там явно недавно копали. Наверное, Кудряш именно там.

Я жалел Бернарда. Несколько лет назад у меня умер кот, и, хотя в пятнадцать лет не было ничего важнее, чем сохранять невозмутимый вид, я знал, что Бернард ужасно страдал. Кудряш был с ним с раннего детства. Мы все знали и любили этого пса.

– Каким надо быть козлом, чтобы сбить собаку и поехать дальше? – сказал я, встав позади него и стараясь смотреть куда угодно, только не на поле.

– Мне надо было впустить его, прежде чем уйти спать, – пробормотал Бернард. – Наверное, все случилось среди ночи. Наверное, он пошел через улицу, как обычно, копаться в мусоре миссис Петрилло. – Бернард усмехнулся. – Этот дурак вечно жрал ее мусор. Наверное, когда его сбила машина, он возвращался домой.

– Все равно, этот говнюк должен был остановиться.

– Может, он и остановился. Было поздно, а я нашел Кудряша на заднем дворе. Наверное, он заполз во двор, а кругом было темно. Может, тот, кто его сбил, ничего не нашел и решил, что он в порядке. Не знаю. Может, какой-то козел сбил его и поехал дальше, даже не оглянувшись. – Бернард вытащил травинку изо рта, какое-то время разглядывал изжеванный конец, потом посмотрел на меня. – Кудряш был старый, не мог бегать как раньше. Может, он надеялся перебежать улицу, но не успел. У него из ушей шла кровь. Мистер Макинтайр сказал: это оттого, что машина ударила его по голове. – Я стоял рядом и не знал, что сказать. – Я буду скучать по этой тупой псине.

– Я тоже, – сказал я. – Кудряш был классным.

Бернард снова посмотрел на поле.

– Спасибо, что ушел из школы со мной.

– Да пожалуйста. – Я пнул камешек, и он поскакал, ударяясь о пути. – Пойдешь вечером на вечеринку у Мишель Бреннон?

– Не-а.

– Может, отвлечешься немного.

Травинка снова оказалась у него во рту, подпрыгивая на ветру.

– Ты когда-нибудь видел что-нибудь мертвое, Ал?

Я пожал плечами.

– Ну, наверное.

– Так видел?

– Мой кот, Док, умер.

– Помню. У него был рак.

– Ага. Доктор Хельстром сказал, что ему уже никак не помочь, что у него очень большая опухоль.

– И он убил его для вас.

– Он его усыпил.

– Ага, убил.

– Я не хотел, чтобы Док страдал. Ему было очень плохо.

– И ты видел, как он это сделал, или ушел?

Я стал ходить вдоль путей, не желая размышлять на эту тему.

– Мы вышли из комнаты до того, как он начал что-то делать. Но Доку было уже очень плохо, он вообще не чувствовал, что происходит. Потом мама разрешила мне его забрать, и мы похоронили его во дворе.

– Я помню, – сказал Бернارد. – Херово видеть мертвецов.

– Угу.

– Особенно если это кто-то, кого ты знал живым. – Бернارد кивнул, как будто соглашался с собственными словами. – Вроде как, если вот лежит что-то мертвое у дороги, и ты никогда прежде его не видел и не знал, и тебе наплевать, потому что ты даже не видел его, пока он был живым, то это не особо-то важно. Ну, противно, наверное, и можно подумать о том, что это вроде как печально и, может быть, немного интересно, но это просто что-то мертвое. Просто мертвый... *предмет*. Но если ты знал его раньше, если ты видел его живым, а потом он умер – это полная херня.

– Ты когда-нибудь видел мертвого человека? – спросил я.

Он кивнул.

– Пару раз был на поминках.

– Я видел бабушку после того, как она умерла, – сказал ему я. – Она так странно выглядела, когда лежала в гробу, лицо такое бледное... Она даже не особенно была на себя похожа.

– Потому что это была уже не она, – сказал Бернارد. – Ее больше не было.

– Все говорили, как хорошо она выглядит, такая умиротворенная, а я был тогда совсем маленький, но все равно понимал, что все это вранье. Она выглядела ужасно. Она выглядела мертвой, вот как она выглядела.

– Как думаешь, как они выглядят там, внизу? – Бернارد указал подбородком на поле. – Что там, подо всей этой землей и травой?

– Наверное, сплошные кости.

Бернارد вынул изо рта травинку и бросил ее в направлении поля. Ветер подхватил ее, и травинка улетела, крутясь и пританцовывая в воздушном потоке. Бернارد снял очки, протер толстые стекла подолом рубашки и надел их обратно.

– Хуже всего, что нас всех ждет то же самое. Что бы ты ни сделал за свою жизнь – или не сделал, кем бы ты ни был и куда бы ни поехал, ты все равно сдохнешь. Все в конце концов умирают, и их хоронят. Если только тебя не сожгут и не развеют пепел. У мамы был двоюродный брат, с которым так сделали, высыпали его пепел в океан.

– Думаю, это уже не важно, после того, как ты умер.

– Думаю, нет, – согласился он. – Но все равно это дерьмово. Мы живем и знаем, что рано или поздно все равно окажемся в земле. Какой-то наш день окажется последним.

– Никто и ничто не живет вечно, Бернард.

Он рассеянно кивнул.

– Но мы должны.

– Почему?

– Потому что иначе будет слишком жестоко. Выходит, что с самого рождения мы начинаем стареть, понимаешь? Выходит, что с самого рождения мы вроде как начинаем умирать. Какой смысл в жизни, если она просто закончится, и ты умрешь, а мир продолжит существовать, как будто тебя никогда и не было? Вчера Кудряш играл во дворе, жевал свой мячик, ел обед, пил из унитаза, был живой собакой. А потом – бах, и все. Вот так просто. Как будто его никогда не было.

– Для этого у нас есть воспоминания, – сказал я.

– От воспоминаний нет никакого толку.

Я спрыгнул с путей и сел рядом с ним. Из-за дальних деревьев через поле подул холодный ветер. Небо становилось свинцовым, с океана приближалась гроза. Мы сидели молча, прислушиваясь к своим мыслям.

– Ал, ты веришь в Бога? – спросил Бернард.

– Конечно, а ты веришь?

– Ага. Ты когда-нибудь о Нем размышляешь?

– О чем, как Он выглядит, что ли?

– Нет, почему Он делает то, что делает?

– Ну, иногда.

– Я думаю, отчего Бог меня ненавидит.

– Бернард, Бог никого не ненавидит. Он же Бог.

Бернард подтянул колени к груди, оперся о них подбородком и обхватил их руками.

– Ты веришь в Дьявола?

– Не знаю даже. Наверное.

– Если существует Бог, то должен быть и Дьявол.

– Ну, наверное.

– Не наверное, а точно. У всего есть противоположность.

– Конечно.

– Иногда я так ужасно злюсь, что просто хочется сойти с ума, понимаешь? – Бернард посмотрел на меня и покачал головой, как будто его самого эти слова беспокоили больше, чем могли беспокоить меня. – Хочется послать все к черту и просто все разнести, всех разнести, потому что все равно ничто не имеет значения. Если жить как живешь, мир просто существует, не останавливаясь. Если бы что-то имело значение, если бы в нем был какой-то смысл, он бы остановился. Остановился и что-нибудь заметил бы. Но он не останавливается.

Я положил руку ему на плечо и пожал, потом легонько, в шутку потряс и отпустил.

– Все так иногда себя чувствуют, не беспокойся.

Бернард медленно моргнул, его глаза казались немного искаженными из-за толстых стекол очков.

– Я не беспокоюсь, – сказал он. – Однажды я сорвусь, Ал, и тогда кому-нибудь не поздоровится. – Обычно я бы поддразнил его за такие слова, но на этот раз сдержался и промолчал, как будто поверил. – Здорово не поздоровится.

Обычная болтовня Бернарда. Он совсем не умел драться, никого не мог напугать. Он хорохорился, но никогда не мог подкрепить свои слова делом. Он был зол и расстроен и грустил из-за своего пса, так что я решил оставить его в покое. Я оставлю его в покое, кем бы он себя ни объявил.

– Тебе никогда не приходило в голову, что Бог просто издевается над нами?

– У Него определенно извращенное чувство юмора. – Я натужно рассмеялся.

– Я серьезно.

– Просто иногда жизнь вот так дерьмово складывается, только и всего.

– Думаю, Дьявол мне нравится больше.

– Это ты заливаешь.

– Но это правда.

– А вот и нет.

Бернард пожал плечами.

– По крайней мере, с ним-то все ясно.

– Правда? – Я толкнул его локтем, изо всех сил стараясь разрядить обстановку. – Как давно ты с ним разговаривал в последний раз?

– Иногда мне кажется, что он говорит со мной.

– Врешь! – Я отогнал пробравший меня холодок еще одним

принужденным смешком. – Ты просто псих.

Бернард слабо улыбнулся и поднялся на ноги.

– Будет гроза.

Я встал, стряхнул землю с брюк.

– Как думаешь, после того, как мы умрем, мы встретим людей, которые умерли до нас? – спросил он.

– Думаю, да.

– И животных?

– Конечно. Бог сотворил их так же, как и людей, с чего бы им не иметь души?

Бернард какое-то время размышлял над моими словами, снова обратив взгляд на свежераскопанное место на поле.

– Думаю, ты прав.

– Готов поспорить, что Кудряш сейчас носится по Раю, опрокидывает помойные ведра и ест мусор.

– Может быть, мы все понимаем неправильно, – негромко сказал он. – Может, мы начинаем жить... только после смерти.

Вдалеке зарокотал гром.

– Ладно, – сказал я. – Пошли отсюда.

Когда мы уходили, начался легкий дождик.

* * *

Я не мог припомнить, когда в последний раз доходил до той части путей, но теперь, столько лет спустя, сидел в машине напротив кладбища животных и наблюдал за тем, что происходило за желтой полицейской лентой. На сиденье рядом со мной лежала вчерашняя вечерняя газета, ее заголовок описывал ужасную находку, сделанную поутру городским рабочим. На поле, среди костей нескольких поколений животных, в неглубокой могиле, которая провалилась с наступлением тепла, обнаружилось нагое, изувеченное и частично разложившееся тело. Работник заметил торчавший из земли предмет и не сразу определил, что это такое. Приглядевшись получше, он понял, что перед ним человеческая лодыжка и ступня. Впоследствии из статей и телевизионных репортажей стало известно, что тело принадлежало молодой женщине, умершей много недель назад, но ее личность установить пока не удалось. К местным полицейским присоединилась полиция штата, прочесывавшая теперь округу, и поток журналистов, прибывавших в Поттерс-Коув для освещения

событий.

За последние двадцать лет в городе было только три убийства. Подросток застрелил бывшего лучшего друга из отцовской винтовки. Годами сносившая побои женщина приласкала своего мужа молотком по голове после того, как он напился и вырубился, и мужчину, которого полиция знала как продавца наркотиков, застрелили в аллее в центре города, в духе гангстерских казней. До сих пор это были самые страшные убийства в Поттерс-Коув. Все они были ясными и легкоразрешимыми. Новое убийство было иным.

И оно было только началом.

Хотя тело уже увезли, прилегающие улицы заполняла толпа людей, крутившихся за полицейским ограждением, словно поклонники, которые собираются у служебного выхода в надежде увидеть вблизи рок-звезду. Чуть поодаль, смешавшись с толпой, у самой обочины стоял, нахмурившись и скрестив руки на груди, Дональд. За последние две недели я не виделся ни с ним, ни с Риком, только несколько раз говорил по телефону. Сейчас нам проще было держаться подальше друг от друга.

Хотя в пузырьке оставалось несколько капсул прописанного лекарства, я прекратил принимать его несколько дней назад, и теперь у меня в голове прояснялось, чувства снова обострялись. Тони держалась на расстоянии, и, по совести, мне не в чем было ее винить, потому что я даже не пытался искать работу и отказывался обсуждать встречу с психиатром и вообще говорить о той ночи. Последнее время я проводил большую часть дня, размышляя, вспоминая, копаясь в памяти в поисках чего-либо, что направило бы меня в нужную сторону. И подолгу бесцельно ездил по городу, как будто надеялся отыскать ответы на обочине дороги. Теперь я гадал, сколько раз за последние недели я проехал в десятке ярдов от места, где нашли труп. Какая, в самом деле, жестокая насмешка.

Повторяющийся кошмар возвращался уже реже, но мрачные мысли и стробоскопические проблески воспоминаний о ночи на заброшенной фабрике продолжали преследовать меня с яростным постоянством. Я вышел из машины, облокотился о капот и глядел на Дональда до тех пор, пока он меня не заметил. Он был одет как на работу, в пиджаке, но развязанный галстук висел, придавая ему необычно взъерошенный вид. Увидев меня, он тут же перешел улицу и подошел к моей машине.

– Ты как? – спросил он.

– А как *ты*?

День был ясный и приятный, но не очень солнечный. Дональд снял черные очки, чтобы яростно потерять темные мешки под глазами, потом

вернул их на место, спрятавшись за темными стеклами.

– Я проснулся, побрился, принял душ, оделся, чтобы идти на работу, а потом позвонил, сказавшись больным, и приехал сюда. Даже не знаю, зачем.

– Конечно, знаешь.

Он прислонился к боку машины рядом со мной и достал сигареты и зажигалку из кармана рубашки.

– О жертве пока не очень много известно.

– Только что это молодая женщина.

Он сунул сигарету в угол рта, оставил ее там и убрал пачку в карман.

– Да. – Прикрыв огонь ладонью, он зажег сигарету, защелкнул зажигалку, как будто придавая особое значение каждому движению. – И что она умерла много недель назад.

– Тебе еще снится тот же кошмар? – спросил я.

Он едва заметно кивнул.

– А тебе?

– Не так часто, как раньше.

– Рик тебе не звонил? – спросил он.

– Уже какое-то время ничего от него не слышал.

– Он хочет встретиться сегодня вечером в ресторане Браннигана. В пять.

Я пожалел, что не вижу его глаз.

– Я приду.

Он несколько раз затянулся, прежде чем заговорить снова, медленно выпуская дым из ноздрей.

– Дальше будет только хуже, Алан.

– Разумеется, – сказал я. – Мы прокляты.

С застывшим лицом он выбросил сигарету.

– Ты так думаешь?

– А ты нет?

Ничего не ответив, Дональд ободряюще хлопнул меня по руке, перешел дорогу и растворился в толпе.

Глава 11

Проехав по Главной улице, я оставил сборище людей позади и свернул на Платановую дорогу, тихую, усаженную деревьями улочку, которая служила своеобразной границей между рабочими районами Поттерс-Коув, по большей части деловой застройки, – и принадлежавшими к среднему и высшему классу исключительно жилыми участками к северу. Дома по обеим сторонам были старой постройки, все до единого – местные достопримечательности. Здания были отреставрированы, но возводились еще в колониальные времена, вскоре после основания города. Только некоторые из них были жилыми, в остальных размещались городское историческое общество, центр искусств и несколько мелких медицинских и юридических учреждений. В отличие от района, где жил я, эта часть была чистенькой, ухоженной и своеобразной. Здесь Поттерс-Коув все еще казался небольшим поселением, а не деловым центром, в который превратились не такие богатые районы.

В конце Платановой дороги я свернул на Мостовую улицу и поехал по ней, сбросив скорость до предела. Как и все вокруг, она изменилась с течением времени. Там, где прежде оставались небольшие островки леса, возникли новые недорогие дома, многие прежние строения были отремонтированы, но по большей части все выглядело практически так же, как много лет назад, когда здесь жил я. Мостовая улица, названная в честь небольшого деревянного мостика через ручей в самом ее конце, по-прежнему оставалась относительно бедным районом на границе с более престижными районами города. Последний оплот, последняя улица, где дома были не такими большими, автомобили – не такими дорогими, а люди не так хорошо одевались; даже спустя столько лет, радостных, печальных и безразличных, Мостовая улица еще вызвала искреннее ощущение дома. И в то же время мне здесь было неуютно. В данном случае из близкого знакомства рождались не только теплота и утешение. Сначала я взглянул на участок тротуара, где мать учила меня ездить на велосипеде, и древнюю каменную стену, в которую мне не раз случалось врезаться, возле которой несколько лет спустя мы с друзьями собирались и часами болтали, курили и просто проводили время. Несмотря на эти и множество других достопримечательностей, вызывавших приятные воспоминания о детстве, эта освященная земля будила во мне и серьезное беспокойство. Даже здесь, среди предполагаемой простоты прошлого, добро и зло сплелись в

единое загадочное явление.

Сморгнув призраков, я остановил машину возле нашего старого дома. Теперь я жил в каких-то двух милях, но редко сюда возвращался. Мостовая улица находилась в стороне от всего, и попасть на нее можно было, только специально задавшись целью, а я редко находил для этого причины.

Когда в нем жил я, маленький одноэтажный дом, несколько отстоявший от дороги, окружала земляная площадка, но уже много лет как землю сменил газон, а вместо потрескавшейся и выцветшей дранки фасад покрывала виниловая облицовка. Но за исключением чисто внешних различий, дом выглядел так же. На окне моей старой спальни висели кружевные занавески, и я попытался представить, кто живет там теперь. Дом никогда нам не принадлежал, и после смерти моей матери владелец продал его другой семье. С тех пор участок еще раз сменил хозяев, но я не знал новых жильцов. Вообще, насколько мне было известно, ни одна из семей, обитавших здесь во времена моего детства, больше не жила на Мостовой улице. Кажется, даже в мелких городках жизнь стала скоротечной, и дни, когда семья поколениями жила в одном и том же доме, стали частью ностальгических картинок прошлого.

Не решаясь покинуть мнимую безопасность машины, я выключил двигатель и посмотрел налево вдоль дороги, на приземистый двухэтажный дом, где прежде жили Бернард с матерью. На всей улице он один был не заселен, и, так как мать Бернарда умерла всего год назад, он единственный теснее остальных был связан с прошлым. Скромное двухэтажное строение с темными окнами отчаянно нуждалось в новой покраске, на переднем дворе царил беспорядок, въезд пустовал. По всей видимости, с тех пор как его забрал банк, здание не было продано и стояло запертым и необитаемым, грозя превратиться в бельмо на глазу района. Если оно не найдет новых жильцов в ближайшее время, местные детишки, несомненно, начнут называть его домом с привидениями – если еще не называли, даже не догадываясь, насколько близки могут быть к правде.

В последние годы жизни рак лишил мать Бернарда былой красоты. Она проводила в больнице по много месяцев, пока в конце концов врачи не признали, что больше не могут ей помочь, и отправили ее домой, умирать. Меньше чем через месяц именно это она и сделала, в спальне на втором этаже, справа от лестницы. Позднее Бернард говорил, что находился в комнате, когда она умерла, держал ее за руку и видел, как она сделала свой последний вздох. Я отлично знал, каково это. Моя мать умерла у меня на руках; серая кожа обтягивала лицо, которое я уже едва мог узнать, глаза запали, но оставались открытыми, ожидая того, что могут уловить лишь

глаза умирающего. Наблюдать увядание и смерть собственного творца, человеческого существа, от которого ты произошел, буквально той самой плоти и крови, в которых ты был зачат и из которых родился на свет, – переживание, которое невозможно объяснить. Как солдат, прошедший сквозь ужасы боя, человек либо испытал его, либо нет. И либо понимал, как это поражает до самого основания, либо нет.

«Она умерла спокойно, – сказал Бернард с отчаянием, как будто хотел меня убедить. – Мне кажется, она уже не чувствовала боли, она... она умерла спокойно». Его голос забормотал из прошлого, точно такой же, как в тот день, по телефону. Я говорил, как мне жаль, и что я понимаю, каково ему теперь.

«Я знаю, – сказал он. – Именно поэтому я позвонил тебе первому.

Скрип двери автомобиля разнесся по улице, когда я выбрался наружу. Я медленно прошел по тротуару и перебежал дорогу, только оказавшись напротив старого дома Бернарда. Вокруг меня сновали воспоминания, в основном размытые, но значительные куски прошлого оставались неуловимыми. В особенности фрагменты, напрямую связанные с этой улицей, с этим районом и этим домом. Раньше я предполагал, что такие однообразные дни просто стираются из памяти и практически полностью исчезают, потому что не имеют никакого особого значения, но теперь думал иначе. К тому моменту, как я подошел к невысокому, по пояс, заборчику заднего двора, мне стало казаться, что картины вне пределов досягаемости памяти скорее были забыты намеренно – не потому, что не имели значения, а потому, что в них содержалось что-то слишком тревожное. Даже теперь.

Я положил руки на состарившуюся древесину, открыл калитку и ступил на задний двор. Лужайка умерла, пала жертвой зимы, и среди пожухлой коричневой травы тут и там противопехотными минами проглядывали заплатки голой земли. Когда я пошел дальше, откуда-то из полукруга высоченных деревьев за оградой двора выкрикнула невидимая птица – скорее предупреждение, чем приветствие.

Несколько окон по бокам и сзади дома были выбиты или расколоты брошенными камнями, на кухонной двери кто-то аэрозольной краской написал: «Отсоси». На цементной площадке у задней двери стояла та же садовая мебель, что я видел, когда навещал Бернарда в последний раз, через несколько дней после смерти его матери и за несколько месяцев до того, как банк забрал дом. Стол и кресла из белого пластика выцвели и местами потрескались, ножки одного кресла были отломаны и валялись рядом. Возле потрепанного погодой и временем шезлонга стоял аккуратный ряд больших мусорных мешков. Каждый мешок был заполнен

до предела, и я попытался представить, что в них находится. В тот день, когда Бернард лишился дома, ему вручили ордер и не позволили забрать многие личные вещи, которые так и остались заключенными внутри. Я представил себе рабочих, собиравших предметы – его вещи, вещи его матери – и совавших их в эти пакеты.

Две жизни как будто свелись к опустевшей раковине дома, поломанной мебели и ряду мусорных мешков, как будто от обоих ничего больше не осталось.

Я взглянул вверх – на дом, во мрак за грязными стеклами второго этажа. Ощущение того, что кто-то наблюдает за мной из-за путаницы теней, потрясло мои и без того натянутые нервы.

– Бернард, – прошептал я. – Ты здесь?

Вместо него ответили деревья, шевельнувшись под легким ветром.

Маленькие окошки вдоль фундамента здания напомнили мне о подвале в Нью-Бедфорде, где Бернард повесился. Но это был его дом, где, как он утверждал, с ним иногда говорил Дьявол, он хранил в себе его историю. Что Бернард здесь призывал? Каких демонов заклинал и оживлял? И зачем? Зачем вообще он так поступил? Почему решил прислушаться к обещаниям зла, пусть и исходившего из него самого, почему решил принять его?

Я подошел к краю цементной площадки, присел на корточки и устался на старый шезлонг с изорванным и замусоленным тряпичным сиденьем. Что из виденного и пережитого здесь память определила в размытые призраки, даже теперь следовавшие за мной среди теней? Как они меня ослепили, лишили зрения и оставили бездну там, где должно было существовать воспоминание? Или это я отказался от него, сам похоронил знание так глубоко, что оно больше не казалось настоящим?

Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя^[3].

Если ложь, повторенная в уме много раз, рано или поздно превращается из выдумки в воспоминание, размывая границу между воображаемым и действительным, не может ли нечто подобное случиться и с событиями прошлого? Не перестанут ли они существовать в сознании, если достаточно долго и отчаянно притворяться, что они никогда не происходили на самом деле? Можно ли таким образом размыть границу между воображаемым и действительным? Протянув руку к полуистлевшему шезлонгу, я уже знал, что отвечу на этот вопрос утвердительно.

В особенно жаркие и солнечные дни этот шезлонг устанавливался посреди заднего двора, чтобы мать Бернарда могла загорать; дом

загораживал ее от дороги, а деревья за забором закрывали от соседних домов. Сколько раз я видел, как она лежала, растянувшись под лучами летнего солнца? Коричневая кожа блестит от крема для загара, голова запрокинута так, что подбородок смотрит в небо, мягкие светлые волосы выделяются на фоне кричащего цветочного узора на подушке, на траве лежат громадные черные очки в пластиковой оправе и мохнатое белое полотенце, а рядом – переносное радио, из которого разносится музыка диско, всегда немного громче, чем нужно... Сколько раз я глядел, как вздымаются и опускаются ее груди, едва прикрытые ярким верхом бикини, как она лежит, вытянув носки, как распростертая балерина, и солнце играет на золотом браслете на лодыжке. Сколько раз, *сколько раз* я трогал себя и думал о ней, – боже мой, о *матери* моего друга?

До болезни она была красивой, но не такой, как остальные матери. Линда была другой. Она, конечно, тоже была родительницей, но моложе, привлекательнее и куда больше походила на нас, чем на взрослых. Озорная, с выразительными голубыми глазами, крошечным носиком и тонкими, но красиво очерченными губами, с высветленными, очень густыми волосами, которые она стригла относительно коротко, но они всегда находились в легком беспорядке, как будто ей немного не хватило времени, чтобы уложить их как следует; ее низкий развязный смех звучал особенно непристойно, потому что исходил от такой в остальном утонченной женщины. Настолько утонченной, по правде сказать, что иногда ее бесспорная женственность, очевидная сексуальная привлекательность и несомненно обольстительное поведение казались обдуманым и искусно сыгранным представлением. В скучном городке вроде Поттерс-Коув она была самым эффектным человеком, какого нам доводилось встречать. Затерявшаяся звезда кино с внебрачным сыном, отправленная в изгнание на край Земли, где она обречена на жизнь в скуке и одиночестве; а в нашем городке женщина вроде Линды Мур могла надеяться лишь на внимание насмешников да посетителей местных баров после наступления темноты. Однажды я услышал, как моя мать рассказывает о ней по телефону своей подруге. О том, как та уехала из родного Нью-Бедфорда в Нью-Йорк и спуталась с какими-то подозрительными персонажами. С типами из преступного мира, которым нравилось иметь при себе – и в постели – женщину вроде Линды. Но потом, как говорят, произошло убийство, какая-то бандитская разборка, и она впуталась в неприятную историю и сбежала. Линда вернулась домой беременная, с алкогольной зависимостью и дурной репутацией и в конце концов оказалась в Поттерс-Коув. Многие верили, что она здесь надолго не задержится, что такой заводной девице быстро

наскучит будничная жизнь, и она вернется к привычной для нее круговерти. И в каком-то смысле так она и поступила, пусть и в стиле маленького городка. При других, более обыденных обстоятельствах Линда могла бы стать девушкой, покинувшей родное захолустье ради прекрасного будущего в более интересном месте. Но вместо этого она стала возмутительницей спокойствия, о которой горожане постарше перешептывались, прикрывая рукой рот и поглядывая искоса; женщиной, о которой мечтали практически все мужчины и подростки; которую Бернард боготворил.

Я поднялся, отступил назад, подальше от дома, и еще какое-то время наблюдал за окнами верхнего этажа. У меня снова возникло чувство, что за мной наблюдают, хотя теперь казалось, что этот кто-то (или что-то) находится позади меня; возможно, стоит среди деревьев за забором? Я не обратил на это ощущение внимания и, не оборачиваясь, медленно зашагал за угол здания, откуда пришел. Закрывая калитку, я взглянул на задний двор и медленно поднял глаза на все еще слегка покачивавшиеся деревья.

Удостоверившись, что там никого нет, я прошел к фасаду здания. Мое внимание привлекла входная дверь – дверь, в которую нам было сказано постучать один раз и входить без опаски. Было необычно просто постучать один раз и вот так запросто войти в чужой дом, мне это всегда казалось странным и прямо противоречило более формальным правилам вежливости, которым меня учила мать, настаивая, чтобы я всегда им следовал. Но это правило ввела Линда. И вот, кстати, другая странность. Называть взрослого, особенно мать друга по имени считалось неприемлемым и невежливым. Но и это правило ввела Линда. Так что, заходя в гости к Бернарду, я один раз стучал в дверь и заходил и называл ее просто *Линдой*, как и все остальные.

Перед моими глазами замелькали бесчисленные случаи, когда я, войдя, заставлял мать Бернарда полуодетой – кокетничающие привидения и ухмыляющиеся демоны превращались из одного в другое, сливаясь в единый призрачный водоворот. Частенько, когда я заглядывал в гости, Линда по какой-то случайности оказывалась едва – или вызывающе – одетой, или как раз переодевалась, или только что вышла из душа в крошечном полотенце, которое едва могло прикрыть все нужные места. За исключением случаев, когда оно соскальзывало или вовсе спадало как раз в тот момент, когда она как ни в чем не бывало взбиралась по лестнице или торопливо заскакивала в спальню, на мгновение открывая взгляду сосок, ягодицу или лобковые волосы. Я тогда часто гадал, проделывала ли она что-то подобное со всеми друзьями Бернарда, когда те заходили в дом?

Бернард в своей комнате, зайчик. Подымайся и загляни к нему.
Теперь, спустя много лет, я не сомневаюсь, что проделывала.

* * *

Я уставился на дом и обратился ко всем воспоминаниям и загадкам, заключенным за медленно умиравшими стенами, призвал их из глубины дома на свет, на дорожку, где теперь стоял. И они пришли, как кровь, что подымается из невероятно глубокой раны. Сначала засочились медленно, а потом, по мере того как я раскрывал ее все шире, хлынули потоком; кровь воспоминаний и тайн текла из окон, каплями сползала по стенам, пузырилась в трещинах фундамента, свободно вскипала, как накатывающие на берег волны, пытаюсь свалить меня с ног и утянуть вглубь.

И я нырнул.

Дом разошелся передо мной как занавес, как разинутая пасть, и выплеснул на меня отвратительную, тошнотворную мешанину прошлого.

Постучи один раз и входи.

Сразу за входной дверью, в небольшой прихожей, находится лестница, гостиная слева, небольшой чулан справа. В воздухе как обычно витает запах сигарет, алкоголя и духов Линды. До моих ушей доносится едва слышный звук убавленного телевизора в соседней комнате, а ступени уже поскрипывают под ногами, подаваясь под каждым неуверенным шагом, пока я взбираюсь на второй этаж.

Наверху справа от лестницы открывается – нет, уже *открыта* – дверь в спальню. В комнату Линды. Кровать отодвинута к дальней стене, разномастные тумбочки по обеим сторонам изголовья завалены переполненными пепельницами и пустыми бутылками, повсюду валяется или рассована по пластиковым корзинам одежда, как будто ее небрежно раскидывали вокруг; гладильная доска у одной стены, туалетный столик с зеркалом и платяной шкаф – у другой. Губная помада и косметика, маленькие бутылки с лаком, одеколоном и дезодорантом, баночки с мылом и порошками звякают, ударяясь друг о друга, и исчезают во тьме.

* * *

Теперь дом наблюдал за мной, ничего не выражая.

И пока я смотрел на него, призраки заманили мои мысли на кладбище. Я давно не возвращался туда, даже в воображении. Мои родители и мать Бернарда были похоронены на одном кладбище, и хотя мне часто становилось стыдно из-за того, что я не ухаживал как следует за так называемым местом последнего упокоения моей матери, я знал, что она бы меня простила. «В конце концов тут останутся только наши тела, – заверяла она меня, неторопливо моргая, рассказывая мне обо всем и ни о чем конкретно. – К тому времени я сама буду в раю с Папашей».

Она всегда называла моего отца Папашей, как будто можно было сгладить его отсутствие прозвищем, очеловечить пустоту невинным детским словечком. Но он оставался для меня незнакомцем, персонажем чужих рассказов, улыбчивым и добродушным на вид мужчиной на выцветших фотографиях, именем, высеченным на граните. У меня, по крайней мере, было хоть что-то. Бернард вообще практически ничего не знал о своем отце, хотя я так и не сумел определиться, чье положение было лучше. Его мать редко касалась этой темы, и только повзрослев, я начал понимать, почему. Хотя мы с Бернардом никогда об этом не говорили, и я не мог знать этого наверняка, я полагал, что Линда никогда не говорила, кто его отец, потому что не знала этого сама.

Видения кладбища засуетились вокруг, потянулись ко мне и представили Линду: она сидела на собственном надгробии и смеялась, глядя на то, как Бернард, сидевший перед ней на корточках, яростно копал грунт исцарапанными, кровоточащими пальцами, раскидывая землю среди украшавших ее могилу цветов.

Демоны все еще резвились, но дом затих.

На какое-то время призраки умолкли.

Глава 12

Через несколько недель общественный пляж будет забит туристами и местными жителями, но пока здесь было тихо, лишь равномерно бились о берег волны да изредка кричала парившая чайка. Я редко приходил сюда летом, предпочитая тихие месяцы, когда такое посещение было совершенно иным переживанием. Хотя я испытывал, можно сказать, первобытный страх перед океаном, я приходил на этот пляж с детства, и он стал частью многих поворотных событий в моей жизни. Я помню, как пришел сюда в день, когда Рик вышел из тюрьмы, – только одно воспоминание из множества; несмотря на тревогу, которую вызывал во мне океан, я находил странное успокоение в волнах, в его величественной и знакомой силе.

Я осторожно проехал по грунтовой дороге, – мой старый автомобиль задыхался, преодолевая умышленно неровную поверхность, которая должна была помешать водителям превышать скорость, – и остановил машину неподалеку от ряда приземистых деревянных столбов с толстой бечевкой между ними, отделявших стоянку от пляжа. Моя машина была единственной на парковке, но вдалеке на пляже, возле каменного пирса, вонзавшегося глубоко в океан, я заметил молодую женщину в ветровке, игравшую с черным лабрадором. Я задумался, знала ли она о найденном трупе.

На сиденье рядом со мной лежала тетрадь в жесткой обложке, которую я купил несколько дней назад. Я начал выписывать на бумагу все свои мысли, воспоминания и сны, возможно, в надежде, что так мне будет удобнее в них разобраться, и теперь решил еще раз свериться со своими заметками, прежде чем переходить к решительным действиям. Меня все еще преследовал тот же кошмар, но уже не так часто, и, к счастью, больше не было галлюцинаций или видений – больше никаких женщин и их сыновей, лишь непрекращающийся ужас и настойчивое мелькание воспоминаний, давних и свежих, от которых я не мог избавиться.

Раскрыв тетрадь, я пробежал глазами список различных вариантов и перечеркнул первый: *Кошмары*, затем второй: *Призраки*. Ручка замерла над третьим: *Заброшенная фабрика*, и четвертым: *Фотография неизвестной женщины*. Я пропустил оба пункта и перешел к последнему: *Воспоминания и вопросы*. Под ним я выписал самые странные или тревожные воспоминания, что посещали меня в последнее время, и связанные с ними

вопросы.

Такая прорва вопросов.

Разумеется, обнаружение женского трупа все меняло. Мне не оставалось ничего другого, кроме как и дальше заставлять себя исследовать самые темные закоулки прошлого, но если я надеялся когда-нибудь узнать, кем на самом деле был Бернард, одними воспоминаниями не отделаться. Чтобы заполнить пробелы, наверняка узнать, что он сделал, а чего не делал, мне придется в какой-то мере восстановить историю. Историю Бернарда.

Вдалеке залаял черный лабрадор. Я поднял взгляд и увидел, как женщина бросила теннисный мячик. Пес бросился за ним по песку, поймал и радостно поскакал обратно к хозяйке. Мне внезапно пришло в голову, что, если бы мне этого захотелось, было бы до смешного просто выйти из машины, пройти по пустынному пляжу и убить эту женщину. Перед моим взглядом мелькнули картины ее окровавленного тела и тут же пропали. Подобные мысли почти наверняка проносились и в уме Бернарда, но ужасно было позволить даже слабым отблескам того зла, что он призвал и приютил, проникнуть в мое сознание. Я оттолкнул их прочь и сосредоточился на женщине. Она присела на корточки, обхватила ладонями собачью голову и поцеловала пса в нос. Тот в ответ лизнул ее в лицо, виляя хвостом. Мы так уязвимы, настолько беззащитны перед опасностью, все до единого, даже не осознавая ее, – и мы ничего не можем с этим поделать. Я закрыл тетрадь и бросил ее на заднее сиденье.

День подходил к концу. Было уже почти четыре часа.

* * *

Для вечера рабочего дня в ресторане Браннигана было на удивлениелюдно. Одно из старейших заведений в городе за многие годы пережило несколько перевоплощений и смен антуража, но, по сути, оставалось развлекательным баром с небольшим обеденным залом. На протяжении многих лет оно оставалось любимой забегаловкой города, где можно было выпить пива, сыграть в бильярд или пинбол, заказать пиццу или какую-нибудь другую закуску из множества представленных в меню и съесть ее здесь же, у стойки бара, или за одним из затененных столиков, что выстроились вдоль задней стены; место, где, как правило, все знали друг друга. Но, как и все предыдущие и последующие поколения, чем старше мы становились, тем реже мы заглядывали в бар, предпочитая ему обеденный зал. И хотя я все еще заглядывал сюда ради одной-двух бутылок

пива, бар всегда был и будет местом в основном для молодежи, и чем ближе к четвертому десятку, тем менее терпимо я относился к языку, музыке, моде и поведению в целом тех, кто был лет на десять моложе меня.

Я вошел через боковую дверь, которая вела прямо в обеденный зал. Моим глазам понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться к полумраку, – и в баре, и в обеденном зале всегда было темнее, чем казалось необходимым, – но, осмотревшись, я не сумел найти ни Дональда, ни Рика.

– Привет, Алан. – Я обернулся и увидел промелькнувшую мимо официантку с заполненными тарелками подносом на плече.

– Привет. Как дела? – пробормотал я, не сумев припомнить ее имя; она определенно была местной, я учился с ней в старшей школе, и она работала здесь не один год. Я не был уверен, расслышала ли официантка мой ответ, так как она уже ускользнула между столиками и погрузилась в шум, так что я прошел вдоль стены к арке с двойными качающимися дверьми и вошел в бар. Он был набит под завязку. Все три бильярдных стола были заняты, вдоль одной стены люди сгрудились возле пинбольных машин, электронные звуки которых были едва слышны за песней Стиви Рей Вона, доносившейся из музыкального автомата. Экраны по обеим сторонам от стойки обычно показывали спортивные соревнования, но сейчас они были настроены на новостные каналы, однако слова было невозможно разобрать.

Пробираясь сквозь толпу, я осознал, что практически все обсуждали найденный труп.

В дальнем конце зала я отыскал Рика и Дональда, сидевших за последним столиком в ряду. Здесь, в углу, было даже темнее, заключенный в цветное стекло мигающий огонек свечи едва светил.

Я сел рядом с Дональдом, который рассеянно играл с красной коктейльной трубочкой, плававшей в его напитке. Он отвлекся лишь для того, чтобы поприветствовать меня кратким кивком. Напротив нас сидел Рик, сжимая обеими руками бутылку колы. Выражение лица у него было мрачнее обычного.

– Слышал последние новости?

– Я не видел новостей с самого утра, – ответил я. – Они нашли труп женщины, и она умерла несколько недель назад. Вот и все.

– Ее уже опознали, – произнес, не глядя на меня, Дональд.

– Двадцать четыре года, мать-одиночка из Нью-Бедфорда, – сообщил Рик. – Пропала около двух месяцев назад.

Я оглядел помещение в надежде отыскать официантку. Толпа посетителей напомнила мне о тех днях, когда нам едва исполнилось двадцать, и мы заглядывали сюда, такие полные жизни, молодые, сильные,

все еще вместе, все еще совершенно убежденные в собственной несокрушимости. В нашем распоряжении все время на свете, думали мы тогда. Пили, курили и ели все, что хотелось, даже не задумываясь об этом. До этого мгновения я не осознавал, насколько мне не хватало такого вот восторженного ощущения, что я *жив*.

– Помните, как мы заходили сюда до того, как я женился? – спросил я.

Рик уставился на меня так, будто я заговорил на китайском, но Дональд изобразил слабую улыбку и кивнул.

– Представь себе, когда-то мы считали это место интересным.

Я привлек внимание официантки возле бара. Когда она добралась до нас, я заказал пиво, затем повернулся обратно к столу.

– Хорошие были времена. Правда же?

– Ты спрашиваешь? – Дональд уставился в остатки своего напитка. – Или только выражаешь надежду?

– Наверное, и то, и другое.

– Потянуло на воспоминания о молодости, Алан?

– Вроде того.

– Не бойся, мы еще не старые, – негромко сказал он. – Просто уже не молодые.

Рик подался вперед.

– Не хочу прерывать вашу ностальгическую прогулку в прошлое, но нам надо поговорить о серьезных делах.

– Ну так говори, – сказал я. – Это ты нас сюда позвал.

Рик окинул меня взглядом, как будто оценивая. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут появилась официантка с моим пивом и спросила у них с Дональдом, не нужно ли им чего. Дональд заказал еще один стакан водки с тоником.

– У меня все хорошо, дорогуша, спасибо, – откликнулся Рик.

Официантка задержалась, чтобы игриво ему улыбнуться, и пропала.

– Нам надо решить, что мы будем делать, – сказал Дональд.

– Делать? – Я посмотрел на него, потом на Рика. – А что мы можем сделать?

В конце концов Дональд сказал:

– Мог ли Бернард и в самом деле так поступить? Мог ли он *убить* эту женщину?

Моей первой мыслью было велеть ему говорить потише, но вокруг стоял такой шум, что я сам едва мог его расслышать.

– Мы не можем знать этого наверняка, но...

– Еще как можем, – сказал Рик. – Не валяй дурака.

Я вздохнул.

– Слушай, я всего лишь хочу сказать, что...

– Все никак в голове не укладывается, – прервал Дональд.

Рик щелкнул костяшками пальцев и зло глянул на Дональда.

– Донни считает, что мы должны отдать кассету копам.

– Я сказал, что нам следует об этом подумать.

– Затянет нас в эту грязь – не выберемся, – сказал я.

Дональд посмотрел на меня остекленевшими глазами.

– Мы уже в грязи по уши. – Он заглотнул остатки коктейля, как раз когда появилась официантка с новой порцией. Когда она отошла, он зажег сигарету и продолжил: – Слушайте, у нас на руках возможная улика. Нам нужно принять правильное решение, и в данном случае самым правильным, как мне кажется, будет по крайней мере подумать о том, чтобы отдать кассету властям.

– Нет, – отрезал Рик. – На фиг.

Я сделал глоток пива и провел холодной бутылкой по лбу.

– Я не уверен, что отдать кассету полиции – хорошая идея. Рик прав: учитывая, сколько вокруг этого дела шума, зачем нам привлекать к себе внимание?

– Мы-то ничего противозаконного не делали, – сказал Дональд. – Да что с вами *такое*? Весь район охвачен паникой. Люди думают, что в Поттерс-Коув орудует убийца, и если Бернард говорил правду, одним трупом дело не ограничится. Обнаружатся другие. У нас тут начнется такое, чего город никогда прежде не видел.

– И в конце концов все забудется. – Рик отставил бутылку колы, положил руки на стол между нами ладонями вниз и снова наклонился вперед. – Что сделано, то сделано, Донни. Эта кассета никого не вернет к жизни и ничего не докажет, а отдав ее полиции, мы добьемся только того, что наши имена появятся в газете. Я пытался донести это как можно яснее. Я сидел. И мне совсем не нужно, чтобы копы начали копаться в моей жизни. Я не хочу иметь ничего общего с этим делом, слышишь? Ничего. Я не сомневаюсь, что на записи Бернард говорил правду, что он и вправду все это натворил. Но теперь все кончено. Если бы он собирался убить кого-то еще, а мы могли этому как-то помешать – тогда другое дело. Но он мертв, с ним покончено. Больше жертв не будет.

– Ну хорошо, а если я ее отдам? Я скажу, что она досталась мне и...

– Не катит.

– Слушай, ты не можешь принимать решение за всех. Это дело касается нас всех.

Рик покачал головой.

– За мной последнее слово.

– Ерунда какая-то. – Дональд умоляюще поглядел на меня. – Алан, ради всего святого, ты-то хоть меня поддержи.

– Извини, – сказал я. – Тут я согласен с Риком.

Он уставился на меня.

– Почему?

– Потому что в конечном итоге эта запись ничего не значит.

Рик и Дональд переглянулись.

– В каком смысле?

– Мы все понимаем, что в этом деле замешано что-то непонятное, – сказал я. – И мы сможем во всем разобраться, узнать наверняка, кем был Бернард и что он сделал, только если вернемся к началу. – Я одним махом допил пиво, едва слышно отрыгнул и объяснил им свой план по восстановлению истории действий Бернарда.

Дональд задумчиво затаился.

– Я понимаю, что тебе хочется придать этой ситуации какой-то упорядоченный вид, Алан, правда. Но...

– Что «но»?

– Тебе не кажется, что нам и без того хватает проблем? Чем глубже мы закопаемся, тем больше вероятность, что мы начнем открывать двери, которые почти наверняка лучше оставить закрытыми.

– Мы можем найти и кое-что похуже, – добавил Рик. – То, о чем мы не хотим знать.

– Ага, – я кивнул ему через качавшиеся между нами изящные завитки дыма. – Такое вполне возможно.

– А тогда что толку? – пожал плечами Рик. – С тем же успехом можно просто заткнуться, затаиться и переждать, пока гроза не пройдет, понимаешь?

– Тебя пугает то, что мы можем обнаружить, Рик?

Его лицо ожесточилось.

– Это не я слетел с катушек и начал видеть невидимое, разве нет?

Я поставил пивную бутылку и отодвинул ее к краю стола, сопротивляясь желанию разбить ее об его голову.

– Поступайте, как хотите. Я хочу знать правду.

– Молодая женщина была жестоко зарезана и оставлена в неглубокой могиле на поле, где город хоронит мертвых животных, – ровно проговорил Дональд. – И почти наверняка Бернард убил и ее, и еще бог знает скольких еще, а мы все это время даже не подозревали, что он был психопатом. *Вот*

тебе правда, Алан. Что еще тебе надо знать?

Рик энергично закивал.

– Донни наконец говорит что-то толковое.

Нас прервал внезапный восторженный вопль группы молодых людей возле одной из пинбольных машин, и мы все вместе повернулись в ту сторону.

– Рекордный счет! – заорал один из них.

Дональд закатил глаза.

– Позвоните в газеты!

Я негромко рассмеялся, даже не задумавшись. Удивительно, как смех умеет разогнать мрак практически в любой ситуации. Но теперь он был не к месту и быстро растворился.

– Вы уверены, что мы никогда не подозревали, чем занимался Бернارد? – Я позволил этим словам повиснуть между нами на несколько секунд. – Или мы просто не обращали внимания, отмахивались от подозрений? Может быть, беда в этом. Может быть, на самом деле мы не помним или не хотим помнить так много из прошлого потому, что боимся найти там нечто о нас самих.

Рик ткнул в мою сторону пальцем.

– Слушай, когда тебе начало всякое мерещиться, кто тебе помог? Когда ты перетрусил и торчал у меня под дверью, на грани нервного срыва, кто отвез тебя домой?

– Ты, и я благодарен тебе за это. К чему ты ведешь?

– Да, Бернارد не был тем, кем мы его считали. Да, случилось что-то недоброе, и погибли люди. Но есть пределы тому, сколько этого сверхъестественного дерьма я могу переварить. *Вот* к чему я веду, ясно?

– Ты сам сказал, что происходит что-то еще, – напомнил ему я. – Разве тебе тоже не снились кошмары? Не появлялись всякие мрачные мысли, страхи, как у нас с Дональдом? Ты сам об этом говорил, разве нет?

– Я уже ничего больше не знаю наверняка.

– А, то есть как только начали появляться трупы и все стало взаправду, так, значит, ты сразу в кусты? Пора спрятаться под кровать, так, что ли?

– Что ты вообще хочешь доказать, Алан? Что в темноте происходит всякая фигня? Что с нами происходит что-то такое, с чем мы никогда не хотели и теперь не хотим связываться? – он обратился к Дональду за поддержкой, но тщетно. – Помнишь, как Бернارد на записи говорил о том, как мы просыпаемся среди ночи и слышим какой-то звук, что-то, чего не должно быть? Помнишь, он сказал, что обычно мы поворачиваемся на другой бок и снова засыпаем? Так вот, по мне это самое удачное решение,

понимаешь? Я думаю, нам следует перевернуться на другой бок, уснуть и дожидаться утра.

– Поступайте, как хотите, – повторил я. – Но мне кажется, что бы там, в темноте, ни издавало звуки, оно не уйдет просто так, Рик. Бернард был как-то с ним связан, а мы связаны с Бернардом. Бернарда больше нет, но вызванные им силы по-прежнему здесь.

Дональд наклонил стакан, закинул в рот несколько кубиков льда и расколол их зубами.

– И что это за *силы* такие?

– Пока не знаю, – ответил я. – Но собираюсь узнать.

– Может оказаться, что это ящик Пандоры.

– Все это началось много лет назад, – сказал им я. – Все, что происходило в нашем районе, в этом доме, и потом, когда мы стали взрослыми. Что-то темное. И все это каким-то образом связано.

Рик откинулся на спинку стула, достал из кармана бумажник и швырнул на стол несколько купюр.

– Вот что: дай знать, когда у тебя мозги встанут на место.

– Зло.

При этом слове он замер.

– Что?

– Что слышал.

Он сглотнул так сильно, что я заметил движение его горла.

– Что за зло?

– Думаю, Бернард призвал его. Думаю, это все из-за него.

– Да уж, злой колдун Бернард, – фыркнул Рик. – Послушал бы ты весь этот бред со стороны. Ты сейчас выглядишь настоящим психом.

– Рик, прекрати, – внезапно сказал Дональд.

– Да мать вашу...

– Просто помолчи. – Дональд потер глаза. – Не надо с ним так.

Рик пренебрежительно отмахнулся.

– Как скажешь.

– Я слышу странные звуки по ночам и собираюсь узнать, в чем дело, – сказал я. – Вы можете пойти со мной или спать дальше. Мы либо вместе, либо нет. Так что, Рик, ты со мной или нет? Что скажешь?

В его глазах зажегся гнев и, может быть, что-то еще.

– С тобой. Получил что хотел, засранец? С тобой.

Я посмотрел на Дональда. Он ответил медленным кивком.

– Я позвоню. – Я встал из-за стола и вышел из бара, все еще окруженный торжественными лицами мертвецов.

Глава 13

Дни становились длиннее, ночи укорачивались. Зимой ночь начиналась еще до шести вечера, но с приходом весны тьма постепенно отступала, позволяя солнечному свету задерживаться все дольше. В моем новом беспокойном состоянии такое изменение было кстати, и я провел зарождавшийся вечер в спальне, на табурете в дверях кладовки, перебирая сложенные в коробку рассказы, написанные мною много лет назад. Только когда читать стало практически невозможно, я поднял глаза и осознал, что солнце наконец зашло. И все равно продолжил ворошить стопки практически в полной темноте; старые рассказы, хотя и были зачастую глупыми и незрелыми, как по смыслу, так и по исполнению, казались неопровержимым свидетельством моего бывшего я и той мечты, что жила во мне прежде – и, может быть, до сих пор – и во многом меня определяла.

Ощущение того, что в комнате со мной находится кто-то еще, подкралось со спины, и в то же время в ушах зазвучал голос Бернарда с записи. *Ты хотя бы перечитываешь свои старые рассказы? Блин, ты их хоть сохранил? Ты думаешь хоть иногда о том, что могло бы быть?* Я оглядел комнату. Ничего.

От звука захлопнувшейся двери сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди, и я вскочил с табурета так резко, что потерял равновесие. Я пошатнулся, но сумел удержать равновесие и посмотрел на дверь спальни. Тони смотрела на меня с недоумением.

– Ты в порядке? – В последнее время она только об этом и спрашивала, и я не мог ее винить.

Я кивнул, глубоко вздохнул и попытался принять небрежный вид.

– Ты слышал сообщение, которое я оставила на автоответчике?

– Ага. – Я взглянул на часы. – Не думал, что ты придешь так поздно.

– Я не думала, что так выйдет, я просто хотела немного поработать после закрытия, но тут позвонила Марта и предложила куда-нибудь сходить перекусить. Мы несколько недель не виделись, и я решила, почему бы и нет? Решила, что ты не станешь возражать.

Марта всегда была исключительно подругой Тони, но не моей. Мы не очень-то ладили еще в старшей школе и, наверное, никогда уже не поладим, так что предпочитали держаться подальше друг от друга. Когда Тони хотела с ней встретиться, они встречались без меня.

– И как у Марты дела?

По всей видимости, Тони сочла этот вопрос риторическим и не ответила. Я подошел к прикроватной тумбочке и включил лампу, но Тони осталась стоять в дверях, куда свет не доставал, сжимая в одной руке сумочку и безвольно свесив другую. Ее костюм находился в некотором беспорядке, но я заверил себя, что это совершенно нормально, так как она ходила в нем целый день.

– Так что, тебе пришлось работать допоздна?

– Я подумала, что не помешает взять немного сверхурочных. Я все равно не всегда успевала справляться с работой на этой неделе, надо было заполнить кучу бумаг, и Джин не возражал, так что...

– С чего бы ему возражать.

Я ожидал, что она начнет оправдываться, защищаться. Но вместо этого она сказала:

– Я видела новости. Они узнали что-нибудь новое?

– Только опознали женщину, и все. Мать-одиночка из Нью-Бедфорда.

– Ужасно, – сказала она. – Просто ужасно.

– Это точно.

В первый раз с тех пор, как появилась в дверях, Тони посмотрела мне прямо в глаза.

– И ты серьезно думаешь, что Бернارد может быть с этим связан?

– Да. – Я сел на край кровати. – И я думаю, что этим дело не закончится.

– Тогда тебе надо пойти в полицию. Рассказать им все, что ты знаешь.

– У меня нет никаких доказательств. По крайней мере, пока.

Она помотала головой, прикрыла глаза рукой.

– Поверить не могу.

Я позволил себе слабую улыбку.

– И не говори.

– А та запись, которую он отправил Рику? Разве там...

– Я хотел тебя об этом спросить, – перебил я. – Я знаю, что ты говорила обо всем с Джином, но мне надо знать, рассказывала ли ты ему о записи.

– С Джином я говорила только о той ночи, когда у тебя случились эти... *проблемы*. Я не говорила ему о записи и ни о чем из того, что мы с тобой обсуждали.

– Мне очень важно знать, что ты говоришь правду.

Она застыла в дверях совершенно неподвижно.

– Это правда.

Я сдержанно кивнул.

– Ты не думаешь, что вам следует отдать эту кассету полиции?
– Мы решили, что не следует.
– Почему вы не хотите ее отдавать? Я не понимаю.
– Рик не хочет впутываться в это дело больше, чем нужно.
– Но...
– И я тоже не хочу. Кроме того, мы уже проголосовали.
– Проголосовали? Боже мой, вы ведете себя так, будто все еще играете в своей крепости на дереве. Алан, все это очень серьезно.

– Мне не нужно рассказывать о том, насколько все серьезно. – Я позволил этим словам повиснуть в воздухе. – Мне нужно, чтобы ты пообещала, что никому не расскажешь об этой кассете. Ни Джину, ни Марте, никому.

Я мог только надеяться, что выражение моего лица не оставляло никаких сомнений в том, насколько это для меня важно. Какое-то время она смотрела на меня, затем подчинилась.

– Хорошо. Обещаю.
– Мы с Риком и Дональдом разберемся во всем своими силами. Так или иначе мы доберемся до сути всего этого бардака.

Тони пыталась не хмуриться.

– Но ты только что сказал, что вы не хотите связываться с этим делом.

– Мы не хотим связываться с полицией.

– Ты говоришь как какой-нибудь преступник.

Я пропустил эти слова мимо ушей.

– Нам надо самим во всем разобраться, только и всего.

– А почему ты думаешь, что вы сумеете что-то отыскать?

– Не забивай себе голову.

Из-под маски спокойствия, которую она столь отчаянно старалась сохранить, проступил гнев.

– И правда, о чем это я? Меня ведь это совершенно не касается!

– Несколько недель назад я был сумасшедшим. Но как только появился труп, внезапно...

– Я никогда не называла тебя сумасшедшим, Алан. Просто... Как мог Бернارد сделать такое? Я все никак не могу этого понять. Мы знали его много лет, он был на нашей свадьбе, у нас в гостях, мы вместе болтали, обедали, смеялись, столько всего делили. Как мог... Мы ему доверяли, в конце концов. Как он мог в то же время убивать людей? Как он мог одновременно быть двумя разными людьми? Ты и правда думаешь, что это он?

Я отвернулся.

– Не знаю.

Тони зашла в комнату и заметила коробку с рукописями в дверях чулана.

– Твои старые рассказы, – произнесла она с нежностью, которая меня удивила.

– Да, я решил их пролистать. Глупость, понимаю...

– Вовсе нет. Тебе надо было продолжать писать. У тебя были такие способности.

– Способностями за квартиру не заплатишь.

– Тебе стоит снова начать писать.

– Ты знаешь, странная штука. – Я подошел к чулану и присел на корточки возле коробки. – Зачастую я не могу вспомнить, о чем думал десять минут назад, но просматривая эти рассказы, я точно знал, что чувствовал, когда написал каждый из них, что со мной происходило в то время, и даже о чем я думал, когда писал определенные предложения. – Я оглянулся на нее через плечо. – Разве не странно?

Она кивнула и положила свободную руку мне на плечо. Я посмотрел на нее, такая хрупкая рука. Партнерша, нянька, любовница, друг, незащищенная девушка и сильная женщина, жертва и защитница, хищница и жертва, – все заключено под этой нежной кожей, столько граней одного существа, связанных одной душой. Я отвернулся, сложил бумаги обратно в коробку и затолкал ее назад вглубь чулана, откуда достал. Когда я закрыл дверь и обернулся к Тони, она уже начала раздеваться, кинув сумочку на постель.

– Слушай, – сказал я самым серьезным тоном, – это должно остаться между нами – история с кассетой и все наши подозрения о Бернарде, хорошо?

– Ты уже это говорил. – Она бросила пиджак на постель и расстегивала блузку. – Я все поняла с первого раза.

– Я просто хочу убедиться...

– Я *все* поняла с первого раза, Алан. – Тони уставилась на меня с необычной для нее воинственностью. Затем, как медленно отступающий прибой, ее хрупкое тело расслабилось, плечи опустились. Тони отвернулась, выскользнула из блузки и позволила ей упасть на пол. – Или мне надо поклясться на стопке Библий, чтобы ты поверил?

– Я просто хочу, чтобы ты понимала, насколько важ...

– А, точно! Проверка на полиграфе! – Она повернулась и снова уставилась на меня. – Может, устроить мне проверку на детекторе лжи, а?

Меня ее шутки, если она и вправду шутила, не задевали, и мне стало

интересно, чувствует ли она то же самое. Когда до Тони дошло, что я не собираюсь отвечать, она отвела свой убийственный взгляд, стряхнула с ног туфли и стала возиться с молнией на юбке. Стянув юбку до бедер, она принялась извиваться, пока та не упала на пол, после чего вышла из нее и подцепила большими пальцами резинку колготок.

Внезапно запахи из пиццерии внизу стали невыносимыми; или, может быть, они присутствовали постоянно, но я только теперь обратил на них внимание. Как бы там ни было, я отошел к окну и раскрыл его пошире в надежде, что свежий морской воздух изгонит вонь теста, консервированного томатного соуса и жареного мяса. Снаружи тьма набирала силу, сгущалась и обретала форму.

Отражение обнаженной фигуры Тони в стекле привлекло мое внимание. Меня охватило странное чувство, и хотя я и пытался изо всех сил от него избавиться, оно не проходило. Ощущение, что все мои умершие знакомые наблюдали за нами. Лицо каждого из них вспышкой возникало перед моим внутренним взором, затем пропадало, а я стоял и притворялся, что смотрю в ночь, хотя на самом деле следил за отражением Тони в верхней части окна; она собрала грязную одежду, отнесла ее к небольшой корзинке в углу и молча кинула вещи внутрь.

Позади нее в стекле возникали размытые, безликие и неопределенные фигуры, и казалось, что они постепенно проходят, проникают сквозь стены и пытаются до нее дотянуться. Я закрыл глаза и стоял так до тех пор, пока не уверился, что ощущения и видения отступили туда, откуда пришли, потом обернулся и увидел, как Тони накидывает легкий халат. Не обращая на меня внимания, она схватила два полотенца со своего комода и пошла в ванную, пробормотав:

– Я иду в душ.

– Это ведь не по любви? – Фраза не была вопросом, и Тони это почувствовала, потому что она замерла и оглянулась на меня. Гнев пропал, сменившись горечью. – То, что происходит между тобой и Джином. Это все не по любви.

Выражение на ее лице было таким, какое бывает после слез или неудержимых рыданий, только ничего подобного не происходило. По крайней мере, не у меня на виду. Она просто смотрела на меня с такой невыносимой грустью, что никакие слезы не могли бы в полной мере передать ее глубину. И сейчас, посреди ночи, в свете лампы Тони выглядела так, будто постарела впервые с тех пор, как мы познакомились. Крошечные морщинки вокруг ее глаз и возле рта стали заметнее, как будто она только теперь произвела их на свет. Она устала точно так же, как я, была

изнуренной и опустошенной, и делала то же, что и другие: вставала каждое утро с постели и делала все, что в ее силах, и как могла сдерживалась, чтобы не закричать или не заплакать, не взорваться в приступе ярости и насилия, не распороть себе запястья, не броситься под автобус или просто не сдаться и позволить улицам и теням поглотить ее без следа. Она делала все, чтобы выжить и остаться в здравом уме, но выживание было не самым простым делом, да и в жизни должно быть что-то, кроме него.

Я снова закрыл глаза, на этот раз потому, что ее боль ранила и меня.

– Или я снова ошибаюсь? – спросил я.

– Да, – выдавила она, – ты ошибаешься.

– Так значит все-таки *по* любви?

– Все дело в дружбе, в поддержке, в умении слушать. В помощи, когда она мне нужна.

– У тебя с ним роман.

– Не могу поверить, что ты задаешь мне подобный вопрос.

– Это не вопрос.

Она вздохнула.

– Я иду в душ.

– Тони, – сказал я, надеясь, что мой голос не выдает всю глубину моего отчаяния, – в печали, в радости или безразличии мне нужно знать, есть ли в моей жизни хоть что-то настоящее, осталось ли в ней *что-то* тем, чем кажется, понимаешь?

– Понимаю. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Я очень хорошо тебя понимаю. А знаешь, почему? Хочешь знать, почему я так хорошо тебя понимаю, Алан? – Она на секунду умолкла, затем продолжила: – Потому что мне нужно то же самое.

С бухты подул ветерок, всколыхнув занавески; с улицы донесся вой сирены. Мимо пронеслась пожарная машина, следом за ней – скорая. Было еще недостаточно тепло, чтобы оставлять окна нараспашку на всю ночь, так что я счел это знаком и закрыл окно, как будто надеялся, что мне удастся отгородиться от остального мира так же, как от шума Главной улицы. Я замер у окна, отказываясь смотреть на стекло из страха перед тем, что может смотреть на меня оттуда. Все внезапно стало таким бессмысленным.

– Просто скажи, что это не по любви, – попросил я так тихо, что не был даже уверен, расслышала ли она.

– Почему ты всегда предполагаешь, что нам хочется разного?

– Просто скажи.

– Это не по любви.

У меня перехватило дыхание, потом свело живот, и я подумал, что меня вот-вот стошнит, но ощущение прошло быстрее, чем я предполагал. Обстоятельства как будто не располагали к скандалу, воплям и слезам и прочим драматическим средствам, обычно связанным с подобными разборками. Вместо этого мной овладело почти что спокойствие неутолимой тоски, что-то вроде немедленного состояния скорби. Бернард был мясником. Моя жена спала с другим мужчиной. Мир разбился и разлетелся на миллион осколков. И все это произошло абсолютно беззвучно.

– Ты всегда так отчаянно одинок, – сказала она. – Даже когда я стою рядом с тобой.

Я подавил желание протянуть руку и коснуться ее, обнять ее и уверить, что все будет хорошо. Но вместо этого я пожал плечами, не зная, как поступить.

Видя в моей нерешительности возможность сбежать, Тони разочарованно покачала головой и пропала за дверью ванной комнаты. Вскоре зарокотали трубы, зашумел душ, и я представил ее себе обнаженной, под струями, в клубах пара: мыльные руки скользят по мокрой коже, очищая тело, которое я знал до мельчайших подробностей.

Я задумался о той женщине с кладбища животных. Принимала ли она душ в день гибели? Пыталась ли она тоже отмыться? Не была ли эта попытка запоздалой? Знала ли она, что этот день был последним в ее жизни? Прожила ли она свой последний день на Земле, хотя бы догадываясь о поджидавших ее ужасах, или они были полнейшей неожиданностью, и мрачный жнец выскочил из-за пенопластового камня, как какой-нибудь шутник в дрянном парке развлечений?

Мне казалось, что все мы похожи, все до единого выщерблены и поцарапаны, побиты жизнью и кое-как держимся на булавках и клейкой ленте, раненые бойцы, готовые принять последний бой перед неизбежным поражением. Иногда рассмотреть за ложью правду просто, иногда нет. Так или иначе, это не имело значения. Правда была мне необходима, и я намеревался узнать ее, какой бы ужасной она ни была.

В ответ в мое сознание заполз и свернулся там образ Бернарда: он, еще подросток, сидит возле рельсов и смотрит на старое кладбище животных, а над его головой вскипают и ширятся черные тучи, предвещая грозу, которую не может остановить ни один смертный. *Может быть, мы все понимаем неправильно*, – шепчет он из прошлого, холодя мне ухо мертвым дыханием. – *Может, мы начинаем жить... только после смерти.*

– Может быть, – прошептал я в ответ. – Может быть.

Глава 14

Во второй раз на неделе я оказался на Платановой дороге, в более зажиточном районе Поттерс-Коув, но на этот раз я просидел в машине почти час, наблюдая за небольшим адвокатским бюро через улицу. На стене возле двери красовалась табличка с надписью *Хендерсон и Маккови* и еще какой-то информацией, мне не интересной. Я взглянул на часы, затем вышел из машины и быстро прошел на угол, чтобы точно рассчитать «случайную» встречу с Брайаном Хендерсоном.

Он всегда был приятелем скорее Бернарда, чем моим, но в детстве я тоже встречался с ним время от времени, хотя обычно держался незаметно – этакое пятое колесо. Брайан стал успешным специалистом по оценке ущерба здоровью, жил в прекрасном доме на берегу, и в его окружение не входили люди вроде меня. Я не мог припомнить, когда мы встречались в последний раз, и уж тем более, когда мы в последний раз общались, и понимал, что теперь мне вряд ли удастся завязать разговор, особенно в надежде получить конкретную информацию, но другого выбора у меня не было.

Прежде я позвонил в его офис, притворившись телефонным агентом, и узнал, что он ушел на обед, так что я припарковался неподалеку от типичного заведения для «молодых специалистов» – небольшой кофейни прямо за углом. Когда Брайан наконец вышел, я увидел, что на ходу он читает газету. Склонив голову, я пошел прямо на него и, только едва не столкнувшись, поднял голову и наткнулся на раздраженный взгляд.

– Простите. Извините, я вас не заметил.

Он уставился на меня поверх газеты, но раздражение постепенно сменилось неуверенным узнаванием. Только тогда я притворился, что узнал его.

– Эй, Брайан, как дела!

Он выпрямился и замедлял шаг, пока не остановился вовсе, затем сложил газету и сунул ее под мышку.

– Здравствуйте. – Брайан ослепительно улыбнулся, но я догадался, что он все еще не может определить, откуда мы знакомы.

– Это я, Алан.

– Разумеется, Алан, – сказал он, явно все еще не понимая, кто я такой. – Привет.

Я не знал, слышал ли он о смерти Бернарда, и даже было ли ему до

него дело, и решил, что если он сам не коснется этой темы, я не стану ничего говорить.

– Как жизнь?

– Не жалуюсь, а ты как? – Он как бы невзначай почесал шею, позволяя мне разглядеть наманикюренные ногти и золотые часы на запястье.

Я пожал плечами.

– Нормально.

Он указал большим пальцем в сторону Главной улицы.

– Слышал о трупе, который нашли в...

– Да, – сказал я. – Просто не верится. Безумие какое-то, да?

– Представляешь, что началось бы, случись такое здесь? От *такого* цены на землю рухнут быстрее, чем успеешь пернуть. – Он усмехнулся собственной шутке и как будто немного удивился, что я не последовал его примеру.

– Надеюсь, они найдут того, кто это сделал, – сказал я.

– Да, я тоже. – Из-за того что я загораживал ему путь, он немного потоптался на месте и оглянулся, как будто хотел убедиться, что никто не видел, как он разговаривает со мной. – И чем же ты теперь занимаешься?

– Все еще работаю в охранной службе. Работа дерьмовая, но позволяет сводить концы с концами. – Я улыбнулся. – У тебя, как я погляжу, все идет отлично.

– Ну, всем нам еще есть к чему стремиться.

Пока он стоял передо мной, ухмыляясь, я пытался отыскать в нем хоть что-то от когда-то знакомого мне мальчишки. Но тот жизнерадостный и непритязательный человек затерялся где-то под вечным загаром, сшитым по заказу костюмом из итальянского шелка и безразличием.

– Как Лиза и дети? – спросил я.

– О, отлично, просто прекрасно.

– Мы вот все никак не заведем своих, – сказал я.

Он окинул меня типичным взглядом безмолвного превосходства, каким те, у кого есть дети, часто одаряют бездетных. Как будто прожить определенный срок не размножившись было грехом столь отвратительным, что прямо словами не выразить.

После неловкого молчания я спросил:

– Ну а как дела у Джулии?

Глаза Брайана почти комично округлились.

– Ну, Джули... у Джули все как обычно.

Я невинно улыбнулся.

– Я ее сто лет не видел. Она по-прежнему живет в Массачусетсе?

– В Кембридже... в одном из худших районов, как ты понимаешь... уже несколько лет.

Сердце у меня забилося быстрее.

– Передай ей привет от меня, когда увидишь.

Он посмотрел мимо меня на дверь своего офиса.

– По правде сказать, – тихо ответил он, – мы не слишком часто видимся. Изредка, по праздникам, но не чаще. У Джули много проблем. – Он поднес палец к уху и изобразил быстрое круговое движение.

Он говорил так, будто весь город уже много лет был в курсе дела. И, может, так оно и было, но я никогда не интересовался местными сплетнями. Брайан же, судя по всему, предполагал, что я в курсе, так что я решил подыграть.

– Очень жаль. У нее по-прежнему те же трудности?

– Ты же знаешь, она совсем *того, чокнутая*. – Если бы я не знал, о ком речь, то никогда бы не догадался, что с подобным высокомерием он говорит о своей единственной сестре. – Через некоторое время все просто отступают и с отвращением сдаются. У всех есть свои заботы, а мне нужно считаться со своим положением в городе, сам понимаешь.

Когда мы все были моложе, до того, как у Джулии появились «проблемы», как не преминул заметить Брайан, она была гордостью семьи, а он, неприметный паренек с короткой стрижкой и угреватой кожей, оставался на вторых ролях. Но со временем все переменялось, и он, казалось, был буквально в экстазе от такого поворота дел.

– Насколько я знаю, она работает официанткой. Представь себе, Джули все еще занимается черной работой, в ее возрасте? Вот так *сюприз*!

Его сарказм почти переходил в радость.

– По крайней мере, это честный заработок.

Брайан посмотрел на меня так, будто я его позабавил. Может, так оно и было.

– Ну, да... ладно, здорово было встретиться, Алан. – Он произнес мое имя с осторожностью, как будто не был уверен, что правильно его запомнил. По всей видимости, он стал слишком важной шишкой, чтобы помнить кого-то вроде меня. Когда я ничего не сказал, он неискренне рассмеялся. – Надо как-нибудь еще встретиться...

– Да, жду не дождусь. – Я ответил собственной неискренней улыбкой. – Еще увидимся, Брайан.

Я вернулся к машине, не оборачиваясь. Было приятно вот так отшить этого засранца. Кроме того, мне повезло: Джулия жила в каком-то получасе езды от Кембриджа, и я уже думал только о ней.

Вернувшись в квартиру, я позвонил Дональду на работу и спросил, сможет ли он найти кое-какую информацию в Интернете. Я знал, что у него был доступ к Интернету на работе и дома. Так как я не сумел бы даже включить компьютер, а на то, чтобы сидеть в библиотеке и копаться в микрофильмах, у меня не было времени, я решил, что он будет самым подходящим человеком для сбора информации.

– Ты сможешь отыскать что-нибудь об убийствах в Нью-Йорке в 1982 году? – спросил я.

– Наверняка где-то есть сайты со статистикой, – ответил он негромко, так, чтобы никто не расслышал его слов.

– Это тот год, когда Бернард, как мы думали, служил в морской пехоте, – напомнил я. – Если на записи он сказал правду и действительно провел это время в Нью-Йорке, должны быть свидетельства того, что он там делал. Статьи, полицейские сводки, все, что тебе удастся отыскать, что может быть как-то с ним связано.

– Я займусь этим, когда вернусь домой. Здесь вообще никакого уединения, таков удел скромного работника в корпорации. Не уверен, что удастся найти что-то конкретное, но я попытаюсь.

– Хорошо. Мне надо идти, но я свяжусь с тобой сегодня вечером, – сказал я. – Не знаю, когда точно я вернусь, но я либо позвоню тебе, либо загляну в гости.

Мне ответила тишина, потом он спросил:

– Откуда вернешься?

– Из Кембриджа.

– А мне точно нужно знать, зачем ты туда отправился?

– Пока не знаю. Вечером поговорим.

Я неплохо знал Бостон, но не очень хорошо ориентировался в соседнем Кембридже, так что сначала отыскал Джулию в телефонном справочнике, записал номер и адрес и только тогда отправился в путь. Я пролетел по трассе 3, прибрежному шоссе, которое заканчивается совсем неподалеку от окраины Бостона. В моей голове одна за другой взрывались мысли, мешая сосредоточиться, и я изо всех сил старался не отвлекаться от

дороги. На горизонте возвышались два самых высоких здания в городе: башня Хэнкока – зеркальная колонна из тонированного стекла, спроектированная так, чтобы казаться плоской в определенных ракурсах, и объемной в других, и более традиционная высотка центра «Благоразумного сообщества», шпиль которой вонзался в облака. Неяркое солнце зависло низко за горизонтом и частично скрылось за силуэтом города, как будто пряталось и шаловливо выглядывало оттуда.

У меня не было никакого плана, никаких мыслей о том, как начать разговор с Джулией, – и следует ли вообще его начинать, и еще хуже я понимал, как подступиться к тому, что могло случиться в лесу Поттерс-Коув больше двадцати лет назад. С большой вероятностью она меня не помнит. За все время, что я бывал у Брайана дома или играл с ним во дворе, мы с Джулией сказали друг другу от силы двадцать слов. Если мне повезет, у нее может сохраниться смутное воспоминание обо мне как об одном из приятелей ее младшего брата.

Мне нужна была отправная точка. Правда о Джулии и мои воспоминания о том дне в лесу и о разговоре с Бернардом были ничем не хуже любой другой идеи. Если много лет назад Бернард действительно что-то сделал с Джулией, это еще не значит, что позднее он стал убивать. Но у меня появится возможность взглянуть на него более объективно и, может быть, это укажет верное направление, в котором следует искать объяснения тому, что со мной происходит.

Машин было немного, и довольно скоро я оказался в городе. Здесь было немного теплее, воздух казался более вязким, не столь характерным для весны в Массачусетсе. Я проехал по улице Вашингтона, потом перескочил на Чарльз, срезал через Общинные сады и направился к Сигнальному Холму. По мосту Лонгфелло я перебрался в Восточный Кембридж и, проехав мимо площади Кендалла, попал на Бродвей.

Я отыскал улицу Демаро, узкий бульварчик в нескольких кварталах от шума и суеты центрального проспекта. В справочнике адрес Джулии Хендерсон указывался как дом номер 12. Сбросив скорость, я заметил, что на многих домах номеров не было. Район был запущенный, на улицах валялся мусор, а здания нуждались в ремонте. Между домами было так мало места, что вся улица казалась тесным переулком. На углу красовались выгоревшие, покрытые граффити останки универсального магазина. Неподалеку стояла компания – несколько парней и девушка. Едва заметно шевеля губами, как будто переговариваясь шифром, они настороженно следили за моей машиной. Я проехал мимо, по-прежнему чувствуя на себе их взгляды, и чуть дальше по улице обнаружил номер 12, двухэтажный

многоквартирный дом с плоской крышей, сильно растрескавшейся краской на стенах и бетонными ступенями у входа. Я припарковался на первом же свободном месте на противоположной стороне улицы и посмотрел в зеркальце заднего вида. Компания все еще стояла на углу, но как будто потеряла ко мне интерес.

Прежде чем я мог передумать, я заставил себя выйти из машины и перебежать через улицу к дому Джулии. Поднялся и тут же стих ветер. Вокруг моих ног, скребя по асфальту, взвился мусор, потом снова улегся.

Как и следовало ожидать, входная дверь была не заперта. Я прошел сквозь тесный, как чуланчик, вход. На стене справа обнаружился ряд почтовых ящиков, но на них не было указано ничего, кроме номеров квартир, нацарапанных прямо на передних панелях. Внутренняя дверь прямо передо мной вела в короткий коридорчик, к потертой и пыльной лестнице, слева от которой находилась площадка первого этажа. Внутри стоял запах пыли, как будто сюда редко удавалось попасть свежему воздуху, пол из промышленных плит был грязный, темно-коричневая краска на стенах облупилась и покрылась пятнами. Я посмотрел на потолок в разводах от протечек, комках густой пыли и грязи, и длинно выдохнул.

В телефонном справочнике был указан только номер дома, но не определенной квартиры. Я прошел мимо лестницы на узкую площадку и подошел к первой двери. Остановившись, я на секунду прислушался. По ту сторону тонкой стены шел довольно жаркий спор между мужчиной и женщиной, но они говорили на испанском, и я не смог понять, о чем шла речь. Я подошел к двери второй и последней на этом этаже квартиры. Прицепленная к ней небольшая пластиковая табличка гласила: «*Берегись собаки*», под ней, на широкой полосе малярной ленты печатными буквами было выведено имя «*Барнетт*».

Я вернулся к лестнице и медленно поднялся наверх, не обращая внимания на скопившиеся в углах использованные шприцы и прочий мусор, ясно дававший понять, что подъезд был местом сборищ местных наркоманов, где они кололись и курили крэк. От всей лестницы несло разложением. Слабый лучик света, проникавший внутрь через окно, рассекал площадку второго этажа на две части. Пылинки танцевали в бесцветном потоке, поблескивали в тени, куда не могло попасть солнце. Где-то поблизости работал телевизор, звук был глухим, но достаточно громким, чтобы разноситься по всему дому. Оказавшись на верхней площадке, я огляделся – пусто – и перешел из солнечного луча в пыльную тень, в сторону первой двери.

– Ты че за хрен?

Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел направо: в дальнем конце лестничной площадки виднелся силуэт мужчины.

– А... Добрый день, – неуверенно сказал я.

– Ага, добрее некуда. Ты че, глухой? – Мужчина подошел ближе. Он был одет в грязную футболку и заношенные джинсы. Тощее тело двигалось рывками, как будто при ходьбе ему приходилось прилагать некоторое усилие. На руках у него я заметил ряд багровых пятен. Из тени выступило лицо, и мне стали видны голубые глаза, которые когда-то, возможно, были пронзительными, но поблекли и помутнели от злоупотребления наркотиками. Спутанные волосы отчаянно нуждались в мытье, помятую физиономию украшала черная с проседью щетина. – Я тебя спрашиваю: ты че за хрен?

– Я ищу Джулию Хендерсон, – ответил я, расправляя плечи, – *вот* че я за хрен. В какой квартире она живет?

Догадавшись, что ему не удалось меня напугать, мой собеседник бросил притворяться крутым и понуро пожал плечами.

– Я тут вообще никого не знаю, ага? – Он забегал глазами, нервно скрещивая и выпрямляя руки, и принялся топтаться на месте, как ребенок, которому надо в туалет. Когда его взгляд наконец вернулся ко мне, мужчина уставился на меня с сосредоточенностью человека, который никогда прежде не видел других людей и теперь пытался осознать происходящее. – Вообще никого не знаю... тут.

– Слушай, – сказал я уже не так напористо, – я старый друг Джулии. Мы росли в одном городе. Я не видел ее много лет и...

– Она на работе. – Эти слова, казалось, изумили его не меньше меня.

– Ты тоже тут живешь? – спросил я.

Мужчина торопливо закивал, затем столь же неожиданно прекратил движение.

– Она работает где-то неподалеку?

– Ага, она... она уже скоро вернется, да? С минуты на минуту. – Он поскреб пятна на правой руке и вздрогнул. – С минуты на минуту.

– В какой квартире Джулия живет?

– В той же, что и я, – сказал он; с трудом сглотнув, он коротко мотнул головой туда, откуда явился, но указывая только в темноту.

Я был поражен, но изо всех сил постарался скрыть изумление.

– Ты ее парень?

– Типа того.

– Меня зовут Алан, – сказал я, помахав рукой в знак приветствия, поскольку не хотел к нему прикасаться. – Алан Ченс.

– Клевое имя. Как у шпиона или какого-нибудь актера. – Мужчина прислонился к стене и вздохнул. – Ты же не коп, да?

– Нет, просто давний друг семьи.

– Смена Джулии заканчивается в два, – сказал он, вытирая слюну в уголке рта. – Она должна... была уже вернуться домой, я... не знаю, где ее черти носят столько времени.

Я посмотрел на часы – 2:19 – и подумал: к черту все это. Все равно мне хотелось поскорее уйти.

– Ну ладно, скажи, что я заходил. Загляну как-нибудь в другой раз.

Я повернулся, чтобы уйти, и чуть не столкнулся с женщиной, которая стояла в солнечном луче у лестницы. В одной руке она держала набитый продуктами бумажный пакет, в другой висела связка ключей. Перед моими глазами замелькали картины прошлого, занавес памяти приподнялся, показывая стоявшую передо мной незнакомку. Девушка с волосами цвета меда, ясными карими глазами, чистой кожей и великолепной фигурой пропала. Осталась только несколько потрепанная и усталая женщина средних лет в синтетическом платье официантки, капроновых колготках и грязных белых кедах.

– Джулия?

Она переглянулась с мужчиной, потом снова посмотрела на меня.

– Джулия, – повторил я, чувствуя, как мое сердце забилося быстрее – ты меня не помнишь, но...

– Детка, – сказал позади меня мужчина, – пожалуйста, давай сначала разберемся с тем, другим делом, а? Ты же нашла его по дороге? Ты же нашла... да?

Я посмотрел на него, потом на Джулию. Не сводя с меня глаз, она медленно кивнула, сунула руку в карман платья и вытащила небольшой полиэтиленовый пакетик. С невероятной скоростью мужчина пронесся мимо меня, оказался рядом с ней, выхватил пакетик у нее из рук и, шаркая, пошел обратно в квартиру.

– Чудесно, прекрасно... я знал... знал, что на тебя можно положиться, детка.

Джулия приблизилась ко мне.

– Кто ты и что тебе нужно?

– Меня зовут Алан Ченс. Из Поттерс-Коув. В детстве мы с твоим братом, Брайаном, иногда вместе играли.

– Ченс, – сказала она без всякого выражения.

– Да, Алан. Я был на несколько классов младше тебя в школе, – сказал я. – Как я уже сказал, ты, наверное, меня не помнишь, но...

– Что тебе надо? – снова спросила она, на этот раз тише.

Я протянул руку и улыбнулся. Она не сдвинулась с места, так что я сказал:

– Я надеялся, что мы сможем поговорить немного.

– О чем?

– Ну... слушай, это может прозвучать немного странно, но мне хотелось бы поговорить о человеке, которого, как мне кажется, мы оба знали. Ты помнишь парня, моего – и Брайана – ровесника по имени Бернارد? – В неподвижном лице Джулии промелькнуло какое-то неопределенное выражение, но она промолчала. – Бернارد Мур, – настаивал я. – Ты помнишь кого-нибудь с таким именем?

– Я так и знала, – пробормотала она, как будто про себя.

Я не был уверен, что верно ее расслышал.

– Прошу прощения?

Не отвечая и не повторяя своих слов, она опустила глаза, оглядывая меня с головы до ног с беспристрастным видом инспектирующего, и в конце концов уставилась мне на грудь. Проследив за ее взглядом, я посмотрел вниз и увидел, что маленький золотой крестик у меня на шее в какой-то момент выскочил наружу и теперь болтался на виду поверх воротника. Я подхватил его и осторожно заправил обратно. Когда я поднял глаза, она все еще пристально смотрела на меня, но теперь прямо в глаза.

– Я не собираюсь делать ничего дурного, – мягко сказал я. – Я хочу только поговорить.

– Не здесь, – сказала она бесцветным голосом. – Внутри.

Глава 15

Несмотря на то что меня пригласили внутрь, я чувствовал себя в квартире Джулии неуютно, не в своей тарелке. Мы вошли все вместе, с невысказанным, но общим ощущением скорби, как скот на бойню, Джулия во главе, я в самом хвосте. Она отступила в сторону, пропуская меня внутрь, потом закрыла дверь и защелкнула впечатляющую коллекцию замков.

Из небольшой прихожей я прошел в просторную, но скромно обставленную гостиную. Большую часть деревянного пола здесь скрывал недорогой круглый ковер. Мебель была разномастной и старой, стены выкрашены в светло-серый цвет, отчего даже при дневном свете комната выглядела мрачновато. В дальней стене два окна за поблекшими белыми занавесками выходили на пустую детскую площадку и соседний проспект. На раме каждого висели серебряные крестики, обращенные в сторону улицы как стражи. Я притворился, что ничего не заметил.

Джулия провела меня через гостиную в столь же мрачную кухню. В центре стоял складной стол, виниловая поверхность которого была испещрена следами ожогов и мелкими царапинами, и четыре складных стула по сторонам. На столе красовалась большая, переполненная окурками пепельница, лежала колода карт и были разбросаны многочисленные религиозные книги, включая старую Библию. В окне над раковиной с карниза для занавески свисал еще один серебряный крестик.

Квартира была наполнена религиозными побрякушками и небольшими статуэтками, но я не мог определить, был ли это храм или крепость. Я не заметил ни одной семейной фотографии и, если уж на то пошло, вообще ничего, что связывало бы ее хоть с кем-то – только безликое и безрадостное пространство, святыню уединения.

Джулия указала на стол, и я сел на один из стульев, а она поставила кипятиться чайник и, извинившись, вышла в коридор. Хотя я не видел ее спутника с тех пор, как мы вошли в квартиру, до меня донеслась резкая вонь разогретого героина. По всей видимости, мужчина тоже был где-то там, в глубине коридора, и загонял наркотик в остатки своих вен. Я все еще был потрясен тем, что Джулия меня вообщепустила, и не мог избавиться от тревожного ощущения, что она каким-то образом предчувствовала мое появление. Разумеется, это было совершенно невероятно, но только так можно было объяснить ее слова, «Я так и знала», когда я в первый раз

заговорил о Бернарде, и то, что она практически без вопросов впустила в дом незнакомца. Вдобавок, сама квартира внушала смутную тревогу, так что мои нервы натянулись до предела, а по шее начали бегать мурашки. Хотя в неподвижном воздухе не чувствовалось холода. По правде сказать, только тогда я заметил, что все окна закрыты, и удивился – на улице стоял такой приятный весенний день.

Я почувствовал взгляд мужчины еще до того, как он появился из коридора и побрел к столу. Теперь он вел себя спокойнее, более сдержанно, но лишь потому, что едва мог соображать; с широкой, одурелой ухмылкой на лице, замедленно двигаясь, он сел и тяжело облокотился о шаткий стол. Казалось, он не способен о чем-либо разговаривать, так что я как можно ненавязчивее уставился на Библию. Как и прочие книги на столе, она была изорванной и потрепанной, а между страницами в беспорядке торчали закладки из бумажек для заметок.

Если не считать медленного, размеренного дыхания мужчины, в квартире было невероятно тихо.

– Ты никогда не спрашивал себя, – произнес он заплетающимся языком, – как ты здесь оказался, ну, типа, именно здесь, именно *сейчас*?

Я взглянул в его затуманенные глаза.

– В последнее время – особенно часто.

– Ты выглядишь... напряженным.

– У меня сейчас жизнь напряженная.

– А я вот что думаю, – сказал он, и при этом его глаза медленно закатились и закрылись, – я думаю, что беспокойство, типа, совершенно бессмысленная, типа, *штука*, понимаешь? Потому что... потому что оно, типа, дает нам такую, типа, иллюзию, понимаешь, гребаную *иллюзию*, что мы чем-то управляем, сечешь? Как будто мы на самом деле что-то решаем, да? Но в конце, типа, в конце концов из всего этого идет страх, так? А из страха идет замешательство. – Он открыл глаза, улыбнулся мне. – И я так думаю, что нам всем надо, типа, делать все что угодно, чтобы прочистить мозги. Понимаешь, о чем я, да?

Я мечтал оказаться как можно дальше от него, но продолжал смотреть ему прямо в глаза.

– Да.

– Думаешь о том, чего стоит совет какого-то наркоши, а? – Он сонно рассмеялся.

Меня отвлек скрип пола, и, обернувшись, я увидел, как Джулия прошла через кухню к ряду шкафчиков над единственной кухонной стойкой.

– Эдриан, помолчи, – холодно бросила она. Джулия переоделась в старые джинсы и легкий свитер и распустила волосы, едва достававшие до плеч. Когда мы только встретились, ее волосы были завязаны в хвост, открывая седые корни. – Чаю хочешь? – спросила она.

– Нет. Спасибо.

Она вытащила из шкафчика и поставила на стол две чашки, блюда и сахарницу, потом отошла к холодильнику и возвратилась с небольшим кувшинчиком молока. Замерев на секунду, как будто собиралась заговорить, Джулия вернулась к кухонной стойке и принялась копаться в сумочке, пока не отыскала пачку сигарет и зажигалку. Она зажгла сигарету, стоя к нам спиной, и обернулась только после того, как сделала первую затяжку и со вздохом выпустила дым из легких.

Возраст не красил Джулию Хендерсон. Она не пользовалась косметикой и набрала вес. Вдобавок к этому, утомление и явные попытки скрыть естественную красоту под посредственной, даже непривлекательной внешностью придавали ей неряшливый вид. Джулия еще раз глубоко затянулась, и я заметил окрашенные никотином пальцы и ногти, сгрызенные почти до основания. Ей было на шесть лет больше, чем мне, то есть всего сорок четыре, но в нынешнем состоянии она выглядела почти шестидесятилетней. Нездоровой, опустошенной эмоционально и истощенной физически шестидесятилетней женщиной. Былое величие еще таилось под морщинами, пятнами и темными кругами; как будто каждое мгновение боли, страха, тоски и отвращения оставило шрам, напоминание о себе. Девятнадцатилетняя красотка давно сгинула, и вместо нее оказалась взрослая, вполне материальная женщина, которая продолжала жить, несмотря на очевидные трудности. И она явно больше не видела в канонах красоты с гляцевых обложек ни смысла, ни значения.

Джулия отбросила волосы с лица.

– Как ты меня нашел?

– Твой адрес есть в телефонной книге, но я не знал, что ты живешь в Кембридже, пока Брайан не сказал мне. Я повстречал его в Поттерс-Коув.

– Брайан. – Джулия произнесла имя так, будто оно было неприятным на вкус. – Он знает, что ты здесь?

– Нет.

Какое-то время она молча курила.

– Так зачем ты приехал?

Хороший вопрос. О чем вообще я думал, кем себя вообразил? Не важно, были ли верны мои подозрения о том, что произошло много лет назад. Какое право я имел являться без предупреждения и вмешиваться в

жизнь этой женщины, которой и без того непросто?

– Может быть, нам стоит поговорить наедине?

– Все, о чем ты хочешь поговорить со мной, можно обсуждать при Эдриане. – Она еще не злилась, но явно уже теряла терпение. – Я во всем ему доверяю.

Краем глаза я заметил, как Эдриан мне подмигнул. У меня начали потеть ладони, так что я как бы невзначай вытер их об штаны и попытался составить связное предложение:

– Слушай, я знаю, что это все очень странно... я появился вот так, из ниоткуда, притом что ты едва меня знаешь и мы не виделись много лет... но я просто не знаю, к кому еще обратиться. Это почти смешно, что я тут оказался, но, Джулия, мне нужно было с тобой поговорить. – Я сжал руки и положил их на колени, пытаюсь сдержать дрожь. – Я уже спрашивал прежде, но... помнишь ли ты кого-нибудь из Поттерс-Коув по имени Бернارد Мур?

На этот раз она никак не отреагировала, и я описал его. Джулия затянулась и прищурилась от витавшего вокруг дыма.

– И что с ним?

– Он умер.

– И что ты хочешь от меня? Открытку с соболезнованиями?

– Он покончил с собой. Повесился.

Джулия раздавила сигарету в переполненной пепельнице, стоявшей на столе между нами, и выдохнула последний клуб дыма из ноздрей.

– Какое тебе до него дело?

– Он был моим другом.

Она подалась назад, сложила руки на груди и прислонилась к кухонной стойке.

– Вот как.

Я непроизвольно оглянулся на Эдриана, но он пялился на столешницу так, будто она была самым изумительным предметом в мире, так что я снова обратился к Джулии:

– Но мне кажется, Бернارد был не совсем тем, кем я его считал. После его смерти обнаружились кое-какие странности, которые...

– Какие странности?

Я встал.

– Я ошибся. Слушай, извини, не стоило мне вот так сваливаться тебе на голову.

– Я видела утренние новости, – внезапно заявила она. – В Поттерс-Коув нашли труп.

– Да. Тело молодой женщины.

– Здесь такое случается довольно часто. Но готова поспорить, что в той дыре это важнейшее событие.

Чайник засвистел. Джулия быстро подошла к плите, взяла его и наполнила две чашки на столе. Мне пришло в голову, что она с легкостью могла бы обварить меня, сняв с чайника крышку и плеснув на меня кипящей водой; и хотя не похоже было, что Джулия склонна к насилию, на ее лице было странное выражение, которое меня встревожило.

– Сядь, Алан. Ты пришел сюда за ответами, так? Так чего же убегать, оказавшись так близко к цели?

Эдриан утопил в чашке пакетик чая и сдавленно хихикнул.

Я опустил обратно на стул, и после того, как Джулия поставила чайник на выключенную плиту и села за стол, спросил:

– Значит, ты знаешь Бернарда... в смысле, ты его помнишь?

Джулия обхватила чашку обеими руками, поднесла к губам и неслышно отпила.

– Я помню, что он меня изнасиловал.

Ее ответ уже не должен был заставить меня врасплох. И все равно он меня ошарашил.

– О боже, я... какой ужас. Я...

– Ты же это хотел узнать, разве нет? Именно поэтому ты меня разыскал. Насколько тебе известно, нас ничего больше не связывает. И ты уже знал ответ. Должен был знать.

– Я подозревал. Перед самоубийством он намекал на то, что совершил что-то такое, что-то ужасное. – Я поставил локти на стол, закрыл лицо руками. – Господи боже мой, как такое может быть...

– Я никому не рассказывала, – сказала она.

Они никогда не рассказывают.

– Прости, Джулия, но мне надо знать, что произошло. Это важно.

– О, в *этом* я не сомневаюсь. – Дрожащими руками она подняла чашку и сделала еще один глоток чая. И, прежде, чем я успел ответить, сказала: – Это случилось в конце лета 1975 года. В лесу в Поттерс-Коув.

– Я не хочу показаться бесчувственным или...

– Просто спрашивай.

– Бернард носил очки с такими толстыми стеклами, был маленьким... в то время он был таким слабаком... как он сумел...

– Элемент неожиданности. Нож. И помощь.

Мое сердце едва не разорвалось.

– Ему кто-то помогал?

Она кивнула, снова потянулась к сигаретам.

– Я бежала как обычно, срезала дорогу через этот участок леса. – Джулия сунула в рот сигарету, глядя в пустоту, как будто воспоминания были где-то за горизонтом, который видела она одна. – Помнишь, там был такой каменный очаг, неподалеку от старой палаточной площадки?

– Да.

– Он сидел рядом с этим очагом, – сказала она без выражения. – Я остановилась... думала, что он поранился. Ты сам сказал, он был маленьким и, наверное, выглядел моложе своих лет. Он просто сидел, качался из стороны в сторону, тер ногу и постанывал. Я остановилась и спросила, все ли в порядке, и он сказал, что упал и подвернул ногу. Сказал, что если я его поддержу, он сможет идти, так что я протянула ему руку. С чего мне было отказывать? Он выглядел совершенно беззащитным, как ребенок. С чего мне было не помочь ему? Не могла же я просто пробежать мимо, не обращая внимания?

– Нет, – выдавил я, у меня сжалось горло. – Я понимаю.

– Когда я помогла ему подняться на ноги, он меня толкнул, сильно и неожиданно. Я потеряла равновесие, упала и... – она яростно затянулась сигаретой, смяв фильтр. – Я сильно ударилась о землю головой. Чуть-чуть не попала в очаг. Если бы я ударилась об него затылком, то сегодня меня бы здесь не было, это уж точно. Я бы умерла в тот день в том лесу. И тогда я думала... думала, что могу умереть. Я не то чтобы потеряла сознание, но все вокруг было размытым и... потом этот мальчишка забрался на меня. У него был нож с выкидным лезвием, и он раскрыл его прямо у меня перед лицом и рассмеялся, но такого смеха я еще никогда не слышала... как будто даже и не человек смеялся. Он прижал нож мне к горлу и что-то говорил, но я не помню, что именно, только... чувствовала, как он меня раздевает, стягивает шорты, раздвигает мне ноги.

Эдриан медленно поднялся.

– Мне надо прилечь.

Он убрел в коридор, а Джулия смахнула из уголка глаза слезу, еще раз с силой ткнула сигаретой в пепельницу.

– Мне неприятно все это ворошить, но... ты можешь сказать, кто был с...

– Я не могла поверить в то, что происходило, – продолжила она, как будто не слышала. – В то, что этот мальчишка, этот *ребенок* со мной делал. Даже то, как он меня обманул, казалось скорее детским розыгрышем, все... казалось таким невероятным, как во сне, когда все кажется бессмысленным... понимаешь? В котором все не так и не имеет никакого

смысла?

Я почувствовал, как киваю.

– Все это казалось ненастоящим. К тому же он был таким маленьким, просто крохой, и он забрался на меня, это... даже когда он меня насиловал, это... я не могла поверить в то, что происходило.

Я зажмурился и держал глаза закрытыми до тех пор, пока вызванные ее словами видения не растворились.

– Закончив, – я не знаю, сколько прошло времени, потому что я несколько раз теряла сознание и приходила в себя, – он перевернул меня. Я лежала на животе, и он прижал мою голову к земле, и мне в рот набилась земля и сосновые иголки. – Тыльной стороной ладони она стерла с глаз слезы. Слезы ярости, что так долго оставалась подавленной, а теперь вырывалась из нее как отлетающая душа. – Я не помню, *не могу* вспомнить, сколько прошло времени. У меня было сотрясение от удара. Я помню, что сначала было светло, и я видела солнце над верхушками деревьев, и голубое небо смотрело на нас сверху... а потом стало темно. Не совсем темно, как ночью, а так, как бывает в сумерках после заката, или прямо перед восходом, понимаешь?

– Джулия, – прошептал я, – ты сказала, что Бернарду кто-то помогал. Мне нужно знать, кто это был.

Она вытерла глаза и как будто сумела справиться со своими чувствами.

– Вот прямо нужно?

– Да, если ты сможешь.

– Ты в этом уверен?

– Да.

– И ты думаешь, что поймешь? – спросила она еще более насмешливо. – Думаешь, что сумеешь понять? Даже если я все тебе расскажу, ты даже примерно не поймешь, о чем речь. – Она ударила по столу зажигалкой. – Ты хотел знать, изнасиловал ли меня твой друг. И теперь знаешь. Отправляйся домой, в Поттерс-Коув, возвращайся к своей пустой жизни и оставь это дело в покое.

– Мне так бы этого хотелось, – сказал я.

– Оставь это дело в покое. Забудь.

– Я не могу. Все не так просто. И мне кажется, что и ты, Джулия, это понимаешь.

– Люди думают, что у меня не все дома, – сказала она. – Что у меня не все в порядке с головой – это правда, я и сама знаю. С того самого дня у меня появились проблемы, но... но я не сумасшедшая. И никогда не была сумасшедшей. Я *не* сумасшедшая.

– Теперь многие думают, что и я спятил. – Я сумел выдавить кривую улыбку. – Что бы ты ни сказала, я готов тебе поверить.

Она молча пила чай. Курила.

– Джулия, – повторил я, – кто еще был в тот день в лесу с Бернардом?

– Там не было других людей, *настоящих* людей, – сказала она без выражения. – Но он был не один.

Глава 16

Слова Джулии все еще звенели у меня в ушах. И сколько бы я ни пытался убедить себя, что они были метафорой, даже тогда я понимал, что это не так. Я подавил страх, как будто он был подступавшей тошнотой, изо всех сил постарался сдержать его, не позволяя вырваться наружу.

– Закончив, он оставил меня в лесу, – сказала она, нарушив тишину. – Как я уже сказала, у меня было сотрясение от удара головой, я была грязной, на одежде и в волосах запутались всякие сучки и листья, когда он вжимал меня в землю. Как будто он раздумывал, не убить ли меня, не задушить ли прямо там, на поляне, заставляя вдыхать всякий сор. Только потом я поняла, что так он вроде как давал понять, что мог бы меня убить, если бы захотел. В каком-то смысле, это было бы милосерднее.

Я был другом Бернарда, я без спросу ворвался в жизнь этой несчастной женщины, и теперь чувствовал себя в некоторой мере ответственным и хотел взять на себя хотя бы часть его вины, извиниться перед ней за то, что он сделал, кем он стал.

– Мне так жаль, – беспомощно сказал я.

– Я сказала родителям, что споткнулась, когда бежала, – продолжала она, все еще находясь в том ужасном лесу. – Сказала, что ударилась головой, потеряла сознание и не сразу пришла в себя. Я никогда не рассказывала обо всем остальном. Я не могла. Даже если бы я попыталась, все решили бы, что я сошла с ума. Правда, теперь почти все и так считают меня сумасшедшей.

– Джулия, я ни о чем не сужу, – осторожно сказал я, – но почему ты ничего не сказала? Почему ты позволила Бернарду остаться безнаказанным после того, что он с тобой сделал?

Она безрадостно рассмеялась, и ее смех был таким же коротким и яростным, как пулеметная очередь.

– Мои родители все таскали меня по врачам. Они думали, что я так изменилась из-за удара по голове. Кошмары, крики посреди ночи, неспособность сосредоточиться, – мне все время казалось, что за мной кто-то следит, – депрессия и попытка самоубийства меньше года спустя. После этой выходки я оказалась в специализированной больнице в Бостоне. – Она села ближе к спинке стула и приняла более вызывающую позу. – И это была только *первая* остановка. Я еще много лет провела в разных психушках. Ты когда-нибудь был в психиатрической лечебнице, Алан? – Я отрицательно

покачал головой. – Можешь поверить, там встречаются полные психи. Совершенные, безбашенные, неуправляемые *психи*. Вот только я была не такой. И знаешь что? Я была не единственной. Там были другие люди вроде меня, которые видели и знали. Но они решили обо всем рассказать. И рассказывали – пока их не закармлили лекарствами до такой степени, что они больше не могли ни говорить, ни думать, пока они не превратились в безмозглую мебель. Но я тоже знала правду и хотела лишь умереть, перестать существовать, прекратить этот хаос. Разумеется, никто не понимал, почему. Всего несколько месяцев назад я была эдакой идеальной куколкой Барби с идеальными оценками и идеальными друзьями, меня все любили и точно знали, что я поступлю в колледж и встречу своего Кена, и у нас будет идеальная кукольная жизнь. Я была гребаной Джулией Хендерсон. Как Джулия могла сойти с ума? – У нее на глазах снова выступили слезы, но каким-то образом она сумела их сдержать, не позволила скатиться по щекам. – И мне хотелось им рассказать, правда хотелось. Я хотела рассказать моим друзьям, всем этим врачам и санитарам, всем потерянным душам в этой ужасной больнице, моим родителям и любому, кто согласился бы слушать, о том, что я не сумасшедшая, что в нашем мире существует зло, какого я не могла прежде и вообразить, но я стала ему свидетелем, я видела его и испытала на себе. Оно было самым настоящим. Вот что я узнала в тот день в лесу. Что зло – не просто какая-то идея или теория. Оно существует на самом деле. И оно разрушило мою жизнь. Разрушило меня. Ты живешь в Поттерс-Коув. Уверена, что ты слушал все эти перешептывания о том, как я слетела с катушек. Там все обо всех все знают. В этом городишке пернуть нельзя, чтобы кто-нибудь не услышал.

– Если тебе от этого станет легче, – сказал я, – я ни о чем таком не слышал до тех пор, пока твой брат не рассказал, что у тебя были какие-то проблемы. Я всегда думал, что ты поступила в колледж и куда-то переехала.

Прежде чем заговорить снова, она оценила искренность моих слов.

– Ты согласен ответить на *мой* вопрос?

– Разумеется.

– Я должна поверить, что ты дружил с Бернардом, был близким другом и никогда не знал, не подозревал о том, что он сделал?

– У меня были подозрения, но – нет, я никогда не знал наверняка о том, что он с тобой сделал.

– Ты никогда не знал, кем он был на самом деле? – Она медленно покачала головой, как будто жалела меня. – Господи, ты и правда не знал.

Я облокотился на стол и медленно подался вперед, стараясь сделать движение как можно менее угрожающим.

– Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, расскажи все, что знаешь.

Не сводя с меня глаз, Джулия протянула руку к сигаретам.

– Осторожнее, я ведь могу так и сделать.

– Что на самом деле произошло в тот день в лесу? – спросил я. – Что именно ты видела?

– Мрак, – негромко ответила она. – Я видела мрак.

Я ждал продолжения. Джулия не ответила, и я схватил со стола зажигалку и поднес огонек к сигарете в ее руке. Треск искры, а может быть, само пламя привлекли ее внимание и развеяли овладевшее ею гипнотическое состояние. Вздвигнув от неожиданности, Джулия воткнула сигарету в рот и наклонилась к огню. Положив зажигалку на стол, я наблюдал, как она сначала потерла ладонью лоб у самой линии волос, а потом провела рукой по волосам до затылка. Сигарета свисала у нее изо рта, как безвольная дымящаяся конечность.

Я задумался, всегда ли она курила так много?

– Ты можешь себе представить жизнь, которая превратилась в бесконечный кошмар? Полагаю, мы все представляем, в какой-то мере, да? – Она подняла голову, глубоко затянулась, вытащила сигарету изо рта и выдохнула клуб дыма в мою сторону. – Но как можно описать зло? Как оно выглядит, какое оно на ощупь? Как описать темноту, как описать кислород? Я чувствовала, как... будто за нами, за мной наблюдали какие-то существа. – Она прищурилась. – И им нравилось то, что они видели.

В этот момент мне сильнее всего хотелось сбежать из этой квартиры, но я вцепился в край стола и остался на месте. Что если Джулия Хендерсон действительно сошла с ума? Что если мы оба сошли с ума?

– У него была палка, – продолжала она, теперь уставившись в стену за моей спиной. – Он что-то говорил, но я не могла разобрать слов. Слова были странными, потом я узнала, что это какая-то полузабытая древняя латынь. Но он говорил быстро, почти шепотом, а меня оглушило так, что все звуки становились то громче, то почти умолкали, и пока я лежала на земле, все то отдалялось, то возвращалось обратно – зрение, звуки, чувства... Но у него была палка, и, произнося эти странные слова и фразы, он что-то рисовал на земле рядом со мной. Торопливо чертил, процарапывал что-то на земле, как будто у него было не так много времени, словно ему надо было работать как можно быстрее, иначе ничего не выйдет. Я не видела, что он рисует, потому что не могла поднять голову. Я... пыталась, но не могла, только скосила глаза в ту сторону, видела его

краем глаза. Но у меня появилось чувство... я почувствовала, как что-то вспухает вокруг нас, а потом и во мне, как... как зевок, рождается где-то в затылке, а потом это покалывание распространяется по всему телу, понимаешь, что... что я имею в виду? Ощущение было таким же, но только не приятным, не освобождающим и расслабляющим, а совсем наоборот. У меня в животе, где-то в кишках возникло такое чувство, какое бывает, когда вот-вот вырвет, или... ты когда-нибудь слышал скрежет тормозов посреди ночи? Когда ты лежишь в постели и слышишь скрежет снаружи и ждешь этого ужасающего звука удара, и когда он раздается, желудок вроде как скручивает – тогда у меня было примерно такое же ощущение. Только хуже. Куда хуже. А потом я услышала голоса, – продолжила она. – Сначала его, когда он лег на меня. Его дыхание, я... почувствовала его дыхание, и мне захотелось вырвать, мне хотелось, чтобы он слез, отстал от меня, но я не могла его остановить. А он продолжал говорить эти странные слова, и его голос звучал странно, как во сне, вот только... были и другие голоса. Голоса, полные муки, голоса людей, кричавших и завывавших от боли, все они крутились вокруг нас как смерч, они... – Она содрогнулась всем телом и еще раз жадно затянулась. – А потом я видела такое, что не должен видеть ни один человек. То, что мне никогда не стереть из памяти. Нечто непостижимое, неопишемое.

Как то, что видел я, когда женщина на заброшенной фабрике схватила меня за руку, – как будто через нее мне передались кровавые картины порока, вызванные пряником из Ада.

– Судя по выражению твоего лица, ты думаешь, что я свихнулась, – сказала она.

– Нет, Джулия, я так не думаю. – Одна ее рука лежала на столе. Я осторожно протянул к ней руку и легонько коснулся ее пальцами. – Я вовсе так не думаю.

Она медленно убрала свою руку из-под моей, но, кажется, подумала, что я лишь пытался ее утешить, ничего более.

– Увидев такое, нельзя просто вернуться к обычной жизни. Собраться с силами и продолжать жить как ни в чем не бывало, как будто ничего не случилось. Сколько ни пытайся, отрицание просто не работает. Как неприятный запах, эти воспоминания не развеиваются. Они липнут, как пот к коже. И медленно, очень медленно, как пытка капающей водой, они сводят тебя с ума.

Я верил ей и боялся, что в ней я видел свое собственное будущее.

– Самое странное, – пробормотала Джулия, и ее взгляд снова стал отсутствующим, – что он и сам тогда казался напуганным, как будто еще не

во всем был уверен, не знал, что́ у него есть и на что́ он способен. Как будто он выпустил джинна из бутылки, но еще не совсем научился им управлять, еще не все контролировал.

– Так что, он экспериментировал с... чем? С сатанизмом, с чем-то таким?

– С чем-то таким, – сказала она. – Все не так просто, как люди думают.

– *Что* не так просто?

– Добро, зло – все. – Джулия отодвинула стул, встала и указала сначала на книгу на столе между нами, потом на кресты на окнах. – Это мой мир и моя вера, поэтому они меня защищают. С того дня я читала и изучала все, что могла, но до сих пор знаю только то, что в нашем мире существует некая сила, от которой невозможно отмахнуться, как от неприятного сна. Она преодолевает все границы, для нее не имеют значения возраст, раса, пол или культура. Но существует и положительная энергия, добро, только его надо отыскать. Зло всегда рядом, как верный товарищ, понимаешь? Оно всегда здесь, всегда под рукой, выжидает, искушает. Злу нужно только согласие. Не нужно никаких жертв, не нужно ни от чего отказываться – только согласиться, принять его. Добро тоже рядом, но найти его немного сложнее, нужно копнуть немного глубже, чтобы его отыскать. Добро требует, чтобы мы взглянули за пределы себя, и оно *требует* жертвы, осознания чего-то более величественного и значительного, чем мы сами. – Джулия отошла к раковине, швырнула сигарету в раковину и включила воду. Затувив окурок, она повернулась и облокотилась о край раковины, глядя на меня печальными выразительными глазами. – И удержаться рядом с ним куда труднее.

– Ты видела его после этого? – спросил я.

– Я вижу его каждый день. Каждую ночь. Каждый раз, когда закрываю глаза. Каждый раз, когда мои мысли разбегаются, они приводят меня к нему. К маленькому слабому мальчишке в лесу. – Она покачала головой, как будто рассеивая сумрачный гипнотический туман, который окутывал ее прежде. – Думаю, прошло не так много времени, прежде чем он перешел на следующий уровень. Я знала, что с течением времени, по мере того как он погружался все глубже, того, что он сделал со мной, было уже недостаточно. До меня он, скорее всего, сделал и другие шаги. Может, мучил животных, издевался над соседскими детьми, Бог знает, что еще, и только потом взялся за меня. После этого следующим шагом было убийство. Я знала, что рано или поздно начнут появляться трупы. И чем больше я исследовала, чем больше я читала и пыталась разузнать, чем был Бернارد и в кого он постепенно обращался – в кого он рано или поздно

должен был обратиться, – тем больший смысл все это обретало. Почитай газеты, посмотри сводки новостей: во всех происходящих преступлениях есть нечто общее, и эта общность существует с начала времен. Думаешь, все это случайность?

– Не знаю, – сказал я. – Но даже если все это не... не люди, которые ведут себя как...

– Люди?

– Да.

– Ты думаешь, что я из числа добрячков, которые верят, что никто ни за что не в ответе? Я что, похожа на дуру, Алан? Ты думаешь, я сносила – и сношу до сих пор – кошмар собственной жизни благодаря вере в то, что все вокруг невинны, всего лишь марионетки некоего всемогущего зла, от которого никто не может защититься? Меня заставил Дьявол, да? Меня заставил Дьявол.

Я встал, тыльной стороной ладони стер со лба одинокую струйку пота и спросил:

– Что, в таком случае, ты пытаешься сказать?

– Если ты берешь Дьявола под руку, это все равно твоя вина, твой выбор, ты все равно виноват в том, что случится, – во всем, что делаешь сам или по воле зла. – Джулия подошла ближе, как будто хотела убедиться, что я расслышу ее слова. – Но то, что это твоя вина, еще не значит, что Дьявол не приложил к этому руку.

– Бернارد как-то сказал мне, что Дьявол говорил с ним, – сказал я.

– Может быть, тебе следовало ему поверить.

Из коридора раздался странный стонущий звук. Казалось, Эдриан путано и неразборчиво зовет ее слабым голосом.

– С ним все в порядке? – спросил я.

Джулия кивнула.

– Все мы избавляемся от кошмаров по-своему. Он пытается бросить. Я бросила больше двух лет назад. Как ни удивительно, мы с Эдрианом познакомились в центре реабилитации. У нас почти ничего нет, только мы сами, но у некоторых людей нет и этого.

– Мне так жаль. – Слова вырвались у меня прежде, чем я сумел себя остановить.

– Не надо жалеть нас, Алан. Жалей себя. Теперь ты оказался во мраке. Мы, кроткие, живем в ожидании своего наследия. Прожигаем дни и выживаем по ночам.

– Любовь моя? – срывающимся голосом, на грани слез позвал Эдриан.

– Я нужна ему.

Я знал, что у меня осталось мало времени.

– Я думаю, что после нападения на тебя Бернард никого не убивал еще несколько лет. Он утверждал, что поступил на службу в морскую пехоту, но перед смертью признался, что на самом деле отправился в Нью-Йорк.

– И ты думаешь, что именно там он научился убивать?

– Да. – Я сглотнул. С большим трудом. – А может, только усовершенствовал технику.

– Ищи ритуальные преступления, – сказала она почти небрежно. – Обряды, ритуальные убийства, понимаешь? После того, как он принял зло, обряды стали особенно важны. Все, что он делал, каждое преступление имело особый смысл. Это были не просто убийства, а жертвоприношения. Я много лет изучала этот вопрос, читала все, что могла отыскать, хотела понять то, что понять невозможно, пыталась найти защиту от того, во что большинство людей даже не верит. – Она начала нервно покусывать палец. – Алан, может быть, я и сумасшедшая, но я знаю, о чем говорю.

Из спальни снова позвал Эдриан.

– А этот период – между возвращением из Нью-Йорка и последними годами? – торопливо спросил я. – Мог ли он остановиться на какое-то время, а потом начать снова незадолго до того, как покончил с собой?

– Нет, не думаю, что он остановился.

– Но...

– Слушай, я знаю только то, что произошло в тот день. И мне жаль, если это не тот ответ, за которым ты приехал. Я не видела скачущих вокруг дьяволов с желтыми глазами, чудищ или какую-нибудь еще голливудскую версию зла. Как я уже сказала, его можно почувствовать. Их можно почувствовать, потому что они повсюду и нигде. Не здесь, но всегда рядом с нами.

– Кто именно? – спросил я.

– Демоны.

– Демоны, – недоверчиво повторил я.

– Зло можно испытать, но... нельзя описать. Опиши ветер, – с вызовом ответила она. – Скажи мне, как он выглядит.

– Понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. – На ее губах появилась странная улыбка. – Но скоро поймешь.

Глава 17

Когда я вышел на улицу, день уже превратился в ранний вечер, и хотя солнце немного сдвинулось, до темноты еще оставалось несколько часов. Все равно мне хотелось убраться с этой улицы и из этого района до наступления ночи. Я быстро подошел к машине, затем остановился и огляделся. Компания, стоявшая на углу, когда я приехал, разошлась, и на улице стало пустынно и необычайно тихо. И все же я чувствовал, что не один.

Может, Джулия Хендерсон права. Может, мы никогда на самом деле не оставались в одиночестве. Может быть, отовсюду и ниоткуда за нами следили демоны.

* * *

К тому времени, как я вернулся в Поттерс-Коув и подъехал к дому Дональда, опустились сумерки. По дороге обратно я по меньшей мере десять раз проиграл в уме разговор с Джулией, но все равно не был уверен, что смогу достаточно связно его пересказать. Сидя в машине и собираясь с мыслями, я заметил припаркованный на улице «чероки» Рика. Я не ожидал его встретить и был рад, что он приехал.

Дональд открыл дверь с обычным безрадостным выражением лица.

– Мы уже начали беспокоиться за тебя, – сказал он, когда я вошел в гостиную. – Я позвонил Рiku, сказал, что ты собирался заехать. Подумал, что, может быть, лучше обсудить все это вместе.

Рик стоял перед телевизором и следил за бейсбольным матчем с таким вниманием, какое другие уделяют каким-нибудь серьезным новостям. Посмотрев на меня, он ткнул большим пальцем в сторону экрана.

– Гребаные «Ред Сокс». Сезон начался всего несколько недель назад, а они уже все просрали.

Дональд неожиданно ухмыльнулся и поднял стакан водки.

– Хочешь выпить?

– Определенно.

Дональд ушел на кухню, и я услышал, как стучит о стекло лед. Он возвратился со стаканом виски со льдом. Я поблагодарил, а он подхватил с кофейного столика пульт управления и выключил телевизор.

Рик отвернулся от экрана.

– А ничего, что я смотрел матч?

– Ты что, совсем сдурел? – спросил я. – Как можно в такое время заниматься каким-то сраным бейсболом?

Он сурово уставился на меня.

– Ты к кому обращаешься, Алан?

Я сделал глоток.

– К тебе.

Прежде чем он успел ответить, Дональд вложил в мою свободную руку сложенную газету.

– Видел вечерний выпуск?

С черно-белой фотографии под заголовком «ПАМЯТИ ЖЕРТВЫ УБИЙСТВА» на меня смотрела молодая женщина.

– Нет, – тихо сказал я. – Я слышал, что они узнали ее имя, но... этого не видел.

До этого мгновения она была матерью-одиночкой из Нью-Бедфорда, именем, неопределенной потерей, одной из тех, о ком я слышал или читал, но никогда не встречал и даже не видел. Но фотография превратила ее в настоящего человека, в энергичную молодую женщину, которая улыбалась мне с того света. Я посмотрел ей в глаза, изучил черты ее лица и попытался вообразить, о чем она думала, когда была сделана эта фотография. Она казалась такой счастливой и беззаботной. Я попытался представить, как звучал ее голос, ее смех. Была ли она хорошей матерью? Приятной собеседницей? Я хотел прочитать статью, но не мог отвести глаз от фотографии. Я бросил газету на кофейный столик и только сейчас сделал глоток виски.

– Помнишь Джимми Маккарти? – неожиданно спросил Рик, по всей видимости, позабыв обиду.

– Да, – сказал я. Джимми был копом. Он родился в Поттерс-Коув, и мы знали его с детства. Хотя никто из нас по-настоящему с ним не дружил, в старшей школе он играл в футбол вместе с Риком, и они до сих пор оставались друзьями.

– И что с ним?

– Я как раз рассказывал Донни перед тем, как ты приехал. Я встретил его сегодня в центре города, и мы разговорились. Он сказал, что полиция штата забрала это дело себе, и местные ребята не очень-то этому рады, но не могут ничего поделать. Все отлично понимают, что дело им не по зубам. Так вот, мы разговорились, и он сказал, ну, понимаешь, по секрету, что они много чего не раскрыли прессе. То, о чем знает только убийца.

– Это обычная практика, разве нет?

– Наверное. – Рик пожал плечами. – Он не мог вдаваться в подробности, но сказал, что они нашли кое-что довольно безумное. Тот, кто убил эту девицу, жутко пытал ее перед смертью. Джимми говорит, что это не какой-нибудь ревнивый любовник или что-то в том же роде. Он говорит, что убийца должен быть тем еще психом. Если быть точным, он сказал: «У нас здесь завелся настоящий шизик».

Дональд закатил глаза.

– Да он просто оратор.

– Он не упоминал ничего о религиозных или ритуальных элементах? – спросил я.

– Мы говорили не о религии.

– Я не о том спросил.

Рик развел руками в жесте преувеличенной беспомощности.

– Да что с тобой сегодня такое?

– Ты можешь просто ответить на вопрос? Упоминал ли он...

– Нет, не упоминал. Я тебе только что рассказал все, что он говорил.

– Хватит. Оба угомонитесь немедленно. – Дональд встал между нами и положил руку мне на плечо. – Что сегодня случилось?

Я отошел и сел на диван.

– Сначала ты. Удалось что-нибудь отыскать?

Дональд ушел в спальню, где стоял его компьютер, и вернулся с небольшой картонной папкой. Он сел рядом со мной на диван и открыл ее, внутри лежало несколько листов, которые он распечатал заранее.

– Как ты просил, я искал убийства, произошедшие в Нью-Йорке в 1982 году. На большей части сайтов, что мне удалось отыскать, нет такой старой информации. Сам понимаешь, 1982-й – это почти двадцать лет назад. На тех, где есть что-то про 82-й, приводят общую статистику и почти никаких подробностей об отдельных случаях. – Он медленно провел пальцем по середине одной страницы, пока не нашел нужную информацию. – Например, за 1982 год в Нью-Йорке произошло тысяча шестьсот шестьдесят восемь убийств. Я нашел сайты, где указывается, в каких именно районах они происходили, и еще кое-какие подробности, от которых нам никакого толку, и все.

– Тысяча шестьсот убийств за один год? – переспросил я.

– Да, – ответил он. – Когда видишь точные цифры, становится особенно не по себе. – Он перетасовал бумаги, выбрал другой лист. – Так вот, я попробовал еще кое-какие запросы и наткнулся на сайт, посвященный нераскрытым преступлениям, где собраны особенно

жестокие и необычные убийства со всего мира. Я смог сузить поиск до штата Нью-Йорк, потом до нужного года, и отыскал все, что произошли в 1982 году в Нью-Йорке. Ты сказал обращать внимание на что-либо необычное, так что я выделил пару убийств, которые следователи посчитали связанными между собой. На сайте много информации, большинство дел описаны на удивление подробно. Есть даже ссылка, по которой можно связаться с властями, если у тебя есть какая-то информация по какому-то из преступлений. Но я сразу предупреждаю, все это крайне неприятно. Я пару раз просмотрел информацию до того, как вы приехали. Это по-настоящему жестокие убийства.

Рик начал расхаживать возле телевизора, но я знал, что он слушает.

– Продолжай, – негромко сказал я.

– Так вот, это 82-й, всего пять лет после убийств Сына Сэма^[4], – вздохнув, сказал Дональд. – Невозможно понять, не мерещились ли всем серийные убийцы за каждым углом, но было два преступления, два убийства, которые, судя по этим отчетам, полиция посчитала делом рук одного человека. Первое произошло в январе 1982 года. Бернард уехал отсюда в конце 81-го, через несколько месяцев после выпуска, и если он сказал правду о том, что отправился в Нью-Йорк вместо того, чтобы поступить на военную службу, к тому времени он уже был там.

– Он бы уже несколько месяцев как жил в городе, – сказал я.

Дональд поднял голову от пачки бумаг.

– Другими словами, он провел там достаточно времени, чтобы устроиться, лучше познакомиться с городом и, может быть, подготовиться к тому, что собирался делать, – или убедить себя действительно взяться за намеченное. – Он вернулся к документам. – Так вот, жертвой была восемнадцатилетняя девушка, проститутка. Тело было обнаружено в переулке в Бронксе. В отчете говорится, что убийца нанес ей более сотни ножевых ранений. И, кроме того, перерезал горло. Полиция описала убийство как «совершенное в приступе ярости» и сначала подозревала, что преступник знал женщину, потому что продемонстрировал столь сильную неприязнь к ней. *Чрезмерная жестокость*, как они говорят, когда убийца просто впадает в исступление и пытается полностью уничтожить жертву. Сначала главным подозреваемым был ее сутенер, но факт, что женщина была изувечена, по всей видимости, беспокоил следователей. Убийца не только нанес ей невероятное количество ножевых ранений и перерезал горло, но также выпустил из нее кровь и не поленился... Блин, извините. – Дональд схватил выпивку, сделал здоровый глоток, потом вернул стакан на кофейный столик. – Он удалил некоторые части тела.

Рик замер на месте и прошептал:

– Вот черт.

– Убийца отрезал ей язык. – У Дональда сорвался голос. – И у нее не было век, он их срезал начисто. Ни один из удаленных органов не был найден.

– За каким чертом они ему понадобились? – спросил Рик.

Джулия Хендерсон сказала, что нужно искать ритуальные убийства – преступления, в которые вкладывался особенный, зловещий смысл. Я молчал и слушал.

– Не знаю, – сказал Дональд, – но на этом основании, а также потому, что рядом с трупом крови явно было недостаточно, полиция предположила, что убийство произошло в другом месте, а потом девушку выбросили в переулке. Во время вскрытия выяснилось, что на теле имеются повреждения, свидетельствующие о пытках и издевательствах как до, так и после смерти, что тоже подтверждало подозрения о том, что это происходило в каком-то другом месте.

– Нью-Йорк – дорогой город, – заметил Рик. – Сколько бы Бернارد ни копил, много ли у него было денег? Наверняка он жил в какой-нибудь комнатенке в самом дерьмовом районе, где кругом полно народу. Как бы он мог что-то такое сделать с женщиной, чтобы никто не услышал?

– Дамер^[5] и не такое проделывал, а он жил в многоквартирном доме, – сказал я.

– Как бы там ни было, – продолжил Дональд, – преступление до сих пор не раскрыто. Следующее убийство, которое, как считают следователи, совершил тот же человек, произошло почти через два месяца, в марте. Из-за того что некоторые детали обоих преступлений полностью совпадают, у полиции нет сомнений, что они совершены одним человеком. Второй жертвой была женщина, на этот раз двадцати двух лет.

Рик снова начал расхаживать по комнате.

– Еще одна проститутка?

– Нет, начинающая актриса, которая подрабатывала в магазине одежды, родом из Небраски. Она переехала в Нью-Йорк всего за несколько недель до гибели. Судя по краткому изложению дела, следователи решили, что преступление было совершено не случайно, по наитию, а спланировано заранее. Они посчитали, что убийца следил за обеими жертвами, отметив их, так сказать, для смерти. – Дональд обратил мрачный взгляд сначала на Рика, потом на меня. – Что хуже всего, по сравнению с этим убийством первое кажется детской игрой.

«Больше обрядов, – подумал я. – Больше безумия».

– Для начала, убийца перерезал этой женщине горло, как и первой, и слил кровь. На месте обнаружения тела оказалось очень мало крови, а следы пыток и увечий перед смертью походили на предыдущее убийство. Снова срезаны веки, отрезан язык. – Дональд умолк и сделал еще один глоток водки. – Но на этот раз, вместо того чтобы выкинуть тело где-нибудь в переулке, убийца оставил его на скамейке в Центральном парке. На коже было вырезано несколько оккультных символов. Полиция считает, что они были нанесены до того, как женщина умерла.

– Ну вообще офигеть, – сказал Рик. – Какое отношение все это имеет к...

– Убийца оставил тело в сидячем положении, при этом голова была повернута кругом так, что сломалась шея, – продолжил Дональд. – Полиция подозревала, что тут, вероятно, был замешан один из сатанинских культов, который, согласно их сведениям, существовал в то время в регионе. По всей видимости, некоторые из них отличались особой жестокостью. Эту связь так и не удалось доказать, но других убийств с такими же особенностями больше не случалось. Судя по всему, полиция считает, что убийца был либо арестован за какое-то другое преступление и находится в заключении, либо покинул город и продолжил убивать где-то еще, либо умер.

– Они правильно угадали два пункта из трех, – сказал я.

– Мы не можем знать наверняка, что преступником был именно Бернард, – сказал Дональд, – но надо признать: сходство между этими убийствами и тем, что нам известно о здешнем, не могут не тревожить. Хотя некоторые подробности держатся в тайне, нам известно, что убийство было необычайно жестоким, и что тело женщины было обескровлено в каком-то другом месте, где ее, скорее всего, и убили, а только потом закопали на поле. Об этом писали в газетах. И совпадения на этом не заканчиваются. У всех трех убийств есть еще одна, совершенно ужасающая общая черта. Все три женщины были матерями-одиночками с малолетними сыновьями.

Рик замер.

– Серьезно?

– Совсем как Бернард и его мать, – сказал я.

– После всего, что мы узнали, после кассеты Бернарда я уже и не знаю, что думать.

– Еще как знаешь, Дональд. Мы все знаем. – Я отмел в сторону неожиданное воспоминание о женщине на фабрике. Ее глаза начали кровоточить после того, как она схватила меня и наполнила адскими

видениями. Они казались неестественно широко распахнутыми. Как будто с них срезали веки. – Все это дело рук Бернарда. Тут и сомнений быть не может.

– Все это случилось почти двадцать лет назад, – напомнил мне Рик. – Это же просто безумие какое-то. Ты хочешь убедить нас в том, что Бернард столько времени убивал людей и не попался, ни разу не облажался? *Бернард?* Да ладно! Даже если бы он мог вытворить что-то такое, большую часть времени он сам бы себе и мешал.

– Рик в чем-то прав. – Дональд отложил папку. – Бернард едва ли тянет на криминального гения.

– Он не потянул бы даже на среднего психа, – подхватил Рик. – Все это слишком странно. Ничего не складывается.

– Еще как складывается, когда понимаешь, что Бернард был не просто преступником, не обычным психопатом. – Они одновременно посмотрели на меня. – Он был злом.

– Снова ты за свое, – вздохнул Рик.

– А ты, смотрю, сменил пластинку после нашего разговора в ресторане, – сказал я. – Тогда ты был уверен, что Бернард виновен.

– Да, в убийстве здесь, в Поттерс-Коув. У Бернарда были свои тараканы, и, возможно, мы не догадывались, как далеко зашло дело. Может быть, он не выдержал, сорвался однажды и прирезал эту девицу. В такое я могу поверить, Алан, но это не значит, что я готов поверить в то, что он был каким-то серийным убийцей. – Рик топнул ногой как избалованный ребенок, потом замер и уставился на меня так, будто ему на ум только что пришла еще одна мысль. – И я точно не собираюсь верить во всю эту сверхъестественную херню. Бернард был нашим другом, но он был полным неудачником, мы все это знали. Он ничего не мог сделать как следует. Он...

– Помнишь Джулию Хендерсон?

Он побледнел, как труп на холоде.

– Ну, да, конечно я помню Джулию. Сестра Брайана. Она тут при чем?

Я прикончил виски и опер стакан о колено.

– Сегодня я ее навестил.

* * *

К тому времени, как я закончил рассказывать обо всем, что узнал от Джулии, Рик прекратил бесконечное хождение и окопался в кресле. Все это время Дональд сидел рядом со мной на диване и тихо слушал. Теперь он

установился в пустой стакан с обычным своим выражением одинокой тоски. Повисла тишина, и я не прерывал ее, пока перед моим внутренним взором мелькали серебряные крестики в окнах.

Через какое-то время Дональд встал с дивана.

– Так, – негромко сказал он, – кому налить еще?

Я передал ему стакан, и он побрел на кухню, двигаясь как лунатик. Рик не сдвинулся с места с тех пор, как я закончил рассказ, и смотрел куда угодно, только не на меня.

Никто не сказал ни слова, пока не вернулся Дональд с моим стаканом. Возвратившись, он остался стоять. Теперь была его очередь вышагивать.

– Как я понимаю, ты ей веришь? – спросил он.

– Да, – сказал я. – Верю.

Кресло скрипнуло, когда Рик поднялся на ноги.

– Ну хорошо, может, ты не знал, но у самой Джулии Хендерсон не все в порядке с головой.

Я кивнул.

– И теперь мы знаем, почему.

– Но, Алан, ты... ты готов поверить на слово какой-то девке, у которой совсем крыша съехала. – Рик выглядел так, будто вот-вот разлетится на миллион осколков. – Эта сучка не в своем уме. Она много лет переезжала из одной психушки в другую. Спроси кого угодно в городе, тебе скажут: у Джулии Хендерсон не все дома. У нее случился какой-то нервный срыв или...

– Ты хоть слово услышал из того, что я только что сказал? – Я встал. Теперь мы все стояли, три взрослых человека, гадающие, что им делать дальше. Я посмотрел на Дональда, но он смотрел в пространство, как будто находился под гипнозом.

– Да, я все слышал, – пророкотал Рик, – просто я ни слову этой ерунды не верю.

– Почему?

Он придвинулся ко мне, и это движение могло показаться угрожающим, если бы он не выглядел таким напуганным.

– Ты сам, я погляжу, рад утопить старого друга, а? Ты веришь тому, что какая-то девка с заскоками рассказывает про призраков, чудищ, демонов и черт знает что еще она там напридумывала, но даже не задумываешься о том, что все они наверняка живут только в ее воображении. Она психованная, Алан, понимаешь? На всю голову.

– Ты знал об этом. – Ни у кого не могло возникнуть сомнений в том, что я не спрашиваю, а утверждаю.

На лице Рика появилась дерганая, как нервный тик, улыбка.

– Что?

– Ты знал.

– Ты что, серьезно?

– Он рассказал тебе, что изнасиловал Джулию Хендерсон, да? Вы вдвоем вечно об этом говорили, фантазировали, как все одуревшие от гормонов подростки, может, даже планировали, придумывали, как все получше проверить. Но ты никогда не думал, что он и правда решится, а потом, когда он все-таки решился и рассказал об этом тебе, было уже поздно что-то...

– Знаешь что, Алан? Иди на хуй.

Я сделал глоток виски и поставил стакан на стол.

– Нет, Рик. Ты иди на хуй.

Он набросился на меня с такой скоростью, что я не успел отреагировать. Прежде чем я мог что-то сообразить, Рик схватил меня за рубашку и протащил почти через всю комнату. Когда он ударил меня о стену, я схватил его за руки и попытался разжать его хватку, но тщетно. Я мог его ударить, но не хотел ухудшать и без того жесткую ситуацию. Рик ударил меня во второй раз, и я услышал, как Дональд кричит, чтобы он прекратил. От удара моя голова откинулась назад, и я приложился затылком о стену. Где-то позади глаз взорвалась боль и распространилась по всему лицу.

– В чем ты меня, блядь, обвиняешь, а? Я не обязан это терпеть!

Мое зрение прояснилось, и я увидел, как Дональд пытается втиснуться между нами. Рик наконец выпустил меня, протолкнулся мимо Дональда и пошел к двери.

Я восстановил равновесие и отстранился от стены.

– Ты в порядке? – Дональд посмотрел мне в глаза, затем набросился на Рика: – Ты совсем с ума сошел? Да что с тобой такое?

Рик стоял у двери с таким видом, будто не мог решить, уйти ему или остаться. Наконец он повернулся к нам, его гнев, судя по всему, отступил.

– Как... откуда ты узнал, что он рассказал об этом мне?

– Я не знал, – ответил я. – Я предположил.

Он опустил голову, как провинившийся школьник.

– Бернارد много чего говорил, сами знаете. Он вечно врал, все приукрашивал, изображал себя кем-то, кем на самом деле не был. Я не верил и половине его рассказов, и никто не верил. – Он поднял голову и посмотрел на меня. – Он сказал, что сделал это с Джулией Хендерсон. Он обо всем мне рассказал, но я не поверил. С чего бы? С чего мне было ему

верить? Я решил, что это еще одна байка Бернарда. Пропустил мимо ушей и забыл, понимаешь?

– Это правда, Рик, – сказал я. – Все правда.

– Я не знал, – сказал он, и на последнем слове его голос сорвался. – Богом клянусь, я не знал.

Я никогда прежде не видел его настолько подавленным, и не знал, как поступить.

– Конечно же ты не знал, – сказал вместо меня Дональд. – Алан просто говорит...

– Мне не стоило... – Рик протянул руку, как будто хотел меня коснуться, но он стоял слишком далеко. – Слушай, ты... извини. Ты в порядке?

Я потер шею.

– Да, все нормально.

– Извини, – повторил он.

– Стоит нам расслабиться, и этот бардак нас уничтожит.

– Значит, нам не стоит расслабляться, – торопливо сказал Дональд. – Мы прорвемся. Мы будем держаться все вместе и вместе прорвемся.

– Ребята, я напуган не меньше вашего, но мы не можем отрицать того, что происходит на самом деле.

Рик покачал головой.

– Да, но блин, Алан, демоны?

– Как сказала Джулия, зло нельзя увидеть, но его можно почувствовать. Может быть, видения и были у меня одного, но кошмар снился нам всем. Мы все испытали его на себе. Мы все его почувствовали. Рик, ты же не будешь убеждать меня в том, что мы все сошли с ума? – Я схватил свой стакан и допил алкоголь единым махом. – И я уверен, что найдутся и другие трупы, выявится еще больше смертей и еще больше мрака. Может быть, Бернарда больше нет, но его зло осталось.

Дональд зажег сигарету.

– Тогда давайте примем фантастическую версию и признаем, что зло существует. Что дальше?

– Нам надо его найти, – сказал я и сам удивился тому, как спокойно прозвучал мой голос. – Мы вырвем его с корнем, вытянем из теней на открытое пространство, на свет, где сможем как следует разглядеть, с чем имеем дело.

– А потом?

– Мы его убьем.

Глава 18

Жизнь может измениться за секунду. Иногда она превращается в бессвязные фрагменты, которые разлетаются во все стороны, как осколки разбитой вазы. Жизнь человека меняется без предупреждения и иногда безвозвратно, все прекрасное и поразительное в ней в одно мгновение превращается в мусор. Если человек мудр – или ему просто повезет – подобный опыт напоминает ему, кто он есть и зачем живет. Если ему не везет, он уходит в небытие. Ни объяснений, ни соболезнований.

Когда я вошел в квартиру, Тони паковала вещи, перемещая аккуратно сложенную одежду из комода в чемодан. Она не подняла на меня взгляд, не сказала ни слова. Я мог только стоять в дверях спальни и беспомощно наблюдать.

– И что это значит? – спросил я. Тони на удивление бесстрастно глянула в мою сторону и продолжила свое занятие; ее движения были экономными и неизменными, как будто она была роботом, а не живым человеком. – Очень вовремя. Этого мне только не хватало.

– Не хватало тебе.

– Да блин, Тони.

Тут она остановилась, сжимая в руках коричневую шелковую блузку, которую я купил ей на день рождения несколько лет назад.

– Я помню, как купил ее для тебя, – сказал я. – Продавщица спросила, не подарок ли это, и я сказал, что да, и она предложила завернуть ее как следует. И я сказал...

– Нет. Ты сказал нет.

Я кивнул.

– Хотя я представления не имею, как завернуть подарок. Никогда не понимал, как это делается. Я сказал продавщице, что все равно сам заворачиваю все подарки для тебя.

Тони прикусила губу, чтобы та не задрожала.

– И что она ответила?

– Сказала, что это так мило и что обычно мужчины рады, когда кто-то может завернуть для них подарок, особенно если они не знают, как это делается. – Мне хотелось протянуть руку и вырвать эту блузку у Тони из рук. Или, может, просто держать ее вместе с ней. – Я сказал, что я не один из этих обычных мужчин.

Отблеск в ее глазах подсказал мне, что, несмотря ни на что, она все

еще думала так же. Тони отвернулась, как смогла, свернула дрожащими руками блузку и кинула ее в чемодан.

– Вернувшись сегодня с работы, я не стала сразу подниматься сюда, а сидела на скамейке у воды и смотрела на уток и лебедей. – Она отбросила с лица прядь волос и слабо улыбнулась, не глядя на меня. – Я сидела и курила, и на какое-то время все – этот шум, этот бардак – немного отступило, как будто кто-то убавил звук. Такое приятное чувство. В воздухе было такое ощущение... понимаешь... когда можно почувствовать, как сменяется время года, как весна постепенно становится летом. Другой воздух, другой свет – все другое. Все вокруг новое, но в то же время знакомое. И я подумала, что когда я была девочкой, весна длилась дольше. Ты помнишь время, когда она длилась больше пары недель? Все меняется, даже времена года, хотя на самом деле все остается прежним. Может, в этом-то вся суть. Я посмотрела на скользившего по воде лебедя и подумала, что могу прямо сейчас сесть в машину и уехать. Просто... уехать. Никто не убьет меня и не посадит в тюрьму. Я могла бы просто ускользнуть, и никто бы меня не остановил. Если бы хотела. Я *могла бы*, и мир бы этого даже не заметил.

– Он никогда не замечает, – сказал я.

– И я стала гадать, почему мы все это делаем? Почему мы остаемся. Потому, что это правильный выбор? Или потому, что мы боимся последствий?

Я обратил внимание, что она не назвала любовь как одну из причин – ни для того, чтобы уехать, ни чтобы остаться.

– Короче говоря, ты уезжаешь из города, так?

Она разочарованно покачала головой.

– Ты все понимаешь так буквально.

– Ах, прости, пожалуйста. Я подумал, что уж сбор чемодана – это буквальный некуда, – сказал я как можно язвительнее, и все равно этого казалось недостаточно. – Значит, ты не уезжаешь из города. Только от меня.

Она выглядела искренне изумленной.

– Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда что же нам делать?

– Может, это *мне* надо уехать? В смысле, может, так положено? Я даже не знаю, как это обычно делается.

Она едва заметно пожала плечами.

– Я тоже.

Она выглядела такой прекрасной, что я готов был ее убить.

– Не могу поверить, ты всерьез думаешь, что только так...

– Помнишь дом на берегу, который достался Марте от родителей? Она сказала, что я могу там пожить, если мне понадобится; это очень мило с ее стороны, потому что она могла сдать его на все лето.

– Да уж, такая заботливая. – Мне снова захотелось выпить, но я остался на месте из страха, что, если я уйду на кухню, Тони не пойдет за мной и наш разговор – какой уж есть – закончится здесь и сейчас. – И я так понимаю, он тебе понадобился.

– Да, ненадолго. Мне нужно отдохнуть от всего и подумать.

– А, то есть после этого отдыха и думанья ты вернешься? Ну хоть что-то.

Тони закрыла чемодан. Жужжание застегнутой молнии пронзило меня насквозь.

– Ты одержим этой историей с Бернардом, ты влез куда не следовало и впутался в мутную историю, справиться с которой тебе не по силам.

– Спасибо за поддержку.

– Тебе надо обратиться за помощью, Алан.

– Это твой дружок предложил?

– Иногда ты ведешь себя как ребенок.

– Ты права. Взрослые люди просто спят с кем-то еще. – Я увидел, как Тони поникла, как будто мои слова по-настоящему ранили ее, и на секунду ощутил волну радости. Я хотел поделиться своей болью. – Никогда бы не подумал, что ты так меня ненавидишь.

Она нарочито громко уронила чемодан на пол, и я представил, как посетители пиццерии на первом этаже смотрят на потолок.

– Я тебя не ненавижу, Алан. Сейчас я чувствую только тоску. Для ненависти или чего-то еще у меня просто не осталось сил.

Я оперся о дверной косяк, чтобы не потерять равновесие, может быть, потому, что слишком много выпил у Дональда. А может, и нет.

– Неужели я действительно такой неудачник?

– Нам нужно отдохнуть друг от друга. Мне нужно...

– Знаешь, мне кажется, было бы куда проще, если бы ты высказалась напрямую, швырнула бы все сразу мне в лицо, – сказал я. – Просто назвала бы меня козлом, отвратительным мужем и неудачником. Но от этого твоего «Мне нужно время» меня просто тошнит. Не надо притворяться, что дело в чем-то другом, Тони. Ты завела интрижку на стороне и теперь убегаешь, чтобы не чувствовать себя такой виноватой. Потому что если ты уйдешь, значит, мы уже не вместе, и это, вроде как, уже не измена, так? Получается, ты уже не предаешь меня, и это куда лучше, чем чувствовать себя

безвольной блядью.

Она скрестила руки на груди.

– Ты закончил?

– Нет. Иди ты в жопу, шлюха. Вот теперь закончил.

– Полегчало?

– Не особенно.

– Ну тогда, может, от этого полегчает: сам иди в жопу! – Она подняла чемодан и пошла вон из комнаты, но оказавшись рядом со мной, ненадолго остановилась. – Тебе никогда не приходило в голову, что нет никакой интрижки? Ты веришь тому, в чем следует сомневаться, и сомневаешься в том, чему должен бы поверить.

– Ага, теперь ты еще и в философы записалась? – Я негромко рассмеялся, но это была всего лишь защитная реакция, не позволявшая мне расколоться, рассыпаться на части, сложиться как карточный домик. – Если ты уйдешь, то больше не возвращайся. Если ты сегодня уйдешь, то это конец, слышишь? Все кончено.

– Этого ты точно не хочешь.

– Нет?

– Нет.

– Тогда чего ты от меня вообще хочешь? Чтобы я просил тебя не уходить? Чтобы я умолял? Что? Чего ты от меня хочешь? Скажи, что я должен сделать, я сделаю.

– Я устала, Алан. Я устала, мне грустно и даже немного страшно, но я должна уйти.

– Ты меня любишь?

– Конечно, люблю.

– Тогда почему ты так отчаянно пытаешься от меня сбежать?

– Потому что сейчас одной любви недостаточно. И редко когда хватает ее одной.

– Неправда, – сказал я. – Любви *всегда* достаточно. Если она истинная, то ее достаточно.

– Я хочу...

– Ну, разумеется, давай позаботимся о том, чего хочется тебе. Гребаный мир горит синим пламенем, все катится к чертям, но в тот момент, когда ты нужна мне больше всего, ты убегаешь. Ты считаешь, что лучше всего сбежать и спрятаться. Отлично. Беги.

– Ты просто не хочешь этого признать, – сказала она громким шепотом, – но так будет лучше и для тебя тоже. Это нужно нам обоим.

– Значит, вот оно как. Вот так просто.

– В данный момент – да.
– Какого черта это значит?
– Нам нужно отдохнуть друг от друга. – Тони медленно подошла ко мне, и пока она не поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до моего лба, я не мог понять, собирается ли она меня поцеловать или задушить. Ее губы, теплые и мягкие, коснулись моей кожи, потом она снова встала нормально. – Вот что это значит. И только это.

* * *

Я слушал, как Тони спускалась по лестнице, – она едва справлялась с чемоданом и грохотала им о каждую ступеньку – и чувствовал себя виноватым, потому что не предложил помочь. Вина испарилась, как только завелся двигатель ее автомобиля. Только когда машина отъехала от дома, скользнув фарами по окнам, и звук двигателя растворился в ночи, я по-настоящему осознал, что все это происходит на самом деле. Но она все-таки решилась. Она действительно ушла.

Я снова прокрутил в голове весь разговор, уже в одиночестве, и поймал себя на том, что бормочу свои ответы вслух, стоя в новообретенной тишине на кухне. Мой разум оцепенел, я замер, не зная, что делать дальше. Сумеют ли наши жизни выправиться? Сможем ли мы исцелиться? Мы вдвоем? Мы все? Хоть кто-то?

Я отыскал в буфете непечатую бутылку виски, какое-то время пилился на этикетку, потом схватил телефонную трубку и набрал номер Дональда, решив, что если подловлю его прежде, чем он прикончит всю водку в доме, мне удастся убедить его приехать ко мне.

– Эй, это я. Я планирую упиться в дупель. Хочешь присоединиться?
– Теперь-то что не так?
– А что так? Давай, приезжай, напьемся в стельку.
– Может, я стал провидцем, но мне кажется, что Тони эта затея придется не по душе.
– Ну так ее здесь нет. – Я прижал трубку подбородком, снял крышку с бутылки и наполнил стакан. В трубке раздавалось дыхание Дональда.
– Где она, Алан?
– Она съехала на какое-то время.
– Вот же черт, Алан... Фигово.
– Давай, приезжай, выпей со мной. Привези лед.
– Я уже слишком пьян, чтобы садиться за руль, – виновато сказал он.

– Ясно. – Я вздохнул. – Тогда созвонимся завтра.

– С тобой там все будет в порядке?

Судя по всему, мы поменялись ролями, пусть и на один вечер.

– Слишком рано судить.

– Можно тебя кое о чем спросить?

– Валяй.

– Ты когда-нибудь думаешь о нем? О том, как бы он поступил, если бы был жив?

– Бернард?

– Томми. – Он произнес его имя так, будто это было очевидно, как будто я должен был и сам догадаться, что он не мог говорить ни о ком другом. – В последнее время я часто о нем думаю.

– Я тоже по нему скучаю.

– Иногда кажется, что мы лишились его только вчера, иногда – будто прошло сто лет, да? Иногда кажется невероятным, что его нет уже так давно. – Из трубки донесся звон ледяных кубиков о стекло. – Но он бы знал, как поступить, да? Томми знал бы, что надо делать.

Разумеется, Дональд был прав. Томми – или, по крайней мере, его образ в нашей памяти, вечно молодой, навсегда безупречный, даже в моем воспоминании о том, как он умирал на обочине дороги, – *тот* Томми определенно знал бы, как поступить; как и положено прирожденному лидеру, он собрал бы нас вместе и все уладил бы одной-двумя невозмутимыми, сдержанными фразами.

Я взялся за выпивку. Раз Дональд не приедет, нет смысла оттягивать неизбежное.

– Да, Томми точно знал бы, что делать.

– Может быть, он нас направляет.

Было удивительно услышать от него столь искреннее выражение чувств.

– Будем надеяться.

– Тебе никогда не казалось, будто... он где-то рядом?

– Сразу после его смерти, – признался я. – Но я уже давно ничего такого не чувствовал.

– Я иногда чувствую. Или... по крайней мере, мне так кажется. Наверное, просто самообман.

Я услышал, как он глотает, грызет лед.

– Все изменилось, – сказал я. – Теперь все возможно.

– Ты прав. Если мы должны верить в демонов, то почему бы не поверить заодно и в ангелов? – У него сорвался голос. – Знаешь, я любил

его.

– Да, я тоже.

– Нет... в смысле, я его *любил*, Алан.

Я заново наполнил стакан.

– Я знаю.

– И я не уверен, что до конца сумел оправиться после его смерти. – Хотя, заговорив вновь, он уже кое-как справился с собой, по ритму его дыхания я чувствовал, что еще несколько секунд назад он давился рыданиями. – Черт, может, Бернард и был прав, когда сказал, что мы стали просто собранием избитых штампов, сами того не подозревая.

– Бернард ошибался.

– Да уж, но Бернард с тем же успехом может оказаться самым Дьяволом.

– Нет, просто одним из демонов.

– Может быть, он был прав, когда говорил обо мне. Тоскующий в одиночестве, чересчур эмоциональный и ненавидящий себя гей-алкоголик, надо же, какой *неожиданный* поворот! Никогда не слышал ничего подобного. Пожалуйста, еще щепотку стереотипов из 70-х! Не хватает только натянуть дурацкий парик и до раннего утра подпевать записям Дайаны Росс.

Даже теперь его юмор был заразительным.

– Не хватает?

– Ну ладно, это я тоже проделывал. По всей видимости, я страдаю от неизлечимой формы неполиткорректности.

– А я – неудачник без работы. И от меня только что ушла жена. К чему ты ведешь?

– Ты достаточно часто терял близких, чтобы знать, что не бывает вторых попыток, – негромко и снова серьезно сказал он. – Вы с Тони созданы друг для друга, Алан. Не упускай ее. Делай что угодно, но верни ее, потому что это ужасно, когда кто-то уходит – безвозвратно, и ты остаешься один, жалея о том, что не рассказал обо всем, что чувствовал, обо всем, что тебе так нужно было сказать. И, поверь мне, ты *начинаешь* говорить. Но к тому времени уже некому слушать. – Раздалось шипение спички, потом долгий, неторопливый вдох. – Верни ее, Алан. – И выдох. – Просто верни. Она тебе нужна. Да что там, она нужна нам всем. Тони – наша наставница.

Я негромко рассмеялся. Тони бы это понравилось.

– Посмотрим, как дело пойдет.

– Не слишком напивайся.

– Увидимся завтра, – сказал я, хотя уже ни в чем не был уверен.

Я повесил трубку и обратился к бутылке, думая: пусть приходят демоны, – и прекрасно понимая, что они не заставят себя ждать.

Но на этот раз мы будем общаться на моих условиях.

Глава 19

Через какое-то время я очутился в гостиной, допивал виски под музыку Роберта Джонсона. В стакане больше не было нужды, я ворошил ежедневник Бернарда, время от времени отпивая прямо из бутылки. Какое-то время я рассматривал фотографию незнакомой женщины, потом вложил ее в карман внутри обложки. Была ли она еще одной жертвой? Не похоже. И все же он ее знал. Я был уверен, что фотография появилась у него не случайно и не без причины. Между ними должна быть связь.

Я пролистал оставшиеся страницы ежедневника и, как и в прошлый раз, не нашел ничего необычного. В небольших пластиковых кармашках лежало несколько визитных карточек. Я не знал никого из этих людей. Все они, скорее всего, были покупателями, которых Бернард встречал в автосалоне. Последняя карточка принадлежала продавцу, с которым он раньше работал. На карточке значилось: *Крис Бентли, продавец-консультант*. Над именем красовалось название автосалона, под ним – номер телефона и слова курсивом: *Никому не по силам тягаться с нашими скидками!* Я вытащил карточку и уставился на нее. Бернард время от времени упоминал Криса Бентли. Тот был одним из немногих коллег, о которых он что-либо рассказывал. Я смог припомнить, что между ними установились неплохие рабочие отношения – если хоть каким-то словам Бернарда можно теперь верить. Поездка, скорее всего, ничего не даст, но мне уже практически нечего было терять. Я решил, что с утра навещу мистера Бентли и узнаю, сможет ли он кое-что прояснить.

Я закрыл ежедневник, отложил его в сторону и представил себе Тони, спящую в доме Марты, – а может быть, где-то в другом месте, – а потом подумал о женщине из газеты. Ее образ пропал, сменившись лицом Томми.

– За тебя. – Я поднял бутылку и сделал большой глоток.

Комната накренилась и расплылась, могучие блюзовые аккорды Роберта Джонсона смазались и задребезжали эхом, его стонущий голос, распевавший об идущих по следу адских гончих и безудержном бегстве от Дьявола, звучал так, будто доносился до меня из дальнего конца туннеля.

Опьянение уступило место чему-то вроде сна, и призраки прервали молчание и стали подсовывать мне картинки из прошлого, спутанные, как кадры в бесовском диапроекторе.

За занавесом, разделявшим настоящее и прошлое, я увидел Томми сидящим на большом булыжнике в лесу Поттерс-Коув. На том же камне, у

которого мы собирались многие годы. Томми, с обычной его всезнающей усмешкой и... Мне понадобилось какое-то время, чтобы припомнить, какого цвета у него были глаза. Как я мог забыть такую простую вещь? Серые. Я припомнил, что глаза у него были светло-серые. Он сидел на камне, смотрел на меня сверху вниз и улыбался, солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев и разливались вокруг его светлых волос и бледного лица ангельским нимбом. Он смотрел на меня с этого булыжника, как какой-то лесной принц, и улыбался. Но теперь, после его смерти, в этой улыбке, как и за ней ничего не было. Кровь медленно капала из-под его волос и текла по щеке. Он казался безучастным.

Он сидел, истекая кровью, а мы с Тони прислонились к основанию булыжника и пили пиво из одной банки на двоих, обнимаясь по привычке всех молодых любовников, что так отчаянно цепляются друг за друга. Дональд со своей банкой в руках стоял в нескольких футах от нас, смеялся и болтал с Бернардом. Бернارد, куда моложе, чем я его помнил, в форме, такой же поддельной, как и он сам, рассказывал байки о морпехах и своем преждевременном возвращении, пил пиво и смеялся вместе с остальными. Мы тогда собрались на старом месте, чтобы отметить возвращение Бернарда, и прихватили с собой пару упаковок пива, как делали много лет подряд. Тогда мы уже понимали, что этот раз может быть последним; мы повзрослели и больше не могли, как в старшей школе, проводить субботние вечера в лесу с выпивкой.

Рика с нами не было, он все еще сидел в тюрьме. Бернارد поднял банку в его честь – сжимая ее в руках, которые всего несколько месяцев назад убили двух молодых женщин в Нью-Йорке, которые резали и увечили, придерживали головы, срезая с них куски плоти, и скрещивались, играя с мертвыми телами.

А теперь он играл с нами, притворялся все тем же безобидным и неприметным Бернардом, который глотал пиво и гадал о будущем, как и мы все. Он был уже не просто мучителем и насильником – он стал убийцей, безжалостным дикарем, совершавшим обряды и приносившим жертвы каким-то своим темным богам. Наверняка был какой-то знак, какой-то намек, который мы упустили.

Даже в мире видений и нашептываний все это казалось таким нелепым.

Томми, сам к тому времени давно мертвый, наблюдал за нами с булыжника. Его волосы стали красными. Кровь все быстрее лилась из разбитого черепа, сплошным липким потоком сбегала по груди. Он перевел взгляд на тот участок леса, неподалеку отсюда, где Бернارد – еще моложе

того, что стоял сейчас с нами, – надругался над Джулией Хендерсон.

Джулией, которая много лет спустя прячется в темной квартире – серебряные крестики на окнах, повсюду разбросаны библии и пустые шприцы, в воздухе стоит вонь разогретого героина – и отчаянно хватается за ошметки здравого смысла и благополучия. Таскает подносы в закуской, вечно поглядывая на дверь; торопливо, склонив голову, бежит по району; покупает в грязных переулках и на пустынных углах наркоту; боится, что вот-вот за ней снова явятся демоны, надеется вовремя добежать до квартиры, до своего убежища, крепости и гробницы, где ждет, расчесывая исколотые руки, Эдриан.

Постепенно из теней возникает Джулия: ночная рубашка задрана до пояса, тело медленно раскачивается поверх изможденной фигуры Эдриана. Тот лежит под ней на постели, закатив глаза в героиновом опьянении, с его губ срываются взрывы одурелого смеха вперемешку с невнятными подбадриваниями.

Она изгибается сильнее, двигается быстрее, прижимается все теснее, и из ее глаз начинают течь слезы, как равномерные капли дождя перед настоящей грозой. Обхватив себя руками, она извивается, как будто внезапно оказалась в объятиях невидимой смирительной рубашки. Слезы текут все обильнее и в конце концов затопляют ее выпученные и дикие глаза, обесцвеченные навеянным злыми духами безумием; глаза, которым довелось увидеть ад вблизи.

Падающие капли стали тиканьем часов, и я понял, что вновь начался прежний кошмар. Я последовал за Джулией в пространство между реальностью и тем, чему следовало оставаться лишь в воображении.

Как по команде, тиканье часов начало меня раздражать. Лежа на постели, я слышал, как скрипнул пол. Как обычно, где-то за моими глазами затаилась головная боль, но я сел, не обращая на нее внимание. Я знал, что Бернард уже в комнате и смотрит на меня, и не удивился, увидев его рядом с постелью, бледного и мертвого, с печальной улыбкой на губах. На этот раз я знал, чего боюсь. Я взглянул на дверь. Скоро за ним придут остальные. Бернард подошел ближе, излучая радостное безумие, и протянул ко мне руки с грязными, растрескавшимися и расщепленными ногтями, как будто он часами скреб крышку гроба и выкапывался из-под земли и камней. Он склонился ниже, теперь уже касаясь меня, поглядел с той ухмылкой, какой мясник награждает призовую свинью, и принялся тереть мои ноги, сжимать бедра, оглаживать все мое парализованное ужасом тело.

Одна его рука, грубо лаская, скользнула мне между ног, пальцы

сомкнулись вокруг мошонки. Мое горло обожгла рвота. Он беззвучно рассмеялся; его пальцы продолжали тянуть и мять, горячее зловонное дыхание обдавало мне лицо.

В его свободной руке что-то блеснуло, отражая неяркий свет в спальне. Крошечные бритвенные лезвия мелькали у него между пальцев, подскакивая, поворачиваясь и перемещаясь, как карты в руке умелого игрока.

– Хватит... Бернард, ради всего святого... *прекрати*.

Он улыбнулся мне, и его губы пошли трещинами и рассыпались, истекая слюной и кровью. Тиканье часов превратилось в ровное жужжание. У его ног что-то шевелилось. Мухи. Они сидели на стенах, на потолке, ползали по оконной раме. Мух становилось все больше, они влетали в комнату через невидимые проемы.

Сплошным живым одеялом они покрыли всю комнату. Бернард распахнул кровавую рану рта в беззвучном скрежещущем вопле. Через порог за его спиной протянулись тени, возвещая появление... *они* приближались. Остальные.

Он посмотрел холодными мертвыми глазами прямо на меня и полоснул рукой мне поперек бедер. Я почувствовал быстрое краткое натяжение, чудовищное давление, а затем – все более невыносимую боль, какую лезвие бритвы оставляет после себя в рассеченной плоти.

Когда за ним пришли остальные, я все еще кричал, вырывался и дергался, зажимая ладонями промежность в отчаянной попытке сдержать фонтан крови, который окрашивал стены.

Скопление залитых алым мух всколыхнулось сплошной массой и волной подалось по стенам вверх.

А потом все пропало, и я понял, что остался один. Мы с Риком и Дональдом остались наедине с Бернардом и всем, что он сделал.

И со всем, что оставалось сделать.

Лето

Глава 20

Солнце садилось, но все еще светило ярко, как будто дожидалось нас, цеплялось за горизонт, рассекая небо прекрасным коллажем из лучей всех оттенков оранжевого и красного, отраженным в водах Атлантического океана.

Несколько часов назад Рик вышел на свободу, отсидев положенный срок. Он появился из-за ворот, заметил нас и сбежал по ступеням, как какой-нибудь гангстер в старом фильме, чуть бочком, грациозно, как танцор, будто хотел показать, что все в порядке и его бодрый шаг тому доказательство. Он оставался в отличной физической форме, но его атлетический образ несколько пострадал. Рик сильно сбросил вес, и теперь его тело казалось худым и подтянутым, а не мощным и мускулистым, что в первую очередь сказалось на лице, которое на первый взгляд выглядело изможденным. Долгое время он не высыпался как следует, под глазами образовались темные круги, а из-за редких прогулок на свежем воздухе кожа казалась бледнее, чем раньше.

За несколько дней до освобождения Рик очень ясно дал понять: он хочет, чтобы его встретили мы, а не его родные. Ему понадобится несколько часов, прежде чем он будет готов встретиться с ними. Но даже мы, старые друзья, нервничали и не знали, как следует себя вести, что и как сказать. Сначала Рик подошел ко мне, и мы обнялись. Несмотря на притворное спокойствие, его тело казалось напряженным и зажатым.

– Ну что, как жизнь? – спросил он, переходя от меня к Дональду и наконец к Бернарду, который топтался у машины, как робеющий младший брат. Но именно объятия с Бернардом продлились дольше всего; тот цеплялся до тех пор, пока Рик не высвободился, довольно неуклюже, смущенно нашептывая:

– Все нормально, приятель, все хорошо.

Рик взглянул на небо так, будто никогда прежде его не видел. Улыбнулся – но улыбке недоставало смысла. Наш главарь вернулся. Верховный Султан, наш атаман, просидел год за решеткой, и только время покажет, каким человеком он вышел на свободу.

– Поехали на пляж, – сказал Рик.

Впервые за долгое время я услышал его голос не через толстый пластик, как слушал много месяцев, и он казался глубже и богаче, но не совсем таким, каким я его помнил. Как и улыбке, его голосу недоставало

прежней уверенности. Рик был надломлен, и несмотря на все его усилия, это было заметно.

– Пляж, – сказал я. – Отлично. Все, что угодно.

Поездка прошла в тишине. Поначалу Бернارد пытался было о чем-то болтать, но никто не откликнулся, и он сдался. Рик сидел в кресле рядом со мной и смотрел куда-то в окно, пока мы не приехали. Была ранняя осень, все туристы разъехались по домам, на пляже было пустынно. Еще до того, как я остановил машину, он опустил стекло и глубоко вдохнул океанский воздух. И улыбнулся. На этот раз в улыбке было куда больше искренности, как будто он постепенно нащупывал верный тон.

– Начинаешь скучать по самым странным вещам. По каким-то мелочам, о которых обычно даже не думаешь.

Мы задержались, позволив Рiku стать во главе и первым выйти из машины. Только когда он пошел по песку к воде, мы медленно выбрались из автомобиля и пошли следом, давая ему достаточно свободного пространства. Дойдя до воды, Рик присел на корточки и коснулся ее, потом взглянул на волны, небо и неторопливо закатывавшийся солнечный калейдоскоп.

Через какое-то время мы не торопясь подошли ближе и встали позади него полукругом. Начинало холодать, ветер с моря все усиливался. Никто не сказал ни слова – даже Бернardu хватило ума молчать – пока Рик здоровался с песком, небом, воздухом и водой, оглядывая, обнюхивая и ощупывая все, что ему было так необходимо. Он провел рукой по песку, позволил ему просыпаться между пальцами, потом схватил пригоршню и швырнул ее в воду.

Потом с раскрасневшимся лицом повернулся к нам.

– Так что вы собираетесь делать дальше?

– Это твой вечер, Рик, – сказал Бернارد. Он шагнул вперед и зажег сигарету: прикрыл огонек зажигалки ладонями и наклонил голову, пытаясь подражать Джеймсу Дину. Его непринужденность выглядела еще менее правдоподобной, чем попытка Рика перед этим. – Может, поедem в ресторан Браннигана, закажем отбивные? Выпьем по паре банок пива, а потом завалимся в какой-нибудь стрип-клуб.

Бернارد начал лысеть еще в старшей школе и с недавних пор носил довольно дурацкий парик, который в конце концов стал одной из его характерных примет. Как шутил Дональд, в этом парике и в очках с толстыми стеклами он выглядел так, будто неумело маскировался, но, судя по всему, так Бернارد чувствовал себя увереннее.

– Вы только поглядите, – сказал Рик, изображая изумление. Он явно

был потрясен внешним видом Бернарда, но ничего об этом не сказал. – Ты у нас теперь знаток стрип-клубов, а, Бернард?

Бернард ухмыльнулся.

– Многое изменилось.

– Да, – торопливо добавил Дональд, – Пока тебя не было, Бернард превратился прям в неудержимого жеребца. Мы его теперь зовем Королем стрип-клубов. Это куда круче, чем «Тупой ушлепок», и лучше смотрится на футболке.

– Меня, по крайней мере, интересуют девки, – сказал Бернард со смехом.

– Да, но интересуешь ли их ты? – Дональд выхватил сигарету из губ Бернарда, затянулся и ткнул ее обратно. – *Вот* в чем вопрос.

– Ты же знаешь, что лучше не соваться в эту тему, Донни. – Рик одной рукой обнял Бернарда за плечи, посмотрел на меня и подмигнул; они направились обратно к машине. – Жаль, что так вышло с морпехами.

– Гребаная платформа, – пробурчал Бернард. – Я там отжигал по полной, пока не свалился с этой хреновины. Колено в хлам. Теперь, правда, стало получше.

– Все равно, даже поступить туда было очень круто. Я тобой горжусь.

Бернард посмотрел на нас с Дональдом и просиял.

– Как ребенок с конфеткой, – пробормотал я.

– Именно, – согласился Дональд. – Но кто из них конфетка?

Мы пошли за ними, и я услышал слова Бернарда:

– Я же говорю, Рик, многое изменилось.

И хотя мы и представить себе не могли, насколько точными были его слова, так или иначе изменения настигли *всех* нас. Томми был мертв вот уже несколько лет, Рик нащупывал прежнюю уверенность в себе, которую ему так и не удалось вполне отыскать, Дональд понемногу проигрывал борьбу с депрессией и сопровождавшим ее алкоголизмом, мне оставалось всего несколько месяцев до обручения с Тони – я был так уверен, что наша свадьба каким-то образом дополнит, спасет нас обоих, а Бернард... Как и Томми, Бернард уже пару лет как умер, пусть только внутренне, и теперь медленно разлагался. Но об этом никто не знал. Или, может быть, не хотел знать. Никто ничего не хотел знать. Ни о Бернарде, ни даже о самих себе.

Позднее этим вечером, пока Дональд и Бернард гуляли по берегу, мы с Риком выкроили тихую минутку. Мы устроились в небольшой беседке за линией высоких трав, лицом к песку и океану. Несколько минут сидели молча, прислушиваясь к шуму волн и ветра, и наконец я сказал:

– Холодает.

– Да, но мне это даже нравится. – Чувствуя мое смущение, он сказал: – Что было, то было, Алан. Нам нельзя останавливаться. Как акулы, понимаешь? Мы умрем, если остановимся.

– Я только хотел убедиться в том, что ты в порядке. В смысле, в самом деле в порядке.

– Рано или поздно у нас всех все будет в порядке.

Спустя столько лет мы все еще ждали, когда же это случится.

* * *

Меня разбудил стук во входную дверь. К тому времени я не то чтобы спал, но и не бодрствовал, и только через несколько секунд понял, что лежу на полу рядом с диваном, свалившись, по всей видимости, посреди ночи. В окна бил яркий солнечный свет. Тело одеревенело, мышцы и суставы болели, в голове стучало. Я с трудом встал на колени, оперся о диван и поднялся на ноги. Стук в дверь повторился, на этот раз громче.

– Да, да, иду, – выкрикнул я. – Подождите там.

Я потер глаза, потянулся и побрел к двери.

Распахнув ее, я обнаружил перед собой Рика и Дональда; и ослепительный солнечный свет, который, казалось, прожег мой череп насквозь. Я смутно припомнил, что сам строил какие-то планы и велел им приехать. Я, вроде как, хотел разведать, что знает Крис Бентли. Но я так много выпил, что не мог даже с уверенностью сказать, сколько времени провалялся в отключке и какой сегодня день. Рот казался набитым ватой.

– Что вы здесь делаете в такую рань?

– Мы звонили четыре раза, но ты ни разу не поднял трубку, – пожурил меня Дональд. – Уже почти три часа дня.

Прикрыв глаза рукой, я присмотрелся к часам. Действительно.

– Дональд, разве ты не должен работать?

Рик покачал головой.

– Сегодня суббота, пьянь ты беспробудная.

Дональд глянул на него неодобрительно. По всей видимости, из-за наших разногласий с Тони он считал любые, даже шуточные прозвища излишним нагнетанием. В наших безумных обстоятельствах Дональд сохранял тягу к справедливости и чувство такта, как будто правила приличия могли как-то смягчить в остальном невыносимую ситуацию. Он старался сделать как лучше, но все это напоминало мне старые британские романы, в которых какой-нибудь персонаж непременно настаивал на том,

чтобы переодеться в свежую рубашку посреди сражения.

– Алан, – терпеливо сказал он, – сегодня выходной.

– Ты напивался пару дней, братан, – объявил Рик, как будто и правда думал, что для меня это будет откровением. – Так что, ты наспустишь, или мы так и будем стоять снаружи, как два хрена на ветру?

Я пригласил их внутрь, и они прошаркали в кухню. На Дональде была полосатая рубашка с коротким рукавом, брюки цвета хаки и легкие туфли. Как обычно, Рик оделся совершенно иначе, в легкие черные спортивные брюки и открытую майку вообще без рукавов, выставив напоказ рельефную мускулатуру могучей груди и рук, которыми он так гордился. Я, в свою очередь, выглядел и чувствовал себя так, будто меня сбила колонна бензовозов.

Я подошел к холодильнику, отыскал апельсиновый сок и отпил прямо из упаковки.

– Что-то вы так по-летнему вырядились, – сказал я. – Что, в местном супермаркете распродажа?

– Ты был в отключке с прошлого вечера? – спросил Рик.

– Да, а что?

– Значит, новостей еще не слышал?

Я оперся о кухонную стойку. Ноги у меня подгибались.

– Нет.

Рик посмотрел на Дональда, давая знак рассказать мне то, что они уже знали.

– Алан, они нашли еще одно тело. На общественном пляже, в песке среди травы, между пляжным домиком и водой. Они нашли еще один труп.

– Вот черт. – На меня нахлынула волна тошноты и мрака. – Еще одна женщина?

Рик, по-детски переполненный нервной энергией и, как и в детстве, не знающий, что с ней делать, дергано закивал.

– То, что от нее осталось.

– Пока подробностей не так много, – сказал Дональд, – но, как и первая жертва, она умерла довольно давно.

– Дайте мне десять минут. – Я направился в спальню. – Мне нужно принять душ и переодеться, потом мы можем отправляться.

Рик принял одну из своих героических поз.

– Куда на этот раз?

– Будем надеяться, что на шаг ближе к правде.

– Или на шаг ближе к Аду, – пробормотал Дональд.

Как оказалось, мы оба были правы.

Глава 21

Становилось все теплее. Как обычно случалось в последние годы, весна превратилась в лето практически без переходного периода. Горсть аспирина, которую я заглотнул перед выездом, наконец начала действовать, и головная боль понемногу отступала, хотя из-за влажности воздуха легче не становилось. Автосалон, в котором работал Бернард, находился на юге Нью-Бедфорда, всего в нескольких кварталах от фабрики и того автосалона, из-за которого я потерял работу. И меньше чем в миле от подвала, где он покончил с собой. Мы проехали дальше в город, и я подумал, смогу ли когда-нибудь приехать сюда без компании тащившихся следом призраков.

Рик припарковался напротив автосалона. Мы бывали здесь раньше: встречались с Бернардом, подбирали его после работы или подкидывали до нее, но после его смерти все здесь как будто изменилось. Все, что должно было казаться знакомым, пусть лишь смутно, выглядело непонятным и чуждым. Я сунул руку в карман и коснулся фотографии неизвестной женщины, но вместо нее вытащил визитную карточку. Я сказал Рiku и Дональду, что пойду один, потому что не хочу напрасно тревожить Бентли. Никто не стал возражать.

Я надел темные очки, выскочил из «чероки» и перешел улицу. На просторной площадке стояли ряды подержанных автомобилей, которые по большей части выглядели вполне прилично; на дальнем участке стоянки приткнулось небольшое офисное здание. Стоило мне оказаться на территории автосалона, как из офиса показался полноватый круглолицый мужчина и направился ко мне, улыбаясь и помахивая рукой, как будто мы были давними приятелями.

– Привет-привет! – Он протянул мне мягкую ладонь. – Господи ты боже мой, вот так погода, а? Фух! Вот и лето наступило! Но все равно сегодня отличный денек, чтобы купить машину!

Я неохотно пожал ему руку. Она была влажной и издала чавкающий звук, когда он сжал пальцы. Он потряс мою руку так, будто надеялся накачать воды. Я улыбнулся, высвободил свою ладонь и продемонстрировал визитную карточку.

– Крис Бентли здесь?

Его добродушие улетучилось.

– Разумеется. Я его позову, он сейчас выйдет.

Дожидаюсь, я равнодушно осмотрел несколько автомобилей. Через пару минут из офиса показался мужчина – куда моложе, чем я ожидал, от силы лет двадцати, в зеркальных очках, и направился в мою сторону.

– Чем могу помочь?

Я показал ему визитную карточку.

– Вы Крис Бентли?

– Да, это я.

Мы пожали друг другу руки.

– Меня зовут Алан Ченс, я надеялся, что вы сможете уделить мне несколько минут.

– Разумеется. – Он указал на карточку. – Мы встречались прежде? Вы кажетесь как будто смутно знакомым.

– Я слышал ваше имя от общего знакомого.

– Прекрасно. Вы уже слышали о специальном предложении, которое мы...

– Я не собираюсь покупать машину.

Он снял очки и оглядел меня с ног до головы.

– В таком случае, чем я могу помочь?

– Мне неудобно беспокоить вас на рабочем месте, но я хотел поговорить с вами о Бернарде Муре.

Его недружелюбная настороженность сменилась узнаванием.

– Вот откуда мне знакомо ваше имя, от Бернарда. Вы один из его приятелей из Поттерс-Коув, да?

– Именно, – ответил я.

– У вас там прямо безумие какое-то творится в последнее время! – он негромко рассмеялся. – Когда в городке вроде вашего появляются трупы, это дурной знак. Да блин, если даже в Поттерс-Коув небезопасно, то, выходит, нигде небезопасно.

– Это точно.

– Надеюсь, они поймают этого психопата.

– Я тоже.

Бентли вернул черные очки на место, сложил руки на груди и оперся об одну из машин.

– Да, короче, я расстроился, узнав, что Бернард умер. Дела у него шли не очень хорошо с тех пор, как умерла его мать, и начались все эти неприятности. К тому времени как его уволили, он совершенно опустил. Я даже не сразу узнал, что он умер; так жаль. Когда он перестал здесь работать, я время от времени звонил ему, мы вместе обедали. Потом он на какое-то время пропал. Я знал, что дела у него идут неважно, позвонил и

наткнулся на его... он же жил в доме двоюродного брата, так? И тот сказал, что Бернард, ну...

– Покончил с собой.

– Угу. – Он длинно и тяжело выдохнул. – Бернард был... ну, сами понимаете, вы же дружили... он был как будто немного не в себе, но в целом славный малый. Всегда хорошо относился ко мне. Он давно был в этом бизнесе, и поначалу мне помогал, много рассказал о продажах. Другие так не поступают. Они видят угрозу в молодых продавцах. Бизнес не резиновый, сами понимаете. Но Бернард всегда относился ко мне по-дружески. Все время рассказывал о вас и о других приятелях из Поттерс-Коув. Говорил, что вы всегда держались вместе.

Я наблюдал за собственным отражением в зеркалах, скрывавших его глаза.

– Да, мы были близкими друзьями.

– Мои соболезнования. Ужасно жаль.

В Крисе Бентли была какая-то природная неискренность. Как и многие люди, он прикрывался маской озабоченности, но на самом деле интересовался лишь тем, что касалось его напрямую. Его сдержанная улыбка заверяла, что в этом безразличии не было ничего личного.

И так как я только размышлял, а не говорил, Бентли спросил:

– Так... чем я могу помочь, Алан?

Все еще витавший у меня в голове туман помешал мне составить какой-нибудь план перед нашим разговором, так что я решил импровизировать.

– Двоюродный брат Бернарда, Сэмми, отдал нам сумку с его вещами. К концу жизни только она у него и осталась, в ней были вещи – ничего по-настоящему ценного, просто кое-что на память о нем. Осматривая их, мы нашли фотографию. – Я вытащил ее из кармана, но держал у бедра изображением вниз до тех пор, пока не придумаю, под каким предлогом ее показать. – К ней был прикреплен запечатанный конверт и небольшая записка с просьбой переслать его этому человеку. Проблема в том, что мы не знаем, кто это. Я увидел вашу визитку в ежедневнике и вспомнил, что Бернард часто о вас говорил. Можно сказать, вы были единственным человеком с работы, который ему по-настоящему нравился. И я подумал, раз вы дружили с Бернардом, то, может, знаете, кто это?

Я показал ему фотографию.

Он подался вперед и разглядывал ее, как мне показалось, слишком долго.

– Мне очень хотелось бы выполнить его волю и переслать ей это

письмо, – сказал я, – но мы представления не имеем, кто это.

– Может, конечно, это старая фотография, но все равно ее можно узнать. – Бентли снял черные очки и снова посмотрел на фотографию. – Вы не знаете, кто это?

– А должен?

Он усмехнулся, пожал плечами и снова надел очки.

– Ну, если вы действительно были такими близкими друзьями, как утверждал Бернард, немного странно, что вы не узнаете его подружку.

Хотя в его словах не было ничего забавного, я едва не рассмеялся. Нервы.

– Его подружка? – Я повернул изображение к себе и взглянул на него. – *Это* подружка Бернарда?

– По крайней мере, они какое-то время встречались. Я видел ее всего несколько раз, но, сколько помню, они встречались по крайней мере пару лет. За несколько месяцев до его смерти она пропала из виду, и я не помню, чтобы Бернард ее упоминал. Я решил, что они расстались. Ему так катастрофически не везло, что это было как бы ожидаемо, понимаете? Вроде бы ее зовут Клаудия. Не знаю, как по фамилии. Они с Бернардом заглядывали сюда лишь ненадолго, ну, когда он заезжал забрать чек, вроде того. Я ее толком не знал, но он ее так представил – как свою подружку. И много о ней говорил, хотя, как обычно, не рассказывал ничего определенного: как они что-то там вместе делали, куда-то ездили. *Вчера вечером съездили с Клаудией в кино. Вчера завалился в гости к Клаудии.* В таком духе.

Было уже поздно изображать что-то, кроме изумления.

– Просто немного странно, что он никогда не рассказывал о ней никому из нас, – сказал я.

– Да уж. – Бентли кивнул. – Но сказать по правде, у меня всегда складывалось впечатление, что Бернард делал много такого, о чем другие не знают. Я не имею в виду ничего предосудительного. Просто он как будто старался разделять разные сферы своей жизни. Работа и личная жизнь существовали как бы по отдельности. С одной стороны были вы, его старые друзья, с другой стороны – люди вроде меня, с кем он работал. Думаю, он старался нас разделять. В этом нет ничего странного, многие так поступают.

Я чувствовал, что он что-то скрывает. Он знал что-то еще, но отчего-то осторожничал. Не обращая внимания на выступавший под волосами пот, я как мог постарался его успокоить.

– Да, я это отлично понимаю, но я, правда, не припомню, чтобы

Бернард упоминал какую-нибудь девушку. Хоть раз. Мне не верится, что он не рассказал бы мне о том, что у него есть подруга. Зная Бернарда, он бы хвастался ею сутки напролет. Это странно даже для него. – Бентли рассмеялся, и я присоединился. Потом между нами повисло молчание, неуютное, как царившая вокруг жара. – Все равно, я думаю, что должен передать ей письмо. Вы не знаете, где я могу ее отыскать или как-то с ней связаться?

Его неловкость ощущалась в его позе.

– Слушайте, я не хочу вдаваться в темы, которые могут показаться вам неприятными, понимаете?

Я оставался невозмутимым, гадая, исчезала ли когда-нибудь с его лица эта улыбка.

– Мы оба взрослые люди, Крис. И я буду рад любой подсказке. Честно говоря, мне все равно, кто эта девица, я просто хочу выполнить пожелание Бернарда и передать ей письмо.

– Нью-Бедфорд – не такой уж маленький город, – сказал он, немного расслабившись и приподняв подбородок, как будто смотрел мимо меня на что-то более важное. В зеркальной поверхности отразилась улица за моей спиной. И хотя я увидел «чероки» у дальней обочины, сидевших внутри Рика и Дональда было невозможно разглядеть из-за бликов заходившего солнца. – Но это маленький город, понимаете? Не то чтобы все тут друг друга знали, но среди местных все знают *кого-нибудь*, кто знает всех остальных. Короче, тут все в тесном кругу. Несколько парней в салоне знали, кто такая Клаудия, потому что долго прожили в городе. Один из них учился с ней в школе, но не мог вспомнить даже имени. А у другого был друг, у которого был друг, который ее знал. Как-то так. Они не дружили с ней лично, но знали, кто она. И знали, чем она *занимается*. Из того, что я слышал, у нее были проблемы с наркотиками еще до старшей школы, а после выпуска она начала торговать собой и занималась этим много лет. Не знаю, чем она занимается теперь. И не уверен даже, была ли она проституткой, когда встречалась с Бернардом, – вероятно, была. Такие люди никогда не меняются.

Я снова взглянул на фотографию и положил ее в карман.

– По крайней мере, вся эта история про свидания с Бернардом обретает некоторый смысл.

– Об этом я и говорю. В смысле, Бернард носил очки и этот дебильный парик, и вообще... выглядел довольно жалко. И он вечно хвастался, что она его подруга, а ребята знали, что она проститутка, и смеялись у него за спиной. Бернард работал в Нью-Бедфорде, но здесь не жил. Он так и не

понял, насколько хорошо все тут друг друга знают.

Я наконец стер пот с лица тыльной стороной ладони.

– И вы не знаете, где бы я мог ее отыскать?

– В Уэлдском квадрате? – предположил он и коротко язвительно рассмеялся.

Район Нью-Бедфорда под названием «Квадрат Уэлд» – несколько кварталов полуразвалившихся многоквартирных домов, заброшенных офисных зданий и заваленных мусором пустырей, куда с легкостью можно было попасть с шоссе штата, – пользовался дурной славой в городе и за его пределами по причине торговли наркотиками, проституции и насильственных преступлений. Когда я только устроился на работу, мне доставались самые неприятные задания, и я провел не одну ночь в помещениях все еще работавших в этом районе заведений. Я не торопился вернуться туда снова.

Бентли понял, что я не оценил его комментарий, несмотря на его точность.

– Никогда не слышали о «Капитанском крюке»? Это бар на берегу. Та еще дыра. И посетители соответствующие. Бернард говорил, что Клаудия подрабатывала там официанткой. Не знаю, правда ли это. Вероятно, правда, потому что многие проститутки туда наведываются. Можете заглянуть туда, но будьте осторожны. Копы вечно кого-нибудь оттуда тащат – такое уж это замечательное заведение. Там всем заправляет такая толстенная тетка. Бар принадлежит ей уже много лет. Она вроде медиума или ведьмы – скорее всего, просто трюк, чтобы обирать пьяниц и наркош, но все так говорят. По слухам, там чего только не случается. А в таком местечке может случиться все что угодно. – Он поколебался, затем добавил: – Кроме этого я ничего не могу вам подсказать. Клаудия жила где-то тут, в городе, но я не знаю, где именно.

Я снова пожал Крису Бентли руку, поблагодарил его за помощь.

– Уж простите, я не могу сказать вам ничего определенного, чтобы помочь найти эту девку, но Бернард никогда не делился подробностями, сами понимаете. Он всегда так себя вел, по крайней мере, со мной. Я проработал с ним несколько лет, мы подолгу болтали, но до сих пор мне кажется, что я вообще ничего о нем не знаю.

– Да, я понимаю.

– Да, – сказал он, – уверен, что понимаете.

– Еще раз спасибо за помощь. – Я протянул его визитку. – Я могу ее вернуть, если хотите.

– Оставьте себе. – Ради меня он выбрал из своего арсенала самую

искреннюю улыбку. – В следующий раз, когда вам понадобится хороший поддержанный автомобиль, приходите ко мне, договорились?

* * *

Никто особенно не удивился, узнав, что Бернард снимал проституток: у него было множество проблем, часть которых мы открывали для себя только теперь, и он никогда не пользовался успехом у женщин. Он обратился по крайней мере к одной. В джипе, покидавшем автосалон и вечную улыбку Криса Бентли, царила грусть. Казалось невероятным, что мы этого не знали, но, как и во многом в жизни Бернарда, стоило правде всплыть на поверхность, все тут же встало на свои места. Не думал же я, что он живет как монах? Где еще он мог получить секс? Неужели я и вправду прежде ни разу не задумывался об этом? И *почему нет*? Неужели мне ни разу в жизни не приходило в голову, чем он занимается, когда оказывается вне поля моего зрения? Невольно я почувствовал себя так, будто это я, его друг, подвел его. Бернард был насильником, мясником, который резал молодых женщин, но это я чувствовал себя виноватым. Я вспомнил, как Бернард задерживался у нас в гостях, как иногда он приходил поужинать и никогда не торопился вернуться домой, тянул, выдумывал отговорки и болтал о пустяках – пока Тони наконец не выходила из себя, и мне приходилось объявлять, что нам надо ложиться спать и идти завтра утром на работу, а ему пора уходить. Теперь я понял, каким он был одиноким. Мы все поняли. Шел ли он после этого домой или разъезжал на своей потрепанной машине по этим самым улицам в поисках проституток – может быть, жертв, чтобы утолить свои нужды, какими бы извращенными и мрачными они ни были? Не отправлялся ли я в постель, в теплые объятия любящей жены, в то время как мой лучший друг спускался в самые недра города? *Знал ли я об этом? Знал ли, глубоко в душе? И что изменилось бы, даже если бы знал?*

Через десять минут после того, как мы покинули автосалон, мы разъезжали по набережной, разыскивая «Капитанский крюк». Рiku приходилось о нем слышать, но он не знал, где именно он находится. Нам пришлось проехать несколько улиц, прежде чем нужный бар обнаружился на пустынной улочке, напротив рыбообрабатывающей фабрики. Небольшое здание, зажатое между пустым магазином на углу и страховой конторой, отстояло чуть дальше от тротуара, чем соседние дома. Вход закрывала большая дверь, когда-то выкрашенная в черный, но теперь сильно побитая

и обшарпанная; в двух узких окошках по обеим сторонам горели неоновые надписи «Пиво». За стеклом висели дешевые занавески, скорее чтобы не позволить разглядеть что-либо внутри, нежели для каких-то декоративных целей. Над дверью прямо из стены выпирала вывеска в форме носа пиратского корабля. Растрескавшейся красной краской на нем было выведено название заведения.

Район с древней историей, где находились те самые унылые улицы, о которых писал Мелвилл. В нескольких кварталах отсюда располагался прославленный (или бесславный) китобойный музей, куда после реставрации переехали изысканные торговые заведения и рестораны. Несколько лет назад город замостил улицы вокруг него булыжником, как в прежние времена, пытаясь придать местности некоторый дух исторической достоверности. Но даже теперь, в наступавших сумерках, менее ухоженные улицы источали ту же угрозу, что больше века назад ощутил Мелвилл.

У тротуара стояло несколько престарелых автомобилей, в том числе побитый жизнью «шеви» прямо перед входом в бар.

Рик замедлил ход, а Дональд с заднего сиденья спросил:

– Я уже объяснял, какая это дурная затея?

– Да, раз двадцать.

– Только коп может войти туда и начать задавать вопросы, – сказал Рик.

Я указал на свободное место чуть дальше по улице:

– Паркуйся.

Рик пробормотал что-то неодобрительное, но остановил машину. Передвинув ручку передач в положение «парковка», он объявил:

– Ладно, но я пойду с тобой.

– Расслабься, я только зайду и осмотрюсь немного. – Я знал, что Рик пытается помочь, и понимал, что мне безопаснее идти вместе с ним, но, кроме того, осознавал, что вне знакомой обстановки клуба его несдержанность с большой вероятностью возьмет над ним верх. – Дай мне время понять, что да как.

Он какое-то время смотрел на меня, играя желваками, и наконец объявил:

– Пять минут. Потом я иду за тобой. Донни, отправляйся с ним.

Дональд вздохнул и сунул в рот сигарету.

– Я так рад, что ты мне разрешил!

– Эй, – окрикнул Рик, – не смей курить в машине.

Не обращая на него внимания, Дональд с раздраженным кряхтением выполз наружу.

Мне тоже вовсе не хотелось брать его с собой, но солнце уже почти село, вокруг становилось все темнее, и времени на споры уже не оставалось.

Я стянул черные очки, бросил их на приборную доску, потом повернулся к Рику.

— Только движок не глуши.

Глава 22

Когда я открыл тяжелую дверь, она шкрябнула основание рамы, и войти незаметно не получилось. Когда мы вошли, я сказал:

– Я буду разговаривать, хорошо?

Но не был уверен, что Дональд меня расслышал, потому что он не ответил. Я услышал только скрежет металла о металл, означавший, что он закрыл дверь за нами; неприятный звук все еще разносился в воздухе, когда я обвел взглядом помещение. Освещение было скудным, и владельцам не помешало бы повесить один-два вентилятора. В неподвижном воздухе воняло кислятиной, всю комнату заполняло громадное облако сигаретного дыма. Я уловил застарелые запахи алкоголя и пота, сигарет – с намеком на марихуану – и легкий аромат мочи. Хуже всего, что от недостатка циркуляции в помещении и без того высокая влажность становилась невыносимой. Оставалось только гадать, как кто-то мог выносить ее подолгу.

Узкое и длинное помещение уходило вглубь дальше, чем можно было предположить при взгляде на здание снаружи. Низкий, заляпанный за долгие годы дурного обращения потолок только усиливал ощущение тесноты. Практически всю левую стену занимала громадная, покрытая боевыми шрамами дубовая барная стойка. Напротив нее стояли привинченные к грязным плиткам пола небольшие столики, несколько колченогих стульев и молчавший музыкальный автомат.

Ни за столиками, ни на табуретах у стойки никого не было.

Высокий тощий бармен в джинсах и кожаном жилете на голое тело, с редующими курчавыми волосами почти до пояса повернулся и посмотрел на нас без особого интереса. Крохотные крысиные глазенки мигнули за синими стеклами старушечьих очков. Не сказав ни слова, он отвернулся к телевизору над стойкой.

На грубых деревянных панелях стен красовались разнообразные морские принадлежности – буйки, верши для омаров, гарпуны, рыболовные сети и все такое, пара мишеней для дротиков, разномастные неоновые надписи «Пиво» и изображения полуголых женщин, растянувшихся на мотоциклах и спортивных автомобилях или принимающих вызывающие позы с бутылками пива и другой выпивки разных производителей. Посреди стойки равномерно мигали часы с логотипом Харли-Дэвидсон.

За пеленой дыма я заметил открытый проем, который вел в своего рода заднюю комнату. Я сумел разглядеть край бильярдного стола и услышал старую мелодию «Лед Зеппелин»; звук был искаженным и жестяным, как будто доносился из дешевого магнитофона с выкрученным до предела звуком. Там среди теней двигались какие-то фигуры, потом раздался взрыв хохота, хотя я был вполне уверен, что нас это не касалось. Мы стояли так, что те люди, скорее всего, даже не знали о нашем существовании.

Дональд остался возле входа, облокотился о музыкальный автомат и притворился, что читает названия песен. Бармен стоял ко мне спиной, так что я устроился на ближайшем к двери табурете и сказал:

– Дайте нам по бутылке пива.

Он наконец посмотрел на меня и пробормотал:

– Все пиво закончилось.

Среди коллекции за спиной бармена я определил бутылку «Джек Дэниелс».

– Тогда пару стаканчиков виски.

– Тоже закончился.

Я не отвел взгляд, он тоже.

– Тогда что бы вы посоветовали?

Бармен уперся ладонями в стойку между нами.

– Я бы посоветовал тебе и твоей подружке пойти пить куда-нибудь в другое место.

Я чувствовал, что Дональд стоит позади меня, но он промолчал.

– Клаудия здесь? – спросил я.

– Кто?

– Местная официантка. По крайней мере, она раньше здесь работала.

– Это что, по-твоему, похоже на заведение с *официантками*?

Внезапно Дональд оказался рядом со мной. Бросив сигарету в пепельницу на стойке, он коснулся моей руки и сказал:

– Ладно, Алан, пойдём отсюда.

Я вытащил из кармана фотографию и поднял ее к физиономии бармена.

– Это Клаудия. У нас с ней был общий знакомый. Он умер. Он оставил кое-что для нее и хотел, чтобы я передал это ей, но я не знаю, где ее найти. Знаю только, что она здесь то ли работала, то ли просто бывала. Мне, по правде сказать, безразлично, я просто хочу ее найти, чтобы...

– Слушай, я вообще без понятия, что за херню ты несешь, понятно? Че ты меня достаемшь? Я не знаю ни тебя, ни какой-то там Клаудии.

– Я не пытаюсь никого доставать. – Я помахал перед ним

фотографией. – Мне просто надо поговорить с этой девушкой, и я подумал, что вы сможете мне помочь.

– А я не могу. – Он наклонился вперед для пущей доходчивости. – Так что отвали.

Дональд начал тянуть меня за рукав.

– Алан, *пойдем*.

– Спасибо за помощь, – язвительно бросил я.

Бармен усмехнулся. Я повернулся, чтобы уйти, и понял, что нас в помещении было уже не трое.

Из задней комнаты вышел мужчина и замер, разглядывая нас. За его спиной стоял кто-то еще, полностью скрытый тенями и дымом. Другого мужчину, который обошел нас и теперь стоял, облокотившись о входную дверь, я заметил только когда сунул фотографию обратно в карман и сполз с табурета. Дональд, бледный и беспокойный, замер в нескольких футах справа от меня.

Стоявший ближе мужчина – коренастый, бородатый, с длинными грязными волосами, висевшими из-под такой же грязной банданы, – подошел ближе. В руках он сжимал кий. На вид он как будто был нашим ровесником, но из-за сильной потрепанности трудно было сказать наверняка. Его челюсть располагалась под странным углом, а губы выпячивались вперед, намекая на то, что за ними скрывался неполный комплект зубов.

– У тебя тут все в порядке, Мик?

Задавая вопрос бармену, он не отрываясь смотрел на меня. По всем признакам в задней комнате они с приятелем употребляли не только алкоголь.

– Они как раз собрались уходить, Тули, – ответил бармен.

– Да, – торопливо проговорил Дональд, – мы как... как раз собирались уходить.

Мужчина продолжал смотреть на меня, как будто это я заговорил, а не Дональд.

– Они тебе надоедают, Мик?

– Слушайте, – сказал я, – я...

– Я не с тобой разговариваю, парнишка.

Он подошел еще ближе. Я не сдвинулся с места, но промолчал.

Наступила неловкая тишина, и до меня дошло, что выключилась даже музыка в задней комнате. На экране телевизора за барной стойкой сменялись изображения, но он тоже работал беззвучно. Беспокойство Дональда было видно невооруженным глазом, казалось, он никак не может

определить, куда деть руки. Я боялся не меньше него, но знал, что если это станет заметно, нас ждут куда большие неприятности. Тули смотрел на меня в упор целую вечность, затем медленно кивнул, и его верхней губы коснулась легкая усмешка.

– Что тебе здесь надо, парнишка?

«Еще раз назовешь меня парнишкой», – подумал я.

Громила у двери – он был значительно моложе и выше, с собранными в хвост волосами – усмехнулся, как будто прочитал мои мысли. Хотя ему было под тридцать, по выражению его лица я предположил, что он, скорее всего, обладал умственными способностями тугодумного подростка. На нем были высокие сапоги, джинсы и грязная футболка с портретом Оззи Осборна; оторванные рукава выставляли на всеобщее обозрение коллекцию татуировок, покрывавших его руки от плеч до запястий. Когда он усмехнулся, я заметил у него под левым глазом крошечную черную татуировку в виде перевернутого креста. Среди свернувшихся змей, мрачных жнецов, черепов и прочих разномастных символов я разобрал слово: *Проклятый*.

– Я кое-кого разыскиваю, – наконец сказал я.

– Он спрашивал о шлюхе, которая раньше сюда заходила, – сказал бармен.

– О которой?

Они рассмеялись.

– О Клаудии, – сказал я.

– Но мы явно ошиблись, – неожиданно добавил Дональд, – и теперь уходим.

Я хотел сказать Дональду, чтобы он молчал, просто заткнулся и позволил мне со всем разобраться, но сдержался.

– Я знаю Клаудию. – Высокий татуированный громила оглядел меня с ног до головы. Он явно на чем-то сидел и едва мог сфокусировать взгляд на одной точке.

– И ты знаешь, где ее найти? – спросил я.

– Че тебе от нее надо?

– Мне нужно поговорить с ней о нашем общем друге, который...

– У тебя есть деньги? – Он переступил с ноги на ногу, его движения были резкими, дергаными.

– Зависит, – сказал я, – что ты мне можешь сказать.

Тули шагнул вперед.

– Ты вообще понимаешь, где находишься?

Я широко ухмыльнулся прямо ему в лицо.

– В сортире? – Если мы хотели уйти, то теперь было самое время попытаться. – Ладно, плевать.

Я повернулся к двери, Дональд последовал моему примеру. Но громила у двери не сдвинулся с места.

Дональд поднял руки.

– Слушайте, что... что вам надо?

– Блин, – сказал громила, – вы же только пришли.

– Не стоит заваривать кашу, в этом нет никакой нужды, мы... вы не понимаете, мы не... не стоит воспринимать все так серьезно. Мы же не дети. – Дональд переводил взгляд с одного мужчины на другого, и слова так и сыпались из него, как будто он не управлял собственным ртом. – Ерунда какая-то. Мы не хотим ввязываться ни в какие неприятности...

– Тогда какого хрена вы сюда приперлись? Вы разве не слышали, что тут неприятности вместо фирменного блюда?

Дружки Тули рассмеялись.

Дональд выглядел в равной степени напуганным и раздосадованным.

– Ладно, вы хотите... ваш друг спросил, есть ли у нас деньги. – Дональд сунул руку в задний карман и улыбнулся, как будто так можно было все исправить. – Если дело только в этом, то...

– Если бы нам нужны были твои деньги, мы бы их просто забрали. – Тули указал кием на заднюю комнату. – Обычно если парочка слюнтяев вроде вас начинает тут особенно выступать, мы запираем дверь, вытаскиваем их на задний двор и кое-что им разьясняем. Доходит?

Дональд посмотрел на меня. Выражение на его лице практически кричало: «Сделай что-нибудь!» Но я не совсем понимал, что *именно* могу сделать. Я точно знал, что в конце концов Рика одолеет скука, тревога или и то и другое сразу, и его появление даст нам явное преимущество. Но трудно было угадать, как скоро это случится и что за это время успеет произойти.

– Просто вышвырни их вон, Тули, – со вздохом сказал бармен. – Ну их на хрен.

Тули и его приятель наступали на нас с двух сторон, медленно и уверенно беря нас в захват.

– Вот что, ребята. Раз Мик решил обойтись с вами по-доброму, то если вы извинитесь и попросите у меня разрешения, вы сможете уйти.

Я держал руки по бокам, но сжал кулаки. Не обращая внимания на неприятное чувство в желудке, я посмотрел на занавески и мигающие знаки «Пиво» в маленьких окошках на фасаде здания, потом снова взглянул в его темные недобрые глаза.

– Иди на хуй.

– Безумие какое-то. – Дональд повернулся к двери. – Хватит мериться членами, мы уходим.

Высокий парень преградил ему путь.

С тревожной небрежностью Тули протянул руку и легко провел пальцами по щеке Дональда. Его движение было почти нежным. Дональд отпрянул, как будто пальцы были языками пламени.

– Убери от меня руки.

Я ждал. Если Тули подойдет поближе к Дональду, я смогу ударить его без помех. В уме я представил, как мой кулак врежется в его физиономию и он падает на пол. «Рик, – подумал я, – где ты?»

– Последний раз в тюрьме у меня была шлюшка прям как ты, – сказал со смешком Тули. – Я его драл каждую ночь. И этому педик у нравилось.

– Ну-ну, и кто тут после этого педик, – пробормотал Дональд.

Двое громил посмотрели на него с недоумением.

– Чего он там вякает? – спросил высокий.

Со скрипом открылась входная дверь.

Я в жизни не слышал звука приятнее.

Новый посетитель, едва видимый в дымке из-за тусклого освещения, задержался в дверном проеме, как бы невзначай глянул в мою сторону и пошел к стойке. Остальные тоже его увидели. Разница была только в том, что я знал, кто это.

Кажется, трое наших оппонентов не были уверены, как поступить с этим новым обстоятельством, и просто молча пялились. Рик вошел в бар слегка улыбаясь.

– Ну надо же, – спокойно сказал он, уперев руки в бедра, – что это у вас тут происходит?

Уверен, что никогда больше не стану смеяться над его героическими позами.

– Мы закрыты на несколько минут, дружище, – оборвал его бармен. – Сходи прогуляйся.

– Не вопрос, дружище. – Рик указал на меня, потом на Дональда. – Но эти двое со мной.

– И что?

– А то, что мы втроем собираемся отсюда уйти. Вы же не станете возражать, правда?

Тули обеими руками схватился за кий и качнул им над полом как маятником.

– А что если станем? Что тогда будет?

Улыбка медленно пропала с лица Рика.

– Тогда я надеру тебе задницу.

– *Хватит этих глупостей.*

Новый голос отвлек всех. Голос, глубокий и хриплый, как будто человек слишком много курил, донесся из задней комнаты, и все мы одновременно повернулись в ту сторону.

В дверном проеме среди дыма стояла невероятных размеров женщина в цветастом платье муу-муу. Кожа на пальцах и громадных ступнях, всунутых в хлипкие шлепанцы, растянулась до предела и, казалось, вот-вот разорвется под ее весом. Уложенные в какой-то безумный начес волосы были выкрашены в непроглядно-черный цвет, хотя у висков осталось несколько ускользнувших от внимания седых прядей. Лицо покрывал слой пудры, на веках и ресницах лежали комки туши и подводки для глаз, пухлые губы сияли ярко-алым. Раздвинув их в улыбке, женщина продемонстрировала побуревшие зубы, которые казались слишком маленькими по сравнению с ее громадным лицом. Опираясь о толстую трость, вырезанную, судя по всему, из искривленного ствола какого-то дерева, она махнула нам пухлой рукой.

– Подите сюда, поболтайте с Мамкой Тутс. – С большим усилием развернувшись, женщина направилась обратно в заднюю комнату, откуда появилась, но прежде чем исчезнуть среди дымных теней, оглянулась через плечо на троих местных. – Оставьте их в покое.

Бармен немедленно принялся протирать стойку, как будто ничего не случилось, Тули и его татуированный приятель отошли от нас и присоединились к нему.

– Это что еще такое? – шепотом спросил Рик.

– Ты вошел как раз вовремя, – сказал Дональд.

– Надо идти отсюда на...

– Присмотрите за этой троицей, – сказал я, двигаясь следом за женщиной. Дональд принялся было что-то мне выговаривать, но я уже шел дальше. Я остановился на входе, оглядел бильярдный стол, магнитофон на небольшой стойке у одной стены и ряд кабинок у другой. Здесь было еще темнее, чем в первой комнате, воздух казался таким же неподвижным и дымным. Женщина каким-то образом сумела втиснуться в последнюю кабинку и глядела на меня оттуда.

Рик остался стоять в проеме на страже, сложив руки на груди и поглядывая в сторону бара. Дональд вошел следом за мной, хотя бы для того, чтобы убедить меня уйти, но умолк к тому времени, как я добрался до кабинки.

Вблизи женщина оказалась еще больше, чем на первый взгляд. Она

была по меньшей мере шести футов ростом и весила куда больше четырехсот фунтов.

– Кто вы? – спросил я.

– Кто я? – Взрыв рокочущего хохота сотряс исполинские груди под муу-муу. – Он спрашивает, кто я. Мария Тутрачелли, вот кто я, только никто меня так не называет. Все зовут меня Мамкой. Мамкой Тутс. – Она снова показала коричневые зубы. – Это мой бар.

– Мы не собирались устраивать тут беспорядок, мы просто...

– Это все я уже слышала, – ответила она хриплым баритоном. – Сядьте.

Дональд остался стоять в нескольких футах позади меня, а я сел на свободную скамью напротив нее. В середине стола между нами лежала колода карт, стояли стопка и бутылка виски. На краю пепельницы рядом с женщиной покачивался дымящийся окурок сигары.

– Это не то заведение, куда можно совать нос без приглашения. – Мамка Тутс взяла бутылку и налила себе виски. – Несколько месяцев назад двое студентов явились сюда и вели себя как последние идиоты. – Стакан исчез в мясистой лапище Мамки. Она единым махом выпила и со стуком поставила стопку на стол. – Им здесь туго пришлось.

– В таком случае, спасибо, что отозвали своих псов, – сказал я.

Она посмотрела мимо меня на Дональда, потом на Рика.

– Все нормально, боец. Они вам ничего не сделают.

Рик кивнул.

– Им же лучше.

– Вы знаете Клаудию? – спросил я.

Толстуха снова поглядела на меня.

– Тебе, видать, позарез нужно с ней поговорить, раз ты сюда явился.

– Как я понимаю, вы уже слышали мои объяснения. Так знаете вы ее или нет?

– Разумеется, дорогуша. Мамка Тутс знает всех.

– Где мне ее искать?

Она коснулась колоды карт, медленно погладила рубашку пухлыми пальцами.

– Она жила на проспекте Мильнер, это старая заводская дорога неподалеку от аэропорта. Представляешь, где это? Там всего-то осталась пара старых домишек. Точного адреса я не знаю, у нее там была своя хибарка. Развалюха где-то в миле от перекрестка, по левой стороне. Не пропустишь.

– И она до сих пор живет там?

– Я ничего не слышала о том, чтобы она переезжала. Правда, мы давненько уже не виделись.

– Как ее фамилия?

– Брюстер, Брюэр – точно не помню. У нас тут фамилии не особо в ходу.

– Как вы с ней познакомились?

– Да тут и познакомились, как же еще? – Мамка принялась перетасовывать карты. – Она всегда заглядывала к нам по пятницам и субботам, искала клиентов. Некоторые девушки так делают. Так проще, чем на улице, безопаснее, клиенты постоянные. Они получают деньги и платят мне процент. Этим Мамка довольна. А если довольна Мамка Тутс, довольны все.

– Когда она перестала здесь работать? – спросил я.

– С годик.

– Почему?

– Даже не знаю. Перестала заходить. Девчонки в этом деле приходят и уходят.

Я мотнул головой в сторону бара.

– Парень с татуировками сказал, что тоже ее знает. Как думаете, он может знать...

– Они раньше часто бывали в одной компании.

– Раньше.

– Я так и сказала, дорогуша.

– Клаудия... у нее похожие интересы?

– Какие именно интересы?

– По его татуировкам можно предположить, что довольно мрачные.

– А бывают какие-то другие? – Еще одна коричневая усмешка. – Просто у некоторых все напояз. Ему нравится пугать людей, ему кажется, что это забавно, хотя на самом деле он всего лишь задира и наркоман. Ничего больше.

– Почему вы нам помогли?

– Я не вам помогала, а себе. Кровь на полу здесь не в новинку, но я предпочитаю избегать разборок. Особенно с чужаками.

Дональд выступил вперед.

– Спасибо за информацию, сударыня. Алан, пойдем.

– Я знаю, что у тебя неприятности, – сказала Мамка, не обращая на Дональда внимания и протягивая мне колоду карт. – Хочешь знать, что вас ждет впереди?

– Не особенно. – В задней комнате было так жарко, что я начал

обильно потеть. Я стер пот со лба над глазами. – Меня больше беспокоит прошлое.

– Слишком поздно беспокоиться о прошлом.

– Но нельзя узнать будущее, не узнав прошлого.

– Это верно. – Мамка схватила сигару из пепельницы и ткнула и без того мокрый пожеванный конец в угол рта. – Но у меня есть дар, он помогает мне видеть будущее, помогает говорить с духами. По правде сказать, духи-то и привели тебя, чтобы я могла тебе погадать. Я знаю об этом потому, что ничего не происходит просто так. Ты здесь потому, что они привели тебя ко мне.

– Я не верю в спиритизм.

– Ты думаешь, колдовству есть дело, веришь ты в него или нет? – Она снова перемешала карты. – Не важно. Колдовство – оно как дерево. Дереву наплевать, если ты в него не веришь. Оно просто дерево, понимаешь? Дерево все равно будет деревом, оно будет расти, день ото дня, и не важно, веришь ли ты в деревья. Вера имеет значение, только когда ты с ней борешься.

– Дерево можно увидеть, – сказал я. – Его можно потрогать.

– С колдовством то же самое. Просто надо знать, как.

Я с трудом сглотнул.

– Вы когда-нибудь гадали Клаудии?

Какое-то время Мамка жевала сигару, потом ответила:

– Один раз.

– И что сказали карты?

– Это ты у нее спроси. Все, что происходит между мной и верующим, остается между нами.

– Вы что, священник?

– В каком-то смысле. – Мамка опять перемешала карты, на этот раз не отрывая от меня взгляда. – А что, ты хочешь мне исповедаться?

Я не ответил, и она обратила внимание на стоявшего в дверях Рика.

– А ты, боец?

– Нет, спасибо.

– Боишься?

– Я ничего не боюсь, – сказал Рик.

Мамка заговорщически мне подмигнула.

– Это означает, что он боится всего.

Рик промолчал, и я был рад, что он решил пропустить ее слова мимо ушей. Стоявший всего в нескольких футах от меня Дональд переступил с ноги на ногу.

– Сядь уже куда-нибудь.

– Нам надо идти, – сказал он. – Вечер субботы, скоро тут будет полно народу...

– Расслабься, – сказала ему Мамка Тутс, затем снова переключила внимание на меня. – Я стала видеть сны. Странные сны. Духи сказали, что ко мне придут незнакомцы – незнакомцы, которым нужна моя помощь. Теперь я понимаю, о чем говорили эти сны.

Я начал подниматься с места.

– Спасибо за помощь, но я уже сказал, что не верю в...

– Может быть, ты не следуешь велениям мира духов. – Мамка ударила колодой по столу с такой силой, что я замер. – Но я следую, даже когда не хочу – как теперь. Тасуй карты.

Я посмотрел на колоду, как ребенок, который сомневается, стоит ли брать конфету у незнакомца. Потом взял карты. Они были теплыми и слегка влажными, но в остальном самыми обычными. Я дважды перетасовал колоду и вернул ее Мамке.

Дональд закурил и принялся дымить со встревоженным видом.

Глянув на него, Мамка еще раз коротко рассмеялась, поудобнее устроила на скамье свою непомерную тушу и медленно, большим полукругом выложила на стол шесть карт лицом вверх, потом поместила седьмую в центре. При взгляде на расклад что-то в ее лице изменилось, она торопливо собрала карты обратно в колоду и протянула ее мне.

– Тасуй снова.

– Что не так с этими картами?

– Они просто реквизит, инструмент. Делай что велено.

Я подчинился, и Мамка во второй раз выложила карты прежним образом. Очень долго она молча разглядывала их, потом с влажным чмоком вытянула сигару изо рта.

– Дурно выходит.

– А может быть как-то иначе?

С ее внезапно помрачневшего лица пропала прежняя надменность.

– Дурно выходит.

– Почему? Что они говорят?

– Ты же во все это не веришь.

– Я думал, это не имеет значения.

– Я дам тебе совет, так что слушай внимательно. – Мамка сложила руки перед громадной грудью. – Давным-давно я выучилась не совать нос куда не следует и не задавать вопросы, ответы на которые мне не положено знать. Не знаю, что здесь забыли такие чистенькие господинчики из

маленького городка или зачем им понадобилась какая-то потрепанная шляпка – не знаю и знать не хочу. Но вы должны понимать, что мир не всегда таков, каким вы его представляете. – Она сунула сигару обратно в рот и затянулась. – Нью-Бедфорд – великий город с долгим прошлым, он переполнен историей. По сравнению с землей, откуда пришли мои предки, со старым миром, он всего лишь младенец. Но для Америки он старый. Старый город, и в нем живет много духов, много призраков из прошлого. И если забыть про город, то сама земля здесь древняя. Подо всем светом и явью скрывается то, что было прежде, понимаешь? Все, что было прежде, оно... остается. Ждет, творит, наблюдает и слушает. Город точно такой же. У города есть темная сторона, как у всего вокруг. Определенные районы, куда не следует соваться. В мире духов тоже есть такие места. Темные закоулки. Не у всех есть дар вроде моего, не все видят то, что вижу я, и так оно только лучше. Но никогда не следует играть с миром духов. Знаешь, почему? – Она хитро улыбнулась. – Потому что он может начать играть с тобой.

– Я всего лишь хочу найти эту девушку.

– Зачем тебе так надо путаться с темнотой?

– Может, это она путается со мной, – сказал я.

– Может быть. – Она кивнула и поглядела на меня с выражением одновременно любезным и вызывающим. – Раз ты хочешь знать, я все тебе покажу. – Мамка закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула, затем снова взглянула на карты. Через несколько секунд она сказала: – Тебя окружают беды.

– Пусть так.

Она покачала головой, отчего плоть на ее шее всколыхнулась, и снова протянула руку к картам.

– Обычно, когда я это делаю, все яснее, но теперь... Ничего толком не складывается. Я... – Она отсчитала несколько карт из колоды, затем выбрала одну. Осторожно, как будто боялась, что стол сломается под ее весом, Мамка выложила карту рядом с той, что уже лежала в центре. – Здесь что-то есть, я... Господь всемогущий, я никогда прежде такого не видела. Ничего подобного, ничего... – Впервые на ее лице отобразились в большей мере страх и беспокойство, нежели замешательство. – Я за свою жизнь навидалась немало отрицательных энергий и темных духов, но такого... ничего... такого я раньше не встречала. Такого сильного... Это не просто темнота, но что-то... *нечистое*. Злое. – Несмотря на жару в комнате, Мамка вздрогнула и начала тереть ладонями голые руки. – И есть там что-то еще, что-то... что-то про глаза. *Occhi violenti*.

– Что-что?

– *Occhi violenti*, – повторила она. Ее лицо превратилось в маску тоски и нарождавшегося ужаса. – Жестокие глаза.

– Что это значит?

– Смерть, – громким шепотом ответила она. – Это святотатство, святотатство, вы не можете... вы не можете его остановить, оно уже окружило вас.

– Я не...

– Так много смертей. – Мамку снова передернуло, на ее одутловатом лице одна за другой сменялись гримасы испуга. – Господи, милостивый Боже, это...

Я почувствовал, как ко мне возвращается прежний гнев. Хватит с меня дыма и теней. То, что начиналось как знакомый, повторенный тысячу раз трюк, превратилось во что-то большее, настоящее – чего она явно не ожидала.

– Оно как поток, такой... сильный, но... Я никогда не видела ничего подобного. Он *холодный*. – Ее руки тряслись теперь так сильно, что Мамка с трудом удерживала карты. Задыхаясь в царившей в комнате неподвижной духоте, я заметил, что руки женщины покрылись гусиной кожей. Ее одолел новый приступ дрожи. Колода выпала у нее из рук, и карты рассыпались по столу. Мамка снова покачала головой, как будто отвечала голосам, которые слышала только она, потом, уставившись на мешанину карт, скривилась, сощурила глаза. – Господи Иисусе, – шептала она, водя руками над столом. – Господи... Господи милосердный.

Дональд бросил сигарету на пол и наступил на нее.

– Все это ерунда, – сказал он без особой уверенности. – Полнейший...

Полное тело Мамки начало трястись, губы зашевелились, как будто она беззвучно молилась. Казалось, что она смотрит сквозь карты как через портал в глубины ужаса, открывшиеся только перед ней.

– Нет, вам... вам надо уйти.

– Что ты видишь? – спросил я.

Она быстро заморгала.

– Вы не понимаете, вам... вам надо уйти.

Я встал, наклонился над столом.

– *Что* ты видишь?

– Убирайтесь, – прорычала она, приходя понемногу в себя. – Убирайтесь, я...

– Что! – Я ударил по столу ладонями. – Скажи мне, черт побери!

Тело Мамки продолжало содрогаться. Она подняла руки, как будто

пыталась отгородиться от меня.

– Я туда не хожу, я туда не хожу, Господи Иисусе, я туда не хожу, я...

– Местные начинают нервничать, – сказал Рик, указывая в сторону бара. – Надо убираться.

Кто-то схватил меня за плечо. Я сообразил, что это Дональд, высвободился и шагнул к Мамке.

– Куда ты не ходишь, Мамка? Куда ты не ходишь?

На глазах у нее выступили слезы, она протянула ко мне руки, и я увидел, что кончики ее пальцев как будто ободраны, а вокруг ногтей и кутикул выступила кровь. Как будто она много часов скребла цемент.

И я вспомнил сон, в котором руки Бернарда выглядели почти так же.

– О боже, – негромко сказал Дональд.

У меня по спине пробежал холодок.

– Куда, Мамка? – настаивал я. – Куда ты не ходишь?

Она начала давиться.

– Так... так много крови... целые *реки*.

– Уходим! – внезапно объявил Рик. Он стоял в проеме, частично загораживая от меня бар, но даже сквозь дымку, я заметил движение в полумраке. По громкому голосу Мамки они догадались, что происходит что-то неладное, и теперь приближались.

– Куда, Мамка?

Она тихонько заскулила.

– В темноту. – Она взглянула на свои окровавленные пальцы и начала плакать; теперь казалось, что она не совсем в себе, как будто не вполне осознавала окружающее. – В темноту под землей. Из этой темноты нельзя возвратиться. Ты не знаешь, не представляешь, что там, внизу... оно не такое, как мы. Оно хочет вас, хочет заманить вас к себе под землю. – Ее губы двигались медленно и как будто немного вразнобой со звучащим голосом. – Оно к вам пристрастилось. Оно поджидает вас в темноте под землей. Из этой темноты нельзя возвратиться. Никогда.

– Почему, Мамка? Скажи мне, почему.

– Потому что нужно умереть, чтобы там оказаться.

Я не успел ничего сообразить, а Рик и Дональд уже тянули меня к двери.

– Нужно умереть, – раздавался позади нас голос Мамки. – Нужно умереть, чтобы там оказаться.

Тули и его высокий приятель пробежали мимо нас в заднюю комнату, ненадолго задержавшись, как будто не знали, следует ли им остановить нас или сначала помочь владелице бара. Они выбрали второе, и мы

продолжили путь: Рик впереди, я замыкающим, Дональд между нами.

Бармен выскочил из-за стойки и шагнул нам наперерез. В руках у него была бейсбольная бита, и он угрожающе ею замахнулся.

– Какого хрена вы с ней сделали?

Рик замахнулся и нанес два быстрых удара, один ему в живот, другой в горло. Бармен отлетел назад и рухнул перед стойкой, уронив два табурета. Бита выпала у него из рук и откатилась в угол.

Мы были уже почти у двери, когда сзади раздались крики и топот. Я обернулся как раз вовремя и увидел, что на меня несется татуированный громила. Тули топотал следом.

Может быть, продолжай я бежать, я успел бы проскочить через дверь. Но вероятнее всего, нет. Выяснить это мне не довелось, потому что я внезапно замер на месте, и, попытавшись остановиться, мой преследователь едва не налетел на меня. Я замахнулся что было сил и ударил, пока он не успел восстановить равновесие. Мой кулак врезался ему в физиономию сбоку, и сила удара отдалась мне через запястье в руку и плечо. Громила пьяно отшатнулся и упал на пол.

В неразберихе мимо промелькнул Тули, а в следующую секунду я услышал позади себя шарканье и тяжелое торопливое дыхание, Дональд что-то выкрикнул, потом захрипел. Я оглянулся на потасовку. Дональд неуклюже замахнулся, но промазал, и Тули смел его в сторону двумя сильными ударами в живот и голову. Рик пришел Дональду на помощь и тремя быстрыми ударами уложил Тули на пол.

Я тоже двинулся было на помощь, то кто-то толкнул меня сзади. Удар ужасающей силы пришелся мне между лопаток, и я шатнулся вперед, потом резко обернулся и обнаружил, что татуированный громила поднялся на ноги и теперь бросался на меня. Едва удерживая равновесие, я замахнулся, но он вовремя увернулся, поднял кулак и впечатал его мне в висок.

Я знал точно, куда он попал, потому что мое чувство равновесия немедленно разладилось, а за глазами и по челюсти распространилось ощущение покалывания – как зевок, который никак не проходит. У меня перед глазами поплыло, потом зрение прояснилось – и поплыло вновь, прежде чем я успел сообразить, что падаю на пол. До того, как мой подбородок встретился с грязными плитками, я подставил руки и как мог откатился в сторону.

Кое-как я поднялся на ноги. Голова все еще немного кружилась. Мой противник рассмеялся как идиот; в его остекленевших от наркоты глазах было что-то настолько нечеловеческое, настолько нездоровое, что на

секунду я замер. По выражению его лица я понял, что он догадался о моей неуверенности и счел ее признаком слабости. Когда он снова бросился на меня, я примерился, подготовился и ударил.

Он наткнулся прямо на мой кулак. Его голова откинулась назад, и он пошатнулся. Крови не было, но на его лице появилось озадаченное выражение, как будто он никак не мог поверить в происходящее. И пока он пытался удержаться на подкашивавшихся ногах, я сделал шаг вперед, намереваясь закончить начатое, но тут из ниоткуда появился Дональд и нанес ему дикий, размашистый удар.

На этот раз громила рухнул на пол. Я бросился вперед, сел на него сверху и принялся лупить. Он попытался отползти, прикрывая затылок руками и что-то неразборчиво бормоча, но я продолжал бить, пока он не прекратил шевелиться.

Только тогда я откатился в сторону. Мои руки покрывала кровь, в основном его. Мой противник стонал, едва в сознании, и все еще беспомощно прикрывал руками голову. На полу рядом с его лицом начинала собираться лужица крови.

Все еще чувствуя небольшое головокружение, я увидел, как Дональд нагнулся и поднял битую бармена. За его спиной Тули и Рик кружили как пара диких котов. По крови, покрывавшей обоих, я догадался, что ни одному из них не удалось получить серьезного преимущества после первой удачи Рика.

Тули бросился вперед, но Рик встретил его ударом, который уложил его во второй раз. Тули закашлялся, сплюнул кровь и медленно начал подниматься, но Рик бросился вперед. Его кулаки с тошнотворным звуком ударяли по коже и кости. Тули снова рухнул, возле глаз, губ и ноздрей у него выступила кровь.

Рик стоял наготове со вздымавшейся грудью.

– Лежи где лежишь, говнюк.

Его противник крикнул и принялся подыматься.

В тот момент, когда Тули издал вызывающий рев и в безумной ярости бросился на Рика, я подскочил к Дональду, выдернул битую у него из рук.

– Рик!

Он глянул в мою сторону, и я швырнул битую. Одним движением Рик поймал ее и взмахнул вниз, приложив противника по лодыжкам.

Тули взвыл, рухнул на пол и принялся со стоном кататься, хватаясь за ноги, прижатые к груди.

Какое-то время мы с Риком стояли, тяжело дыша, глядя друг на друга и чувствуя если не совершенное изумление, то, по крайней мере, некоторое

удовлетворение.

Дональд опустился на одно колено, возможно, из-за полученных прежде ударов. Я протянул руку и помог ему подняться на ноги.

– Ты в порядке?

– В полнейшем, – прохрипел он.

Рик отшвырнул битую и стер тонкую струйку крови, сочившуюся из уголка рта.

– Надо убираться отсюда, пока не явились еще кретины вроде этих.

Мы повернулись спиной к поверженным и вышли из бара, не обращая внимания на кровь и по-прежнему доносившиеся из задней комнаты глухие вопли.

Все еще чувствуя прилив адреналина, я ступил на тротуар. От солнечного света не осталось и следа. Жаркий летний день сменился жарким летним вечером, и все вокруг казалось выше, отчетливее и ярче, чем обычно.

Ночь наступила как раз кстати. Пусть и на краткое мгновение, но мы причастились мудрости древних духов. И после всего, что случилось, и из-за всего, что шло за нами по пятам, тьма нам подходила больше.

Глава 23

Лето наступило рано. До начала туристического сезона оставалось еще несколько недель, так что округа пока не изменилась. Хотя несколько ранних пташек летнего нашествия уже прибыло и открывало ближайшие дома, большая часть соседей Дональда плелась в хвосте зимней спячки. Мы привели себя в порядок, обработали незначительные раны и проделали недолгий путь через перелесок за домом Дональда к утесу над пляжем. Луна стала бордовой и была такой полной и яркой, что казалась нереальной посреди чистого неба. Несмотря на ее яркое сияние, мигавшие на пляже под нами огни затмевали ее даже на таком расстоянии.

Втроем мы стояли на песке среди пробивавшихся на дюнах высоких трав и разглядывали хаотично стоявшие по всему пляжу полицейские машины. Над тем местом, где было само тело, возвели палатку и установили вокруг несколько временных прожекторов, превратив небольшой участок в сияющий оазис в окружении мрака. Хотя все происходило в нескольких сотнях ярдов, мы могли разглядеть полицейских и прочий персонал, который все еще прочесывал местность. За расставленными вдоль парковки ограждениями собралась небольшая толпа, наблюдавшая за происходящим. Так как тело было найдено много часов назад, его давно уже увезли, и я пытался угадать, что надеялись увидеть эти люди. Глядя на то, как красные и синие отсветы скользят по лицам Рика и Дональда, я подумал: а что надеялись увидеть мы?

– Я все думаю, приходил ли он сюда, – сказал Дональд. – В ту ночь, когда оставил там труп? Зашел ли он в гости ко мне после того, как засыпал песком тело этой несчастной женщины? Может быть, зашел и сидел у меня дома и говорил ни о чем?

У Бернарда это хорошо получалось, он мог так болтать часами. Может, потом он втайне посмеивался. Может, он считал это забавным.

Рик держал шесть банок пива в пластиковых кольцах. Вытащив одну, он провел ею по лбу.

– Там внизу много фэбээровцев. Наверное, просеивают песок в надежде найти хоть что-нибудь. Местные политики уже начали возмущаться по телевизору о том, что это повредит туристическому сезону. Можете поверить? Даже беднота, которая не может позволить себе поехать на Кейп-Код, побоится приехать, опасаясь, что у нас тут разгуливает серийный убийца. Черт, да они могут поехать хоть дальше, хоть ближе к

мысу, и будут в полной безопасности.

– По крайней мере, так кажется. – На лице Дональда играли разноцветные отблески полицейских огней. Из-за засохшей на разбитой губе крови он выглядел непривычно. Такой бойцовский вид ему не шел. – Они могут звать хоть ЦРУ, все равно ничего не изменится. Они гоняются за призраком.

– Люди находят под ногами трупы, а их волнует, что упадут летние прибыли, – сказал Рик.

У меня все еще болели руки, на костяшках осталось несколько мелких порезов, но кровотечение было несильным и прекратилось еще по дороге в Поттерс-Коув. Я посмотрел на свои ладони, согнул и разогнул пальцы.

– Дай-ка мне тоже пива.

Рик протянул мне связку, ухватив ее за пустое пластиковое кольцо. Я протянул руку и высвободил одну банку. Она была холодной и приятно лежала в руке. Жара все еще держалась, но легкий ветерок с океана ее немного рассеивал. Я открыл банку и сделал большой глоток. Эта ночь могла – должна была – быть такой прекрасной.

– Мы могли сегодня погибнуть, – сказал Дональд, и только тогда я сообразил, что мы переговаривались шепотом.

– Но не погибли ведь, – ответил я.

– Но могли.

– Ага, но не погибли.

Дональд провел рукой по волосам, потом посмотрел вниз на пляж.

– Найдутся и новые трупы, но все завершится, когда подойдет к концу путь, который прошел Бернارد. Полиция либо так никогда и не найдет убийцу, либо каким-то образом узнает, что это сделал он. Как бы там ни было, Бернارد мертв, и ничего уже нельзя изменить. Газеты напечатают заметки, закончатся программы по телевизору, все желающие напишут свои книжки – и со всем этим ужасным бардаком будет покончено. Он просто уйдет в прошлое, станет смутным неприятным воспоминанием, шрамом, с которым Поттерс-Коув вечно придется мириться, – вот и все. Еще одна история о былых временах. И в конце концов она станет совершенно бессмысленной. Все это как гроза, Алан, и я планирую пересидеть ее дома. – Дональд повернулся ко мне; половина его лица оказалась в тени, другую половину освещала луна и сменяющиеся вспышки полицейских маячков. – А когда она пройдет, я вернусь к тем жалким крохам жизни, что у меня остались. Их не так много, но ничего другого у меня нет. С меня хватит.

Я прикончил пиво.

– Мне жаль, что так вышло, мне не стоило...
– С меня хватит.
– Дональд, ты слышал, что сказала эта женщина, ты видел, *видел* ее руки!

Рик подошел на несколько шагов ближе к краю утеса и уселся на землю, положив связку пивных банок на колени.

– Да, – ответил Дональд, – я слышал, что она сказала, и видел ее руки.
– И ты все равно хочешь просто развернуться и уйти?
– Алан, ты переворачиваешь камни. Не стоит слишком расстраиваться из-за того, что я не хочу валяться в грязи вместе с жуками, которых ты под ними находишь. – Он дрожащей рукой стер пот со лба. – Я никогда в жизни не участвовал в драке, и тут, когда мне почти исполнилось сорок, я внезапно оказываюсь в каком-то обшарпанном баре, где обкуренный подонок, который, возможно, знаком с проституткой, встречавшейся с Бернардом, пытается размозжить мне череп. Потом то ли одержимая, то ли невменяемая женщина принимается лопотать что-то про злых духов, тьму и могильную землю, и у меня на глазах у нее лопаются и кровоточит кожа, как в каком-нибудь дешевом фокусе, – только все это взаправду. Потому что я это видел и чувствовал. Но все равно это безумие, Алан, и дальше будет только хуже. И я не хочу больше иметь с этим ничего общего.

Я отшвырнул пустую банку куда-то в сторону Рика и повернулся к Дональду.

– Ты не можешь просто сунуть голову в песок.
– Называй это как хочешь. С меня хватит.
– Дональд, я...
– Прости, Алан, но с меня хватит.
Я надеялся, что Рик меня поддержит, но он смотрел на пляж, на воду или в ночное небо и явно не собирался ввязываться в спор.
Дональд положил руку мне на плечо и слегка сжал.
– Мне нужна выпивка и сигарета. Пиво даже рядом не стояло с тем, что мне сейчас требуется. Я пошел домой. Вы можете присоединиться, если хотите.

Он развернулся и пошел по тропинке к дому, я смотрел ему вслед. Через несколько секунд тьма между деревьями поглотила его.

– Он прав, – сказал позади меня Рик.
Я подошел к нему и присел рядом на корточки. Он открыл еще одну банку и уже почти допил пиво.
– И ты туда же? – спросил я.
– Чудо, что ни у кого из этих придурков не было ствола, Алан. – Он

посмотрел на меня и беспомощно улыбнулся. Его глаза покраснели и остекленели. – Я все время ввязываюсь в драки. Да блин, это моя работа, в клубе почти каждый день что-нибудь случается. Но там все иначе. Это моя территория, я во всем уверен, понимаю ситуацию, понимаю расклад и, как правило, знаю всех участников. Это контролируемая обстановка. В баре, как сегодня, все по-другому. Никогда не знаешь, на что можно напороться.

Я уперся коленями в песок, почувствовал, как он подался под моим весом, затем сел на пятки. С барханов внизу до нас долетали едва слышные звуки полицейского радио и улетали куда-то дальше по волнам Атлантики.

– Ты спас нас обоих.

Рик пожал плечами.

– Ты собираешься найти эту девицу, так?

– Да.

– Эти люди отличаются от нас. Они живут в другом мире. Блин, да мы, можно сказать, живем на разных планетах! Станешь путаться с этой компанией, влезать в их дела – и рано или поздно окажешься в опасной ситуации. И тогда либо кто-нибудь убьет тебя, либо тебе придется кого-нибудь убить. Так или иначе, Алан, ты будешь в проигрыше. – Он выпил еще пива, рыгнул. – Мне нельзя оказываться в таких ситуациях, понимаешь? Что если бы я убил одного из этих придурков? Ой, простите, ваша честь, мой мертвый приятель и ебанный мир духов заставили меня сделать это ради самозащиты. Прикачу в суд эту тушу на тачке, чтобы она показала судье свой трюк с кровавыми пальцами. Да, это точно поможет.

– Это ни разу не смешно.

– А я что, смеюсь? – Рик покачал головой, чтобы подчеркнуть свои слова: – Я не вернусь в тюрьму. Ничто этого не стоит. И никто не стоит. Что если бы сегодня кто-нибудь погиб?

– А что если преследующие нас силы тоже хотят нас убить, Рик?

Ветер прошелестел высокой травой на дюнах, как будто отвечая мне, но гнавшаяся следом жара погнала его дальше, в кроны деревьев позади нас; передышка оказалась краткой.

– Тогда мы скорее всего покойники, – сказал Рик. – Слушай, я всегда готов помочь, если тебе что-то нужно, сам знаешь, но я не могу и дальше гоняться...

– Ты видел, что случилось сегодня в задней комнате.

Рик повернулся ко мне, как будто собирался сказать что-то резкое, но тут же отвел взгляд и отхлебнул пива. Через какое-то время он произнес:

– Оставь мертвых в покое, Алан. – Он открыл еще одну банку пива и протянул ее мне. – Оставь Дьявола в Аду, и пусть Бернард и все остальные

гниют там вместе с ним. Найди Тони и верни ее. Что там правда, а что нет – но у нас есть только этот мир, и только эта жизнь имеет значение.

Я хотел было ответить, но передумал. Вместо этого я взял банку, которую он протягивал, и пожал ему руку. Пожатие затянулось. Наконец Рик отпустил мою руку и стал смотреть на воду, неторопливо допивая пиво. Я хотел сказать ему, что никакое пиво на свете не избавит нас от беды, но промолчал, уставившись вниз на место преступления.

Где-то там была та темнота под землей, о которой говорила Мамка. Мрак, из которого нельзя было возвратиться, потому что надо было умереть, чтобы в нем оказаться.

И я не просто отправлялся в этот мрак. Теперь я знал, что мне придется идти одному.

Глава 24

Мне вовсе не улыбалось возвращаться в пустую квартиру, но я себя пересилил. Проверил автоответчик в надежде на сообщение от Тони, но на нем не оказалось записей. В холодильнике почти ничего не было, буфету тоже особенно нечем было похвастаться, так что я позвонил в пиццерию на первом этаже и успел сделать заказ как раз перед закрытием. Один из работавших там парней принес мне пару пицц и бутылку газировки. Я поел, сидя на наружной лестнице, и звуки субботнего вечера в Поттерс-Коув на время меня отвлекли. В квартире было непереносимо жарко, и куда бы я ни взглянул, везде видел Тони, ощущал ее запахи: одеколонов и гелей, порошков и лосьонов. Хотя она забрала много вещей с собой, я повсюду находил ее следы. *Наши следы.*

К тому времени как я покончил с едой и заставил себя принять холодный душ, было уже почти два часа ночи. Спину ломило, с той стороны, куда пришелся удар, голова пульсировала, руки все еще побаливали. Вместо того чтобы думать, каким старым и побитым я себя чувствовал в тот момент, я постарался насладиться короткой передышкой от жары под струями прохладной воды.

Выйдя из ванной, я заметил, что на улице все стихло, как случается после полуночи даже в больших городах. Я постоял в ногах кровати, глядя на смятые простыни. Я не мог спать на ней с тех пор, как ушла Тони.

Обернув вокруг талии полотенце, я ушел в гостиную и улегся на диван в полной уверенности, что не смогу заснуть. И через несколько минут отрубился.

Проснувшись утром, я понял, что снова видел сон. На этот раз вместе с Бернардом и странными людьми в нем была и Мамка Тутс, грозившая мне толстыми окровавленными пальцами и обнажавшая коричневые зубы в дьявольской усмешке.

Все тело казалось одеревеневшим, мышцы болели. Даже после сна усталость никуда не делась, и оставалось только гадать, смогу ли я когда-нибудь снова полностью расслабиться. Я потер глаза, встал и побрел в ванную.

Одеваясь, я мог думать только о том, что произошло в баре. Как бы я ни старался переключиться на что-то другое, события прошлой ночи раз за разом прокручивались в памяти, наполняя меня странной смесью удовлетворения и тревоги.

Я надел джинсы, кроссовки и футболку, а потом подошел к шкафу в спальне и вытащил с верхней полки большой запираемый ящик. В нем хранился мой пистолет, коробка патронов, две обоймы и несколько кобур. Я проверил оружие и положил его на постель, потом выбрал кобуру, которая пристегивалась на пояс. Прихватив одну обойму, я захлопнул крышку ящика, запер его и вернул на полку.

Для работы я получил лицензию на скрытое ношение оружия, но прежде пользовался им только во время тех редких смен, когда требовалось иметь при себе пистолет. Было странно вооружаться не ради службы, но я не представлял, что может случиться на этот раз. Мне и так придется соваться во мрак в одиночку. Не хватало еще отправляться туда с пустыми руками.

Закрепив пистолет в кобуре сзади на поясе, я опустил нижний край футболки поверх него. Оглядел себя в зеркале и немного растянул футболку, чтобы она висела свободнее и оружие было не так заметно. На лбу и шее у меня уже выступил пот. Было всего восемь утра, но при такой влажности воздуха день обещал превратиться в очередное пекло. Жара в этом году наступила необычно рано. С другой стороны, раз все остальное катилось к чертям, так почему бы и погоде не последовать этому примеру?

Меня отвлекла наша свадебная фотография на комодке рядом. Мы с Тони сидели во главе стола – она в платье, я в смокинге – и, переплетая руки, пили шампанское из бокалов друг друга. Мы выглядели невероятно молодыми, счастливыми и невинными.

Донесшийся из церкви в миле от моего дома перезвон колоколов напомнил мне о том, что сегодня воскресенье.

Я аккуратно положил фотографию изображением вниз.

* * *

Проспект Мильнера – старый, практически забытый участок заброшенной дороги неподалеку от аэропорта. В самом его конце медленно гнил остов старой фабрики. Снаружи ее стены были практически сверху донизу раскрашены граффити, участок зарос высокой травой. Повсюду лежали кучи мусора. Среди кустарника и пустых песчаных участков тут и там стояли ветхие домишки – все, что осталось от малобюджетного поселка, где несколько десятилетий назад жили работники процветающей фабрики. По большей части они были заброшены и заколочены.

Я проехал четыре мили по проспекту Мильнера, от начала до конца,

выяснил, где он начинается, и обнаружил, что от старой фабрики шла грунтовая дорога, которая упиралась в асфальтированную аллею. Оттуда было меньше мили до развязки, выводящей на трассу штата.

Определившись со всеми въездами и выездами, я сделал круг и на этот раз, въехав на проспект, стал посматривать на тахометр.

Не проехав и мили, я увидел небольшой одинокий дом в окружении кустов и мертвых деревьев, точно как говорила Мамка Тутс. Установленное на бетонных блоках здание выглядело ужасающе, но все еще было обитаемым. Машины перед ним не было, но на ближайшем к дороге углу участка торчал почтовый ящик. Я посмотрел на часы. Почти девять.

Я проехал мимо, развернулся и снова подъехал к дому. Остановив машину по диагонали напротив, я перевел ручку переключения передач в режим парковки. Далекий рокот просыпавшегося города пробивался сквозь шум мотора. Эта заброшенная и забытая земля на окраине города выглядела такой пустынной, что мне стало неуютно. Тут даже если закричишь и тебя кто-то услышит, то, скорее всего, не обратит внимания. Я откинулся на сиденье и почувствовал, как кобура вжалась мне в спину. И хотя я доставал пистолет и стрелял только в тире, тем не менее, напоминание о его присутствии придавало мне уверенности.

Несколько минут я наблюдал за домом, потом выбрался из машины и медленно двинулся к участку.

Солнце висело невысоко над горизонтом, едва видимое над кустарником и мертвыми деревьями, но уже палило вовсю, и воздух мерцал от подымавшегося жара. Я шел по утоптанной земляной площадке, пока тень дома не закрыла меня от лучей, потом быстро огляделся. Дом был в плачевном состоянии, двери и окна закрывали ветхие погнутые сетки. Над дверью торчала грязная лампочка, перед входом валялся древний коврик с надписью: «Добро пожаловать». Я постучал и стал ждать. Ничего. Я постучал снова. Снова ничего.

Через некоторое время я подошел к левому окну и наклонился к стеклу, прижав ладони по бокам от лица, чтобы заглянуть внутрь дома. Через сетку трудно было что-то разглядеть, да и само окно оказалось таким грязным, что все за ним виделось размытым. Отступив от окна, я постучал в третий раз.

Вдалеке на шоссе рокотали проезжающие машины. Я медленно обошел дом и заглянул на территорию позади него. Прислоненный к стене старый стол для пикников выглядел так, будто им не пользовались много лет; в углу участка стояли два небольших мусорных бака. От окружающего кустарника участок отделял еще один небольшой отрезок голой земли. От

левого заднего угла дома до тонкого шеста, явно специально для этой цели воткнутого в землю в нескольких футах от стены, тянулась бельевая веревка. На веревке ничего не было, и я засомневался, что в доме кто-нибудь живет.

Я осторожно прошел к мусорным бакам. Вокруг них с громким жужжанием летали мухи, но, открыв крышку, я понял, что и теперь не могу наверняка сказать, живет ли здесь кто-нибудь, потому что внутри лежали в основном коробки из-под замороженной еды и обедов, и выглядели они не слишком свежими. По такой жаре от вони у меня перехватило дыхание, и, закрыв крышку, я снова обошел дом, вернулся к входной двери и посмотрел через дорогу. Если не считать мою машину, вокруг было пусто.

Я подошел к почтовому ящику у дороги. Внутри лежали два листка бумаги. Я вновь огляделся, затем вытащил их из ящика. Первый был счетом за электричество, другой – рекламным буклетом универсального магазина. Счету было меньше недели, значит, его доставили день или два назад. Я сунул листки обратно в почтовый ящик и закрыл его.

Я вернулся к машине и какое-то время стоял, не садясь за руль и размышляя: *Может быть, зря я сюда приехал. Может, только к лучшему, что ее нет.* Но в тот момент, когда я надел солнечные очки, чтобы защититься от яростных лучей солнца, возле мертвых деревьев что-то привлекло мое внимание.

У меня задрожали колени и свело желудок. Стянув очки, я с трудом сглотнул; над деревьями и голой землей зазвучал неразборчивый шепот. Он окружил меня, и я попытался убедить себя, что бояться нечего, что все это существует только в моем воображении, но страх не отступал. Мне хотелось сбежать, сесть в машину, уехать прочь и никогда сюда не возвращаться. Вместо этого я глубоко вздохнул и закрыл глаза. И медленно открыл их через несколько секунд.

Шепотки умолкли. А может, они на самом деле и не звучали. Отчего-то теперь это было не так важно.

Я забрался в машину и направился обратно к городу.

* * *

Просидев больше часа за чашкой кофе в местной закусочной, я еще с полчаса кружил по Нью-Бедфорду, пока не собрался с духом, чтобы вернуться на проспект Мильнера.

Когда я вновь оказался перед домом, было уже почти одиннадцать. Все

выглядело точно так же, но потом я сообразил, что входная дверь открыта. Поблизости не было других машин, так что я предположил, что хозяйка либо спала, когда я приезжал в первый раз, либо кто-то довез ее до дома, пока меня не было.

Я вышел из машины и оглядел деревья и кусты. Над землей поднимались видимые волны жара, искажая пространство, но ничего больше не двигалось.

Я снял солнечные очки, бросил их на приборную панель и пошел к дому. Вид у меня был уверенный, но не угрожающий. У сетчатой двери я остановился и склонил голову на сторону, пытаясь заглянуть внутрь, но ничего не увидел в царившем внутри мраке. Оба окна на фасаде были распахнуты и заслонены только сетками. В доме было тихо, но где-то неподалеку раздавались негромкие удары. Я постучал по сетке двери, но никто не ответил и не появился, так что я прислушался повнимательнее.

Удары доносились из-за дома.

Повернув за угол, я увидел, что на бельевой веревке висит большой ковер, из которого кто-то выбивает метлой пыль. Удары внезапно прекратились, и из-за ковра показалась женщина.

Ее волосы – рыжие на фотографии, но теперь черные как смоль – были коротко острижены и торчали во все стороны. Было непонятно, то ли они и должны были выглядеть растрепанными, то ли она просто давно их не расчесывала. В жизни она была куда ниже ростом и более худой, чем можно было предположить по фотографии, и выглядела значительно старше. Женщине на фотографии едва исполнилось двадцать, той, что стояла передо мной, перевалило за тридцать. Ладонью заслонив глаза от солнца, я попытался получше ее разглядеть, но все равно не был уверен, что передо мной тот же человек.

– Простите, – спросил я, – вы Клаудия?

Не выпуская метлы из рук, она поднырнула под веревкой. На ней была рубашка в вылинявшую черно-белую клетку, которую она небрежно застегнула только на груди. Рукава рубашки были кое-как отрезаны, и на их месте с материи по кругу свисали отдельные нитки. Ансамбль завершали сильно заношенные джинсы и сбитые черные ботинки. В левом ухе женщины виднелось несколько проколов, а в правом было вдето единственное небольшое колечко. Ее лицо было бледным, глаза глядели устало, и казалось, что ей давно не приходилось бывать на солнце. Помимо жирной обводки вокруг глаз на ее лице не было другого макияжа.

Какое-то время женщина молча меня разглядывала.

– Я ищу Клаудию Брюстер.

– Ты из полиции? – спросила она. Ее голос был шелестящим и слишком глубоким для такой невысокой женщины.

– Нет, я...

– Тогда ты незаконно находишься на моей земле. Пошел вон.

– Это вы – Клаудия Брюстер?

– Брюэр.

– Хорошо, Брюэр.

– Что тебе нужно?

– Меня зовут...

– Что тебе нужно? – Она уперла метлу в землю и облокотилась на нее, сложив руки над ручкой. Под первыми фалангами ее пальцев на левой руке я заметил маленькие черные татуировки. Рисунки были разными, – звезда, месяц, анх, пентаграмма, – но все выполнены в одном простом, любительском стиле.

– Мне нужно с вами поговорить.

– О чем?

Я вытер ладонь о джинсы и протянул ей руку. Она бросила на нее безразличный взгляд.

– Меня зовут Алан Ченс, – сказал я. Она никак не отреагировала. – Бернارد был моим другом.

Безразличное выражение на ее лице не изменилось.

– Кто?

– Бернارد Мур.

– Не знаю такого.

– Слушайте, я сюда приехал не в игры играть. Бернارد умер. Повесился.

Через какое-то время она кивнула, выражение ее лица не изменилось.

– Я знаю.

– Вот это я нашел среди его вещей. – Я вытащил из кармана фотографию и показал ей. – Я прошел через ад, чтобы вас найти.

– Ты бы не узнал ад, даже если бы жарился в нем.

От ее невозмутимого тона во мне родилась неловкость, почти страх, который пронизал меня как удар электричества. Когда он отступил, я снова сунул ей фотографию.

На этот раз Клаудия протянула руку, взяла ее и какое-то время молча разглядывала. Потом произнесла:

– Это было снято много лет назад. В другой жизни. Давно... блин, так давно.

– Если хотите, можете оставить ее себе, – сказал я.

– Не знаю, где он ее взял, это было снято много лет до того, как мы встретились. Старый... один знакомый сфотографировал меня.

– Я думал, что вы ее ему подарили.

– Может быть. А может, он ее украл. Кто знает? Много в жизни как бы размывается. – Она сунула фотографию в задний карман. – Так что, ты только за этим сюда явился, чтобы мне ее отдать?

– Я пришел, чтобы получить ответы.

– Если ты забрался так далеко, то ты их уже знаешь, – сказала она.

– Некоторые, но не все.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Ее глаза вызывали у меня беспокойство. Когда-то они были красивыми, как на фотографии, но теперь казались тусклыми и старыми. Старше, чем она сама. Как будто за ними не было души.

– Мне надо знать, что знаете вы.

– О чем?

– О Бернарде. О том, в чем он был замешан, и что, бога ради, вообще происходит.

Она медленно провела языком по верхней губе, смачивая ее.

– Бог тут вообще ни при чем.

– Мне нужно знать, что знаете вы.

– Нет, не нужно. Ты *хочешь* знать. Большая разница.

– После смерти Бернарда начались странности.

– Кто бы сомневался.

– Мне нужна ваша помощь.

– В чем?

– Во всем, что происходит. Мне нужно найти правду.

– Правда немногого стоит. – Клаудия закинула метлу за голову, так что ручка уперлась ей в шею, и свесила кисти рук по обеим сторонам черенка – так же, как держал винтовку Джеймс Дин в известном кадре из «Гиганта». Даже на собственной территории ее движения говорили о многом, язык тела выдавал человека, который большую часть своей жизни оказывался на положении нежеланного, в ситуациях неприятных или нежелательных. Вечная жертва и утомленный сражением боец одновременно. Она обладала внутренней твердостью и нарочито честной внешностью, которая не оставляла сомнений в истинности обоих качеств. Вблизи легко было поверить, что она становилась жертвой преступлений, которые я не мог бы себе и вообразить. Вместе с тем, Клаудия не казалась беспомощной побирушкой. Она выглядела измученной, но вместе с тем сильной и, возможно, даже опасной, как будто могла в случае необходимости сделать

кого-то еще своей жертвой. Она казалась человеком, который способен убить, если загнать его в угол – и, возможно, была вынуждена так поступить когда-то в прошлом.

Я неуверенно стоял перед ней.

– Так вы мне поможете?

– Что тебе от меня нужно? – Она покачала головой. – Я даже не знаю, кто ты. Думаешь, я просто так...

– Я же сказал, меня зовут Алан Ченс. Я дружил с Бернардом.

– Ну так и что? Ты просто какой-то мужик, который приперся ко мне на задний двор. Я тебя не знаю.

Я вздохнул и провел руками по волосам. Ладони стали мокрыми от пота.

– Уверен, что Бернард обо мне рассказывал.

– Ага, – сказала она, – рассказывал. Но ты дружил с *ним*. А не со мной. Он старался все в своей жизни разделять... своих друзей. Иначе мы бы давно познакомились, правда?

– Я так понимаю, вы слышали, что происходит в Поттерс-Коув?

– Меня какое-то время не было в городе. Вернулась только вчера. Но да, слышала. – Она кивнула. – Какое это имеет отношение ко мне?

– Это вы мне скажите.

Клаудия опустила метлу из-за головы и поставила рядом с собой.

– Ты меня в чем-то обвиняешь?

– А вы в чем-то виновны?

Она повернула к дому.

– Выметайся.

Я протянул руку, попытался поймать ее под локоть.

– Клаудия, подождите...

Она развернулась на месте, одновременно занося метлу, и в долю секунды черенок оказался меньше чем в дюйме от моего глаза.

– Еще раз меня тронешь, говнюк, и я загоню эту хрень тебе в башку, ты понял?

И я ей поверил.

– Мне так жаль. – Я поднял руки и замер абсолютно неподвижно. – Я вам не угрожаю. Мне просто нужна ваша помощь.

Клаудия опустила метлу и немного расслабилась. Через несколько мгновений она сказала:

– Я же говорю: я только вернулась в город. И уже через несколько часов мне начинают названивать старые знакомые, – люди, с которыми я больше не в приятельских отношениях, которых я не хочу больше видеть, –

и предупреждают, что меня кто-то ищет, устраивает всякие заварушки. Эта старая ебнутая сучка Тутс грозит проклятиями и бормочет заклинания, будто кто-то, кроме детей и дураков, верит в эту чушь. А потом появляешься ты и начинаешь вынюхивать тут, как какая-то псина. Я не хочу ни во что ввязываться, ясно? Просто оставь меня в покое.

– Я тоже не хотел ни во что ввязываться, – негромко сказал я.

Она посмотрела на небо и провела рукой по лбу, вытирая пот.

– Не думаю, что ты поймешь, и мне плевать, если даже не поймешь, но на этот раз я хочу напрочь порвать с прошлым. Я начинаю новую жизнь. И не хочу никаким боком связываться с твоими проблемами. У меня и своих хватает.

– Я не прошу заниматься моими проблемами. Я всего лишь прошу рассказать о том, что вы знаете.

Она коротко и горько улыбнулась.

– О, только и всего?

– Я бы не приехал, если бы мне не нужна была помощь.

Клаудия прислонила метлу к задней стене дома.

– Я ничего не знаю.

– Мы оба знаем, что это не так.

Она с вызывающим видом пожала плечами.

Я вздохнул.

– Как я уже сказал, после смерти Бернарда начались странности.

– Правда? – Она сунула руку в нагрудный карман рубашки и достала сигареты, и в этот момент мне показалось, что безразличное выражение ее лица на секунду как будто сменилось сочувствием. Сунув в рот сигарету без фильтра, она принялась обхлопывать себя в поисках зажигалки, которая в конце концов отыскалась в кармане джинсов. – Какие странности?

– В смысле, кроме трупов по всему Поттерс-Коув?

Клаудия глубоко затянулась, дольше обычного задержала дым в легких, потом выпустила его через ноздри долгой ровной струей. И одарила меня строгим взглядом, который ясно говорил, что мой вопрос не стоит ответа.

– Я понимаю, что это прозвучит как бред сумасшедшего, но...

– Мы все сумасшедшие. Весь мир сумасшедший.

– После смерти Бернарда, – снова начал я, – нам всем стал сниться один и тот же сон, мы...

– Мы?

– Мои друзья... другие друзья Бернарда, Рик и Дональд.

Она немного помолчала, как будто мои слова постепенно оформлялись

у нее в голове, потом сказала:

– Он много о вас рассказывал.

Я смахнул с виска каплю пота.

– Вскоре после смерти Бернарда нам начали сниться кошмары. Одинаковые кошмары.

А у меня начались... – Я заставил себя произнести эти слова: – У меня начались галлюцинации, видения или какие-то сны наяву, я... не знаю, что именно. А вчера вечером эта женщина, Тутс, сказала...

– Я знаю, что она сказала, – прервала Клаудия. – Эта жирная стерва считает, что ты одержим, что она увидела демонов и они на нее напали, пустили ей кровь.

– Вы ей верите?

– Ты удивишься тому, во что я верю.

– Я знаю, что все это как-то связано. Я знаю, что Бернард занимался чем-то...

– С чего ты решил, что *мне* что-то известно?

Я молча уставился на нее.

– А даже если и знаю, – сказала она, – с чего бы мне что-то тебе рассказывать?

– Чтобы мне помочь.

– И с чего бы мне тебе помогать?

– Даже не знаю. Может быть с того, что это правильно?

– Ты живешь в каком-то странном мире.

– Я думал, что вы хотели начать с чистого листа.

Щупальца дыма от сигареты извивались у нее перед лицом.

– Пистолет у тебя на поясе – он заряжен?

Я был поражен и не мог сообразить, как она заметила оружие, если все время стояла прямо передо мной?

– Да.

– Собрался пристрелить кого-то?

– Он исключительно для самозащиты.

Мой ответ, судя по всему, показался ей забавным, потому что на ее губах появился намек на улыбку, который, впрочем, быстро пропал. Клаудия медленно перевела взгляд на деревья позади нас, как будто наблюдала за ними, искала что-то спрятанное среди них.

– Ладно, – негромко сказала она, качнув головой в сторону дома. – Давай уйдем с солнца.

Глава 25

Как я и предполагал, внутри дом выглядел плачевно. Крошечная кухня, столь же скромная гостиная и темный провал коридора, который, наверное, вел в спальню и ванную. Моим глазам понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к переходу от яркого солнечного света к этой почти что пещере. Скудное освещение просачивалось внутрь сквозь два открытых окна в гостиной, но в кухне, куда мы прошли через заднюю дверь, окна были закрыты и занавешены дешевыми рулонными шторами из зеленой холстины. В воздухе пахло пылью – она лежала повсюду тонким слоем. Я в неуверенности замер у двери, а Клаудия направилось к древнему холодильнику. Дверца раскрылась с громким лязгом, и свет изнутри рассек комнату. Клаудия сунула руку внутрь, вынула коричневую бутылку без этикетки и показала мне.

– Будешь?

– Нет, – сказал я. – Но спасибо.

Она закрыла дверцу и оперлась спиной о холодильник. Ее шею покрывала пленка пота.

– Это всего лишь сарсапарилла. – Она отвинтила крышку и как ни в чем не бывало бросила ее в ближайшую раковину, до краев наполненную грязной посудой и сотнями муравьев.

Я подошел к столу в центре комнаты и заметил чемодан в дверях гостиной.

Клаудия перехватила мой взгляд и сказала:

– Я только вчера вечером приехала, еще не успела распаковаться. И прибраться, разумеется. – Она шумно отхлебнула из бутылки.

– Я приезжал недавно, но...

– Да, разбудил меня своим стуком.

– Прошу прощения. – Я смущенно улыбнулся и вытянул из-за стола один из стульев. – Не против, если я сяду?

Клаудия взмахнула бутылкой в сторону стула.

– Я проходила реабилитацию – у меня проблемы с метом. Там было дерьмово, но оно того стоило. Больше никаких наркотиков и никакой выпивки. Остаются только никотин, сахар и кофеин. Скоро я буду опять на коне, но, как говорится, надо двигаться потихоньку. Несколько лет назад я справилась с героином и кокаином – и с этим справлюсь. По крайней мере, так я себе говорю. Приходится рассказывать самой себе всякие байки.

Звучит бредово, но работает. Один куратор сказал, что у меня так называемый аддиктивный тип личности, что я «склонна к формированию пагубных привычек». Я такая: да ваще, вы, наверное, провидец! – На ее лице появилась искренняя, очень симпатичная улыбка. Зубы были крупноваты для ее рта, и между передними красовалась заметная щель, но они были прямыми и белыми и словно осветили все ее лицо.

– Клаудия, вам не нужно передо мной оправдываться.

Ее улыбка пропала.

– Ты думаешь, я оправдываюсь?

– Не знаю.

Она допила сарсапариллу, оттолкнулась от холодильника и поставила бутылку на кухонную стойку.

– Я сама по себе с двенадцати лет. И по большей части жила как животное. Хуже. У животных есть какие-то правила. Они лучше нас. Все эти сказочки про царя природы – полная туфта. Мы – ошибка природы. Уродство, выблядки эволюции. Это каждый дурак знает. Но я ни за что не извиняюсь и не оправдываюсь. Знаешь, почему? Потому что я никому ничего не должна, и не я выдумала эти гребаные правила, вот почему.

Клаудия была поразительно умна от природы, и оставалось только гадать, чего она могла бы достичь, сложиись ее жизнь иначе.

– Я не хотел сказать, что...

– Нет, конечно. – Она медленно прошла вдоль стойки, не отрывая от меня глаз. Каблуки ее ботинок клацали по кафельному полу. – Я так долго была наркошей и шлюхой – и многим другим, о чем тебе точно не захочется знать, – что едва могу представить себя кем-то еще. Но я изменилась. Я стала другой. Моя жизнь все еще в полном раздрае, но постепенно я все обустрою. И скоро я отсюда уеду. – Она ткнула пальцем на потрепанный грязный плакат с рекламой Флориды: пара в купальных костюмах, держась за руки, бежит по песку прочь от камеры, к океану. – Никогда там не была, но всегда хотела попасть. И теперь я уеду. Самое время и вправду уехать. – Несколько секунд она разглядывала изображение. – Был там когда-нибудь?

– Во время медового месяца, давно.

– И там все действительно так, как на картинке?

– Кое-где да.

– Устроюсь какой-нибудь официанткой и все выходные буду только валяться на пляже и купаться. Теперь остается только забывать. – Клаудия очнулась от мечтаний и облокотилась о кухонную стойку. – Суть в том, что я не собираюсь торчать здесь слишком долго. Я была там, куда ты теперь

направляешься, и больше не хочу с этим связываться.

– Понимаю.

– Не было ни этого разговора, ни всего, что я расскажу. Ты сюда даже не приезжал, ясно? И если ты пойдешь к копам, я...

– Я не пойду к копам.

– Только попробуй, и...

– Я *не* пойду к копам. Боже мой, мне тоже придется вам поверить. С тем же успехом вы можете пойти в полицию после того, как я расскажу все, что знаю.

– Ты понимаешь, с нами, наркошами и проститутками, такое дело... – Она оттянула перед рубашки и подула между грудей. – Нам нельзя верить.

– Все равно, как по мне, вы рискуете куда меньше, доверяя мне, чем я – доверяя вам, – сказал я. – Мы те, кто мы есть, так ведь?

– О, ты прям настоящий Платон! – Клаудия выпустила рубашку. Мой взгляд поднялся вдоль складок материи до видимых выпуклостей ее грудей. – Беда только в том, что большинство людей не имеет представления о том, кто они такие. И еще меньше знают о мире, в котором живут. Для них все вокруг – мороженое да розы за белыми заборчиками, понимаешь? Слепошарые мудозвоны. Я повидала такое, чего никто не захочет видеть. С самого детства плыла в самой быстрине и до сих пор жива. Я видела и делала – и со мной делали – такое, что ты бы не поверил, даже если бы у меня были доказательства. Твои мозги просто отказались бы воспринимать информацию. Думаешь, ты знаешь ад? Я жила в нем, жила им – и я все еще здесь. По крайней мере, то, что от меня осталось. Тебе нужно чему-то верить? Верь этому. – Она вытащила из кармана сигареты. – Хочешь знать, что знаю я? Отлично. Только ты первый. Я ни слова не произнесу, пока ты не расскажешь все, что знаешь *сам*. – Как облако перед диском луны, снисходительное выражение появилось на ее лице, проплыло и пропало. – Что, *по-твоему*, ты знаешь.

– Я знал Бернарда с раннего детства, – проговорил я с нежностью, от которой мне самому стало неудобно. – После его смерти я только и делал, что размышлял, припоминал и понял, что никто из нас ни в чем его не подозревал просто потому, что мы не воспринимали его всерьез. Бернарда нельзя было воспринимать всерьез. Он всегда был странноватым, но мы к этому привыкли, даже не особо задумывались. То, что послужило бы тревожным сигналом, общайся мы с кем-то другим, ничего не значило, когда речь шла о Бернарде. Он много врал. Вечно все преувеличивал и изображал из себя кого-то, кем на самом деле не был. По крайней мере, так мы думали. Когда он говорил, никогда не получалось отделить правду от

лжи. Он так много выдумывал, что невозможно было определить наверняка, но – и я понимаю, что это звучит странно, – это не имело значения. Потому что Бернард был Бернардом. Я всегда думал, что он выдумывал все эти истории, врал и врал до бесконечности, потому что ничего из себя не представлял. Что в реальности он был одиноким и ничего особенного не добился в жизни. Общаясь с ним, мы научились все забывать и не обращать внимания. Мы все разные, – я, Дональд, Рик и Бернард – но во многом и похожие. Мы все не без греха, так что с чего бы нам осуждать Бернарда или думать о нем дурно из-за того, что время от времени он вольно обходится с правдой и выдумывает свой фантастический мир, где он не был таким посмешищем, слабаком, человеком, на которого никто, кроме его друзей, во второй раз и не взглянет?

Клаудия кивнула.

– Если тебе нужно как-то подсластить воспоминания – дело твое. Но не забывай, я тоже его знала. Может быть, сторона, которую видела я, и была иной, но она была такой же реальной. Большую часть времени он был лживым мешком дерьма, но при этом говорил ровно столько правды, чтобы заставить сомневаться, гадать, сколько истины в его словах? Он врал и врал без остановки, а потом подкидывал какой-нибудь кусочек правды – и невозможно было понять, где что. И в тех редких случаях, когда я ставила его слова под сомнение, я ошибалась: он действительно говорил правду. И доказывал это. Если ты все еще хочешь его оправдывать, пожалуйста. Но Бернард был обманщиком на протяжении многих лет. Он был злом.

– Он был человеком, – негромко произнес я.

– Отчасти.

Меня особенно беспокоило то, что она явно говорила всерьез.

– Отчасти?

Она лишь посмотрела на меня с пренебрежением.

– Ты что-то рассказывал.

Не обращая внимания на запахи, витавшие в неподвижном воздухе, я глубоко вдохнул и попытался собраться с мыслями.

– Как я уже говорил, вскоре после его смерти я начал размышлять, припоминать кое-какие события из прошлого, о которых не думал уже много лет, и они обрели новое значение. Одно из этих воспоминаний привело меня к женщине, которая жила в Поттерс-Коув, когда мы были детьми. Я узнал, что Бернард изнасиловал ее, когда был еще подростком. После этого ее жизнь пошла под откос, она много лет провела в психиатрических лечебницах. Она утверждает, что даже тогда Бернард был

не тем, кем казался на первый взгляд. – Заметив отвращение на лице Клаудии, я подумал, что она хочет что-то сказать, но она промолчала. – Остается только гадать, чем он занимался до этого. Потом, после школы, мы думали, что Бернард отправился служить в морскую пехоту, – продолжил я. – Вернувшись, он стал рассказывать о том, как повредил колено во время боевой подготовки и был комиссован, но после его смерти мы узнали, что все это было вранье. Он никогда не был морпехом, а уехал в Нью-Йорк. Он сказал... Не то чтобы напрямую сознался в этом, но намекнул, что именно там начал убивать женщин.

– Ты говоришь, что узнал об этом *после* его смерти? – спросила Клаудия.

– Да. – Хотя я и обещал Дональду и Рику, что никому не стану рассказывать о кассете, сейчас мне казалось, что у меня нет иного выбора, кроме как посвятить Клаудию во все. Если у меня была хоть какая-то надежда добиться ее доверия, мне придется рискнуть и выложить все карты на стол. Я спокойно рассказал, как Рику пришла по почте кассета и мы вместе ее прослушали, и пересказал некоторые подробности. Потом добавил, что Дональд изучил преступления, совершенные в Нью-Йорке в то время, и нашел два нераскрытых убийства, удивительно похожих на те, что произошли в Поттерс-Коув.

Она никак не реагировала до тех пор, пока я не закончил.

– Так ты знаешь, что он был лгуном и дурным мальчишкой, которому нравилось пытаться, насиловать и делать еще черт знает что.

– Да.

– И ты думаешь, что он убил этих женщин?

– Я это знаю.

– Так что еще тебе нужно? Тебе этого недостаточно?

– Было бы достаточно, – сказал я, – если бы не сны.

– Расскажи мне о них.

– Мне, Дональду и Рику стал сниться одинаковый кошмар. До сих пор снится. – Я подробно описал ей кошмар. – А потом со мной стали случаться вещи похуже. Галлюцинации, видения или что уж это такое – женщина и ребенок. Ужасные видения. Они начинались почти незаметно, казались такими правдоподобными, и в конце концов это случилось, когда я был на службе. Женщина из моего видения заманила меня на заброшенную фабрику, и там, внизу, я увидел... увидел ужасные вещи. Если Ад существует, то картины, которые она показала мне, были прямоком оттуда.

– Если, – негромко фыркнула Клаудия.

– Внизу я видел еще много такого, что не могу объяснить или даже точно вспомнить. Не уверен даже, хочу ли я вспоминать. Почти так же, как те времена, когда мы с Бернардом были детьми. Все воспоминания идут как бы вразнобой, понимаешь? И между ними есть громадные куски, которые я не могу восстановить, но то и дело кое-что проявляется, какими-то отрывками. Может быть, все потому, что я не хочу вспоминать точнее? Может, если я попытаюсь, то раскроется что-то еще более ужасное? – Все, что я говорил, казалось мне полным бредом, как будто я совершенно свихнулся. – Кроме того, мне иногда кажется, я что-то слышу, вроде как шепот, или просто как будто что-то ощущаю. – Как можно подробнее я пересказал видения с женщиной и ребенком. – Как будто они, мои воспоминания о Бернарде и кошмары, меня преследуют. Я потерял работу, жену... мне кажется, я теряю рассудок. А преследование все не прекращается. Я хочу, чтобы оно прекратилось. – От внезапно нахлынувших эмоций у меня перехватило дыхание. – Я хочу, чтобы все это прекратилось.

Клаудия докурила сигарету быстрыми короткими затяжками и бросила окурки в раковину, к посуде и муравьям. Он закатился за тарелку и пропал в грязной куче, до меня донеслось негромкое шипение, когда огонек коснулся воды.

– Мое детство продлилось от силы десять минут, – со вздохом произнесла Клаудия. – Дети вроде меня растут быстро. Но однажды, еще ребенком, когда мир до меня еще не дотянулся, я говорила со священником. Моя бабка водила меня в церковь, надевала на меня платице, шляпку, перчатки – наряжала как могла. Она умерла, когда мне было двенадцать, но до того была вся из себя правильная католичка, ходила после мессы в дом священника и прибиралась, мыла посуду и все такое. Однажды, пока я сидела в доме священника и ждала, когда бабка все закончит, я разговорила со священником. Его звали отец Наслетт. Старики выглядели, как орлы в очках. У моей бабки валялись стопки «Нэшнл джиографик», и один раз я увидела там каких-то аборигенов – из Новой Гвинеи, что ли? – и сразу заинтересовалась, знаешь, по-детски. Так вот отец Наслетт говорил мне, что если не верить в Бога и не подчиняться его законам, то попадешь в Ад. Я спросила его об этих аборигенах. Они даже не знали, что это за католическая церковь такая, неужели они тоже попадут в Ад? – Она поморщилась, как будто от горечи. – И знаешь, что он ответил? Что только те, у кого есть знание, за него в ответе. Что если ты не знаешь о Боге, то все нормально, и никто не станет тебя ни в чем винить. Эти аборигены ничего о нем не знали, они были невинны и не будут наказаны.

Ад существует только для тех, кто все знал, но облажался или отказался подчиняться. Так что иногда лучше не знать, потому что веришь ли ты во все это или нет, как только у тебя появляется знание, ты сам за него в ответе. Ну так вот, у меня для тебя дурная новость: так работает не только вся эта божественная фигня.

Я чувствовал только нарастающий гнев.

– Слушайте, та женщина, о которой я рассказывал, та, которую Бернард изнасиловал, когда был еще подростком, она вела себя вот точно так же. Как будто существует какой-то охуительный секрет, известный всем, кроме меня. Я хочу знать, что происходит. Я хочу знать, что все это означает. И мне насрать, что за всем этим последует, понимаешь?

– Да, я-то понимаю, – сказала она. – Тебе остается надеяться на то, что ты тоже понимаешь.

Клаудия скрестила руки, смяв обе груди вместе, продемонстрировав порядочное декольте и создав иллюзию, что на ней надето не существовавшее на самом деле бюстье. Движение – и его результат – не вызывали у нее ничего, кроме безразличия. Клаудия не пыталась на меня как-то повлиять. Ей явно не было дела до того, куда и как я смотрел.

– С людьми вроде тебя в том-то и беда, – произнесла она своим гортанным голосом. – Вы считаете, что все должно быть ясно, объяснимо, видимо и безопасно. Вы хотите, чтобы жизнь была именно такой. Но она такая только на первый взгляд. Настоящая жизнь скрыта под поверхностью. Там, где много лет жила я. Где охотился Бернард. Настоящая жизнь совсем другая. Она состоит из теней.

Я кивнул.

– Тогда покажите мне тени, Клаудия.

Она поморщилась, но тут же попыталась скрыть это, как будто перед ее глазами внезапно промелькнул призрак того, что обитало среди этих теней.

– Я рано под села на наркотики, у меня было множество проблем, – начала она. – Я жила с бабкой, она всегда обо мне заботилась. Ей одной из всех было до меня дело. Она умерла, когда мне было только двенадцать, и с тех пор я фактически жила сама по себе. В детстве я пару раз видела мать, но так с ней по-настоящему и не познакомилась. Отца не узнала бы, даже запнувшись о него на улице. Моя мать умерла, когда мне было девять. Кто-то задушил ее и выкинул в мусорный контейнер в Фолл-Ривер. Потом я узнала, что мамаша была наркоманкой и проституткой. Яблоко от яблони, да? У меня ничего и никого не было, только система. А когда ребенок крутится между всеми этими интернатами, приютами и временными

домами, так просто ускользнуть, позволить миру проглотить себя. И никому нет дела. Понимаешь, до того, как ты убьешь кого-нибудь, или попытаешься убить, или натворишь еще что-нибудь в том же роде, системе до тебя нет дела. Она не помогает людям, только наказывает. Так что пока ты не сделал чего-то, достойного, по ее мнению, наказания, она ничего ради тебя не сделает. Суть в том, что беглецов, таких вот потерянных, запутавшихся детей, так много и так много настоящих преступлений, что копам со всем просто не управиться. В половине случаев они ничего не делают даже для галочки, и дети вроде меня просто исчезают. И либо погибают, либо выживают. Вот и весь выбор. В любом случае, ничего хорошего.

Она помолчала, потом заговорила вновь:

– Так что я пошла в маму. Не то чтобы это было так уж странно. Улица любит девочек вроде меня. Жрет их с дерьмом. Раз – и тебя уже нет. А потом начинается вроде как лабиринт. Стоит пройти совсем чуть-чуть – и ты уже застрял. Но всегда найдется кто-нибудь, кто возьмет тебя за руку... или за волосы... или за горло – и проведет немного дальше. Все дальше и дальше. И никто не предупредит о том, что выбраться из этого лабиринта можно только умерев или свихнувшись – и то если повезет, потому что чем дальше заходишь, тем темнее и гаже тени. И Дьявол подбирается все ближе. Так близко, что ты его чувствуешь. Это его игра и его лабиринт. Он так работает. Дьявол не хочет, чтобы ты его боялся до тех пор, пока из его хватки будет уже не выбраться. Как ловушка, понимаешь? Без сыра и сраной мышки. – Она пристально посмотрела на меня. – Фраеру это трудно понять. Без обид, но...

– Я не в обиде.

– Я попытаюсь объяснить так, чтобы ты понял. – Немного подумав, она спросила: – Порнуху смотришь?

Я не ожидал вопроса, но все равно ответил честно:

– Ну, я не большой знаток, но кое-что видел, да.

– Тут примерно так же, – сказала она. – Работает очень похоже. Затягивает, но медленно. Постепенно. Поначалу не хочет тебя пугать. Поначалу это весело. Все счастливы. Никто не обижен. И для кого-то так оно и есть: они получают то, чего хотели, и уходят. Но другие остаются. Некоторые не могут уйти – они-то и нужны этому миру. Сначала ты просто смотришь на голые сиськи, потом хочется чего-нибудь посерьезнее. И уже скоро простой секс становится скучным. Я такого навидалась порядочно. И сама прошла той же дорожкой. Начинаешь гадать, как еще себя развлечь? А у Дьявола есть что предложить. И когда он предлагает, ты начинаешь

приглядываться. И уже скоро смотришь такое, что, кажется, никогда бы тебя не привлекло. Лезут наружу фантазии, которые ты прежде старался держать под замком, потому что они куда сильнее тебя. И когда они оказываются на свободе, тебе нужно больше. Тебе хочется видеть, что еще можно сделать с этой пиздой на фотографиях, в фильме, в журнале или на сайте в сети. Кончить ей на лицо, насрать на нее, насрать, притащить кобеля и пусть эта сучка с ним ебется. А может жеребца? Изнасиловать эту шлюшку, избить до полусмерти, перерезать ей горло и любоваться, как она истекает кровью. И однажды...

– Господи боже, я понял, понял!

– *И однажды*, – повторила она, – ты понимаешь, что человека, которым ты когда-то был, уже нет, и его место занял кто-то другой. Такой же злобный и темный, как тени, в которых ты живешь. Тот, кто забыл о том, что его партнер – тоже живой человек. Тот, кому нет до этого дела. Ты не видишь все те передраги, через которые прошел другой человек, чтобы оказаться в таком положении и заниматься чем-то настолько отвратительным. Не картинка, не фильм, а настоящий, живой человек. Или то, что от него осталось. А Дьявол только улыбается, потому что теперь ему достанется вы оба.

Я не знал, что сказать. Для того чтобы представить Бернарда рядом с этой женщиной, требовалось изрядное воображение. Казалось совершенно невероятным, что он сумел облапошить кого-то настолько искушенного и бывалого, как Клаудия. Но если не обманом, то как он этого добился? Я не ожидал, что Клаудия откроется до такой степени – поведает мне историю своей жизни, как будто много лет ждала такой возможности, – и до сих пор не вполне понимал, какое отношение все это имеет к Бернарду. Я лишь определенно чувствовал, что ее боль была осязаемой, столь жуткой и настолько близкой ей, что стала такой же частью ее существа, как любая черта ее внешности. Неважно, кем и чем она была, или кем надеялась стать, Клаудия требовала уважительного к себе отношения, и я подчинился этому требованию.

– И ты тонешь во всем этом, – сказала она. – Закрываешь глаза и тонешь, и внезапно становится не важно, выживешь ли ты или нет. Тебе становится все равно. Ты берешь иглу и суешь себе в вены что угодно, чтобы продержаться еще день или ночь, и каждый раз, когда острие протыкает кожу, гадаешь, сумеешь ли проснуться на этот раз. И уже вскоре начинаешь надеяться, что не сумеешь. Ты больше не хочешь жить, но боишься смерти. Ведь на другой стороне вечного сна поджидает Дьявол, так?

– Может, на самом деле с той стороны ждет Бог, – сказал я.

– Может быть, – сказала она без выражения. – Но прожив по самые уши во зле, как я, трудно так просто в это поверить. Понимаешь?

– Вы все время говорите о зле. Что это? Какие-то секты?

Клаудия помахала рукой, как будто хотела развеять слова в воздухе между нами.

– И их тоже, в этом мире они всегда где-то рядом. Все эти сатанисты либо лезут в самую гущу, либо крутятся где-нибудь неподалеку. Какое-то время я по необходимости водилась с подобной компанией. Но если приглядеться, они не особенно отличаются от всех этих христиан: и те, и другие полагаются на простые ответы и уверены в собственной правоте. Может, обоснованно, может, нет. Я знаю только, что зло принимает ту форму, которая ему нужна. Оно не настолько примитивно, как хотят вообразить обе стороны этого древнего противостояния. – Клаудия откинулась немного назад, опираясь на кухонную стойку, и скрестила ноги в лодыжках. Когда-то давно в такой позе она могла выглядеть по-детски невинной. – Правда глубже, под поверхностью всей этой ерунды. Правда в том, что зло для каждого свое. В этом его сила, именно поэтому оно вечно находит жертвы среди людей. Зло – идеальный хищник, потому что оно совершенно индивидуально. Оно касается каждого, какими бы ни были твои религиозные убеждения и верования, и принимает любые твои условия. Так как же остановить нечто, способное принимать разные формы для разных людей? То, что может стать чем угодно для кого угодно? Всем, чем только пожелаешь? Оно знает нас, наши страхи, заботы и мечты, наши слабые и сильные стороны, и с их помощью проникает в наши души и тела. И стоит только отбросить все эти условности с обеих сторон и присмотреться, становится понятно, что злу насрать, в какую ты ходишь церковь, какие заветы выполняешь или не выполняешь. Все это не имеет значения, потому что оно все равно до тебя доберется. И ты не можешь его остановить. Ты можешь только научиться ему противостоять, держать под замком чаще, чем на свободе. Потому что, как и добро, зло находится в нас самих, является частью нас, от него нельзя просто избавиться. Недаром же говорят: «внутренние демоны»? Так вот, это следует понимать буквально. – Я вспомнил Джулию Хендерсон, крестики на окнах и слова о том, что они защищали в «ее реальности». – Если отбросить все эти секты, становится понятно, что такое зло на самом деле. Ему нет дела до правил и законов или книг, что пишут обе стороны, потому что в том-то и суть: нет никаких сторон. Есть свет и тьма. Ничего больше. И кто-то – или что-то – где-то и когда-то решило сунуть нас в самую гущу. Так что нам остается только

рисовать границы на песке и бороться за... что уж там каждый считает правильным и нужным. Или закрыть глаза и позволить тому или другому овладеть нами. – Клаудия подошла к столу. – К двадцати пяти я стала слишком старой для той компании, с которой я водилась, которая меня удерживала. Я столкнулась с кровью, ужасом, сексом и остальным безумием – и все жила. Потасканная, обколотая шлюха. Тогда-то мир и вышвырнул меня на помойку и отправился искать следующую поросль двенадцатилеток. А я продолжила делать то, что умела: торговать собой. Не водилась уже ни с какой компанией, просто накачивалась наркотой, выходила на улицу, чтобы за нее платить, и надеялась, что однажды мое тело не выдержит и это дерьмо меня наконец прикончит, заберет туда, куда мне и положено отправиться.

– И так прошло много лет, – продолжила она. – Я не раз по мелочи попадала за решетку и в конце концов загремела на два года в тюрьму за хранение наркотиков и проституцию. До меня быстро дошло, что по сравнению с тюрьмой изолятор был шикарнейшей гостиницей. В тюрьме, считай, больше нечего делать, кроме как унижать кого-нибудь, унижаться самой, трахаться да читать. В тюрьме я прочитала и изучила все, что могла. Некоторые люди находят там Бога. Некоторые Дьявола. А я наконец нашла собственный мозг, который забросила с тех пор, как умерла моя бабка. Но этого все равно недостаточно, потому что кошмару нет конца. Все, что я видела и делала, все, что случалось со мной снова и снова, – от всего этого мне никогда не избавиться. И когда меня, наконец, выпустили на свободу, то просто вышвырнули обратно на улицу. И в итоге я вернулась к тому, с чего начала, стала колотиться и торговать собой, чтобы платить за наркоту. Стала как зомби. По-прежнему часть темноты. Все тот же кусок дерьма на чьем-то ботинке. Я познакомилась с самыми страшными подонками, по-настоящему конченными ублюдками. Но они знали, насколько у них съехала крыша, им это было в кайф. Я решила, что теперь-то видела все, что никто не может меня удивить или показать закоулок тьмы, который я не видела прежде. – Она схватилась за спинку кресла напротив меня с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – А потом я встретила Бернарда.

Глава 26

Перед моим внутренним взором неожиданно предстал калейдоскоп воспоминаний о Бернарде, все вперемешку: его лицо и улыбка, торопливые отзвуки незначительных событий прошлого – бездумный ряд картин и подсознательных окликов, не имевших особого значения. Как только Клаудия заговорила, они отступили.

– Я впервые увидела его вскоре после заката. Он разъезжал по «Квадрату Уэлд». Многие девушки его узнавали, он навещался туда три-четыре раза в неделю. Я давно не была в том районе, только недавно вернулась на улицу, так что понятия не имела, кто это, но другим он нравился: непривередливый клиент, никогда не скандалит, всегда платит и обычно хочет минет либо простой секс. Они считали его таким безвредным неудачником, понимаешь? Из тех, кто угостит потом завтраком и постарается подружиться. Кого можно держать при себе ради дополнительного заработка. Я просидела с ним в машине всего десять секунд и сочла чистейшим лохом – и можешь мне поверить, Платон, я редко ошибаюсь. Я в своей жизни насмотрелась предостаточно всякого, и едва ли могу неверно оценить человека, особенно мужчину. В моем мире ошибка может стоить жизни. Но с Бернардом я ошиблась – хуже некуда. – Она повернула стул сиденьем к себе и оседлала его, как строптивый подросток. – Бернард изображал жалкого неудачника, и, как остальные девушки, я поначалу купилась. Как я уже сказала, он был обманщиком. Бернард жил этим: он вводил в заблуждение. Но время от времени он расслаблялся, маска немного съезжала, и мне мельком удавалось заметить спрятанного за ней демона.

По мере движения солнца через передние окна, внутрь дома проник еще один лучик и осветил небольшой участок кухни как раз за спиной Клаудии. В то же время сюда, очевидно, просочился легкий ветерок, потому что зола в пепельнице на кухонной стойке на мгновение взвилась в воздух, поднялась на несколько дюймов вверх, а затем грациозно спланировала на пол крошечными черными снежинками.

– Уверена, что ты понимаешь, о чем я, – сказала Клаудия.

– Да, – ответил я. – Просто я никогда не подозревал, что за этой маской есть еще что-то, кроме странноватого, грустного и одинокого человека. Ребячливого и безобидного.

– Как и все остальные. В этом и была его сила. В заблуждении. –

Клаудия оскалилась. – Но за маской Бернарда было только зло. Я знаю. Я его видела. – Клаудия сунула руку в задний карман джинсов, вытянула красную бандану и вытерла ею лоб, пробормотав: – Эта гребаная жара... – Она провела тряпкой по горлу, потом вниз, по грудям и между ними, стирая пот. – Бернард стал одним из моих постоянных клиентов. Я набрала себе целую компанию. Они мне звонили, и мы встречались где-нибудь на нейтральной территории для свиданий. Так было проще и безопаснее, чем искать работу на улице: я точно знала, что они заплатят и не станут до меня доебываться. Бернард стал моим постоянным клиентом за несколько недель до того, как мы по-настоящему познакомились. В нем была эта его придурковатость, но было и что-то еще. Нечто потаенное. И мне понадобилось какое-то время, чтобы это заметить. А потом я поняла, что он не был очередным лохом, как остальные. За этими глазами что-то пряталось, понимаешь? У него в голове. – Она снова принялась с отсутствующим видом обтираться банданой. – После того как походишь самыми темными дорожками в этой жизни, у тебя появляется что-то вроде радара, учишься на раз узнавать тех, кто тоже там побывал. У всех, кто ходит среди теней, появляется особая манера, и мы замечаем ее в других. И, сколько ни беги от нее, она никуда не девается. Она остается навсегда, как клеймо. Тот, кто побывал в тюрьме, может определить другого сидельца. Я с первого взгляда вижу того, кто прошел через эту мясорубку, а они сразу замечают меня. Тут то же самое. Я поняла, что Бернард, хотя и притворялся простаком, тоже жил во мраке. И у него был план. У людей во мраке всегда есть какой-нибудь план. Только многие его никогда не выполняют, потому что жизнь пришибает их так, что им уже на все насрать. Вот только Бернард был другим. Мрак не управлял им, как мною и другими моими знакомыми. *Бернард управлял им.* – Она бросила пропитанную потом бандану на стол. – И тогда я поняла о нем кое-что важное: мрак был ему не в новинку. Он жил в нем, осваивал его уже очень давно. Много лет. Невозможно настолько уверенно двигаться во мраке, не проведя там много лет. Она умолкла, потом заговорила снова:

– Все началось как будто невзначай. Бернард никогда ничего не говорил напрямую, но мы оба понимали, в чем дело. Мы стали чаще встречаться, не только ради свиданий, но и просто так. Он всегда платил. Кажется, ему было просто не на что больше тратить деньги. И, как я уже говорила, у него был план. Я, видимо, каким-то образом вписывалась в этот план, и Бернард постепенно, осторожно вводил меня в свой мир. Я тогда еще вовсе кололась, и он подвернулся как раз кстати. От него я получала деньги на наркоту, иногда он даже покупал ее для меня. И иногда сам меня

колол. У него даже стало неплохо получаться.

Я оглядел ее голые руки. Несколько старых шрамов, по большей части рассосавшихся. На ее коже больше не было обычных отметок, которыми украшена плоть наркоманов, но все равно в моем воображении возникли эти же руки, но в синяках и кровоподтеках. Я представил, как Бернард опускается на колени и вводит шприц в вену этой женщине.

– Несколько раз в самом конце я тоже его колола, – сказала Клаудия. – Он хотел попробовать, с удовольствием употреблял что-нибудь время от времени, но никогда не увлекался настолько, чтобы подсесть. У него были свои пристрастия.

– Какие?

Как будто по сигналу проникавший прежде в комнату луч солнца потух, погрузив кухню практически в полную темноту.

– Та сторона, – ответила она. – пытки и смерть. Разрушение. *Кровь*.

Меня пробрал холод, на краткий миг отогнавший духоту.

– Та сторона, – повторил я. – В смысле, загробная жизнь?

Она кивнула.

– В этом был его интерес: все подготовить к тому времени, когда он перейдет на ту сторону. Он верил, что действия в этой жизни определяют, какими способностями он будет обладать в следующей. Для людей вроде Бернарда Ад или Рай не имеют значения. Они повернуты на власти. Здесь, в этой жизни, у него были только те способности, которые давал ему мрак, но он верил, что на другой стороне сможет стать другим.

– Он сошел с ума.

Клаудия приподняла бровь.

– Ты так думаешь?

– А разве нет?

Какое-то время она изучала меня. Я почти что слышал ее мысли.

– Мы с Бернардом сошлись довольно близко. Не то чтобы мне этого так хотелось, но я была наркоманкой, а у наркоманов не такой уж большой выбор. Он снабжал меня ширевом. И позволял почувствовать себя такой же могущественной. Я уже говорила, что много чего навидалась и кое-что знала до того, как встретила с ним, но Бернард подпустил меня близко, так что я знала, чем он занят. И это было нереально. Кроме того, в то время я и сама еще блуждала во мраке, все еще думала, что там мне самое место, и кроме него у меня никого не было.

– Вы знали, что он убивал людей? – спросил я.

Клаудия медленно и плавно поднялась с места и отодвинула стул с дороги. Крадущимся кошачьим шагом она обошла стол и подобралась ко

мне. Я посмотрел на нее снизу вверх, не совсем понимая, что она намеревается делать.

Протянув руку, она коснулась моей футболки, пробежала пальцами по вороту и моему горлу. Ее кожа была тепловатой и влажной, как и моя.

– Поди сюда, – произнесла она громким шепотом, единым движением схватила меня за футболку и подняла со стула. Я подчинился и позволил ей поставить меня на ноги. Из-за разницы в росте мне пришлось опустить голову, чтобы посмотреть ей в глаза. Клаудия придвинулась так близко, что коснулась меня грудью. От нее пахло сигаретами, потом и дешевыми духами. Улыбнувшись, она обхватила меня руками, и ее ладони скользнули по моей спине до талии, мимо пистолета на поясе, и по ягодицам. Одна рука скользнула мне между ног. Я нервно сглотнул, когда она с силой сжала мою мошонку, прежде чем провести ладонями по внутренней стороне моих бедер.

– На мне нет жучка, – сказал я.

Не отвечая, Клаудия опустила на колени и ощупала мои ноги от коленей до лодыжек. Внезапно она подняла голову. Ее лицо находилось как раз на уровне моей промежности. Я поборол внезапное желание коснуться ее волос, лица. Клаудия поднялась на ноги, развернулась и отошла на другой конец кухни.

– Ты хоть слово услышал из того, что я рассказывала? Думаешь, мне впервой было связаться с убийцей, с жестоким ублюдком, который занимался бы самыми отвратительными извращениями, какие ты только можешь вообразить? – Дойдя до кухонной стойки, она снова повернулась ко мне. – Разница только в том, что большинство моих знакомых так или иначе оказались во мраке. Искали его или оказались втянуты. Понимаешь? Но не Бернард. Бернард родился во мраке.

Я стоял неподвижно.

– Что?

– Еще одно его болезненное пристрастие, – негромко произнесла она. – Его мать.

– Она-то тут при чем?

– Ты наверняка слышал его рассказы.

– До того как родился Бернард, она жила в Нью-Йорке, связалась с дурной компанией, с какой-то шайкой, и залетела. Такие слухи ходили в городе. Ни она, ни Бернард никогда не рассказывали ничего определенного.

– Нет, конечно. – Ее глаза почти что сияли, и я не мог определить, то ли ее в самом деле что-то забавляло, то ли она просто надо мной издевалась. – Она уехала и связалась с дурной компанией – это правда. Вот

только это были не какие-то бандиты. По сравнению с этими людьми мафия покажется детишками из церковного хора.

– Какие-то еще люди из того мира, о котором ты все время рассказываешь?

– Безумные ушлепки, которые верят, что могут своими обрядами призвать самого Дьявола, размыть границу между нашим миром и потусторонним. Люди, которые считают, что обоими мирами можно управлять с помощью заклинаний, проклятий и темных молебнов.

– Это Бернард нарасказывал?

– Он и сам не знал, пока мать его не посвятила. К тому времени он едва достиг подросткового возраста.

Примерно тогда же он напал на Джулию Хендерсон и ступил на путь безумия, или зла – или к чему уж он в итоге пришел.

– Но ведь его мать вернулась в Поттерс-Коув, чтобы вырастить Бернарда в безопасности. Она сбежала от этих людей, из этого мира, так как же...

– Она не сбежала, она вернулась к мирской жизни, как и все остальные.

– Какие *остальные*?

– Все, кто когда-либо с ними сталкивался или водился. – Ее глаза остекленели. – Демоны, Платон. Гребаные демоны.

Из чувства отрицания или в силу неспособности осознать ее слова я откликнулся взрывом нервного смеха. Джулия Хендерсон утверждала, что демоны окружают нас со всех сторон; и Клаудия тоже либо безоговорочно верила в это, либо совершенно свихнулась. Либо и то, и другое.

– Я не говорю про каких-нибудь сектантов, которые танцуют вокруг костра в шелковых рясах и зовут себя сатанистами только ради того, чтобы обкуриться и потрахаться под тупой рок-н-ролл, – сказала Клаудия. – Я говорю про мрак. Про *настоящую* тьму и *настоящих* тварей, что в ней живут и охотятся, понимаешь? Это не какой-нибудь фильм, тут все на самом деле. Им не нужны какие-нибудь наркоманки вроде меня, уличные потаскушки или даже девочки, которые пропадают из местных магазинчиков, парков, школьных дворов и даже собственных кроваток среди ночи; мы – всего лишь мелочи, игрушки, чтобы попользоваться и выкинуть. Они подбирают тех, кто постарше, вроде его мамы. Девушек из маленьких городков, что приехали в Нью-Йорк или Лос-Анджелес ради красивой жизни. Показывают им мрак, показывают им путь и отправляют обратно в мир, чтобы породить следующую волну.

– Следующую волну *чего*?

– Убийц. Разрушителей. Пожирателей.

Будьте трезвы, не спите! Ваш противник, дьявол, бродит, как лев рыкающий, ищет, кого сожрать. Последние слова Бернарда на его посмертной записи.

Внезапно мне стало тесно в крохотной кухне, как будто ее стены начали сдвигаться.

– Ерунда какая-то. Да Бернард не знал даже, кто его отец. Его мать никогда об этом не говорила.

– Как ты думаешь, почему?

– Скорее всего, потому, что и сама не знала.

– Или потому, что *отлично* знала.

Меня охватил гнев.

– Так что, теперь я должен поверить, что среди нас под видом людей ходят демоны, и именно *они* в ответе за все зло на свете? Не мы, не человечество, а *демоны*? Все из-за них? Что дальше, садовые гномики? И дай-ка угадаю, отцом Бернарда был сам Дьявол, так? Бернард у нас, значит, ребенок Розмари? Да ладно! Херня это. Я уже сказал: я тут не в игры играю. Мне нужны ответы, а не гребаные сказочки из темных веков.

– О-о-ой, большой сильный мужик требует ответов! – Клаудия притворно поежилась. – Ты сам ко мне пришел, помнишь? Сам начал рассказывать о своих снах и видениях. Сам хотел знать правду. Так что слушай внимательно, придурок. Я ни разу не сказала, что кто-то, кроме людей, виноват во всем плохом, что есть в мире. Но люди выбирают, принимают решения, ясно? Искушения повсюду, и как только выбор сделан, на людей начинают влиять определенные силы. Силы, которые существуют на самом деле. И хорошие, и плохие. И они вечно друг с другом воюют. Они в нас самих и повсюду вокруг – и ты сам это знаешь. Мы все знаем, потому что слышим голоса в голове, шепот – и просто учимся не обращать на них внимания, отмахиваемся, придумываем ярлыки вроде «сознания». Так устроен мир, Платон. И этот, и потусторонний.

Я провел рукой по промокшим от пота волосам.

– Господи, я так запутался...

– Этим-то и питается зло. Замешательство. Заблуждение. Неуверенность. Хаос. И чем дальше заходишь – тем хуже. Зло становится все сильнее и иррациональнее, потому что во мраке ничто не имеет смысла. – Клаудия сунула в рот новую сигарету. – Добро пожаловать во взрослый мир, засранец.

– Я знал мать Бернарда, – с нажимом проговорил я. *Крошечные бикини и коротенькие полотенца, они вечно соскальзывают, сползают, падают –*

а под ними гладкая, поблескивающая от крема загорелая кожа. – Я знал Линду. – Комната наверху у лестницы, ее спальня: кровать у дальней стены, разномастные тумбочки по обеим сторонам изголовья, переполненные пепельницы и пустые бутылки. – Она была чудаковатой, но... – Повсюду валяется или рассована по пластиковым корзинам одежда, как будто ее небрежно раскидывали вокруг; гладильная доска у одной стены, туалетный столик с зеркалом и платяной шкаф – у другой, – ... совершенно безобидной. – Губная помада и косметика, маленькие бутылочки с лаком, одеколоном и дезодорантом, баночки с мылом и порошками звякают, ударяясь друг о друга. – Я знал ее, – снова сказал я.

– Ты и Бернарда знал, а что толку? – Клаудия явно понимала, что я пытаюсь припомнить прошлое и не расклеиться при этом окончательно, но я не мог определить, хотела ли она помочь или только усугубить ситуацию. – Она привела его на свой путь невинным ребенком. «Наша маленькая тайна, договорились?» То, о чем не станешь рассказывать даже лучшим друзьям, потому что тебя никто не поймет. Постепенно она соблазнила его на зло. Не правдой, а ложью и святотатством, замаскированными под любовь и доверие. Ей не нужно было делать что-то еще, что-то объяснять или рассказывать о том, кто он такой и что должен делать. Она просто повернула его в нужном направлении и отпустила, понимая, что такое начало заранее определило его судьбу – как ее ни назови, что он сам найдет дорогу дальше. Именно так она и поступила. – Клаудия посмотрела на меня с выражением, похожим на жалость. – Я навидалась девиц вроде Линды – более чем достаточно. Секс, наркотики и рок-н-ролл, а немного дьявольщины для остроты – почему бы и нет, это модно и совершенно безобидно, да? Я видела церемонии, групповые изнасилования, чтобы сломать сучек вроде нее. Отцом мог стать кто угодно – что угодно, но это не важно, потому что за всем этим стоит чистое зло. Дурам некуда деваться: еще ничего толком не понимая, они вляпываются по самые уши. А когда все кончено, остается лишь тот же улыбчивый Дьявол. К тому времени Линда не была святошей. – Она вытащила изо рта незажженную сигарету. – Но я не рассказала о ней ничего нового, правда же?

Постучи один раз и входи. Я закрыл глаза и вновь увидел перед собой лестницу, площадку на втором этаже и открытую дверь по правую руку; услышал, как позвякивают на столе склянки, как изголовье ударяется в стену, сотрясая всю комнату. И почувствовал тошноту, все мои внутренности скрутило, как будто кто-то сунул руку мне в кишки по самое запястье и стал перемешивать их, скручивать и дергать, превращая все в

осклизлую кровавую кашу.

– Нет, – негромко ответил я. – Ничего нового.

– Мрак обожает отрицание. Разбитые и похороненные воспоминания.

– Так значит, с этого все началось? – спросил я. – С его матери?

– Где она была, когда забеременела? – спросила Клаудия. – И куда отправился Бернард, когда якобы поступил на службу? В Нью-Йорк. Думаешь, это совпадение? Может быть, он отправился повидаться с той же компанией, с которой водилась его мамаша, когда забеременела? Может быть, для него это было возвращением к корням? Может, именно там он и научился тому, что у него так хорошо получалось в конце? – Клаудия сунула сигарету за ухо. – Там случалось много убийств, особенно в те времена – самые разные истории... Разрушители ходили по улицам. Заливали их кровью. Это им и нужно, они хотят, чтобы кровь лилась по улицам потоками. Все движется по кругу, и с каждой волной приходит разрушитель, зверь. Остальные отходят на задний план, погибают или пропадают. *Раз!* – как будто их и не было.

– Как же так, – сказал я. Духота давила так, что мне было трудно дышать. – Он напал на Джулию Хендерсон, когда ему было тринадцать, ничего не делал пять или шесть лет, а потом отправился в Нью-Йорк и внезапно стал серийным убийцей?

– Откуда ты знаешь, что он ничего не делал эти пять-шесть лет?

– Даже если он натворил что-то еще, о чем мы не знаем, он отправляется в Нью-Йорк. Может быть, эти – кто уж они там – люди, с которыми путалась его мать, подучили его и как-то помогли, но ни с того ни с сего он начинает убивать, за год зарезав двух женщин. А потом так же неожиданно возвращается в Поттерс-Коув с байкой про морпехов и почти двадцать лет никого не трогает? Серийные убийцы не могут просто перестать убивать.

На этот раз Клаудия усмехнулась.

– Так ты думаешь, что Бернард был серийным убийцей, нападал на случайных жертв и не мог остановиться? Его убийства были частью обряда, понимаешь? И, кроме того, он не остановился после Нью-Йорка, вернувшись к убийствам только перед самой смертью. Были и другие. – Клаудия потерла глаза руками и вздохнула. – Как-то мы на его машине отправились на пару дней на Кейп-Код. – Когда она опустила руки, на ее веках осталась смазанная обводка. – И он сказал, что однажды их найдут – разбросанными вдоль всего шоссе, среди кустов и дальше, в лесу. Сказал, что он их там много наоставлял. Я была под мухой. Я засмеялась. Гребаный придурак. Может быть, он и говорил правду. А может, и нет. Я не знала и не

хотела знать. И в конце концов все они не имели значения, потому что были лишь подготовкой к последним убийствам, которые он совершил, прежде чем покончить с собой. Все шло к этому. Трупы в Поттерс-Коув? Он хотел, чтобы их нашли.

– Сколько их всего?

– Не знаю.

– Вы не...

– Я, блядь, не знаю! Ты думаешь, что? Я ходила с ним, смотрела, помогала? – На этот раз Клаудия сунула в рот сигарету и зажгла ее. – Я знала о его планах, я была рядом с ним, я слушала – только и всего.

Я сделал шаг к задней двери. Мне хотелось быть поближе к солнечному свету.

– Ладно, вы знали о его планах. Какой смысл в этих обрядах?

Клаудия затянулась, выдохнула и сняла с кончика языка табачную крошку.

– Кровь.

– Жертвы в Поттерс-Коув были обескровлены, – сказал я. – Убиты в другом месте, а потом выброшены. Точно так же, как в убийствах, которые Дональд отыскал в Нью-Йорке.

Она кивнула.

– Для самых могущественных, самых темных заклинаний требуется человеческая кровь. В крови содержится жизнь. Кто-то верит, что в крови живет душа. Древние обряды. Типа как в Средние века люди верили, что если кто-то болен или одержим, то заразу или зло можно выпустить вместе с кровью. И они не очень-то ошибались. Если забрать кровь, можно украсть душу, саму жизнь. А потом, если у тебя достаточно могущества, ты можешь сделать с ней что угодно. По крайней мере, эти люди так думают.

– Вы знаете, где он их убивал?

– Нет. – Клаудия быстро выкурила сигарету, всего в несколько затяжек превратив ее в окурок, который отправился в раковину следом за предыдущим. – Это у тебя тут видения, не у меня.

– Та фабрика на юге города, – сказал я.

Она медленно покачала головой в знак отрицания.

– Нет, точно не там. Бернард не так хорошо знал город. Он бы выбрал место, где чувствовал себя в безопасности, где он хорошо ориентировался, знал все входы и выходы.

– Тогда почему женщина возникла именно там, заманила меня внутрь?

– Говорят, что мир мертвых составлен не совсем как наш, – произнесла Клаудия. – Иногда это всего лишь изображение, понимаешь? Как бы

сказать... *символ*?

Я придвинулся к задней двери.

– В Поттерс-Коув тоже полно заброшенных фабрик.

Клаудия пожала плечами.

– И почему эта женщина являлась мне? – спросил я. – Почему *мне*?

– Все жертвы были матерями-одиночками.

– Это я знаю.

– Нет. – Она немного приблизилась ко мне вдоль стойки. – Ты должен не просто знать, ты должен *понимать*.

– Но я даже не знаю, кто она.

– Все жертвы были матерями-одиночками с сыновьями. Совсем как Бернард и его мать. Он явно готовил их, хотел, чтобы они присоединились к нему на том свете, но одновременно это был и символ, понимаешь? Он бы не стал таким, если бы не его мать, так что, в каком-то смысле, он раз за разом убивал породившую его женщину. А в самом конце сделал еще лучше. Именно так происходит в обрядах. Бернард должен был сделать следующий шаг и убить не только женщину, которая символизировала его мать, давшую жизнь, но и саму жизнь. Дитя, сына, который символизировал его.

Теперь я оказался достаточно близко к двери, чтобы опереться о косяк. С моего лба в глаза и по щеке ползли капли пота. Я обтер лицо запястьем.

– Почему?

– Святотатства, одно за другим, – сказала Клаудия. – Плевок в лицо Богу, понимаешь? Бернард считал, что его обряды сделают богом *его самого*. Отбирал жизни, чтобы сотворить жизнь. И после того как он убил и мать, и сына, оставался еще только один шаг. Последнее святотатство – самоубийство. Буквально отобрать жизнь, которую даровал ему Бог. Последнее оскорбление. Если с собой покончит, например, тяжело больной человек – это одно. Но в действиях Бернарда был расчет, его собственная смерть была частью обряда, понимаешь?

– Рано или поздно найдутся и трупы этой женщины и ребенка, – негромко сказал я. Она не ответила, и я повторил: – Я просто хочу понять, почему она пришла ко мне.

Клаудия следовала за мной к двери, и я осознал, как близко она стояла, только когда она заговорила:

– Может быть, загадка не про нее.

Я посмотрел на нее через плечо.

– В каком смысле?

– Заблуждение. Может быть, все дело в Бернарде или в тебе. Может,

она пытается тебе помочь.

– А Бернард?

– Может, он знал, что ты выслушаешь. Может быть, у него есть незавершенное дело, и он еще не может отойти, упокоиться. Не все духи отходят в мире. Кое-кто задерживается. – Клаудия проскользнула мимо меня так близко, что коснулась меня бедром, и встала с другой стороны дверного проема. Лучик солнца прочертил тонкую полосу по ее лицу. Размазанная вокруг глаз обводка отчего-то придавала ей зловещий вид. – Вернись к началу. Наблюдай. Слушай. Относись ко всему непредвзято и доверься интуиции, голосам в своей голове, как бы ты их ни называл. Если иной мир тебя ищет, он тебя найдет. В этом, по крайней мере, я *точно* уверена.

Чем пристальнее я вглядывался в ее печальные, в темных разводах глаза, тем менее зловещими они казались.

– Отчего он оставил вас невредимой?

– А кто сказал, что я ушла невредимой?

– Хорошо, почему он вас не *убил*?

– Я не вписывалась в схему. Я была просто глупой наркоманкой для развлечения. – Она едва заметно улыбнулась. – Стоит ли о такой беспокоиться, правда?

Я мог бы разговаривать с ней часами, бесконечно выпрашивать о жизни с Бернардом, но мне хотелось убраться из ее дома. Он как будто сжимался вокруг меня. И между нами с Клаудией витала странная энергия.

– Спасибо за помощь, – сказал я.

– Не благодари. Я посылаю тебя в неприятное путешествие.

– Вы посылаете меня туда, куда я направляюсь по доброй воле. – Я посмотрел на плакат на другом конце комнаты. – Надеюсь, что у вас получится добраться до Флориды.

Клаудия уперлась ладонью в сетчатую дверь, распахнув ее, и слегка подалась при этом ко мне. На секунду мы остановились в дверях, и наши лица оказались в считанных дюймах друг от друга. Я чувствовал ее дыхание на своей щеке.

– Будь там осторожнее, Платон.

Глава 27

Воскресный вечер. Я совершенно измучился от жары. Остановившись на лестнице, я огляделся: у меня было ощущение, что весь мир замер и двигаюсь только я.

Через улицу, на залитой солнцем набережной, вдоль бухты прогуливались под руку парочки и играли дети. Из проезжавших машин доносилось гулкое уханье басов. Воздух наполняли обычные для нашего района запахи еды.

Только поднявшись до середины лестницы, я заметил, что дверь моей квартиры открыта. На мгновение я замер, потом схватился за перила и подтянул себя на ступеньку выше, пытаясь заглянуть внутрь сквозь небольшую щель, потом быстро оглянулся на припаркованные внизу машины. Рябь в горячем воздухе превратила их в единую неразличимую массу, как и все кругом. Все казалось неопределенным и размытым. Мир как будто сгладился, скруглился и стал набором цветowych пятен и форм, искаженных непреклонным жаром ослепительного и обжигающего солнца.

Я преодолел последние несколько ступенек, особенно ясно чувствуя собственный вес и звуки шагов по старому дереву. Остановился на верхней площадке, вытащил из кобуры пистолет и, держа его у бедра, свободной рукой толкнул дверь.

Внутри, спрятавшись от солнца, стояла Тони.

Не знаю, почему я решил, что там может быть кто-то еще.

Успокоившись, я вошел и закрыл за собой дверь, сунул пистолет в кобуру, а затем снял его вместе с кобурой с пояса.

– Алан, почему ты ходишь с оружием?

Я какое-то время не слышал ее голоса и неприятно поразился тому, как скоро он стал незнакомым. Ее одежда показалась мне новой: коротенькие фиолетовые шортики, такая же маечка без рукавов и белые кеды. На макушке торчали черные очки. Тони выглядела здоровой и загоревшей, что казалось теперь почти возмутительным.

– Я не знал, что ты придешь, – сказал я.

Только теперь я заметил у Тони в руках нейлоновую сумку. Возможно, потому, что она довольно небрежно держала ее возле ноги.

– Я пришла забрать кое-какие вещи.

Я кивнул в ответ. Я надеялся на что-то получше. Может быть, «я возвращаюсь домой». Или хотя бы «я хотела с тобой повидаться».

Невероятно, как скоро между нами образовалась такая пропасть. В печали, радости или безразличии, но всего несколько недель назад я проводил с этой женщиной дни напролет. Сидел рядом с ней на диване, гулял или шел в кино и наивно не подозревал, что даже при всех наших разногласиях жизнь может измениться, что на этом свете что-то, кроме нашего крохотного кокона, может иметь значение. Я был так уверен, что это навсегда – ее дыхание на моей шее, ее голова у меня на груди, ее руки у меня на плечах, ее губы, прижатые к моим, ее мечты, ожидания и страхи, переплетенные с моими... Как она не могла понять, что я расклеивался на глазах? Как она не видела, что Бернард был демоном, а я потерялся, заблудился во мраке, и он поджидал где-то рядом в темноте? Неужели она не понимала, как она мне нужна? Может быть, теперь ей не нужен был я? Может быть, и никогда не был нужен?

– Как ты тут? – спросила она. И прежде чем я успел ответить, добавила: – Ты выглядишь уставшим.

– Да, есть такое.

Тони схватила все еще пустую сумку двумя руками, как будто для защиты, и крепко прижала ее к груди. Ткань смялась в ее пальцах, и на секунду у меня возникла уверенность, что я смогу убедить ее остаться или, по крайней мере, помешать забрать что-то еще из квартиры. Я не знал, сколько еще можно убрать, прежде чем оставшееся превратится в отбросы отношений, которые больше не имеют никакого значения.

– Представляешь, они нашли еще один труп, – сказала Тони.

– Да, на общественном пляже. – Я сделал особый упор на слово «общественный», потому что дом, который отдала ей на время ее подруга Марта, находился на одном из немногих частных участков пляжа.

Тони вздохнула и слегка нахмурилась.

– Весь город напуган. Все только об этом и говорят. По телевизору, по радио, в газетах. В город даже иногда наезжают корреспонденты с больших каналов. Люди на улицах теперь смотрят друг на друга с таким недоверием, повсюду агенты ФБР и какие-то еще официальные типы – все как в каком-то фильме. Ты заметил, что по ночам стало куда тише? Все расходятся по домам, сами себя сажают под замок и прячутся. Так ужасно.

Я пожал плечами.

– Там, где ты теперь живешь, никогда не было так уж шумно.

Тони продолжила говорить, как будто не слышала, слова так и сыпались из нее.

– Полиция даже опубликовала заявление о том, что все это жертвы давних преступлений. Что все они были убиты много месяцев назад, как

будто всем должно стать легче от того, что убийце вроде как надоело, и в последнее время он никого не убивал. В одной статье приводили даже слова какого-то «неназванного источника» в полицейском управлении о том, что убийца мог быть приезжим и с большой вероятностью его уже нет в городе. Судя по всему, некоторые разъезжают по стране на поездах, как какие-нибудь бродяги, и убивают людей. А у нас тут как раз проходит поезд, так что... В одной статье писали, что убийца нападал на малоимущих матерей-одиночек. – Тони опустила сумку, которую по-прежнему держала обеими руками, и выставила ее перед собой как школьница – В газете было еще заявление градоначальников. Завтра же Четвертое июля. Видел? О том, что это официальное начало туристического сезона и туризм не должен из-за этого страдать, бла-бла... Можешь себе представить?

– Да, почему бы и нет.

– Они не собираются отменять фейерверки.

– Ненавижу фейерверки, – сказал я.

Она замерла.

– Алан, ты и правда считаешь, что Бернард мог быть убийцей?

Я стоял как идиот, сжимая в руке пистолет в кобуре.

– Не знаю.

– Так значит, ты больше не уверен, что...

– Нет, – сказал я. Я не хотел ее втягивать, не хотел, чтобы она узнала то, что было известно мне – и только теперь я сообразил, как все еще ее люблю, как пытаюсь защитить ее столь старомодным, истинно мужским способом. За всей ее взрослостью, за всеми разочарованиями и сложностями скрывалась все та же девушка, которую я обнимал подростком, нашептывал глупые высокопарные заверения в любви, одновременно покрывая ее лицо поцелуями. Я вспомнил, какой была ее кожа на вкус и на ощупь – ее веки, щеки, губы, подбородок. Вспомнил, как свято верил в то, что смогу защитить ее от боли простым усилием воли, объятием и такой отчаянной любовью. – Я не... я больше не уверен. Наверное, нет. Я... нет, я, наверное, ошибался. Он почти наверняка не имел никакого отношения к этим убийствам. Я... так думал раньше, но теперь не думаю. – Я неловко улыбнулся.

– У тебя точно все в порядке?

– Нет, разумеется. – Я хотел выкрикнуть эти слова, но сдержался. Вместо этого они прозвучали тихо и неуверенно. – Мне просто надо кое-что понять.

– Алан, тебе надо с кем-нибудь поговорить.

– Я говорю с тобой.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Кажется, нет, не знаю.

По правде сказать, с тех пор как между нами начались сложности, мы общались больше, чем за много лет до этого. Несмотря на привычность наших отношений, мы проводили большую часть времени в молчании. В какие-то дни это молчание было знаком тесной связи – нам не нужно было заполнять тишину бессмысленной болтовней, мы были выше этого и не нуждались в ней, – но одновременно оно проливало свет на то, что зрело под поверхностью.

Тони снова подняла сумку.

– Ладно, я собиралась забрать кое-какие вещи.

– Ты хочешь, чтобы я поговорил с кем-то типа Джина, – сказал я.

Его имя не укололо ее, как я надеялся. Выражение ее лица даже как будто смягчилось.

– Ты еще принимаешь таблетки?

– Нет.

– Они помогут тебе уснуть.

– Я не хочу спать, – сказал я.

– И ты думаешь, что это так уж полезно?

Интересно, чем они занимались – помимо очевидного? О чем они разговаривали? Устраивалась ли она рядом с ним с таким же доверием, как прежде со мной? Смеялись ли они так же, как смеялись раньше мы? Рассказывала ли она ему то же, что рассказывала мне? Имели ли теперь ее слова хоть какое-то значение? Думала ли она обо мне, когда была с ним?

– Мне нужно какое-то время, чтобы кое с чем разобраться, – сказал я. Это прозвучало жалко, но ничего другого мне в голову не приходило.

Тони кивнула, как будто внезапно ей все стало ясно.

– Я по тебе скучаю, – сказал я и, не думая, протянул к ней руку. Она отпрянула – едва заметная, но искренняя реакция. Я уронил руку.

Глаза Тони наполнились слезами.

– Думаешь, у нас когда-нибудь все наладится?

– Это ты ушла, – сказал я. – Это тебе надо было подумать.

Она посмотрела на меня с выражением, которое говорило: *«Это ты сошел с ума»*.

Я пропустил ее, и Тони прошла в спальню таким бодрым шагом, какого я не замечал за ней уже много лет. Ее тело двигалось вразнобой с чувствами: бойкие жесты и печальные мысли. Все это казалось хитростью, отвлекающим маневром, как в трюке фокусника. И мне внезапно стали противны ее попытки казаться здоровой и полной жизни. В то же время я

едва ли мог ее винить и даже радовался, что она вновь уходит, отстраняется от меня, пусть и на время. Бернард был болен, и он заразил меня. Я не хотел, чтобы с ней случилось то же самое, и пока я от него не избавлюсь, она тоже в опасности. Последнее время я чувствовал себя особенно заразным.

Я ушел на кухню, положил пистолет на стойку и торопливо выпил стопку виски. Алкоголь оставил теплую дорожку в горле, и я отдался этому ощущению, позволяя себе расслабиться. К тому времени, как я выпил еще порцию и поставил стакан в раковину, Тони уже возилась в ванной.

Я встретил ее у входной двери, стараясь не подходить слишком близко.

– Все готово, – тихо сказала Тони. Теперь сумку распирало от всего, что она вытащила из аптечного шкафчика и сняла с полок в ванной. Кроме того, я слышал, как она выдвигала ящики комода, так что внутри находились и кое-какие предметы одежды. Она улыбнулась, пусть только ради меня. – Желаю хорошо провести четвертое число. Еще поговорим, да?

У меня не осталось сил на болтовню. Виски сочился из всех пор и смешивался с налипшей на кожу пленкой пота. Все поглотила проклятая духота. Я кивнул, но ничего не сказал.

Слегка склонив голову, Тони проскользнула мимо меня в дверь.

Из какого-то черного уголка Ада зашептал Бернард, и, наблюдая, как моя жена спускается по ступеням и исчезает в размытой жаре, я невольно спросил себя: доведется ли мне увидаться с ней вновь?

Глава 28

«Вернись к началу», – сказала Клаудия. Именно так я и поступил.

После того как Тони ушла, я отправился через город в район, где вырос, и припарковался перед домом, в котором долгие годы жили Бернард и его мать. Как и в прошлый раз, когда я оказался в этих священных местах моей юности, на меня накатили волны ностальгии, и хотя по большей части они были приятными, стоило сосредоточиться на доме Бернарда, – по-прежнему пустом и потихоньку гнившем, – как все мысли и воспоминания окрасились черным. Здание выглядело почти так же, как зимой, но теперь на лужайке перед ним торчала вывеска агентства недвижимости. Судя по всему, банк все-таки решил продать участок, но еще не сделал ничего, чтобы привести его в порядок, и я предположил, что произошло это относительно недавно. В нескольких футах от вывески красовался знак «Вход воспрещен» с предупреждением, что любого, кто будет пойман на порче имущества, ждет наказание по всей строгости закона.

Я посмотрел в зеркальце заднего вида. Близился вечер, но по-прежнему стояла невыносимая духота. На всех остальных домах вдоль улицы красовались оконные вентиляторы и кондиционеры. Снаружи не было никого, кроме двух мальчишек на велосипедах. Учитывая настроения в городе и количество полиции повсюду, мне меньше всего хотелось привлекать к себе внимание, сидя в припаркованной машине в районе, где я больше не жил, так что когда мальчишки со смехом проехали мимо, я вытащил из-за козырька ручку и притворился, что записываю номер агентства. Я наблюдал за детьми до тех пор, пока они не скрылись за поворотом в конце дороги. Без рубашек, в обрезанных джинсовых шортах, со стриженными на лето волосами, загоревшие до коричневого цвета от долгих игр на улице и на пляже – они вполне могли быть нашими с Бернардом призраками, беззаботной версией из менее сложных времен.

Как будто такие времена когда-нибудь существовали.

Когда мальчишки скрылись из вида и на улице стало тихо, я выбрался из машины. На случай, если за мной кто-то наблюдал, я прошелся вдоль участка с видом приценивающегося покупателя, потом подошел к забору, который огораживал боковой двор. Как и зимой, лужайка была мертвой, но теперь ее сожгло солнце и изгрызли гусеницы. Я открыл калитку, прошел внутрь и тихо закрыл ее за собой. Так же, как в прошлый раз, я поглядел на деревья за задним двором, но теперь ни одна птица не выкрикнула

приветствия или предупреждения. Меня встретила только тишина.

Еще больше окон было разбито камнями, на стене появились новые граффити: кривобокая пентаграмма, целая коллекция ругательств и криво накорябанные названия нескольких рок-групп, которые я узнал. В городке вроде Поттерс-Коув, где подросткам практически нечем было заняться, пустующий дом быстро превращался в «нехорошее место», заброшенную взрослыми и легко доступную молодежи площадку для ночных сходок; здесь можно было тусоваться, пить пиво, курить травку...

Я прошел к цементной площадке у задней стены. Шезлонга, садовой мебели и пластиковых мусорных мешков больше не было. Вместо них вокруг валялись сигаретные окурки и несколько пустых бутылок из-под пива и других спиртных напитков.

И только тут я заметил откатную дверь рядом с площадкой.

Внизу не хватало одного стеклянного квадрата – судя по виду, кто-то выбил его ударом ноги. Хотя дверь и была закрыта, на рельсе не лежал деревянный прут, который должен был удерживать ее в таком положении.

Ко мне вернулось прежнее упорное ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я оглянулся на двор и деревья. Ничего. Нет даже легкого ветерка. Только жара, небо и тишина.

Я дернул дверь. Она беззвучно скользнула в сторону, и мне навстречу хлынул застоявшийся воздух и сырая вонь плесени, которая только усилилась, смешавшись с влажным воздухом снаружи. Развевая первый поток взмахами ладоней, я вошел через дверь на кухню.

Здесь все еще жили яркие воспоминания.

Я почти что увидел, как мать Бернарда порхает по кухне в жаркий день вроде этого в махровой накидке по пояс, которая едва ли что-то скрывает – уж точно не надетое под ней бикини. Она наливает нам лимонад и танцующим шагом возвращается к холодильнику. Из радио на стойке несется музыка, а мы – Томми, Рик, Дональд, Бернард и я, – еще совсем дети, сгрудились вокруг стола, запыхавшиеся после игр, заглатываем холодную жидкость и смеемся, вспоминая пережитые за день приключения.

Только тут мне пришло в голову, как давно я не бывал в этом доме. Хотя Бернард и жил здесь уже будучи взрослым, он предпочитал приходить к нам в гости или встречаться где-нибудь в другом месте. И, как ни странно, мы не видели в этом ничего необычного. Помнится, в последний раз я побывал в доме за пару недель до того, как его мать, больную раком, забрали в больницу... Несколько лет назад. Странно.

Воспоминания отступили, оставив грязную заброшенную кухню и

запах плесени. Дом казался неестественно неподвижным. Стены и уцелевшие окна отсекали шумы внешнего мира, и царившая внутри тишина обретала потусторонний оттенок, казалась напряженной и как будто окончательной. Хотя уцелевшие окна были пыльными и грязными, я все равно старался избегать смотреть на них.

Грязный пол покрывала нанесенная с улицы земля и, кажется, помет мелких грызунов. Пройдя через кухню, я попал в гостиную. Раньше весь пол здесь покрывал ковролин, но его зачем-то сорвали, оставив лишь голые деревянные доски. Пустая комната казалась больше, чем я помнил. Обои растрескались и кое-где провисли, на стенах и даже на полу красовались граффити. Я обошел груды мусора и грязи и вышел в прихожую перед входной дверью. Слева от меня находилась лестница на второй этаж. За ней – коридор в ванную комнату.

Я замер у основания лестницы и посмотрел вверх. Наверху меня ждал мрак, и буквальный, и духовный. Я обтер вспотевшие ладони о штаны и поднялся по ступеням. Их все еще покрывал ковролин, который смягчил мои шаги, но перила были изранены и поцарапаны, как будто кто-то резал их ножом. Поразительно, сколько разрушений могут вызвать дети за столь короткое время. Во времена моего детства я не смог бы даже вообразить, что дом, в котором я проводил столько времени, с которым у меня было связано столько воспоминаний, добрых и дурных, однажды превратится в мертвую скорлупу, в ветхий памятник пустоте.

Я добрался до верха и замер, все еще держась за перила. Здесь не было так уж темно, но из-за низкого потолка и расположения лестницы свет из окон верхнего этажа едва достигал площадки. Затхлый запах здесь чувствовался не так сильно, но присутствовал другой аромат, которого я не ощущал до этого. Пахло серой, как будто недавно где-то рядом зажигали спички. Я сделал последний шаг и, оказавшись на площадке, увидел прямо перед собой дверной проем. Спальня Линды. Дальше по коридору находилась спальня Бернарда, и я опустил глаза в надежде хотя бы ненадолго отложить еще одну волну воспоминаний.

По мере того как я приближался к комнате Бернарда, становилось все светлее. Дверной проем раньше закрывала дверь, но ее сняли с петель, и теперь она стояла у стены рядом, разбитая и местами поломанная ударами ног. В комнате было пусто. Я вошел, как много раз прежде, но теперь пространство стало голым и безликим, как свежая могила. В моем воображении здесь по-прежнему были кровать, стол, магнитофон и плакаты, которые раньше покрывали стены. Я прошел вглубь комнаты. Справа находился чулан. Я открыл дверь в него нараспашку. Если не

считать шнурка, свисавшего с крепления для лампочки, здесь тоже было пусто.

От негромкого царапающего звука я замер. Движение. Из стены раздалось торопливое шебуршание, как будто Бернард оказался замурованным в ней и теперь пытался процарапать себе путь наружу.

Мыши, – заверил я себя. – Это всего лишь мыши.

По пустому коридору разнесся знакомый смех из прошлого; звуки как будто отскакивали друг от друга, и казалось, что смеется несколько человек – целая компания мертвецов потешается над живым. Но все это был смех Бернарда, повторенный снова и снова.

Даже после смерти он оставался в одиночестве, прятался среди теней и обмана.

Мои мысли немного успокоились, поглотили и уняли смех. Я медленно осмотрелся и обнаружил только немного снулую осу, ползавшую по треснувшему стеклу на одном из окон на улицу. Пока что мы были одни.

Я заставил себя выйти обратно в коридор и вернуться к другой спальне на лестничной площадке. Мне казалось, что я тоже превратился в снулую, сбитую с толку осу, в еще одно существо, которое ошиблось дорогой и заплутало среди этих умирающих стен и теперь обречено провести последние свои часы наедине со всеми заключенными здесь тайнами.

Какие тайны, Алан? Какие тайны живут здесь?

Тайны. Воспоминания. Обманы. Нервные усмешки и потупленные глаза сменяли все, что существовало прежде, по мере того, как уют превращался в ужас. Спрятанные как можно глубже, подавленные воспоминания. Притворная уверенность, что достаточно просто не верить в Дьявола, и это разоружит его, защитит тебя, хотя на самом деле неверие только делало его сильнее.

Все добрые и ясные воспоминания существовали до того, как мы стали подростками, до того, как начали меняться наши тела и умы, наши взгляды на мир и ощущения от него – до того, как Бернарду была открыта незнакомая ему прежде реальность, которой предстояло стать его наследием. Дом Бернарда перестал быть, как прежде, безопасным местом для наших частых встреч, потому что находиться в нем стало слишком сложно, слишком странно. Из приятных, невинных и беззаботных воспоминания о нем превратились в тяжкие, мрачные и стыдные. Нам – всем нам – нужно было держаться отсюда подальше, иначе мы могли начать вспоминать. А мы не хотели вспоминать. Я не хотел вспоминать.

Но теперь у меня не было такой возможности.

Что ты видел?

Спальня теперь была ближе; если бы я захотел, то мог бы протянуть руку и коснуться дверного проема. В горле пересохло, губы онемели. Войдя внутрь, я осознал, что меня трясет с ног до головы. Но заставил себя смотреть.

Как и в остальных комнатах, здесь было пусто, но я видел прошлое: спальню Линды и все, что происходило здесь столько лет назад. Дверь наверху лестницы, кровать отодвинута к дальней стене, разномастные тумбочки по обеим сторонам изголовья завалены переполненными пепельницами и пустыми бутылками. Повсюду валяется или рассована по пластиковым корзинам одежда, как будто ее небрежно раскидывали вокруг; гладильная доска у одной стены, туалетный столик с зеркалом и платяной шкаф – у другой. Губная помада и косметика, маленькие бутылочки с лаком, одеколоном и дезодорантом, баночки с мылом и порошками звякают, ударяясь друг о друга.

А что еще? Что еще ты видел?

– Боже мой, – прошептал я и тяжело прислонился к косяку, опасаясь, что иначе рухну на пол.

Свечи. Все занавески плотно задернуты, по всей комнате расставлены свечи. Черные свечи. Кто... почему черные свечи? Зачем...

Что еще, Алан?

Мои виски ледорубом пронзила боль, и я поднял руки к голове, как будто сжав пальцами собственный череп, мог отвести мучительную пульсацию. Слезы наполнили глаза и потекли в глотку.

Кровать трясется и раскачивается, изголовье ударяется о стену, ритмично скрипят пружины, по потолку скачут пальцы теней, отбрасываемых огоньками свечей. И звуки. Слова? Нет, *молитвы*, но чужие и безумные, извращенные, издевательские.

Глаза Линды; ее обнаженное, скользкое от пота тело подается вперед от каждого толчка, голова ударяется об изголовье; голос, по-прежнему глубокий и настойчивый после прочитанных ею молитв: *Да... вот так... хороший мальчик.*

Я закрыл глаза, но видения остались, отказываясь меня отпустить.

Стоит ночь, и это так странно, потому что сейчас еще не ночь. И тогда тоже была не ночь. Но здесь, в пространстве видений, стоит ночь. Я лежу на полу, глядя в телевизор, а она сидит позади меня на диване. Она окликает меня, привлекает внимание, просит подойти и сесть рядом с ней. Я подчиняюсь, пусть и неуверенно, не понимая, что движет ею – или мной. Эти побуждения и ощущения все еще для меня в новинку. Я все еще пытаюсь расшифровать многие из них, определить, что они такое и

отчего возникают. Но все равно сажусь рядом с ней.

Она поворачивается ко мне спиной, смотрит через плечо и улыбается, встряхнув волосами. Она выглядит как модель из рекламы косметики. Как кинозвезда. Я боюсь и одновременно злюсь на себя за свое волнение. Мне нужно показать себя мужчиной – хотя я еще не мужчина. Нельзя же бояться женщины – полунагой красивой женщины, моей знакомой, которой я нравлюсь, и она хочет понравиться мне. Всего несколько месяцев назад мы с Бернардом прятались в лесу и с хихиканьем разглядывали припрятанные им порнографические журналы, не подозревая даже, что они были лишь первыми язычками пламени, что уже тогда придвигались все ближе.

Похоть и страх сливаются воедино, когда она накрывает груди ладонями.

И просит расстегнуть верх ее купальника. Я смеюсь. Все это не может происходить взаправду – но происходит. Она говорит всерьез. Она действительно не шутит. Не беспокойся, говорит она. Я хочу, чтобы ты мне помог.

Она продолжает подбадривать, и я трясущимися руками борюсь с пластиковым крючком.

Когда он наконец расстегивается, одновременно на меня накатывается волна возбуждения, а внутренности сжимаются от беспокойства. Лицо обдаёт жаром, его наверняка заливают краской. Я переживаю, что выгляжу как идиот, хотя одновременно ощущаю шевеление в шортах, которое яростно жмется к бедру.

Она придерживает верх купальника, и теперь только ее руки не позволяют ему упасть и открыть то, что прежде я успевал увидеть лишь мельком.

Она – самая пугающая и прекрасная женщина из всех, что мне доводилось видеть. В последние месяцы я так много раз гадал, может ли случиться нечто подобное, но теперь не знаю, как поступить. В подростковых фантазиях я – уверенный и умелый любовник, на деле же – перепуганный дурачок. Теперь все иначе, все взаправду, и я злюсь, что веду себя как ребенок и слабак. Я улыбаюсь и, понимая, что это неправильно, все равно пялюсь на ее кожу, такую гладкую, загорелую и теплую. Она знает, что я не свожу с нее глаз.

Она роняет руки на колени, и купальник слетает следом; завязки свешиваются поперек ее голеней. Закопавшись в ковер пальцами ног с выкрашенными в светло-розовый ногтями, она оборачивается, так что мы оказываемся лицом к лицу. Одна ее рука опускается ей между ног,

трет перед трусиков купальника, другую она протягивает к моему лицу, нежно гладит его кончиками пальцев, потом медленно привлекает к своей груди, и я подчиняюсь, позволяю ей подтянуть меня к себе и прижать мои губы к ее телу. Ее коричневый сосок касается моей нижней губы, сморщивается, затвердевает и заостряется. Она тихонько стонет и что-то едва слышно шепчет с каждым выдохом.

Я начинаю сосать, двигая ртом, прикусываю сосок зубами, а она прижимает меня все ближе, вдавливая мое лицо в свою плоть до тех пор, пока мне не начинает казаться, что я вот-вот задохнусь. Я чувствую только запах ее кожи и крема для загара вперемешку с потом и ароматизированным дезодорантом.

Не знаю, отчего, но в эту секунду я думаю о Боге. И о моем отце: видно ли ему меня и то, чем я занимаюсь, оттуда, где он находится теперь? Потом я представляю себе мать, как она сидит за кухонным столом, потягивая, как часто бывало, какой-нибудь напиток.

Я не могу дышать... я больше не могу дышать.

Ее кожа источает пот, и от нажима ее рук я соскальзываю. У нее плоский и крепкий – и в то же время мягкий – живот, в углублении пупка собирается пот. С громким чмоканьем ее сосок вырывается у меня из рта, и я падаю вперед, скольжу лицом по влажной коже у нее под грудью. Она толкает меня назад, очень мягко, потом берет мои руки и прижимает к своему телу. Я мну ее груди, сжимаю их сильнее, и она выгибает спину и снова стонет. На ощупь они точно такие, как я себе представлял. Я сжимаю груди пальцами, и в то же время слежу за ней в ожидании знака о том, что мне следует делать дальше.

Это ничего, что тебе страшно, говорит она мне. Это нормально.

Потом она внезапно вскакивает на ноги, встает спиной ко мне, подцепляет большими пальцами трусики и стягивает их, обнажая ровные ягодицы, молочно-белые в сравнении с остальной загорелой кожей. Даже ее груди не выглядят такими бледными. Она оставляет трусики на полу и улыбается мне через плечо. Я слежу за ее слегка подсакивающими ягодицами, а она пятится ко мне, пока они не прижмутся к моему лицу как две небольшие подушки. Она протягивает руку и берет мою ладонь, заставляет меня обхватить себя за бедро и сует мои пальцы себе между ног. Там все так мокро и липко, и я не уверен, все ли в порядке, должно ли так быть в самом деле, а она между тем проталкивает мою ладонь глубже, трется о мою руку.

Я пытаюсь вырваться. Я хочу остановиться и одновременно злюсь на себя за то, что веду себя как маленький. Но я не знаю, что делать, как

выразить то, что во мне происходит. Я говорю ей, что хочу – что должен остановиться. Мои слова звучат глупо, по-детски, но я просто хочу все это прекратить. Я хочу убежать и забыть обо всем, я не готов, и не с ней я должен бы это делать. Я... я хочу остановиться, говорю я вновь, содрогаясь, и в то же мгновение у меня в шортах разливается ответная влага.

В ужасе я вырываюсь и падаю на пол. У меня кружится голова, мне ужасно стыдно. Я поднимаю глаза, и вижу ее прямо перед собой, нагую, – я никогда прежде не видел никого настолько бесстыдно нагим – и все это так нехорошо, так стыдно, ужасно, просто ужасно.

Она опускается передо мной на колени, обнимает и говорит, что мне надо делать, как она велит, и что все будет нормально. Доверься мне, говорит она. Доверься мне.

Я не хочу этого делать.

Это не имеет значения.

Меня охватывает мрак, и она поглощает меня без остатка, пожирает частицы, которые мне никогда не вернуть, кусочки, которые никогда уже не удастся возродить.

В этой новой темноте я блуждаю по дому, спотыкаюсь, нащупываю стены в надежде отыскать верный путь или сориентироваться. Ни один из выключателей не работает, и я не могу найти ни одного окна. Куда делись все окна?

А потом я снова оказываюсь все в той же гостиной, и она сидит на диване и улыбается мне. Ее соски окружают алые кровоточащие ранки. От их вида меня начинает мутить, но она сама так хотела, требовала, чтобы я поранил ее зубами. Я чувствую ее на губах, во рту – вкус ее крови, ее жизни, ее души. Все, что было у нее внутри, оказалось теперь во мне, и мне страшно. Мне так страшно.

Она протягивает ко мне руку, ее пальцы пауком пробираются по моему бедру, хватают меня. Все хорошо, говорит она, никто не узнает, если ты не расскажешь. Она опускается на колени, снова нашептывает свои безумные молитвы и улыбается мне как манекен; за ее лицом ничего нет, ничего настоящего, одна пустота.

Я снова оказываюсь в ней, у нее между ног.

Она такая теплая, влажная, пустая и бездушная.

Я чувствую бегущую по моим жилам кровь, слышу, как стучит мое сердце.

Что-то из глубины ее тела проникает в меня, ужом проскальзывает мне под кожу, крошечная чешуйчатая голова душит меня, толкается в

горле, раздвоенный язык касается неба.

Новые отзвуки прошлого насмежаются над настоящим. Кто-то взывает к ангелам, выкрикивает их имена. Кто-то кричит от боли.

Мне кажется, что это я.

Когда эти воспоминания расступаются, как занавес, я снова оказываюсь на верхней площадке лестницы, заглядываю в спальню Линды, наблюдаю за всем, что происходит с ней здесь. Наши взгляды встречаются, лишь на мгновение. Она знает, что я видел, читает ужас и отвращение на моем лице, но не чувствует ни того, ни другого.

Она довольна.

Да... вот так... хороший мальчик, шепчет она, но не мне.

Я отшатываюсь и как можно тише бегу вниз по лестнице. Мое сердце стучит как бешеное. Я вижу дверь, бросаюсь к ней, но она кажется невероятно далекой, как будто нарисована на далекой декорации – свет в конце туннеля, куда мне ни за что не попасть.

А потом становится тихо, все пропадает, прячется так глубоко в моей памяти, что, кажется, ничего вовсе и не было.

Только проснувшись, я сообразил, что то ли уснул, то ли потерял сознание.

Сначала мне почудилось, что я нахожусь в какой-то гробнице, потому что темнота вокруг больше не казалась частью сна. Теперь все было на самом деле. Лежа на прохладном, чуть сыром полу, я краем глаза заметил смутный свет. На меня нахлынуло ощущение могилы, страх быть похороненным заживо, и я пробудился, попытался пошевелиться, потом разом сел, хватая ртом воздух.

Испуганный хрип застрял в глотке, и вышел лишь подавленный кашель. Я слепо шарил кругом, скользил по цементному полу, пытаюсь понять, где нахожусь.

Когда туман у меня в голове рассеялся, а мои глаза привыкли к почти полной темноте, я осознал, что каким-то образом оказался в подвале. Свет проникал внутрь через крошечные оконца вдоль фундамента. Внизу пахло сильнее, но несмотря на долгую жару, тут было прохладнее.

Я прислонился к кирпичной стене и провел рукой по волосам. Как я вообще здесь оказался? Я не мог вспомнить, как спустился с верхнего этажа. Медленно присев на корточки, я попытался собраться с мыслями.

Прямо передо мной находился угол, где раньше стояли стиральная и сушильная машины. Чуть дальше в той же стене располагался выход во двор, двери были еще целы, но уже подгнили и местами расщепились. Я подошел к одному из окон, поднялся на цыпочки и увидел перед собой

задний двор с высоты подвала. Снаружи все еще светило солнце, но оно быстро тускнело.

Приближалась ночь.

Прямо позади меня находилась лестница на первый этаж. Я помнил, что наверху, сразу за дверью, была небольшая кладовка, а потом кухня. В сомнамбулическом состоянии, во власти галлюцинаций или видений я, должно быть, спустился обратно на первый этаж, прошел через кухню и попал в подвал.

– Но почему? – спросил я у стен, у тьмы. – Почему сюда? Почему сюда, Бернард?

Что-то заставило меня оглянуться через плечо на тот участок подвала, где я очнулся. Пустое пространство. Кирпичные стены и цементный пол. Ничего.

Я прошел обратно через подвал, оглядывая занавеси паутины на стропилах над головой. Оказавшись на том месте, где очнулся, я вгляделся в потолок, в стены и, наконец, в пол. Либо я сам пришел сюда под влиянием каких-то подсознательных побуждений, либо меня привела какая-то внешняя сила. Я сел на корточки и оглядел все кругом в поисках зацепки, знака, который бы пояснил, зачем.

Встав на четвереньки, я провел руками по полу. Он был сырым; ладонью я ощутил какие-то частицы то ли песка, то ли земли, но не нашел ничего необычного.

Пока не нащупал небольшую горстку пыли у самой стены.

Хотя освещение было скудным, я присмотрелся и сумел разглядеть кучку какого-то сухого вещества, явно не земли. Взяв в пальцы щепотку, я позволил песчинкам просыпаться обратно на пол. Серое и сухое на ощупь. Цемент.

Связующий состав из стены, которая отделяла стиральную и сушильную машины от остального подвала.

Я провел рукой по невысокой стене в поисках места, откуда он вероятнее всего просыпался. Нижние ряды кирпичей оставались нетронутыми. Я провел пальцами по канавкам между ними, как будто шел по лабиринту, и в конце концов нашел нужное место чуть выше.

Опустившись на колени, я пристальнее присмотрелся к кирпичам и заметил небольшую выемку. Когда я сунул в нее пальцы, цемент подался, и вниз, в горку на полу, посыпались новые кусочки. Я расширял отверстие, процарапывал и откалывал состав до тех пор, пока не вытащил достаточно, чтобы в выемку поместились два пальца. Кирпич подался на удивление легко, и я понял, что его засунули обратно в стену и заделали так, чтобы

она казалась целой. Я потянул кирпич на себя, и он с легкостью высвободился, издав жутковатый скребущий звук.

Из отверстия во все стороны разлетелись пылинки, похожие на крошечные разбегающиеся существа.

Я положил кирпич на пол и заглянул в дыру, но не смог ничего разглядеть, так что попытался вытащить еще один в том же ряду. К моему изумлению, он тоже подался без особого сопротивления, и вдруг другой кирпич прямо под ним сдвинулся и выпал.

Изнутри раздалось странное щелканье, как будто стучали друг о друга игральные кости или костяшки домино, и я немного отстранился, пытаясь получше разглядеть, что там находилось.

Из отверстия показались какие-то предметы – на этот раз уже не кусочки цемента, а что-то куда крупнее и разнообразнее по форме, – и посыпались на пол так, будто их во множестве засунули в пространство за кирпичами и торопливо подперли снаружи.

Их выдал чистый белый цвет.

Я отпрянул, не отрывая взгляда от груды костей, что продолжали сыпаться из отверстия в стене. Друг на друга падали крошечные черепа, лапки, позвонки, зубы и тазы, вычищенные до такой степени, что казались выбеленными – останки бесчисленных мелких зверьков, которые были методично убиты, освежеваны и расчленены, а потом спрятаны в этой стене.

У меня к горлу подступила тошнота.

Скелеты все сыпались и сыпались, пока на полу не образовалась горка костей.

Подавив ужас, я осознал, что вижу перед собой свидетельство ранних трудов Бернарда, останки существ, убитых им до того, как основным материалом для достижения дьявольского триумфа, которого он надеялся достичь, стали люди.

Любовь к животным была одной из черт, что объединяла нас с Бернардом.

Еще одна ложь.

То, как кирпич легко вылезал из стены, говорило только об одном: время от времени Бернард возвращался в этот уголок подвала, чтобы полюбоваться на старые трофеи. Он приходил сюда, вытаскивал кирпич и смотрел на падающие кости, как я сейчас. А потом? Чем он здесь занимался? Запускал руки в груды трупиков, как пират – в сундук с сокровищами? Вновь переживал ощущения от убийства несчастных созданий? Сравнивал их с убийством людей? Находил ли он какие-то

различия, или для него всякая смерть была одинаковой? Уродливая, жестокая, ненужная? Убийство ради убийства?

А в итоге путь Бернарда закончился там же, где и начался: в подвале, один на один с мраком, собственными преступлениями и демонами.

Больше всего мне хотелось убраться из проклятого подвала, но я заставил себя сесть на корточки и внимательно изучить кости. Они были белыми и блестящими. Этот ублюдок вычистил и отполировал каждую косточку.

Я повнимательнее присмотрелся к отверстию в стене и заметил торчащий из него предмет. Внутри явно находилась какая-то пластина из легкого металла, и ее уголок высывался наружу. Я сунул руку внутрь и вытянул ее из-под груды, как я думал, костей, которые не успели выпасть наружу. Но на металлической пластине лежали не кости. Украшения.

– Боже мой, – прошептал я.

На груды костей посыпались женские часы, кольца, бусы, серьги. Украшения не выглядели особенно ценными, среди них лежал даже браслет с медицинскими противопоказаниями. Но все они были ошметками, остатками человеческих жизней, погибших, как и животные, которым раньше принадлежали кости.

И всех до последнего убил Бернард.

Меня снова замутило. От дрожи у меня на секунду перехватило дыхание, и я перевел взгляд на кусок металла, который вытянул из отверстия. К моему удивлению, он оказался довольно большим, примерно два фута в высоту и один в ширину. Пластину сверху донизу покрывала грязь, углы стерлись от старости, но в целом она оставалась в относительно хорошем состоянии, и рисунок на ней было вполне различим. На меня смотрело карикатурное изображение мужчины, который улыбался и махал мне как старому приятелю. Я потер грязь большим пальцем, и из-под нее стали проступать другие линии. Буквы. Я встал, подошел поближе к одному из окон и поднял пластину поближе к угасавшему свету.

По виду это был какой-то плакат 50-х годов: мужчина с прической-коком, в комбинезоне, наводившем на мысль о фабричном рабочем, широко улыбается и машет рукой. Над его головой выведено: *Работники! Пожалуйста, не забывайте мыть руки!* В каждом углу поблекшей металлической пластинки проделано отверстие, с помощью которого она раньше крепилась к стене, а внизу мелкими, но все еще различимыми буквами написано: *Текстильная корпорация Бьюкенена.*

Что это? Еще один зловеющий сувенир, подсказка, какая-то личная шутка? Смеялся ли он, отрывая табличку от стены? Лежал ли в тот момент

где-то поблизости труп?

Текстильная фабрика Бьюкенена была одной из многих, что когда-то работали в Поттерс-Коув. Теперь это невероятных размеров здание на окраине являло собой заброшенные и вылущенные ископаемые останки – в длинном ряду таких же, из которых состоял прежде промышленный район города.

Теперь я знал, где Бернард убивал своих жертв, где он проливал их кровь.

Я бросил плакат на кости и украшения мертвецов, оставил его среди воспоминаний, кошмаров и тайн, и медленно прошел через подвал, вверх по ступеням и прочь из дома.

Выскользнув через заднюю калитку, я замер.

Напротив дома, наблюдая за мной, стоял Рик.

Глава 29

Его «чероки» стоял перед моей машиной. Рик прислонился к ней, скрестив на груди руки. Я перешел улицу, подошел к нему.

– Какого черта ты тут делаешь?

– Это я собирался спросить у тебя, – сказал он.

– Ты что, за мной следишь?

– Да, с тех пор, как ты заявился к этой девке в халупе в Нью-Бедфорде.

– Я думал, что ты не хочешь со всем этим связываться.

– Не хочу.

– Тогда зачем ты за мной следишь?

– Кто-то должен за тобой приглядывать. Кроме того, не могу же я позволить тебе подставляться, пока сам сижу в сторонке. Это не в моем стиле. – Рик посмотрел на дом, потом на меня. – В чем дело? – спросил он. – Не знаешь, кому доверять?

– А ты знаешь?

– Не больше твоего. Но я надеюсь.

– Но ведь это не одно и то же, так?

Небо над нами выцветало и становилось серым. С океана подкрадывались грозовые тучи, обещая долгожданный дождь и передышку от жары.

Рик вздохнул.

– Я думаю, это как игра в кости, знаешь? Пока не подошел твой ход, надо хорошенько приглядеться к тому, кто бросает кости, к его жизни, к тому, что вы пережили вместе, и решить. Сделать ставку и следить за его броском. В каком-то смысле это и твой бросок. Ты можешь думать, что что-то знаешь, можешь даже сделать ставку, но пока не выпадут числа, ты можешь только надеяться, что был прав.

– Может быть, все дело в этом совместном опыте.

– Да, и в броске.

Какое-то время мы молчали, припоминая и обдумывая этот наш совместный опыт.

– Значит, у нас все в порядке?

– Это ты мне скажи.

Я выставил вперед кулак, и, коротко поколебавшись, он коснулся его своим. Я указал на дом.

– Ты тоже был внутри?

Он медленно кивнул, как будто не был уверен, стоит ли отвечать, и по выражению его лица я догадался, что он нашел то же, что и я. Его ужас был очевиден, как бы Рик ни пытался его скрыть.

— Мы с Донни тут осмотрелись. Я собирался тебе рассказать, но когда ты сюда приехал, я понял, что ты...

— Завтра ночью, — сказал я. — Нам надо действовать завтра ночью.

— Завтра Четвертое.

— Именно. Весь город будет занят вечеринками и фейерверками. Копов перекинут на регулировку движения и управление толпой. На окраине никого не останется, а мы туда и идем.

— Хорошо, я заберу Донни и...

— Нет, не надо его втягивать.

— Почему?

— Мы расскажем ему, куда идем, но он останется дома. Нужно, чтобы кто-нибудь остался, на случай неприятностей. На случай...

— Нам надо держаться вместе и...

— *Рик*, — сказал я, хватая его за руку, — на случай, если мы не вернемся.

Он подумал над моими словами и неохотно согласился.

— Хорошо.

Через какое-то время я сказал:

— Старая фабрика Бьюкенена.

— Ты думаешь, Бернارد там?

— Там зло, которое он оставил после себя.

— И что мы станем делать, если оно *действительно* там?

Я оглянулся на дом, на прошлое.

— Мы с ним покончим.

Глава 30

Мы составили план, но у нас оставалось еще двадцать четыре часа. Рик отправился на работу, а я решил какое-то время посидеть в «Баре Гарри», тихом местечке в нескольких кварталах от моего дома, куда я изредка заглядывал. В последнее время я пил куда больше обычного, но алкоголь притуплял мое постоянное беспокойство, пусть только временно, а я нуждался в передышке.

Я узнал нескольких постоянных посетителей у барной стойки, но сделал заказ и сел за один из столиков у стены напротив, так как настроения разговаривать у меня не было. Бармен был новенький, нанятый на лето, его я не знал. Он принес стакан и маленькую белую салфетку, поставил на нее стакан и встал, сложив руки на животе.

– Вот так погодка, а?

Если еще хоть один человек спросит меня об этом, я сорвусь.

– Скоро пойдет дождь.

– Да, с минуты на минуту. Давно пора. – Он поскреб щетину на подбородке. – Слышали, какой ужас творится? – Он заговорил тише: – Стремно, да?

Я кивнул, сделал глоток виски.

– Это точно.

– Слышали, что он сделал с этими бедными женщинами? Господи. Просто какой-то больной ублюдок.

Я покорно улыбнулся, гадая, не чувствовал ли Бернард то же самое, когда был жив? Знал нечто, никому больше не известное, понимал то, о чем окружающие могли только догадываться, но притворялся таким же несведущим, как остальные?

– Ладно, – сказал бармен, указав на мой стакан. – Зовите, если понадобится добавка.

Я поблагодарил, и он вернулся за стойку. Я пил виски и пытался успокоиться, но мысли насакивали друг на друга и неслись потоком, как будто где-то у меня в голове прорвало дамбу. Слова Клаудии проступали в памяти даже ярче всего того, что случилось в доме Бернарда. Я практически слышал ее голос. Видел ее лицо, тело, темные глаза и кошачьи движения. Невозможно вообразить менее похожих людей, тем не менее, я ощущал между нами связь. Мы оказались в одиночестве, страдали и боялись, каждый по-своему. По правде сказать, с тех пор как мы

встретились, она и ее слова не выходили у меня из головы, и я не мог сказать с уверенностью, оставят ли меня когда-нибудь мысли о ней.

Бар сотряс удар грома.

Наконец начался дождь, но я мог думать только о Клаудии и о том, не уехала ли она еще из города.

Я прикончил стакан и сделал знак бармену, чтобы он принес еще.

* * *

Я промок до нитки, пока бежал до машины.

Дождь лил сплошным потоком, и вокруг стало темно как ночью. Из-за яростного ливня езда превратилась в настоящее испытание. Практически сразу стало прохладнее, хотя жара еще держалась.

Залив в себя три стакана виски с содовой, я направился по шоссе к Нью-Бедфорду.

Видимость была отвратительной, а к тому времени как я достиг города, дождь еще больше усилился. Черное небо то и дело рассекали стрелы молний, каждые несколько секунд, как по таймеру, гремел гром. На улицах никого не было, даже оживленная обычно трасса опустела.

Я свернул на проспект Мильнера, как обычно заброшенный, и подъехал к дому Клаудии. Весь район был погружен в непроглядную тьму. По моим воспоминаниям, над ее дверью была лампочка, но и она не горела. В темноте сквозь потоки ливня я смог разглядеть дом, только когда свернул к нему и медленно подъехал вплотную, включив дальний свет. Участок был залит водой, потоки дождя превратили его в путаницу луж и ручьев. Я поднес руку поближе к свету приборной панели и посмотрел на часы. Начало десятого. Клаудия была совой и вряд ли ложилась в такое время. Скорее всего, она уже уехала из города.

Все еще не совсем понимая, зачем сюда явился, я стер дождевые капли с лица и шеи и какое-то время сидел, глядя на дом, как будто надеялся на внезапное откровение.

И оно пришло – в виде едва заметно мигнувшего огонька.

Я подался вперед, включил дворники и всмотрелся в дождь. В темноте качался крохотный огонек.

Я выключил дальний свет и подождал. Через несколько секунд входная дверь приоткрылась на несколько дюймов. Я высунулся из машины под дождь.

– Клаудия?

– Кто там? – спросила она из-за двери, ее голос был едва различим за ревом грозы.

– Алан.

– Кто?

Я заглушил двигатель, но оставил фары включенными, и сказал:

– Платон. Это Платон.

Дверь открылась пошире, и я увидел отраженный в ее глазах свет.

– Что ты здесь делаешь?

Я выбрался из машины. Дождь обрушился на меня, как рой водяных пуль.

– Я надеялся с тобой поговорить.

– Мы же уже говорили, нет? – Она подняла ладонь, заслоняя глаза от света фар, так что я их выключил. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел, что Клаудия держит в руках свечу. Она открыла дверь еще шире, но я не мог разглядеть ничего, кроме ее лица.

– Что тебе нужно? – спросила она.

– Для начала было бы неплохо спрятаться от дождя.

– Езжай домой, у тебя дома ведь есть крыша, правда?

– Мне надо с вами поговорить.

– Опять?

– Да блин, понятное дело.

Может быть, она едва заметно улыбнулась, но я не мог сказать наверняка. Какое-то время Клаудия смотрела на меня, потом мотнула головой, приглашая войти. Я проскакал по лужам и грязи к двери. Дождь катился по волосам, заливал глаза и лицо. Одежда промокла насквозь и липла к телу, как вторая кожа. Клаудия подняла свечу повыше, чтобы лучше меня разглядеть.

– Я не был уверен, что тебя застану.

– Я и сама точно не знала, как долго еще буду здесь торчать.

Она открыла дверь, чтобы пропустить меня внутрь, и отошла в сторону. Как только я переступил порог, дверь закрылась, и Клаудия оказалась рядом. Свеча выхватывала из темноты части предметов вокруг нас. На Клаудии было только большое белое полотенце, и ничего больше. Ее волосы были почти такими же мокрыми, как мои.

– Что тебе нужно? Какого черта ты снова сюда явился?

Я стоял, заливая водой пол. Дождь колотил в стекла, потоками лился из желобов на крыше, собирался в лужи посреди грязного двора.

– Я просто... я надеялся, что мы сможем немного поговорить.

– Ты пил. Я чувствую, что от тебя пахнет.

– Да, немного.

– Значит, ты из тех, кому надо принять для храбрости?

– Я уже не знаю, кто я теперь такой.

Она покачала головой, одновременно с раздражением и удивлением.

– Слушай, я же ясно сказала. Я этим больше не занимаюсь.

– Это я понял.

Клаудия отвернулась, прошла к старенькому дивану и села. Она поставила свечу на хлипкий столик перед собой, оказавшись в круге света, в то время как меня обступила тьма.

– Я принимала ванну, отдыхала и пыталась насладиться дождем. Если ты не возражаешь, мне бы хотелось вернуться к этому занятию. И если ты не заметил, уже ночь. Это мой дом. И ты появился сюда без приглашения. *Во второй раз.* Так что я спрошу снова: что тебе нужно?

Я придвинулся ближе к ней и к свету.

– Почему ты не включаешь свет?

– Электричество отключено. Завтра я уезжаю, так что какая разница?

Вспышка молнии на секунду залила комнату синим светом.

– Мы идем в разные стороны, – сказала Клаудия. – Ты бежишь во мрак, я бегу от него прочь. Я попыталась отнестись к тебе по-хорошему, честно рассказала все, что тебе хотелось узнать, так какого хрена ты снова выносишь мне мозги?

– Клаудия, я вовсе не хочу тебе надоедать. Я...

Она взглянула на обручальное кольцо у меня на пальце.

– Иди домой к жене, Платон.

– Моей жены нет дома.

Она сморгнула в свете свечи.

– У меня тут что, по-твоему, клуб разбитых сердец?

– Прости, что вот так появился, – сказал я. – Я просто...

– Просто *что*? Боже ж ты мой, ты хоть одну фразу сегодня договоришь до конца? – Клаудия встала, крепко прижав полотенце на груди. – Ты думаешь, что можешь вот так просто заявиться, весь из себя офигенный самец, и поиметь меня, так, что ли? Или ты просто решил прогуляться по темному району в поисках приключений? Жена ушла, сам нажрался, так чего бы и нет? А этой потрепанной потаскушке все равно нечем заняться, так почему бы не раздвинуть для тебя ножки, правда? Ну ты просто душка, спасибо, что заглянул.

– Я ничего такого...

– Выметайся. – Она обошла кофейный столик. – Просто выметайся.

– Я хочу только поговорить.

– Ни фиги ты не хочешь говорить.

Я стоял и смотрел на нее, мокрый и жалкий, как забредший с улицы щенок. Никогда еще я не чувствовал себя так глупо и одиноко.

– Бернارد когда-нибудь здесь бывал? – спросил я.

Она оставила свечу на столе и встала рядом со мной в темноте.

– Да, несколько раз. Что с того? Тебе что за дело?

Мы стояли так близко, что я слышал ее дыхание.

– Ты когда-нибудь чувствуешь его присутствие?

Она закрыла глаза, как будто надеялась, что если не смотреть на меня, то я пропаду.

– Я уже больше почти ничего не чувствую.

– Клаудия...

– Выметайся и оставь меня в покое.

– Опусть на время эту стену и позволь поговорить с...

– Это хорошая, добротная стена. Я ее строила много лет. За ней я в безопасности.

– Из-за нее ты совсем онемела, – сказал я. – Я это знаю, потому что сам прожил за ней много лет.

– Лучше онемение, чем боль.

– По крайней мере, боль означает, что ты еще жива.

– Чтобы чувствовать боль, не обязательно быть живым. – Ее глаза заблестели. – Мертвым тоже может быть больно. – Она вышла из комнаты, пробормотав: – Убирайся. – Но оказавшись в коридоре, позволила полотенцу соскользнуть, продемонстрировав в смутном свете свечи обнаженную спину и изгиб ягодиц.

Я пошел за ней. Коридор был коротким и узким, сначала шла ванная комната. Внутри вокруг ванны, раковины и туалетного столика горели свечи. Я остановился в дверях, но внутри никого не было, и я пошел дальше, в спальню в конце коридора. Здесь тоже горели свечи, но они едва могли разогнать темноту. В комнате были только комод и старая неубранная кровать. Простыни кучей свалены в ногах. Над кроватью висел поблекший черно-белый плакат с изображением Билли Холидей. Голый пол. Я стоял в дверях и смотрел на то, что выхватывали из темноты огоньки свечей – в том числе на Клаудию, которая стояла у кровати, все еще удерживая полотенце перед грудью.

Наши взгляды встретились и сцепились, казалось, не на один час, и хотя мы не произнесли ни звука, между нами произошли бесчисленные беседы.

Полотенце упало на пол и свернулось у ее ног.

Невероятных размеров татуировка ползла вверх от левой лодыжки, обвивалась вокруг бедра, обхватывала ее за талию и заканчивалась, разделяясь, под пупком. Раздвоенный змеиный язык обвивался вокруг ее тела, отмечая его.

Кожа казалась еще бледнее в сравнении с темными волосами на голове и между ног, но татуировка настолько выделялась, что невозможно было смотреть на что-то другое. Без одежды Клаудия казалась меньше – крошечной и хрупкой, простой и вовсе не такой непреклонной. Но ее суть, физически закаленная природа оставалась неизменной даже в свете свечей. Большинство шрамов, собранных Клаудией на протяжении жизни, были духовными, но часть их была на виду: разбросанные по всему телу материальные напоминания о жестоком прошлом.

В каждом ее движении и позе было что-то животное, и, даже обнаженная, она была неукротимой и опасной, непредсказуемой, как тигр, только что выпущенный из клетки. Я вообразил, что в постели она бывала агрессивной и дикой, может быть, даже жестокой. Мое сердце стучало, глаза ощупывали ее тело. Когда я, наконец, поднял взгляд на ее лицо, она посмотрела на меня одновременно завлекательно и вызывающе.

– Ты ведь за этим пришел, да? – тихо спросила она.

Я кивнул.

– Ты хоть знаешь, почему?

– Нет, – сказал я.

– Я чувствую твои мысли.

Я тоже их почувствовал, и меня замутило. Я хотел овладеть ею. Трахнуть ее. Что есть мочи. Я хотел сделать ей больно, надругаться над ней всеми способами, какие родятся в самых темных закоулках моего сознания. Я хотел услышать, как она кричит. И не знал, почему. Мой гнев и страх вскипели, вырвались на поверхность, и я хотел выместить их на ней. Может быть, потому, что именно так поступали другие. Потому, что я тоже мог. Или, может, мне казалось, что она не знает ничего другого.

– У меня никогда раньше не было таких мыслей, – произнес я, заикаясь.

– Конечно, были. Просто, как всякий послушный дьяволенок, ты держал их под замком.

– Это не я. Не тот, кем я хочу быть.

– Никто не хочет быть таким.

Есть наитие, а есть суждение.

В два шага я пересек комнату. Мои руки внезапно оказались у нее в волосах, подтянули ее ко мне. Я прижал ее к себе, и наши губы

встретились, языки сплелись; руки Клаудии скользнули по моей груди и легли мне на плечи, сжав их с поразительной силой, а потом она прервала поцелуй и оттолкнула меня. Почти задыхаясь, я поцеловал ее снова. На вкус она была как сигареты и дождь. Клаудия обхватила мое лицо руками и взглянула на меня с выражением, какое, как мне казалось до этого момента, не могло появиться на ее лице. Где-то в глубине ее существа все еще жили остатки невинности, уязвимости и желания.

– Не так грубо, – прошептала она. – Медленнее... нежнее. Вот так, так куда лучше.

Ее губы коснулись моих, ее язык нежно обвел нижнюю губу, прежде чем скользнуть мне в рот. Не разрывая объятий, я оторвал ее от пола, и ярость и безумие оставили меня, как кровь, вытекшая из свежей раны. На их месте осталась простая красота страсти двух напуганных и одиноких людей, изливающих свою скорбь, разменивающих ее на нежность, на надежду оказаться в безопасности, быть желанными и любимыми, нужными без всяких условий и границ, пусть даже ненадолго.

И в эту самую секунду я подумал о Тони. Но когда Клаудия обвила меня руками и ногами, мысль отступила, оставив только нас двоих.

Наедине, во мраке.

Глава 31

Я познакомился с Тони в старшей школе и тут же решил, что она самая красивая и нежная девушка в целом свете. Даже в подростковом возрасте мы были довольно циничными, и мгновенная и зачастую непомерная любовь, что мы почувствовали друг к другу, удивила меня. Но как у большинства пар, что знакомятся и остаются вместе в старшей школе, наши отношения были невероятно пылкими. Все восторги были особенно восторженными, горести – особенно горькими: типовой бурный роман. И вскоре после школы перед нами встал непростой выбор. Либо мы остаемся вместе и женимся, либо идем каждый своей дорогой, проверяя на прочность наши отношения и, в конечном итоге, самих себя. По нашим представлениям, если наша любовь истинная и ее существование предрешиено, мы будем вместе так или иначе. И, как бы мучительно это ни было, мы решили, что лучше всего будет расстаться и какое-то время встречаться с другими людьми. Кто бы мог подумать, что через три года мы снова окажемся вместе, обручимся и поженимся годом позже. Находясь в разлуке, мы оба встречались и спали с другими людьми, но с момента обручения у меня была только Тони.

Встретив Клаудию, я и не подозревал, что в конце концов мы окажемся в одной постели. До этой ночи я ни о чем подобном даже не думал, ничего такого не желал; и, подозреваю, она чувствовала то же самое. Но в итоге мы оказались вместе. И кроме вины и сожалений в нашей близости, возникшей на краткое время среди фантастического мира демонов и кошмаров, как оазис в пустыне теней, были и острота ощущений, неподдельная чувственность и искреннее влечение.

Она кончила тихо и страстно, под аккомпанемент стучавшего в окна дождя. Свечи почти полностью прогорели, но все еще мигавшие раз в несколько секунд молнии освещали комнату. Утомившись, мы задремали. Клаудия лежала поверх меня, положив голову мне на грудь, расплющив груди о мой живот. Наши теплые, влажные, скользкие от пота обнаженные тела сплелись друг с другом с головы до ног.

Я заплутал в ночи, вышел из нашего убежища на неопределенную окраину сна, где меня поджидали все самые ужасающие, нечистые видения.

Я сонно открыл глаза. Клаудия по-прежнему лежала поверх меня, ее ровное горячее дыхание касалось моей груди. Дождь стих, тучи рассеялись,

уступив место луне. По стенам скользили тени. Скрипнул пол. Я почувствовал движение прежде, чем заметил его краем глаза.

В свете растущей луны вперемешку с тенями несколько темных фигур танцевали вокруг кровати, как будто проводили какую-то древнюю церемонию. Мои мышцы сжались от ужаса. Я попытался сесть, но мое тело оставалось парализованным, прижатым к матрасу и придавленным Клаудией. Я попытался ее окликнуть, но слова застряли у меня в глотке, и чем сильнее я старался заговорить, тем сильнее сжималось мое горло. Фигуры продолжали пляску, все ускоряясь, и начали яростно пульсировать.

Внезапно Клаудия резко вскинула голову, уперлась подбородком мне в грудь и взглянула на меня ясными, дикими глазами.

– Никогда не задумывался, что происходит, когда ты закрываешь глаза? – спросила она и хихикнула. – Что пробуждается, когда ты засыпаешь?

Я попытался скинуть ее с себя, но мои руки и ноги отказывались двигаться, и чем яростнее я пытался сдвинуться с места, тем громче смеялась Клаудия.

– Слезь... с меня, – наконец удалось выдавить мне.

– Никогда не задумывался, что за странное чувство посещает тебя иногда по ночам? – прошептала она, кидая быстрый взгляд через плечо, чтобы широко улыбнуться окружающим постель теням. – Ощущение, что ты не один, что как только гаснет свет и все затихает, в комнате рядом с тобой появляется что-то еще? Мы все это чувствуем время от времени. Как будто кто-то стоит рядом с постелью? Мы открываем глаза и смотрим кругом, хотя уверены, что ничего не увидим. Но глубоко в душе ты знаешь, что что-то почувствовал, и это тебя пугает. Знаешь, почему? Потому что там и в *самом деле* что-то есть.

Внезапно ко мне вернулась способность двигаться, и я оттолкнул ее от себя с такой силой, что на секунду она взлетела в воздух, прежде чем рухнуть обратно на матрас рядом со мной. Я соскочил с постели и с животным криком принялся наносить удары в темноту. Но тени пропали.

Потеряв равновесие, я пронесся через комнату и врезался в стену.

Клаудия осталась на кровати, распластавшись на спине. Ее тело начало извиваться, источая дым, и комнату заполнил ворчащий шепот. Следом, как будто от землетрясения, начал содрогаться весь дом. Я в ужасе оглядел потолок и стены, почти что ожидая, что сверху на меня что-нибудь упадет. Я нащупал золотой крестик, висевший у меня на шее. Моя мать подарила его мне за считанные месяцы до смерти. Я крепче вцепился в него, и мои глаза наполнились слезами. *Ты все еще веришь?* Голос моей матери из

далекого прошлого...

– Ты в порядке?

При звуке голоса Клаудии все прекратилось так же внезапно, как началось. Я посмотрел на постель. Она сидела, глядя на меня с изумлением.

– Тебе что-то приснилось?

– Не знаю, – сказал я срывающимся голосом.

– Все в порядке. – Подобравшись к краю постели, она села на пятки. Ее тело все еще поблескивало от пота. – Не позволяй злу выбраться за пределы видений и кошмаров, во сне или наяву – не важно. В них оно заперто, ты можешь им управлять. Как только оно пробирается сюда, – сказала она, указывая на свой висок, – оно начинает управлять тобой. Как только ты впускаешь его в сознание или оно обманом проникает туда само, как только оно обустривается там всерьез, оно может делать все, что пожелает.

Я медленно вернулся к кровати, все еще не понимая, с кем – или чем – имею дело.

– Я уже проснулся?

– Помнишь, что я тебе говорила? – Клаудия распахнула объятия. – Все кругом обман.

Я склонился к ней и услышал странное щелканье, как будто переламывались, раскалывались и трескались маленькие косточки или карандаши.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, из живота Клаудии вырвался какой-то твердый предмет. Горячая кровь брызнула мне в лицо, и я рухнул навзничь на пол, а из ее груди и живота появлялись все новые членистые, покрытые волосками конечности. Ее кожа блестела от крови и других жидкостей. Хруст все продолжался, ее спина выгнулась, и паучьи лапы со щелчком встали на место, приняв на себя вес ее тела.

На четвереньках я бросился к двери, но она захлопнулась до того, как я успел до нее добраться. Из-за нее раздавалось рычание и царапанье. В другом конце комнаты изуродованное тело Клаудии превратилось в окровавленную, содрогающуюся, чудовищную помесь человека и паука.

Вокруг кровати вспыхнуло пламя, поднялось почти до потолка. Существо, в которое превратилась Клаудия, пропало. Она снова выглядела как обычно, но невероятным образом стала взбираться по стене, как насекомое, медленно поднимаясь все выше, как будто ползла по полу. Добравшись до потолка, она замерла и оглянулась на меня.

У нее не было век.

Из тьмы за моей спиной вырвались две окровавленные руки, обхватили мою голову и потянули назад. Я рухнул на стоявшего позади, и пальцы сжались еще сильнее, кровь с них потекла по моим щекам. Голос, который звучал так, будто говоривший только что наглотался битого стекла, спросил:

– Угадай, кто?

Я пытался вырваться и не мог. Руки встряхнули меня, один раз яростно дернули за голову, и я обмяк.

– *Бернард*, – выдавил я.

– Не угадал, – прошептало у меня в ушах. Моей шеи коснулось что-то влажное. Язык. Скользящий вверх по моей шее, горячий, влажный, зловонный язык. – Его отец.

* * *

Ночь прошла, но утро еще не вполне началось. До восхода оставались считанные секунды. Дождь прекратился. Хотя солнце еще не рассеяло темноту, я слышал вдалеке голоса птиц, приветствовавших его появление. Мою кожу все еще покрывал пот, но проснулся я не внезапно, а постепенно, так, как обычно пробуждаются от спокойного сна. Я попытался нащупать Клаудию, но нашел только пустой матрас. С бешено стучащим сердцем я перекатился на бок. Она сидела возле окна в небольшом деревянном кресле, курила и смотрела в небо. Ее темные глаза, татуировка, обнаженное тело наводили на мысли о вампире, ожидавшем восхода солнца и планировавшем бегство.

Не глядя на меня, она сказала:

– Тебе снился кошмар.

– Да, – тихо ответил я.

– Ты сильно бился. – Она затаилась. Оранжевый огонек сигареты ярко засиял в отступающей тьме. – Пару раз кричал.

– Почему ты меня не разбудила?

– Лучше позволить кошмару закончиться самому.

Все мое тело болело, и, несмотря на кошмары, я с радостью уснул бы опять.

– Я уже очень давно не просыпался рядом с кем-то еще, кроме жены, – сказал я.

Клаудия посмотрела на меня.

– Она вернется?

- Не знаю.
- Ты хочешь, чтобы она вернулась?
- Мы так долго были вместе...
- Ты ее любишь?

Я кивнул.

- А она тебя?
- Раньше любила.
- Но больше не любит?
- Не знаю.

Она снова повернулась к окну. Солнце только появилось над горизонтом.

- Каково это?
- Быть женатым?
- Быть любимым.

Я умолк, не зная, что сказать. Если бы она все еще лежала рядом со мной, я бы подтянул ее к себе и какое-то время держал бы в объятиях.

Наконец она спросила:

- Тебе снился мрак?

Я сел, скинул ноги с кровати.

– Клаудия, помнишь, мы говорили об отце Бернарда? Ты знаешь, кто он?

- Нет.
- Бернард никогда тебе не говорил?
- Он рассказывал кое-что, но Бернард был лгуном.
- И кто, по его мнению, был его отцом?

Она какое-то время курила, прежде чем ответить.

- Сам Дьявол.

Страх царапнул меня по спине.

- Ты ему не поверила?

– Конечно, нет. – Она раздавила сигарету о подоконник и кинула окурок на пол. – Но не важно, верю я или нет.

- Почему?

– Потому, Платон, что все в голове. – Она скрестила ноги, сложила руки на груди и подалась немного вперед. – Подозреваю, его мамашу, как и других девиц, оттрахала целая шобла народу. Куча мужиков, может быть, парочка животных – все эти ребята интересуются подобным дерьмом. В процессе могло участвовать сколько угодно кого угодно. Важно, во что верила она сама. И во что поверил он. Именно этим питается зло – верой. Ты можешь верить, можешь не верить, но изменить ничего нельзя. Все

остается как есть. Тут-то люди обычно и ошибаются. Они думают, что могут решать, во что верить. На самом деле не могут. Они могут притворяться, убеждать себя в том, что различают, где правда, а где выдумка, но на деле все это просто пустое бахвальство. Я уже говорила: мрак знает нас лучше, чем мы сами.

Я вздохнул и потер глаза.

– Это зло... Клаудия, могу ли я его убить?

– Оно уже умерло.

– Могу я его остановить? Как-то разрушить?

Она улыбнулась, но улыбка вышла беспомощной.

– Поверь в это.

– Сейчас там по-прежнему Бернارد или что-то другое? Он вообще когда-то существовал?

– Сейчас все это касается тебя больше, чем ты осознаешь, – сказала она. – В черной магии части человеческого тела становятся могущественными ингредиентами, у каждого свое свойство. В первую очередь Бернارد срезал у своих жертв веки. Заставлял их заглянуть в загробную жизнь. Во что бы он ни превратился, когда-то он был человеком, и все его человеческие проблемы и мании по-прежнему с ним. Он стал могущественнее, но и у него есть свои слабости. У него нет веры, а неверующие всегда слабы.

– Почему все это происходит со мной? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Так уж устроен мир. Его мир.

Я протянул ей руку. Через секунду она поднялась и пожала ее.

– Если я попрошу тебя не уезжать из города, – спросил я, – если я попрошу остаться, ты останешься?

Пальцами свободной руки Клаудия взъерошила волосы у меня на голове, потом села рядом на край постели.

– Если бы я попросила тебя уехать со мной, *ты* бы уехал?

Я выдавил трусливую улыбку.

– Я чувствую, что ты мне необъяснимо близка.

– Я лишь часть твоего кошмара, Платон. А ты – часть моего.

Она была права. С самого начала у нас было больше общего, чем мы осознавали, и даже этой ночью произошло много чего помимо секса. Мы обменялись частицами себя, своих тел; мы были как родственные души, что выцарапывались наружу из одного ада на двоих. И куда бы мы ни направлялись, каким бы ни был конечный пункт, мы оба знали, что уже не вернемся. Я коснулся ее татуировки, провел кончиками пальцев по изгибу

бедра, потом поцеловал в лоб. Она склонилась ко мне, мы вместе упали на постель и тихо лежали, обнимая друг друга, пока над городом медленно всходило солнце.

Впервые за долгое время я мирно проспал много часов, все утро и далеко за полдень. Когда я наконец проснулся, Клаудии уже не было.

Глава 32

Джип Рика тронулся с места, и я посмотрел в зеркальце заднего вида на отражение Дональда, все уменьшавшееся по мере того, как мы уезжали все дальше. Дональд стоял у въезда и глядел нам вслед с выражением неодобрения и сдержанного облегчения на лице. Никто не имел ни малейшего представления, во что ввязались мы с Риком, и хотя Дональд не торопился делать предположения, он с самого начала ясно дал понять, что не хочет иметь с этой затеей ничего общего. И на этот раз я его не винил, но видел, что он чувствует себя виноватым из-за того, что остается «в тылу». В итоге я даже не стал предлагать ему присоединиться – это избавило его и от чувства вины, и от необходимости менять решение.

План был прост. Пока город занят вечерними развлечениями, мы с Риком осмотрим развалины фабрики Бьюкенена на окраине Поттерс-Коув. Дональд будет дежурить у телефона, дожидаясь от нас известий. Если к девяти часам утра мы не позвоним, ему предстояло решать самостоятельно, хочет ли он отправиться следом за нами на фабрику или связаться с полицией и все им рассказать.

Когда мы свернули за угол, я торопливо проверил пистолет и вернул его в кобуру, закрепленную сзади на ремне. Рик взял с собой большой нож ныряльщика, который всегда пристегивал к голени во время погружений. Одна сторона клинка была гладкой, другая зазубренной, обе – острые как бритва. Он лежал в ножнах между передними сиденьями.

– Как думаешь, нам все это и правда понадобится? – угрюмо спросил Рик.

– Не знаю. Будем надеяться, что нет.

По правде сказать, я чувствовал себя полным идиотом. Два взрослых мужика с ножами и пистолетами собрались сражаться с демонами, призраками и черт знает чем; отправились на войну с прошлым, с какими-то темными, безумными версиями самих себя. Всем по смиренной рубашке, пожалуйста!

Уже начинало темнеть. Небо приобрело странный огнистый глянец, красные и оранжевые прожилки перемешивались на нем с накатывавшей с горизонта чернотой, как мазки кисти обезумевшего небесного художника, прятавшегося в далеких облаках.

Фейерверк должен был начаться вскоре после наступления темноты, так что улицы рядом с общественным пляжем, откуда туристы и местные

жители собирались наблюдать за представлением, были забиты автомобилями и целой армией торговцев с тележками, на которых лежало все – от флагов и надувных зверушек до светящихся палочек и закусок. К счастью, мы двигались в противоположном направлении, дальше вдоль берега, и с легкостью объехали столпотворение.

Несколько минут прошли в молчании. Чем дальше мы забирались, тем безрадостнее выглядели окружающие районы.

– Остановись, когда доедешь до леса.

– Мы можем подъехать прямо к воротам, – сказал Рик. – Перебраться через забор и...

– У меня есть план. – Я повернулся и посмотрел в окно, стараясь подавить напряжение и страх. – Просто сделай, как я прошу, ладно?

– Конечно, – Рик неловко кивнул. – Хорошо.

Все старые фабрики строились вдоль линии скал, возвышавшихся над Атлантикой. Одну за другой их возводили на расчищенном участке принадлежавшего штату леса, пока не получился целый ряд громадных зданий посреди обширных мощеных площадок. Фабрика Бьюкенена была первой в этом ряду. Между ней и дорогой проходила узкая полоса достаточно густого леса, небольшой участок земли позади нее отделял здание от скалы и раскинувшегося внизу и вокруг океана. До следующей фабрики была почти миля, между ними находилась невероятных размеров парковка и еще один клочок леса.

Мы свернули на разбитую и растрескавшуюся служебную дорогу.

– Так что там случилось у тебя с этой девкой?

– С Клаудией? – перед тем как мы уехали от Дональда, я пересказал наш с ней разговор и все, что она мне объяснила. – Я уже рассказал все, что она говорила.

– Ты ей веришь?

– Тебе не кажется, что об этом уже поздновато беспокоиться? – спросил я. – Да, верю.

Я вспомнил, как, проснувшись, обнаружил, что в доме от нее не осталось и следа. Свечи прогорели и потухли, даже плакат Флориды пропал со стены. Дождь прекратился, но на участке все еще стояли лужи, с крыши и ветвей мертвых деревьев капала вода. Солнце окружало туманное свечение; жара усиливалась, изгоняя остатки ночной грозы. Интересно, сидела ли Клаудия какое-то время на постели, глядя на меня, размышляя о минувшей ночи, или она просто ускользнула прочь, пока я спал, уже думая о других вещах, других местах?

Передо мной возникло ее лицо, потом образ Тони и, наконец, Бернард.

Мы были теперь – и навсегда – связаны, и я больше не мог отделить их друг от друга или вспомнить о ком-то одном, не вспомнив и остальных. Когда я был с Клаудией, ее прошлое – и все, кто были с ней до меня, – не имело значения. Пока я не вспомнил, что среди этих прочих был Бернард. В какой-то миг я с ужасом осознал, что даже если мы с Тони снова будем вместе, я никогда больше не смогу смотреть на нее, не возвращаясь одновременно к этим призрачным воспоминаниям.

– Так что, значит, ее больше нет, так?

На мгновение Клаудия вновь возникла передо мной: освещенное свечой лицо, полотенце прижато к груди... *Ты бежишь во мрак, а я бегу прочь от него.*

– Да, – сказал я. – Ее больше нет. Она хотела уехать куда-нибудь, начать все сначала. По крайней мере, считала, что у нее получится.

– Должно быть, здорово.

– Начать все сначала?

– Угу.

Я кивнул.

– Думаю, все зависит от того, как взяться за дело.

– Как думаешь, нам удастся когда-нибудь выбраться отсюда?

– А ты думаешь, мы бы попытались, появившись у нас такая возможность?

– Наверное, нет. – Он негромко, горько рассмеялся. – Мы знаем только этот гребаный город и, скорее всего, ничего другого в своей жизни уже не увидим.

– Как-то это грустно, – пробормотал я.

– Здесь не так уж плохо. Это наш дом. Куда еще нам деваться?

Дорога стала неровной и тряской. «Чероки» кидало из стороны в сторону, и Рик сбавил скорость. Впереди нас ждал лес.

– Остановись здесь, – велел я. – Отсюда пойдем пешком.

Мы заперли джип и замерли на краю леса. Над верхушками деревьев виднелись самые высокие строения фабрики Бьюкенена – неестественное нарушение нетронутой в остальном линии горизонта. Солнце, уже почти пропавшее за горизонтом, продолжало закатываться; прощальное алое сияние просачивалось между деревьями по мере того, как оно скрывалось из виду. Мы безмолвно оглядели небо. Еще до того как мы выберемся из леса на парковку перед фабрикой Бьюкенена, совсем стемнеет.

В одной руке Рик сжимал свой нож, в другой – большой фонарик. Он поднял их повыше, как будто напоминая мне об их существовании. Он был похож на какого-нибудь спецназовца во время ночной операции: загорелый, мускулистый, с зализанными назад волосами, одетый в черную

облегающую рубашку без рукавов, черные джинсы и черные походные ботинки. Но с его лица пропало привычное выражение самоуверенности, граничившей с высокомерием. Не осталось ни следа от обычного его воодушевления и непринужденности, от осознанного удовлетворения, происходившего из умения управлять ситуацией. Меньше всего мне хотелось, чтобы он в последний момент струсил.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Все нормально. – Он пристегнул ножны к поясу. – Давай уже с этим покончим поскорее.

Я повернул голову в сторону далекого океана. Мы еще не подошли достаточно близко, чтобы его слышать, но я уже чувствовал запах. Ощущал его присутствие.

И, кроме того, я уловил поблекшие отзвуки присутствия Бернарда. Точно, как мы теперь, он проезжал по этой дороге, проходил через лес, дышал этим воздухом и смотрел, как опускается над верхушками деревьев ночь. Делал ли он что-то прямо здесь? Смотрели ли его жертвы на то же самое небо, гадая, доведется ли им увидеть в своей жизни что-то еще? Знали ли они о неизбежной смерти? Плакали ли они, стоя на том самом месте, где теперь шли мы? Боролись? Молили о пощаде?

Истекали кровью?

Мы двинулись через лес, ориентируясь на видневшиеся между деревьями фабричные корпуса. Рик шел впереди размашистыми могучими шагами, и мне приходилось поторапливаться, чтобы от него не отстать. Прохлада, которую прошлой ночью принесла с собой гроза, уже отступила перед удушающей жарой, но вскоре нам в лицо подул приятный ровный ветерок с океана.

Внезапно Рик остановился и стал оглядываться.

– Почему мы решили пройти здесь? – тихо спросил он.

И тогда я понял, что он тоже это почувствовал. Бернард использовал этот участок леса, я был в этом уверен. Сначала он приводил их сюда. Это было совершенно логично. Он надругался над первой своей жертвой в лесу, и каким-то образом лес оказался связан со всеми его отвратительными преступлениями. А этот участок идеально подходил для его безумных забав. Он был достаточно удаленным, но легко доступным, отсюда нельзя было убежать, некуда было деться, кроме как на каменистый обрыв и океан под ним, или на старую фабрику. Здесь Бернард оказывался наедине со своими жертвами. Никто бы их не услышал. Никто бы им не помог. Никто не откликнулся бы на крики и вопли ужаса и боли, эхом разносившиеся среди забытых и заброшенных руин.

– Он приводил их сюда, Рик.

Он кивнул, но промолчал. Призраки возвратились и заговорили со мной вместо него.

* * *

Бернард крепко прижал ее к себе, подсунув одну руку ей под талию, другой придерживая голову. Ее волосы намокли и свалялись от дождя, земли и пота, превратились в спутанные космы и сосульки и липли к ее щекам. Он глубоко вдохнул и почувствовал ее запах: земля – почва – пот и какие-то еще исключительно женские ароматы. Он сильнее сжал руки, подтянул ее к себе и откинул голову. Попытался разглядеть что-нибудь сквозь тьму и дождь, который лился сквозь кроны деревьев наверху, щекотал лицо, напоминая ему, каким он был живым. Он раздвинул губы, и капли падали ему в рот. Когда вода перелилась через край и потекла по подбородку, по горлу и шее – кровь Земли – он поглядел вниз, в то, что осталось от глаз женщины.

– Ты видишь Бога? – прошептал он, чтобы его могла услышать только она.

Ее одежда, раскиданная на ветвях ближайших кустов, развевалась на ветру. Он поцеловал женщину в лоб и сжал еще крепче. Ее тесно прижатые к коже кости вернули его к реальности. И на время они остались в лесу один на один, и Земля, небо, ночь и день, добро и зло, кровь и грязь слились воедино.

Когда он выпустил ее хрупкое тело, она безвольно упала на подстилку из листьев; руки раскинулись, подогнутые ноги оказались придавленными под ней. Задышавшись, с трясущимися коленями, он медленно поднялся на ноги под потоками холодного дождя, лившего с ночных небес, неуверенными шагами подошел к дереву и выдернул нож, который до этого воткнул в кору. Он сделал медленный пируэт на месте, раскинул руки в стороны и запрокинул голову, поклоняясь дождю. Танцуя, он снова приблизился к ней, упал на колени и распластался по ее телу, прижавшись щекой к ее щеке, сжимая в одной руке нож, а другой нежно гладя ее по горлу. Растрескавшиеся и опухшие губы женщины шевельнулись, грудь поднялась. Он приблизил ухо к ее лицу.

– Убей меня, – прошептала она.

Пораженный тому, что у нее еще оставались силы говорить, он нежно коснулся ее лица.

– Что ты видишь? – спросил он, глядя в ее изуродованные глаза. – Скажи, что ты видишь.

Ответили дождь и ветер, но она не смогла.

– Скажи, – настаивал он. – Я... мне нужно знать точно.

Вдалеке зарокотал гром, мешая ему сосредоточиться. Он встал, взял нож в зубы и схватил ее за ноги. По листьям и грязи он протащил ее тело к нужному дереву, отыскал свободный конец веревки и связал ей лодыжки. Тремя энергичными рывками поднял тело вверх, так что оно закачалось на ветру, доставая руками и кончиками волос до земли.

Закрепив веревку, он взял нож в руки и присел на корточки, чтобы их лица оказались на одной высоте, протер ее глаза, стряхнул с лица капли дождя и нежно коснулся ее губами.

– Это ничего, если тебе страшно. – Он оглянулся на ту часть леса, откуда пришел, и одновременно со вспышками молний перед его глазами промелькнули картины: он скачет между деревьев и раскидывает по пути ее одежду. И как ребенок, который заглянул под кровать и обнаружил, что там и в самом деле сидит чудовище, торопливо оскальзываясь, поднялся на ноги.

Неожиданно твердой рукой он поднес кончик ножа к ее лобковой кости и задумался: может быть, он прав? Может быть, Ад и правда находится здесь, на Земле? Может, он уже его нашел? А может, подобно тому, как его господин много лет назад искушал столь ненавистного ему назаря, это тоже было последним искушением, проверкой его веры?

Бернард вновь обратился к женщине:

– Ты должна кричать.

И когда он вонзил клинок, обхватил рукоять обеими руками и, упав на колени, единым движением распорол ее тело от паха до глотки, она, как могла, постаралась исполнить его пожелание...

* * *

Я был уверен, что от его преступлений давно уже не осталось никаких следов. Сюда никто никогда не заглядывал, так что животные и непогода уничтожали останки в считанные дни. Много месяцев спустя здесь едва ли можно было найти что-то, кроме призраков и историй, которые они пытались мне поведать. Может быть, какие-то разрозненные кости, но не более того.

Среди деревьев зашептал ветер, потом наступила тишина. Еще не

совсем стемнело, но ночь уже приближалась.

Рик включил фонарик.

– Как думаешь, тут тоже есть трупы? – спросил он, гулко сглотнув.

– Нет, не здесь. – Я указал над его плечом. – *Там*.

Мы стояли в нескольких футах от опушки. Из-за стволов последних деревьев уже был виден сетчатый забор, отделявший парковку от леса. Чуть поодаль, примерно в сотне ярдов, темнел призрачный силуэт громадного строения; разлагающиеся останки допотопного чудища глядели на нас из-под быстро темневших небес.

Не произнеся больше ни слова, мы направились к забору.

Глава 33

К счастью, забор был всего футов пяти высотой. Мы перебрались через него и спрыгнули на парковку, и я внезапно снова почувствовал себя двенадцатилетним мальчишкой, который скачет через заборы, лазает по деревьям и ищет приключений, как будто мир совсем в новинку и невинность еще что-то значит.

Из сгущавшейся темноты до нас доносился грохот разбивавшихся о пляж волн.

– Здесь работали мои бабушка с дедушкой, – сказал Рик.

Я иногда проезжал мимо фабрики, но никогда не заходил внутрь. Мне смутно припомнилось, как в детстве мы подолгу гуляли или катались на велосипедах вдоль песчаных пляжей, а эти громадные старые здания, уже тогда запущенные и заброшенные, глядели на нас со скал. Тогда они казались таинственными и угрожающими, как притаившиеся на окраине динозавры, о которых что-то помнили только старики. Для нас, детей, они были диковинками, местом бесконечных воображаемых ситуаций.

– Тогда не было никаких профсоюзов, так что из людей выжимали все до последней капли, – продолжал Рик. – В те времена в городе не было другой работы, только эти фабрики. Люди гробили здесь свои жизни. Старились раньше времени.

– В жизни такое случается, – пробормотал я. – Пойдем.

Мы зашагали через парковку. Рик пошел вперед, освещая фонариком растрескавшийся неровный асфальт.

– Интересно, копы уже проверяли эти здания? – спросил он через какое-то время. В темноте, в этом незнакомом месте от звука его голоса стало немного спокойнее.

– Наверное.

– Потому что они же уже сказали, что преступник пытал и убивал свои жертвы где-то в другом месте, ведь так? Эти здания как раз подошли бы. Кроме них в городе, считай, больше нет мест, где можно было бы вытворять что-то такое, чтобы никто об этом не узнал. Беда только в том, что они заброшены так давно, что сейчас в них даже просто зайти опасно. Так что, готов поспорить, если их и проверяли, то только вполглаза. И то если дошли руки. Судя по газетам и новостям, они так и остановились на варианте с бродягой: мол, убийца уже давно уехал.

Убийца. Даже теперь он не мог заставить себя назвать Бернарда по

имени.

Запах соленой воды становился все сильнее, ветер с океана подул ровнее, немного разгоняя духоту.

– Думаю, даже если копы проверили эти здания, они нашли только то, что оно позволило им найти, позволило увидеть.

– Оно?

Мы остановились и уставились друг на друга.

– Все трупы были найдены только потому, что Бернард хотел, чтобы они в конце концов попали в руки к властям. А вот насчет всего остального я не так уверен. – Я указал на фабрику. – Думаю, то, что там внутри, он приберег для нас. И покажет нам с тобой. Может быть, *только* нам с тобой.

Рик выпятил грудь, как будто надеялся напугать собственный страх.

– Алан, вещи либо существуют, либо нет.

– Может быть, – сказал я. – Но все может зависеть от того, кто ищет.

Несколько секунд царило молчание, но когда мы снова направились к фабрике, я спросил:

– Интересно, почему город вообще оставил здесь эти чудища?

– Их снос обошелся бы в целое состояние, – ответил Рик. – Кроме того, это часть истории Поттерс-Коув. Уж какая была, у такого-то дерьмового городишки.

До этого года, подумал я. А теперь в истории города появятся жестокие и кровавые убийства, пытки, хаос и безумие.

Всего в сотне ярдов от главного здания мы замерли от громкого взрыва. Небо над фабрикой осветилось, во все стороны разлетелись пронзительные синие и красные всполохи и стали медленно опускаться над землей. Начавшийся фейерверк осветил ночное небо, создав великолепный контраст старому позабытому зданию – колдовское, сюрреалистическое видение среди столь обыденной обстановки.

На секунду позабыв обо всем, мы стояли и смотрели вверх, как ошалевшие дети.

Каждые несколько секунд новая вспышка окрашивала небо и наши лица в яркие цвета и пропадала, как свет фар на стене темной комнаты.

Наконец, мы очнулись и подошли к фасаду здания. Рик поднял фонарик и медленно провел лучом вверх по стене. Большая часть стекол в высоких вертикальных окнах была расколота или вовсе разбита, несколько уцелевших кусков были покрыты многолетней пылью. Грязные окна и двери первого этажа заколочены и усеяны граффити.

– Попасть внутрь может быть не так просто, – сказал Рик. – Тут все добротнo заколотили.

Я посмотрел на громадину перед собой, и тут меня осенило.

– Я все это видел раньше, – тихо сказал я. – Той ночью, в Нью-Бедфорде. Старая фабрика напротив автосалона, я... она была точно такой же. Другое здание, но... то же самое. Оно выглядит точно так же. Я был в другом месте, но видел это. Я видел *это* здание.

Рик повернулся и упер луч фонарика мне в грудь, осветив заодно и лицо.

– Что-что?

– Я здесь уже был.

Я выхватил у него фонарик, направил его на здание и водил лучом до тех пор, пока не отыскал дверной проем. Большие створки, которые когда-то закрывали главный вход, сгнили и почти развалились, дыру наискось пересекала доска, которая, судя по всему, упала сверху много лет назад, да так и осталась торчать. Все выглядело так же, как в моем видении.

– Сюда, – сказал я, указывая фонариком. – Здесь вход.

На одном конце доски сидела невероятных размеров крыса. Со странным скрипучим звуком она поднялась на задние лапы и оскалила зубы.

Все было так же, как в ту ночь.

– Вот блин, – прошептал Рик, – такая жирнющая крыса.

Я навел на животное луч фонарика, и свет отразился от глаз, отчего они вспыхнули огнисто-красным. Как и в прошлый раз, противостояние закончилось тем, что крыса пару раз неторопливо принялась, развернулась, вразвалочку подошла к краю доски и спрыгнула в темноту.

– Пойдем, – сказал я.

Мы осторожно перебрались через доску и тут же оказались в облаке тошнотворных запахов. Я переступил через груды обломков и отбросов, медленно поводя лучом фонаря перед собой. Ближайшую стену покрывали граффити, на полу лежал толстый слой мусора.

– Судя по всему этому мусору и дерьмищу, тут жили какие-то бомжи, – сказал Рик, и его голос эхом отозвался внутри пустого здания. – Как думаешь, кто-то из них все еще тут?

– Тут больше нет ничего живого, – сказал я. – Кроме них.

В нескольких футах впереди стоя крыс разбежалась по темным углам, напуганная возобновившимся салютом. Фейерверки взрывались вверх с громовым грохотом, разноцветные отблески света проникали сквозь многочисленные дыры и раны на теле здания, пронизывая пустое пространство внутри и лишь подчеркивая тьму. Стоило угаснуть одной вспышке, как сразу за ней следовала другая.

Рядом с собой я чувствовал прерывистое дыхание Рика.

– И что теперь? – спросил он.

Я посмотрел вверх. Потолок был таким высоким, что его нельзя было разглядеть. Я повернулся направо, посветил фонариком и проследил за лучом до дальнего конца помещения.

– Сюда.

Мы пробирались через валявшиеся повсюду обломки, луч фонарика покачивался в такт шагам. Фейерверки на секунду утихли, и я уставился туда, где, по моим воспоминаниям, должен был быть коридор. На меня нахлынули воспоминания о ночи на той – *этой* – фабрике, и сердце заколотилось сильнее. На лбу выступил холодный пот.

– Теперь туда, – сказал я.

Когда мы оказались в коридоре, здание как будто плотнее обступило нас и стало куда теснее. И хотя фейерверки возобновились и до нас по-прежнему доносился их грохот, мы больше не могли их видеть. Замкнутое пространство действовало угнетающе, стены словно сомкнулись, а потолок опустился. Пока мы шли, я то и дело поводил лучом фонаря сверху вниз, стараясь осветить как можно большее пространство.

Здесь пахло еще хуже.

Наконец, мы дошли до небольшой комнаты в конце коридора. Табличка справа от дверного проема привлекла мое внимание, и я направил на нее фонарик.

– Здесь, видимо, был какой-то кабинет. – Я тер грязную табличку до тех пор, пока не сумел разобрать несколько букв. – Кажется, отдел кадров.

Я вошел внутрь. Комната была той самой, куда заманила меня той ночью женщина. Пол от стены до стены устилал мусор, и, поведя лучом фонарика дальше, я разглядел на стенах знакомые символы, намалеванные краской или кровью. Остатки двери лежали на невысоких стопках оббитых бетонных блоков – тот самый алтарь, который я видел той ночью.

И, как и тогда, под ним что-то лежало неопределенной грудой, но я не мог разобрать, что именно.

– Что это за херня на стенах? – спросил у меня из-за спины Рик.

– Заклинания или заклятия, черт знает. – Я вздохнул. – Без понятия.

– Это что, кровь?

– Думаю, да.

– Господи...

– Подозреваю, это что-то вроде заявления или отметки.

– Может быть, предупреждение.

Охвативший меня холодок страха напомнил, что об этом я не подумал.

Я кивнул и направил фонарик на остатки двери на цементных блоках.

– Думаю, это алтарь.

– А что там, на полу?

Я сглотнул так сильно, что едва не подавился.

– Понятия не имею.

– У меня от всего этого нехорошее предчувствие.

– Ой, правда, что ли, отчего бы это? – Я раздраженно глянул на него, слегка пригнулся и прошел чуть дальше в комнату, поближе к алтарю. Оказавшись в нескольких футах от него, я разглядел, что лежавший под ним предмет был накрыт старым шерстяным одеялом. Поманив Рика, я передал ему фонарик и велел, указывая:

– Посвети сюда.

Он подчинился, и я заметил, что луч дрожал, как и моя рука, протянутая к одеялу.

– О господи. – Я уронил одеяло и отпрянул. – Нет.

Рик уставился на предмет, продолжая светить фонариком.

– Выглядит ненастоящим.

Я провел рукой по пропитанным потом волосам.

– Все так *поломано*.

Он помотал головой, торопливо, но беззвучно шевеля губами.

– Той ночью, на фабрике, – сказал я, – женщина заманила меня в эту комнату и показала своего сына. Мертвого. Они... оба были мертвы. – На меня вновь нахлынули воспоминания о той ночи, но я больше в них не нуждался, теперь я видел их прямо перед собой. – Все жертвы Бернарда были матерями-одиночками с сыновьями. Клаудия сказала, что эти убийства – обряды, и последнее жертвоприношение, перед тем как он покончил с собой, должно было включать не только мать, но и сына.

– Зачем ему было делать такое... с ребенком? – пробормотал Рик. – Как он мог так поступить?

– Настоящая бойня, – сказал я. – Он убил его и раскрасил стены его кровью. Зарезал беспомощного ребенка.

Я заставил себя снова посмотреть на крошечное тельце у алтаря, брошенное туда, как очередной кусок мусора. То, что не уничтожил Бернард, подъели крысы. Останки были настолько изуродованы и искромсаны, что с первого взгляда я даже не понял, что вижу. Можно было только гадать, какой невыносимый, беспомощный ужас испытал этот ребенок. К моему страху присоединилась ярость.

– Подонок! – выкрикнул я в темноту, и мой голос жутко разнесся по пустому зданию. – Гребаный *подонок*!

Рик с силой схватил меня за плечо.

– Нам надо уходить отсюда на фиг.

Я рывком высвободился, наклонился и накрыл тело одеялом.

– Мы никуда не пойдем, пока с ним не покончим. – Я повернулся к нему. – Все это должно прекратиться здесь, этой же ночью.

И только тогда Рик заметил что-то в темноте. Он медленно поднял глаза, и по выражению на его лице я догадался, что над нами что-то есть.

– Господи... боже мой, – пролепетал он. – Господь милосердный и всепрощающий...

Я проследил за его взглядом и лучом фонарика до низкого потолка над нами и увидел женщину – мать ребенка – висящей в воздухе.

Глава 34

Я был в шоке или испугался до такой степени, что не мог бежать. Я просто стоял и смотрел, разинув рот, и пытался не дать своему разуму разлететься вдребезги, пока не сообразил, что женщина на самом деле не висела в воздухе.

Она была распята на потолке.

Придвинувшись ближе и уставившись на растерзанное тело, я услышал, как Рика стошнило. Женщина была выпотрошена, ее опустошенная тощая грудная клетка висела нараспашку. Гвозди размером примерно с железнодорожные костыли удерживали на месте руки и ноги. Век не осталось, запавшие, покрытые слизью глаза были обречены вечно смотреть на изуродованное тело ее ребенка. Лицо выглядело таким же истощенным и землистым, как и в моем видении.

Вы по поводу канализации?

– Нет, – прошептал я. – И он тоже приходил не за этим.

Кажется, за эти несколько секунд нас покинули всякие остатки здравого смысла. Мы оказались в Аду, и я был так напуган, настолько придавлен страхом, что лишь с трудом удерживался, чтобы окончательно не сорваться. Все чувства обострились, правила жизни и смерти поменялись местами. Правда и ложь, добро и зло, воображаемый мир и реальный слились воедино.

– Он здесь. – Я снова поднял фонарик. – Я его чувствую.

Рик вытер губы и решительно кивнул.

Я прошел мимо него вон из комнаты. В конце коридора находились два небольших кабинета и широкая металлическая лестница. Мы быстро осмотрели кабинеты. Внутри валялась сломанная мебель и мусор и больше ничего, так что я направил луч фонарика на лестницу. Почти все ее ступени были засыпаны обломками. Два окна наверху лестницы были замазаны грязью, но когда снова начали взрываться фейерверки, цветные всполохи проникли сквозь старые стекла и на несколько секунд осветили верхнюю площадку.

Во вспышке света что-то шевельнулось.

– Блядь! – Я отпрянул и едва не оступился. Вскинул фонарик, но луч оказался слишком слабым и тьму на верхней площадке не развеял.

– Что? Что такое?

– Наверху что-то есть, – прошептал я. – Я только что видел, как оно

шевельнулось.

– Может, крыса?

Я покачал головой:

– Слишком большое.

– Значит, здесь до сих пор болтается какой-нибудь бомж, – с надеждой сказал он.

Я не ответил и поднял руку, подав знак, чтобы он замолчал. Секунду мы стояли неподвижно и ждали перерыва в фейерверках, чтобы хорошенько прислушаться, но каждый раз до нас доносились только шум ветра и волн.

Я поднялся на первые две ступеньки, осторожно ставя ноги, чтобы убедиться, что лестница нас выдержит. Рик следовал за мной по пятам. После того как мы оказались на третьей ступеньке, фонарик наконец осветил площадку. Я оперся на перила и нацелил в глубину площадки луч света, но с места, где мы стояли, увидел только темноту. Мы не могли проверить, безопасно ли ходить по второму этажу, но там, наверху что-то было, и, так или иначе, я собирался узнать, что именно.

Мы взобрались на площадку и увидели перед собой совершенно выпотрошенный второй этаж, огромное пустое пространство с высоким потолком. Здесь тоже пол был завален мусором, а воздух наполняла ужасающая вонь, но мрак как будто выглядел иначе.

Он был почти живым.

Я медленно провел лучом фонарика по просторному помещению.

– Кто здесь? – неожиданно прокричал Рик. – Выходите, мы только хотим поговорить.

Я бросил на него яростный взгляд, но он неотрывно смотрел вперед и ничего не заметил. Никто не ответил, ничто не шевельнулось.

– Ты точно что-то видел? – прошептал он.

Луч фонарика выхватил открытую дверь в ближайшей стене. В стороны от нее бросились тени, и на этот раз я знал, что Рик тоже их заметил.

– Точно.

У меня сильно билось сердце, мысли путались, я не знал, сколько еще так выдержу. Сдержав содрогание ужаса, отогнав его от себя, я шагнул к двери. Свет отразился от чего-то внутри. Плитка. Стена, покрытая старой грязной плиткой.

– Туалет, – сказал Рик.

Спрятанная в подвале в доме Бернарда табличка была взята из туалета на этой фабрике.

Я сунул свободную руку за спину, вытащил из кобуры пистолет и с тревогой посмотрел на Рика. Он опустил руку на рукоять ножа, но не стал его вытаскивать. Его лицо и шея были мокрыми от пота.

В небесах взорвалась новая серия фейерверков, освещающая открытое пространство второго этажа и все его многочисленные окна намного ярче, чем нижний уровень. Я представил себе толпы людей, что собрались теперь на общественном пляже в нескольких милях от нас и наслаждались праздником, наблюдая за зрелищем в небе. Я представил, как Дональд рассказывает перед телефоном. Представил, как Тони в черной одежде стоит возле моей могилы, рядом с другим мужчиной, и ухмыляется мне из-под вуали. Представил Клаудию в темном и грязном домишке; она сидит на мне, медленно покачивается, уложив ладони мне на грудь и все глубже вдавливая в старый запятнанный матрас, с ее полных мокрых грудей капает пот, и я говорю ей: «Я его почти настиг». А она мотает головой и шепчет в ответ: «Это он почти настиг тебя». Я представил, как горюющие, плачущие родственники и друзья жертв идут следом за гробами, из которых сочится кровь. Я представил, как Бернард раскрашивает стены той же кровью, телесными жидкостями и экскрементами, и откуда-то глубоко изнутри до меня донеслись вопли мертвых и его смех.

Фейерверки потухли, сменившись темнотой.

Я последовал за тенью в туалет. Изнутри хлынула невыносимая вонь, и в медленно ползущем круге света стало видно, что кафельные стены покрыты таким темным алым, что он казался почти черным. Я обвел лучом комнату. Все вокруг было залито кровью. Даже на полу виднелись разводы. Из-за вони, слабого освещения и темноты могло показаться, что мы заперты в окровавленном трупном теле какого-то громадного, жестоко выпотрошенного зверя.

– Сюда, – сказал Рик совершенно пустым, ровным голосом.

Я осветил в направлении, куда он указывал.

Почти всю заднюю стену занимала большая раковина, над которой раньше висело зеркало; от него теперь остались только редкие осколки и куски стекла, безумными призмами отражавшие наши темные силуэты.

Справа располагался ряд писсуаров, но всего несколько штук осталось на стене, остальные упали или были сорваны и разбиты об пол. Напротив виднелись обломки кабинок и унитазов. Все покрывали потеки крови, как будто кто-то взял очень широкую и мокрую кисть и много часов размахивал ею по всей комнате, а в конце просто взял ведро и выплеснул все, что там оставалось, на стены.

Мы осторожно приблизились к раковине. Давным-давно она была

переполнена тошнотворной смесью телесных жидкостей и крови. Как бы эта масса ни выглядела раньше, теперь она превратилась в темное студенистое месиво.

И из этого дьявольского холодца торчало множество частей разных тел – словно останки динозавров, застрявших в битумной яме. Я посветил фонариком вдоль раковины, мимо человеческой головы, туда, где, судя по всему, лежал на боку торс. По нему ползали, извиваясь, личинки. Рик отвернулся, его снова стошнило, и хотя мой организм жаждал последовать его примеру, меня одолели сухие рвотные спазмы.

– Какая-то бойня, – прохрипел Рик.

Я сунул пистолет в кобуру, оперся руками о колени и несколько раз глубоко вдохнул. Круг света лежал между нами. На полу был нарисован обращенный к раковине перевернутый крест. Вокруг него располагались другие символы и какое-то слово, настолько смазанное, что мы не смогли его разобрать.

– Я не могу даже понять, сколько их тут, – наконец выдавил я.

Рик сплюнул на пол.

– Тебе когда-нибудь – вообще *когда-нибудь* – приходилось чувствовать что-то подобное?

Я прекрасно понял, о чем он говорит. В воздухе, как густой дым, витало неотвязное, ощутимое зло, настолько сильное, что я чувствовал, как оно проникает сквозь поры моей кожи, смешивается с влагой на глазных яблоках, проникает при дыхании в нос и липнет к нёбу.

– Нет.

– Мы съебываем отсюда, прямо сейчас.

Спотыкаясь, Рик пошел к двери.

Я последовал за ним, изо всех сил стараясь светить ему под ноги, но еще до того как я успел выйти в центральное помещение, он уже вовсе бежал, так что, выскочив из туалета, я несколько секунд не мог отыскать его взглядом. Я принялся судорожно светить фонариком во все стороны и выкрикивать его имя, и наконец увидел, как он бежит через огромный зал, на ходу перебираясь через завалы обломков. В руке клинком вниз он сжимал свой нож.

Многоцветная вспышка осветила помещение и позволила мне сориентироваться. Рик запутался и, вместо того чтобы бежать к лестнице, направлялся в противоположную сторону, все глубже во мрак.

– Рик, нет! Не туда! Не туда!

Он оглянулся через плечо, почти упал, быстро восстановил равновесие и развернулся на месте, пытаясь сменить направление. Но в этот момент по

комнате разнесся громкий треск, и с отчаянным воплем он рухнул вниз и пропал из виду.

Пол провалился и забрал его с собой.

Я бросился к тому месту, где он пропал, стараясь светить ровно и в то же время опасаясь, что в любой момент и подо мной тоже может провалиться пол. Я быстро добрался до дыры, осторожно опустился рядом с ней на корточки и посветил вниз. Здоровый кусок пола провалился на первый этаж, и теперь Рик навзничь лежал на груде обломков, грязный, но живой.

– Ты в порядке? – крикнул я вниз. Он не ответил, но вяло пошевелился, прикрывая глаза от света. Его руки и ноги двигались, пусть медленно и с некоторым усилием, но мне не показалось, что он серьезно поранился.

– Оставайся там, – велел ему я. – Я спускаюсь.

На краю дыры я заметил его нож. Видимо, он уронил его во время падения. Я подобрал нож свободной рукой и нацелил фонарик в направлении лестницы. Но прежде чем я успел сделать хоть шаг, до меня донесся странный чавкающий звук, и глубокий голос за моей спиной произнес:

«Добро пожаловать в мой Рай».

Глава 35

В небе с пронзительным визгом взорвалась целая череда фейерверков, разбросала искры и опустилась на землю неторопливыми спиралями. За ней последовали, быстро сменяя друг друга, красные и синие всполохи. Приближался финал.

Из темноты за мной наблюдало скорчившееся у задней стены, закутанное в тени существо. Его голова блестела, казалась гладкой и влажной, но, только подойдя ближе, я понял, что она залита кровью. Его череп был голым, как будто обритым налысо, парик пропал, но я узнал лицо даже до того, как он открыл глаза – круглые бельма на алом. Они уставились на меня так, будто я был чем-то ненормальным, как будто это я был чем-то лишним во вселенной. И, может, неспроста.

Чувства переполняли меня настолько, что казалось, глупо даже пытаться их контролировать. Я одновременно смеялся, плакал и задыхался, почти уверенный, что уже сорвался в пропасть бесповоротного безумия, потому что стоявший передо мной кошмар *не мог существовать на самом деле*, но, тем не менее, существовал. Вместе с осознанием этого факта ко мне пришла странная ясность мысли, я испытал облегчение: я приму неизбежный финал, каким бы он ни был. Ужас отступил перед озарением, слезы иссякли, и я почувствовал себя на удивление собранно. Я явился в этот дом ужасов, чтобы отыскать зло и положить ему конец – или погибнуть. И теперь я его нашел.

Он склонил голову набок, как будто услышал мои мысли. На какое-то мгновение я увидел в его взгляде того, кем он был много лет назад.

– Бернард, – сказал я.

– Подойди ближе, Алан. – Его голос звучал глубже, чем обычно, к нему примешивалось бульканье и посторонние отзвуки, как будто его легкие заполняла жидкость, или он полоскал горло и одновременно пытался говорить.

Я подчинился, и, чем ближе я подходил, тем шире и ярче становился луч фонарика. Существо было полностью обнажено и по плечи покрыто поблескивавшей кровью, которая лежала таким густым и ярким слоем, что ее почти можно было принять за краску. Фейерверк подходил к концу, взрывы грохотали почти без перерыва, заливая фабрику, наши тела и лица потоками цветных огней. Я проследил взглядом за синим лучом, опускавшимся к ногам Бернарда. Он сидел на корточках в темноте, как

загнанный в угол зверь. Пол вокруг его ступней и стену за спиной покрывала студенистая масса дрожащей плоти, крови и костей, как будто кто-то с силой швырнул порцию этого месива в угол. Казалось, вещество мало-помалу впитывается в пол и стену, постепенно просачиваясь куда-то еще.

Не все духи отходят в мире, – сказала Клаудия. – Кое-кто задерживается.

Кажется, ничто не сковывало его движения, но все они были медленными, как будто сонными. Он поднял окровавленную руку к лицу и начисто вытер глаза, потом отвел взгляд, как будто глубоко задумавшись. Каждый раз, когда он выдыхал через нос, из его ноздрей вытекали струйки крови и смешивались с уже покрывавшей его кожу алой пеленой. В конце концов, он принялся громко дышать ртом.

Меня отвлекло движение слева. В нескольких футах, в темном углу, куда не достигал ни свет фонарика, ни вспышки фейерверков, стояли едва видимые во тьме существа из наших кошмаров.

Но я знал, кто они. Я видел их прежде.

– И ты знаешь, зачем они здесь, – пробуждал Бернارد.

– Ты не настоящий, – сказал ему я. – Вы все ненастоящие.

– А твои сны, они настоящие? Твои кошмары?

– Ты всего лишь призрак в моем воображении.

– Почти. – С громким шипением, которое звучало как спуск пара из трубы, он выдохнул через рот и растянул губы в усмешке. У него больше не было зубов, только гладкие розовые десны. – Привидений не существует, Алан. Это только воспоминания... эхо... следы.

– Зачем ты это сделал?

Он перевел взгляд, медленно провел черным языком по губам.

– Такова моя природа.

– Нет, – сказал я, мотая головой. – Ты был моим другом.

– Друг, родственник, – пробуждал он. – Тот, кому ты доверяешь, в кого ты веришь. У меня нет каких-то особых качеств, ничего, что меня выдавало бы. Неужели ты до сих пор не понял? Я повсюду, Алан. Я – во всех. В ком угодно. – Он широко разинул рот, и поток темной крови хлынул ему на подбородок. – В безутешном, слабом, одиноком, потерявшемся, утратившем веру и нечистом. Проклятом. Ах, это сладкое проклятие.

Фейерверк прекратился, и на фабрику опустились тишина и мрак. Остался только луч моего фонарика и звуки океана неподалеку. Я крепче сжал в руке нож Рика.

– Ты явился сюда, чтобы меня убить, да? – Влажные глаза уставились

на мою руку. – Этой нелепой игрушкой?

Тяжело дыша, я впился в чудовище передо мной и заверил:

– У меня есть игрушки и *помрачнее*. Почему ты мучаешь нас?

Влажные алые пальцы погладили окровавленный подбородок. Потом он протянул руку ко мне, с кончиков пальцев капала кровь.

– Иди за мной, Алан. Я покажу тебе красоту муки. – Он ухмыльнулся, когда я подошел ближе. – Я уже говорил, что твоя мать тоже тут, с нами?

– Моей матери рядом с тобой нет.

– Неужели ты сейчас хоть в чем-то уверен? Неужели после такого ты хоть когда-нибудь сможешь во что-то поверить?

Я с трудом сглотнул.

– В этом я уверен.

– Тебе снились такие ужасные кошмары, – сказал он голосом моей матери, – когда ты был совсем маленьким. Помнишь, малыш?

* * *

Я боюсь, я напуган так сильно, что едва могу дышать. Я отчаянно рыдаю, давлюсь, меня всего трясет. Но потом я понимаю, что рядом со мной мама, любящая и терпеливая. У нее самые красивые темно-коричневые глаза на свете. Она обнимает меня, садится на постель, качает меня в объятьях и что-то нашептывает. Он нее пахнет чистотой, свежестью и теплом, и я чувствую себя в безопасности.

– Все в порядке, – говорит она мне. – Всего лишь дурной сон, маленький мой, это всего лишь дурной сон. – Она нежно стирает пальцами слезы, и пелена, сквозь которую я раньше глядел на нее, пропадает. – Что тебе приснилось такое страшное?

– За мной гналось что-то в темноте, – говорю ей я. – Я бежал, а оно меня кусало, рычало и кусало меня, за пятки и за ноги.

Она целует меня в лоб.

– В темноте нет ничего, кроме темноты.

– В темноте есть чудовища, – говорю ей я.

– Чудовищ не бывает, малыш.

И хотя я знаю, что это не так, я знаю и то, что она никогда по-настоящему не поймет; я внимательно смотрю ей в лицо и вижу неизменную грусть в ее глазах. Я напуган, она грустит. Эти отметины выжжены на наших телах и в наших умах и так же неотделимы от нас, как пятна от леопарда.

– Почему ты всегда такая грустная? – спрашиваю я. – Из-за того, что папа умер?

– Я не всегда грустная, малыш. – Она лжет, но улыбается и снова меня целует. – Как думаешь, ты сможешь снова уснуть, как взрослый мальчик?

За ее спиной мрак из коридора медленно проникает внутрь через щель под дверью... или, может быть, пытается сбежать. Там ничего нет, ничего не прячется за занавесками или под кроватью. Но мы не одни. Я чувствую. Внутри меня.

– Малыш, это только сон, – говорит она, чувствуя мою неуверенность. – Тебе все еще страшно?

Я мотаю головой. Теперь моя очередь врать:

– Нет.

* * *

– Не впутывай ее, – сказал я. – Оставь ее в покое.

– Но ведь это я дал ее тебе, Алан. Я дал тебе идеальную мать.

– Ты не можешь меня напугать.

– Тебя все пугает, – ответила тварь искаженным, булькающим голосом Бернарда. – Ты все тот же напуганный маленький мальчик, насвистывающий в темноте. И я вижу тебя. Я всегда тебя видел. А теперь и ты видишь меня.

– И что же я вижу?

Он немного сгорбился, повернулся и посмотрел на пол, потом на стену, как будто сам тоже растворялся в ней.

– Начало. Конец. Все старое. И новое. Прошлое. Будущее. Разные лица, разные имена, разные жизни, но ты всегда со мной, а я – с тобой, я кормлюсь тобой, твоими страхами и слабостями.

– Как паразит, – сказал я, – пьющий кровь невинных женщин и детей.

– Не бывает невинных. – Из его рта и носа снова потекла кровь, но он как будто не заметил. – Я освободил этих тупых сучек. Позволил встретиться с их бесполезными богами. – Тварь ухмыльнулась, обнажая розовые десны. – Я стою на пороге чего-то прекрасного, Алан. А ты потерялся, запутался, как и остальные, в собственной непогрешимости. Мир не хочет меня уничтожать, он породил меня, создал меня, сделал меня целым. Правда во тьме, Алан. Здесь, со мной.

– Ты – болезнь.

– Нет, только симптом. Гниющая рана, нарыв на их теле, зараза, что пожирает их изнутри и смеется над попытками не обращать на нее внимания. Они не пытаются меня остановить, только притворяются, что я не существую. Нерон играл на скрипке, Алан. – Он вздохнул, провел окровавленной ладонью по такому же окровавленному черепу. – А Рим горит. – Он огляделся, как будто на секунду забыл, где находится. – Я освободил этих женщин от их лицемерия и бессмысленной жизни. Я дал им цель. Никому нет дела до каких-то нищих мамаш-одиночек и их ублюдочных детей. Никому нет дела, живы они или мертвы, страдают они или истекают кровью. Мир их не хватит. Миру ни до кого и ни до чего нет дела. Но я сделал их бессмертными. Я придал смысл их бессмысленному существованию. Они стали чем-то в смерти, как ты не понимаешь? У них появилась цель. И теперь они принадлежат мне, как и вы все. В моей тьме они принадлежат мне. Я их Бог. Я их спаситель.

Существа в углу придвинулись ближе, оказавшись в круге света; у них были черные акульи глаза, точно как в моем сне.

Я повернулся так, чтобы видеть и их, и Бернарда. Кровавая мерзость у стены снова выпрямилась. Грудная клетка двигалась под оклизлой кожей. Невидимые создания ползали внутри его плоти, как потревоженные насекомые. Тварь встретила со мной взглядом и снова ухмыльнулась, слизывая кровь с десен.

В этом существе больше нельзя было отыскать никакого сходства с Бернардом. Пропал мальчишка, вместе с которым я рос, играл в баскетбол, катался на велосипеде, смеялся и так многое пережил. Пропал юноша, вместе с которым мы, став подростками, пережили потерю друга и закончили школу. Пропал мужчина, который сидел на моей свадьбе, который был моим другом всю жизнь. Но даже посреди всего этого безумия я не мог не вспомнить Бернарда – маленького мальчика, потому что, наверное, только в те времена он и в самом деле был тем, кем я его считал. И из-за него мое сердце обливалось кровью, потому что невинный ребенок из маленького городка, каким когда-то был Бернард, давно погиб. Но простой смерти, по всей видимости, было недостаточно. Он был полностью уничтожен.

Бернард кивнул. Он снова слышал мои мысли.

– Мы оба знаем, что маленькие тихие городки – не то, чем они кажутся, – сказал он. – Маленькие тихие городки прячут маленькие тихие тайны... маленькие тихие крики. Прислушайся к крикам, к шепоту у себя в голове. Подчинись им. Все эти голоса мои, понимаешь? В этом мире и в том, который придет после.

– Никакой ты не пророк, не темный спаситель, – сказал я, практически плюясь в него словами. – Никакой ты не колдун. Все это ложь. Тупое вранье, чтобы напугать и запутать. Ты сам – ложь.

– Не я, Алан. Ты. Ты настоящий только потому, что таким тебя сделал я. Я создал вас, всех вас. Мои обряды создали вас и сделали меня богом.

Мир не всегда таков, каким ты его видишь.

– Ты просто жалкий человечек, – сказал я. – Переполненный яростью неудачник с манией величия. Глубоко больной человек, и ничего больше.

Он улыбнулся тем, кто поджидал его в тени, потом мне.

– А мне и не нужно быть кем-то еще. Ничто не может сравниться с нашей тягой к злу, к бездумной жестокости и разрушению. Зло никогда нас не покидает, Алан. Мы можем притворяться, но оно никогда нас не покидает. Эти темные уголки наших душ никуда не деваются. Никогда.

Настоящая жизнь скрыта под поверхность. И она совершенно иная. Она состоит из теней.

Не обращая внимания на звон в ушах, я указал на остальных.

– Я знаю, зачем они здесь. Как и во сне, они здесь ради тебя.

– Они пришли не для того, чтобы забрать меня в Ад, Алан. – Он сморгнул капли крови с ресниц. – Они хотят забрать тебя.

Кровь в моих жилах застыла.

– Нет.

– Давай пойдем вместе, Алан, – сказал он. – Омойся вместе со мной в их крови, почувствуй, как она захлестывает тебя, высвобождаясь из их медленно умирающих тел. Позволь ей течь по их гребаным грязным улицам. Алан, давай вместе пустим им кровь. Мы боги.

Я крепко обхватил рукоять ножа, который держал у бедра лезвием вниз.

– Бернارد, то, что случилось с тобой в детстве, ужасно. То, что твоя мать сделала с тобой – со всеми нами... Мне жаль того маленького мальчика. Но я не жалею того, кем стал тот мальчик. Это жалкое человеческое существо не вызывает у меня ни малейшего сочувствия. Ты остался тем же, кем и был – тем, в кого ты позволил себе превратиться. Пустышкой. Беспомощным неудачником. И ты должен умереть.

Бернارد рассмеялся, и его громовой хохот эхом разнесся по пустому пространству. Его губы снова залила кровь.

– Идиот, то, что случилось со мной в детстве, позволило тебе существовать! Мои обряды позволили тебе остаться, сделали тебя настоящим. Тебе следовало внимательнее слушать, что говорила тебе эта блядь. Я уже мертв и похоронен. Это не я тебе снюсь. Не меня ты видишь.

А себя. Вы видите самих себя, части меня, которые живут в вас, во *всех вас*.

Темноту прорезали крики, вопли невероятного ужаса. Кричал Рик.

– Мы все едины. Мы все – одно и то же. Приди ко мне домой, Алан.

Рик кричал все громче.

– Хватит, – сказал я.

– Все, что у тебя есть, дал тебе я. Все началось с меня.

– Хватит!

– Такая красота, – прошипел он. – Такая *красота*.

Я подался вперед, неуверенно двинулся к нему. Бернард выпрямился во весь рост, но не попытался защититься. Я издал животный вопль и сверху вниз полоснул его по лицу, потом по горлу. Широко замахиваясь, я снова и снова кромсал алую плоть, заливая кровью нас обоих. Бернард по-прежнему ухмылялся, но отшатнулся, потом припал спиной к стене.

Задышавшись, я вонзил нож ему в живот, отпрянул и упал на колени; сунул руку под рубашку и коснулся крестика, подаренного мне матерью.

Ты все еще веришь?

Я медленно поднялся – с ног до головы меня покрывали брызги крови – и уставился на тварь. Изрезанное и исколотое чудовище все еще держалось на ногах, все еще ухмылялось и упорно не отводило глаз.

Все еще веришь в то, что означает этот символ?

Существо медленно истекало кровью и в конце концов сползло на пол и село у стены, прямо в массу плоти и костей.

Я шагнул вперед.

– Ты веришь в Ад?

– Ад находится на Земле, – пробулькал он. – Посмотри вокруг. Вся планета проклята, и никто об этом даже не подозревает. Они все уже в Аду. Я просто оказался ближе к его сути, а теперь и ты тоже. Вам всем конец. *Всем вам.*

Ты все еще боишься темноты?

Рывком я сорвал цепочку с шеи, вытянул крестик из-под рубашки и крепко зажал в свободной руке. Другая рука на удивление ровно держала фонарик.

Веришь ли ты до сих пор в то, что Он защитит тебя?

– Веришь ли ты в Бога, который никого не наказывает? – спросил я.

Что Он любит тебя?

– Во всепрощающего Бога?

Что Он никогда тебя не забудет?

– А не мстительного?

Ты все еще боишься темноты?

Я представил себе крестики на окнах в квартире Джулии Хендерсон – ее мир ее защищал. И вспомнил день, когда моя мать вложила этот крестик в мою ладонь и сказала, что любит меня. И вскоре умерла, а у меня остался только этот предмет, который я сжимал теперь в руке.

Ты все еще веришь?

– Скажи, ты все еще веришь в такого Бога?

У него изо рта текла кровь.

– Я вообще не верю в Бога.

– Ты – нет, – сказал я. – Но я верю.

Я со всей силы протолкнул кулак ему в глотку, мимо голых десен и липкого, влажного языка. Когда тварь сомкнула челюсти на моем запястье, я протолкнул руку еще глубже и вонзил крестик ей в глотку.

Тварь выблевала мою руку с такой силой, что я рухнул на спину. Фонарик упал на пол и откатился в сторону, по пути вспышками кидая круги света на стены.

Я увидел собственную руку, залитую кровью по самый локоть. Я увидел, как тени приобретали кошмарные формы.

– Это я дал тебе веру! – Тварь, которая была когда-то Бернардом, уставилась на меня влажными белыми бельмами, а потом изогнулась, забилась в конвульсиях. Она двигалась все быстрее и быстрее, пока не превратилась в размытое пятно невероятно быстрого, ужасающе яростного движения.

Рычание и шепот окружили меня, словно стая волков, старая фабрика начала содрогаться и трястись.

Здание разваливалось у нас на глазах.

Глава 36

Здание содрогалось, сверху сыпались куски потолка, стены рассыпались, пол трескался. Я поднялся на ноги, перебрался через груды обломков и увидел рядом с собой кусок старой толстой балки.

Подхватив доску, я двинулся к Бернарду. Его окровавленное тело сидело, привалившись к стене, все еще размытое от нечеловеческих конвульсий и судорог. Я поднял доску над головой.

Он внезапно замер. Яростная дрожь теперь передалась всему вокруг – разрушавшемуся зданию. Влажные глаза распахнулись и взглянули на меня с выражением, в котором мелькнула невинность.

– Алан? – Его голос стал высоким, как в детстве. – Алан? Помоги, тут... тут так темно, я не могу выбраться.

Я замер, держа оружие над головой.

– Мне страшно! Алан, мне... так страшно!

– Все это ложь. Ты не существуешь.

– Но я – это ты, Алан, – сказал он. – Я – это *ты*.

Я ударил изо всех сил. Доска впилась ему в висок, распоров кожу. Он осел на бок, содрогаясь в конвульсиях. Не обращая внимания на рушившуюся вокруг нас фабрику, я перехватил доску как битую и стал бить снова и снова, сосредоточенно, с поразительным спокойствием превращая его голову в сплошное кровавое месиво. Закончив, я замер и в полном забытии уставился на плод своих усилий.

Может быть, он был прав.

В отдалении я услышал какую-то возню, потом тяжелое дыхание, и сквозь дурман пробился голос Рика, выкрикивавшего мое имя. Окружающий мир обрел резкость, и неожиданно Рик оказался рядом со мной. Его одежда была перепачкана, на лице алел небольшой порез, Рик выглядел исцарапанным и взъерошенным, но в целом казался невредимым. Его трясло одновременно от страха и ярости.

– Я его видел, – сказал он. – Блин, я видел его, там, внизу.

Я оглянулся через плечо, но жуткое существо поглотил мрак.

– Сюда! – выкрикнул Рик.

Я бросил доску и увернулся от обломка потолка, который упал рядом и разбился об пол. Прикрыв рукой лицо, я пригнулся и бросился на голос. Пол накренился и задрожал, я потерял равновесие, но продолжал бежать, а вокруг сыпались обломки.

Рик обнаружил в задней стене пару больших вертикальных окон, которые достигали самого пола. Оконные проемы были заколочены. К тому времени, как я оказался рядом с ним, Рик уже принялся разбивать доски кулаками. Дерево треснуло, и мы оба стали тянуть, вырывая отломанные куски. Не обращая внимания на разбитые в кровь руки, Рик бил и пинал доски, пока не пробил достаточно большую дыру, чтобы мы могли протиснуться.

Он схватил меня за плечо и потянул к окну.

– Вперед! Вперед!

Я пролез сквозь отверстие, обдирая ноги и плечи об острые края, и в лицо мне ударил поток свежего океанского воздуха. Я рухнул на землю и понял, что лежу на песке среди высокой травы, которая росла возле скалы в задней части участка. Фейерверк давно затих, небо расчистилось, и выросшая на три четверти диска луна давала достаточно света, чтобы я мог сориентироваться.

Я понял, что если мы попытаемся спуститься по крутому склону скалы, нам ни за что не спастись. Здание обрушится и похоронит нас до того, как мы успеем добраться до пляжа под выступом. Придется разбежаться и прыгнуть, в надежде, что нам достанет разбега, чтобы преодолеть пляж и долететь до воды. Дальше все зависело только от удачи. Высота была приличной, хотя и не критичной: ярдов девяносто или сто. Даже если в этом месте окажется достаточно глубоко, нам останется только молиться, чтобы прибой принес нас обратно к берегу вовремя и мы смогли укрыться под скалой. Иначе нам придется заплывать дальше в океан и надеяться, что нас не накроют падающие обломки.

Рик выбрался через отверстие и упал на песок рядом со мной.

– Вся эта развалина вот-вот рухнет нам на головы, – выдавил он. – Надо бежать!

– Отсюда путь есть только вниз!

Мы с Риком переглянулись в отчаянии. Выбора не было.

Подгоняемые грохотом разрушения, мы побежали изо всех сил прямо к краю скалы.

Я прыгнул и стал цепляться за воздух и махать ногами, пытаюсь выпрямиться в падении, а в ушах у меня скрипел ужас перед океаном. Я знал, что должен войти в воду вперед ногами, иначе у меня будут проблемы, но спрыгнув со скалы, я уже ни в чем не мог быть уверен. Я закрыл глаза. Воздух вырвался из моих легких в едином отчаянном выдохе.

Я помню, как словно бы падал в бездну. Время замерло, все звуки затихли.

До того момента, когда я почувствовал удар по ногам и натиск воды – я рухнул в океан.

* * *

Я принялся бессознательно бить ногами и всплыл на поверхность, но поначалу не мог понять, где нахожусь и в какую сторону двигаться. Наглотался воды и знал, что должен подавить страх и расслабиться, насколько это было возможно. Успокоившись, я почувствовал движение волн, тянувших меня к пляжу.

Я крутнулся, разворачиваясь к берегу. Он выступал из темноты и исчезал из вида, когда я покачивался на волнах. Я все еще чувствовал себя словно контуженным и растерянным, но начал бить руками и ногами по воде, на этот раз сознательно, чтобы проверить, что они целы и работают как надо.

Мои ноги коснулись чего-то твердого, и я понял, что больше не плыву, а подскакиваю в воде, касаясь пальцами дна. Выбравшись из прибоя, я ничком рухнул в лужу пенистой мелкой воды и мокрого песка. Я отхаркнул воду, протер глаза и лицо и заставил себя приподняться. Позади меня в воду падали обломки, вокруг сыпался мусор. Я стал крутить головой по сторонам, отчаянно пытаюсь отыскать Рика, выкрикивая его имя.

Между мной и основанием скалы была только узкая полоска пляжа. Безопасность. Я перекатился, встал на колени и увидел, как прилив выкатил на берег позади меня обмякшее тело Рика.

Все еще задыхаясь, я дополз до него, повернул на спину и оттянул подальше от воды. Он очнулся с резким мучительным вскриком, и я заметил, что нижние конечности расположены у него как-то неправильно. Левая нога была изогнута под совершенно неестественным углом, на правом бедре сквозь разорванную ткань брюк торчал здоровый обломок кости со свисавшим с него куском плоти. Я ни разу не видел столь жутких переломов, но ради Рика попытался скрыть свой ужас.

Я дотянул его до основания скалы и привалился к камням, положив его голову и плечи себе на колени. Пока я пытался перевести дыхание, он перестал кричать и только приглушенно всхлипывал.

– Мои ноги, – простонал он. – О господи, мои ноги.

Я крепко обнял его, касаясь подбородком мокрых волос, обхватив руками грудь.

– Ты только держись. Держись. Мы как-нибудь выберемся.

Рик обмяк, и на секунду я решил, что он умер. Но потом почувствовал, как вздымается и опадает его грудная клетка. И хотя он только потерял сознание, я понимал, что его надо как можно скорее доставить в больницу. Скорее всего, сюда уже спешат полиция и пожарники – грохот обрушения наверняка слышен по всему городу, а бурление воды отлично видно с берега, где народ собирался смотреть фейерверк. Но им понадобится какое-то время, чтобы нас найти, а я не был уверен, что Рик продержится так долго. Мне придется вытаскивать его самому. Это означало, что я должен протащить его на спине почти милю вдоль берега. Добравшись до леса, я смогу взобраться по пологому склону, а потом вернуться к оставленному у дороги джипу. Если нам повезет, кто-нибудь заметит, как я тащусь по берегу.

Я взглянул на океан. Земля перестала сотрясаться, и хотя множество мелкого мусора все еще сыпалось сверху, как рой летучих насекомых, большая часть крупных обломков здания уже лежала неподвижно.

В изнеможении я позволил себе на мгновение закрыть глаза.

Открыв их, я увидел, как в лунном свете множество темных фигур медленно возникает из волн, ползет к берегу, преодолевает линию прибоя и, поблескивая черными глазами, движется в нашу сторону.

Глава 37

Вздвогнув, я проснулся и понял, что медсестра осторожно трясет меня за плечо.

– Мистер Ченс?

– А... да.

Тело болело с ног до головы, и жесткое пластиковое кресло, в котором я уснул, только усугубляло мое состояние. Одежда на мне была грязной и местами все еще сырой, слякотные отпечатки моих ботинок красовались по всей приемной.

– Простите, что я вас напугала, – негромко сказала она. – Вы в порядке?

Небольшой телевизор к углу беззвучно демонстрировал какое-то ток-шоу, в кресле напротив меня пожилая латиноамериканка нервно листала старый журнал.

– Простите, – сказал я медсестре. – Я просто... уснул.

Она улыбнулась.

– Мистера Бриско привезли из операционной, он в сознании.

Я с трудом поднялся на ноги и пошел вслед за ней по коридору.

– Как он?

– Ему придется пройти длительный курс физиотерапии, прежде чем он сможет снова ходить, а в дальнейшем может понадобиться еще одна операция, но он справляется на удивление неплохо.

Она остановилась перед открытой дверью, жестом пригласила меня войти и ушла, как только я скрылся за дверью. Рик лежал на кровати у стены. Казалось невероятным, что он мог получить такие серьезные ранения.

Я сел на стул рядом с постелью.

– Эй. Как ты себя чувствуешь?

Он открыл глаза. Его вытянувшееся лицо выглядело бледным и сонным, но немного просветлело, как только он увидел меня.

– Не быть мне теперь балериной.

Я хотел рассмеяться, но у меня не было на это сил.

– Ты поправишься.

– По крайней мере, мне так сказали. Ты-то как?

– Меня слегка потрепало, но в целом все нормально.

Он попытался оглядеться, не отрывая голову от подушки.

– Сейчас еще ночь?

– Нет, уже утро. – Я взглянул на часы, не совсем понимая, сколько времени проспал в приемной. – Я позвонил Дональду. Он скоро приедет.

Его рука легла у края кровати. Он раскрыл ладонь, протягивая ее мне.

– Ты меня спас. – Я вложил свою руку в его. Он слабо сжал пальцы. – Наверное, я попал на мелководье. Не могу понять, что случилось.

– Нам повезло, – сказал я. – После того как фабрика обрушилась, туда прибыла полиция и спасатели – на всякий случай. К тому времени я уже успел дотащиться к ним через пляж. Слава богу, они нас заметили.

Он слабо вздохнул.

– Меня по уши накачали обезболивающим. Я с трудом соображаю.

– Все нормально. Тебе надо отдохнуть.

Он уставился на меня стекленеющими глазами.

– Что ты сказал копам?

Я оглянулся. В дверях никого не было, мы по-прежнему оставались одни.

– Что мы поднялись на скалу, чтобы посмотреть на фейерверк, – тихо сказал я. – Что мы были чуть дальше по берегу, и когда фабрика рухнула, землю под ногами тряхнуло. Мы стояли слишком близко к краю, ближе, чем следовало, потеряли равновесие и сорвались вниз.

– И они поверили?

– Да. С чего бы им не верить. Списали все на несчастный случай и на то, что мы по глупости оказались там, где нам быть не следовало. Сказали, что еще вернутся, чтобы поговорить с тобой. Ничего важного, простая формальность. Скажи им то же самое, и все будет нормально.

Казалось, его мысли витали где-то в другом месте, и я видел, как по его лицу пробежала тень страха – мелькнула и исчезла. Уверен, что он ощущал и мой страх.

– Знаешь, я его видел. Когда упал. Я видел его там, внизу, в этой дыре. – Он поманил меня ближе, и я склонился к нему. – Он меня кусал, – прошептал он. – На его глаза навернулись слезы. – Он сидел там, внизу, и поджидал меня, и... и...

– Тише, – негромко сказал я и крепче сжал его руку. Я слишком хорошо понимал его слезы, но было очень уж трудно поверить, что он и в самом деле плачет. – Я тоже его видел.

Он заглянул мне глубоко в глаза, как будто отчаянно надеялся, что я говорю правду.

– Как мы оба могли...

– Не знаю.

– Я убил его, – сказал он. – Думаю... Я уверен, что убил его.
Я кивнул.
– Я тоже.
Он всхлипнул, подавил слезы.
– Как думаешь, они там что-нибудь найдут?
– Не знаю. Думаю, нет.
– Но они наверняка отыщут...
– Что если там на самом деле ничего не было?
– Мы оба знаем, что мы видели, Алан.
– Как я уже говорил, все может зависеть от того, кто смотрит.
– Тогда я... я не хочу этого больше видеть.
– Будем надеяться, что видеть больше нечего.
Справившись со страхом, он дал волю гневу.
– Почему мы?
– Может, он знал, что мы его выслушаем? Может быть, потому, что у нас не было другого выбора?

Демоны в наших головах затихли и медленно отступили. По стенам скользили тени.

– Я всегда думал, что вещь либо существует, либо нет. Но все не так просто, да? – Я ничего не ответил, и он добавил: – Все равно я ничего уже не помню. А если бы попытался вспомнить, то... у меня крыша бы поехала, понимаешь? Так что я и не пытаюсь. Я ничего не помню. Лады?

– Лады. – Взглядом я попытался убедить его, что все понимаю. – Как скажешь.

– Но пока я был в отключке, мне снились страшные сны. Ужасные. – Он высвободил руку из моей и устало потер висок. – Но теперь я могу спать. Все кончено.

– Да, – сказал я. – Все кончено.

* * *

У дверей пункта скорой помощи я наткнулся на Дональда. В обычной своей нервной манере он курил сигарету, стоя прямо под знаком с надписью: «*На территории больницы курить запрещено*». Он выглядел уставшим, явно с похмелья, но в остальном был в порядке.

Небо растянулось над нами облачным балдахин, солнце превратилось в смутный дымный шар. Не было еще и полудня, а влажный воздух уже казался густым. Дональд заметил, что я стою рядом, весь

потрепанный, как человек, переживший катастрофу. Поглядел на меня неуверенно, настороженно.

– Ненавижу больницы, – сказал он. – Я торчу здесь уже минут десять, пытаюсь убедить себя войти внутрь.

Я не нашелся, что сказать.

Он выпустил дым из ноздрей.

– Тот еще праздничек выдался в Поттерс-Коув. Сначала обваливается фабрика Бьюкенена, да так, что большая ее часть падает в океан, потом, уже очень поздно ночью – фактически, ранним утром – начинается ужасный пожар на Мостовой улице. Судя по всему, дом Бернарда сгорел дотла. От него практически ничего не осталось. Власти уверены, что это поджог. Разве не ужасно? – Дональд едва заметно улыбнулся. – Проклятые дети.

– Какая жалость, – пробормотал я.

– Ммм... да.

Я был рад тому, что Дональд спалил дом, и жалел только, что не смог посмотреть, как он горел.

– Я видел его. – По лицу Дональда расплылась широченная ухмылка. – В доме. Там, в огне, я *видел* его, Алан. Я смотрел на него, а он смотрел через окно на меня. Я видел, как он сгорел. – Он посмотрел на меня, как будто оценивая впечатление. – И когда я уже собрался уходить, что-то потянуло меня на задний двор, к деревьям. Я увидел среди них Томми, но мне не было страшно. Я чувствовал себя в безопасности, под защитой, я словно сошел с ума. А потом они пропали, и я тоже.

Я отлично понимал, каково это, пропасть, чувствовать себя так, будто мир сожрал тебя изнутри и оставил только пустую оболочку. Мы все понимали. Мы всегда это понимали.

– Что произошло ночью на скале? – Дональд наверняка почувствовал мою неуверенность, как только задал вопрос, но, судя по всему, просто так он бы от меня не отстал.

– Мы с ним покончили. Каждый по-своему.

– Значит, все кончено?

– Насколько что-то вообще может кончиться, да.

– Почему он так с нами поступил? – спросил он со злостью.

– Думаю, Бернард совсем расклеился, когда умер Томми. А потом, когда его мать... Дональд, за ним охотилось то же зло, что и за всеми нами. Много лет назад Бернард погряз в нем, а мы притворились, что ничего не происходит. Он знал, чего мы боялись, потому что боялся того же. Зло поглотило его и хотело большего. Оно хотело заполучить всех нас.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Но чего оно... он... хотел?

– Не знаю. Может, он хотел, чтобы мы все снова были вместе. Может быть, он проснулся в темноте, один. Не бог, а просто напуганный ребенок. Он знал нас, наши жизни, наше прошлое. Знал, что творилось у нас внутри, чего нам не доставало. – Я провел рукой по волосам и вздохнул. – Но он был недостижим. Как и мы для него. Как рыцари, которые охотились за драконами, понимаешь? Они не сумели поймать ни одного просто потому, что на самом деле гонялись за какой-то темной, огнедышащей частью самих себя.

– Откуда тебе знать, что они ни одного не поймали? – Дональд выдохнул облако дыма, вероятно, в отчаянной попытке немного разрядить обстановку и сохранить остатки нашего здравомыслия. Через секунду он сказал: – Теперь все будет по-другому.

– А ты хочешь, чтобы все оставалось прежним?

Дональд вытащил из кармана рубашки темные очки, надел их. Наше детство казалось таким далеким.

– Что ты нашел на фабрике, Алан?

– Ад.

– Не уверен, что я верю в Ад.

Я придвинулся ближе и понизил голос.

– Говорят, зло невозможно увидеть, но можно почувствовать. Но мы его видели, Дональд. Все мы. Мы с Риком нашли его на фабрике, ты – в этом старом доме. Мы все видели то, что нам нужно было увидеть. То, с чем мы должны были бороться и одолеть его. Я не знаю, были ли это какие-то отдельные существа или только части нас самих. Существует ли он на самом деле, следит ли за нами? Или сидит только у нас в головах? Так ли это вообще важно? Наверняка я знаю только, что иногда нужно во что-нибудь поверить, чтобы как-то пережить ночь. А иногда надо *не* верить. Не важно, существует ли то, во что ты веришь, на самом деле. В конце концов, у нас нет ничего другого.

– А Бернارد? – спросил он. – В него ты веришь?

Я выдернул сигарету из его губ и швырнул ее прочь.

– Бернارد мертв.

Глава 38

Тони ждала меня на ступенях возле квартиры. Я так устал, что при виде нее не способен был чувствовать ничего, кроме радости, но она выглядела напряженной и перепуганной до смерти. Мы поздоровались в обычной уже неуклюжей манере и вошли. Я сразу направился в кухню и налил себе виски. Она без приглашения прошла следом. Я сел на один из кухонных табуретов и сказал:

– Произошел несчастный случай.

– Я знаю, – она закивала так отчаянно, что пряди волос упали ей на лицо. Не прерываясь, она заправила их обратно за уши. – Мне позвонил Дональд. Сказал, что Рик ранен.

– Значит, он тебе все объяснил? – спросил я в надежде, что мне не придется этим заниматься.

– Да. – Я сразу понял, что она не поверила ни единому слову из объяснений Дональда. – С ним все будет в порядке?

– Когда я уходил, он спокойно спал.

Тони вошла наконец в кухню и огляделась, как будто оказалась тут впервые, как будто в ее отсутствие я сделал ремонт.

– Ты-то как?

– Чувствую себя так, будто кто-то отходил меня ломом, но обошлось без травм.

– Я рада, что с тобой все в порядке.

– Я не говорил, что со мной все в порядке.

Мы долго молчали, и в это время я успел представить ее в доме на пляже, в одиночестве, и себя в этой квартире, в одиночестве. Может быть, совместное одиночество было хуже, но я до сих пор не был в этом уверен. Я подумал о ее улыбке и порадовался тому, что все еще могу ее представить. Я вспомнил о том, как сильно любил эту женщину. Как я любил каждую черточку ее лица и глубину ее глаз. Подумал о ее теле, которое оставалось таким знакомым, даже когда менялось, развивалось и улучшалось с возрастом, как все живое, хотя в то же время медленно умирало.

– Прости меня, Тони, – сказал я. – За все, что я сделал и не сделал. Прости.

Тони позволила мне прикоснуться к ней, не вздрогнула и не отпрянула, а упала в мои объятия, как делала много лет назад, до того, как мы узнали

будущее.

– И ты прости, – сказала она и поцеловала меня в щеку.

– Возвращайся домой.

– Я не могу, – слабо откликнулась она. – Ты и сам знаешь.

Я сел обратно, подальше от нее, только теперь осознав, что для нее это объятие было прощальным. Теперь у нее уже была новая, иная жизнь отдельно от меня.

Как сказал Дональд, теперь все будет по-другому.

Она начала тихо плакать, прижав одну руку ко лбу, другой обхватив свою хрупкую, содрогавшуюся от рыданий фигурку.

– Я люблю тебя, Алан, – наконец произнесла она дрожащим голосом. – Но мы не можем так больше жить.

– Тони, я всегда пытался тебя защитить. Не отпугнуть, не причинить боль – я *никогда* не хотел тебе навредить.

Она стерла слезы со щек, и я позавидовал ей. Я хотел бы вытереть их сам, осушить ее слезы, как делал прежде.

– У меня не было никакого романа. – Она сказала это так просто и ровно, что я не смог ничего ответить. – Я не ушла от тебя ради кого-то еще. Я просто ушла от тебя.

Несмотря на витавших рядом призраков, когда-то мы находили в нашей любви безопасность, она нас защищала. Но теперь, просто находясь рядом друг с другом, мы оказывались привязанными к прошлому, которое по большей части хотели бы позабыть. И как бы мы ни любили друг друга, мы никогда не смогли бы повернуть все, что было сделано, вспять. Наша боль всегда оказывалась весомее радости, но за этот год жестокости и крови, воспоминаний и кошмаров, смерти и возрождения они стали неразделимы.

– Джин просто друг, – сказала она. – Иногда он мне помогает. Он поможет и тебе, если ты позволишь.

– А если позволю... ты останешься?

– Прости, – прошептала она. – Прости меня.

Поначалу я не хотел смириться. Так утопающий не отпускает спасательный круг, хотя знает, что вскоре у него не останется сил держаться. В моем воображении мы вместе ложились в постель, засыпали обнявшись и залечивали раны друг друга. Я был цел, а она счастлива в любви ко мне. А потом я отпустил спасательный круг, почувствовал, как ухожу под воду и медленно погружаюсь все глубже и глубже, уношусь все дальше и дальше от нее.

Хотя эта окончательность пугала, в ней было что-то умиротворяющее.

Мы все еще хранили тайны друг друга, хотя уже не могли оберегать друг друга или самих себя.

И тогда я подумал о Клаудии. Не из чувства вины, не от злости или из мести, а потому, что она, несмотря на ее краткое, но значимое влияние на мою жизнь – на то, что я все еще был жив, – в какой-то степени казалась выдуманной. А Тони была настоящей.

Я встал, обхватил ее руками и поцеловал в лоб. Она крепко, но коротко обняла меня в ответ, а когда Тони ушла, я мог думать только о том, что сон вновь может стать безопасным убежищем. Я хотел проспать остаток этого ужасного лета. Не просыпаться до тех пор, пока все не наладится. Пока я не научусь жить без этого безумия, охватившего мой разум.

Я увидел, что скрывается за завесой, и больше не хотел смотреть. Больше никогда не хотел туда заглядывать.

Я хотел только спать.

Осень

Глава 39

Лето в конце концов покинуло нас, но не сдалось без боя. Хотя среди развалин старой фабрики не удалось обнаружить ничего стоящего внимания, после ее эффектного обрушения власти города приказали разровнять развалины бульдозером и немедленно занялись сносом и обследованием остальных зданий.

В конце июля один из разбиравших завалы рабочих отошел в лес помочиться и наткнулся на неглубокую могилу. В ней оказалось еще два скелета, в которых по слепкам зубов опознали женщину и ее малолетнего сына. Они жили в бедном районе в городе неподалеку, и хотя об их исчезновении стало известно еще несколько месяцев назад, из-за того что у женщины уже была судимость за какое-то незначительное преступление и проблемы с наркотиками, полиция решила, что они с сыном покинули город, чтобы не платить за аренду. Судя по информации в газетах и по телевидению, мы с Риком прошли совсем рядом с могилой. Возможно, это был еще один фокус Бернарда.

После обнаружения этих тел количество жертв достигло четырех. То, что среди них оказался ребенок, вызвало еще большее бурление в прессе, страх и гнев местных жителей и политиков. Мол, теперь никто не может чувствовать себя в безопасности. Подумать только...

Но лето перешло в осень, а полиция так и не нашла ни ответов, ни даже надежных зацепок. Они и не подозревали, что никогда не сумеют их отыскать. Пресса упоминала несколько человек как возможных подозреваемых, но все они были вскоре оправданы, и теория об убийце-бродяге оставалась самой популярной среди жителей Поттерс-Коув и журналистов. К тому времени, как в город вступил сентябрь, «нераскрытые» убийства обсудили в нескольких телевизионных программах и во множестве газет по всей стране, второпях были написаны и выпущены две книги. Но в итоге это ни к чему так и не привело.

Уже к октябрю убийства отошли в прошлое, и люди разбрелись обратно за свои заборчики, в свои опрятные дома, успокаивая себя тем, что виновный в этих ужасах преступник покинул город. Как человек просыпается от страха, но быстро понимает, что ему всего лишь привиделся кошмар, жители Поттерс-Коув закрыли глаза и снова уснули. Вокруг них жили те же тихие тайны и те же беззвучные крики, но они больше не прислушивались. Парочка самых упорных стражей порядка

покаялась раскрыть эти преступления, но так и не смогла. Новости появлялись все реже и реже, из города постепенно исчезали полицейские и агенты ФБР. Интерес угас, и я присоединился к толпе прочих сомнамбул, притворявшихся, что все идет хорошо.

Разумеется, то, что мы узнали, оставило по себе невероятное чувство вины, и, обнаружив в газете портрет какого-нибудь члена семьи одной из жертв, с испуганным и потерянным выражением лица, я всякий раз отчаянно хотел рассказать им все, что знал. Но кто мне поверит? Несколько месяцев спустя я даже не знал, верю ли я самому себе. Что бы я ни сделал, им от этого будет только хуже, все только усложнится. Их близкие умерли, и мои истории про привидения не вернут их к жизни. Никто никогда не узнает правды о Бернарде, и даже я не мог бы доказать, что он убил еще кого-то, кроме себя самого. Так что я научился жить со своим знанием, перестал читать новости и разглядывать фотографии горюющих, сбитых с толку родственников, которые все еще надеялись получить ответы.

Листья пожелтели, воздух стал холоднее, особенно по вечерам. Я пытался заниматься чем-то более приятным. Пробовал даже снова писать, но стоило мне занести ручку над бумагой, как перед моими глазами возникали Тони, Рик, Дональд или Бернارد, или лица из газет, и вся та горечь, крики и кровь, что скрывались за ними.

Решение уехать из города я принял на удивление легко. Хотя я никогда не выезжал далеко за пределы Поттерс-Коув, я чувствовал, что пришло время найти новое место и, хотел надеяться, начать с чистого листа. Через несколько дней я буду во Флориде, и, как однажды рассуждала вслух Тони, не уверен, что кто-то заметит мое отсутствие. Никто точно не обратит внимания и не станет меня удерживать. По правде сказать, я уже чувствовал себя так, будто уехал, и проводил время, словно некая странная переходная форма, застрявшая в загадочной точке между жизнью и смертью, исполненная теперь уже не ужаса, а бесконечного беспокойства, навечно обреченная смотреть из окна в надежде, что произойдет что-то необычное, чувствовать тошнотворный неуверенный холодок всякий раз, когда темную комнату осветят фары незнакомого автомобиля, или зазвонит телефон, или кто-то постучит в дверь. Навечно связанный знанием, что я не один, я вынужден был выживать благодаря избранным воспоминаниям и самоутверждениям, которые нашептывал себе каждый вечер.

Мне все еще снились кошмары, мне, наверное, никуда уже не деться от них до конца жизни, но никогда больше – *тот самый* кошмар. Как и Бернارد, они вернулись в тень, растворились в сумрачных коридорах моего разума. Но они оставили после себя осадок, похожий на липкий след

слизняка, и все, что прилипло к этому следу, останется со мной – со всеми нами – навсегда, навечно свяжет нас всех друг с другом.

«*Как части целого*», – говорил когда-то мудрый и терпеливый Томми, лучший друг Бернарда. Только через много лет после его смерти я понял, насколько точным было это описание. Но именно с его смерти все и началось. Когда перед тогда еще его глазами погиб единственный друг, Бернард был опустошен, уничтожен. Его юный разум разлетелся на куски, и после этого он стал как бы разными гранями одного человека, целое раскололось на несколько отдельных, самостоятельных частей. Рик, наш бесстрашный и неразрушимый защитник, Дональд, остроумный и утонченный интеллигент, Тони, наша мать, сестра, жена и возлюбленная, наша вечная женская половинка, наш голос разума. И Бернард, наша темная и обозленная изнанка. И я – всего понемножку от каждого, плюс чего уж там еще осталось.

Расколотый на части, Бернард был введен во мрак своей матерью, и через него мы все оказались под влиянием зла. С того момента мы превратились в напуганных и запутавшихся детей, стали соревноваться за место под солнцем и в то же время, как умели, пытались защитить друг друга; искали дорогу в мире, которого ни один из нас не понимал, в котором ни один из нас не чувствовал себя вполне комфортно.

Как и в собственных шкурах.

И всякий раз, представляя нас всех вместе, я видел не измученных и опустошенных взрослых мужчин, которыми мы стали, но мальчишек, которыми, как я все еще хотел верить, мы когда-то были. Когда мы катались на велосипедах в солнечные дни, гонялись за облаками и жившими за ними фантазиями и наполнялись жизнью с каждым вздохом, с каждым новым днем. Я предпочитал воображать нас такими: счастливыми, здоровыми, неразлучными, как и должно было быть.

* * *

По дороге из штата я нашел в себе силы завернуть к дому Клаудии. Вечер было особенно холодным, что оказалось очень кстати. Я выбрался из машины и встал у дороги, глядя на дом. С приближением зимы он казался еще более заброшенным, чем обычно, отделенным от остального мира. И, может быть, это было не так уж плохо.

В тот день я несколько минут смотрел на облака. Они проносились мимо, темные, набухшие; даже неся в себе бурю – а может быть, благодаря

этому – они скользили по небу изящно. Тогда, при взгляде на эти вершины мира, я осознал, какими незначительными мы были в действительности.

Но когда я буду думать о Клаудии, чувствуя, что мне ее недостает, я буду вспоминать этот дом.

Дешевый вентилятор под потолком, который медленно вращался над нами как лопасти вертолета, рассекал тьму и свет, отбрасывая черные и белые полосы на ее обнаженное тело. Ее голову на подушке рядом со мной, и то, как она распахивает глаза и шепчет: «Ты не можешь от этого сбежать».

Я вспомню, как сказал ей: «Я хочу проснуться. Я всего лишь хочу проснуться».

А она ответила: «Ты не спишь».

И я вспомню ее труп в заполненной кровью ванной, со срезанными веками и вспоротыми запястьями, раскрытую опасную бритву на полу под безвольно повисшими пальцами, смятый рекламный плакат в углу – Флорида, недостаточно далеко отсюда – свечи повсюду и следящие за нами Ад, Рай и все, что между ними.

Я вспомню, как коснулся хвоста Люцифера, когда он промелькнул рядом со мной в ночи. И только тогда, в тот момент, когда Дьявол поднял голову, я начал понимать, что чувствовал Бернард, что он делал, пока меня не было. Только тогда я начал понимать его обряды и того, кем он был.

Кем были все мы.

Он оставил после себя не только зло и разрушение. Он оставил то, что стало реальностью благодаря его обрядам: плоды его трудов, нас всех, живших одолженным временем, ложными воспоминаниями и выдуманной им историей, – но все равно живых. Безвозвратно разбитый юноша, который оставался в живых лишь благодаря другим личностям, которые он сам же и создал, чтобы они защищали его, стали его друзьями, позволили ему стать тем, чем он не был, сделали бы его целым.

Мы – темные фигуры, которые он принимал за демонов, которые должны были выполнять его желания, – сбросили его в Ад, где ему было самое место, не осознавая, что никогда теперь не сможем быть вполне свободными. Обряды преобразили нас, но в конце концов Бернард был всего лишь человеком, и я ненавидел его за это. Я ненавидел за это всех нас. Потому что без Бернарда не было нас. Не было меня. И все же, без зла не может быть и спасения.

Осенний ветер унес пугающие призраки, как пыльцу, и вместо них принес прощение, а еще мрачный образ Джулии Хендерсон, наблюдавшей за мной через украшенное распятными окнами. «Я знаю, кто ты».

Я кивнул ей, потому что теперь тоже знал.

Тени, собравшиеся среди мертвых деревьев за домом Клаудии, звали меня через голое пространство, протягивали ко мне изуродованные проказой руки, глядели мертвыми глазами.

– *Мы здесь*, – прошептала Тони, и ее голос эхом отдался у меня в ушах.

– Спи, – сказал ей я. Так же, как сказал Дональду и Рику, как Бернард когда-то сказал всем нам. Но мы больше не были одним целым, мы выпорхнули из его гнезда, и он перестал существовать. – Он больше не может нам навредить. Теперь можно спать.

Я почувствовал, как они покинули меня и ушли на заслуженный покой. Я повернулся спиной к тем, кто дразнил меня, ко всем заключенным и извивавшимся в бесконечной тьме проклятым и взглянул в будущее.

Мои раны никуда не делись. Они никогда не заживут.

Но они, по крайней мере, перестали кровоточить.

Я закрыл глаза и улыбнулся, радуясь, что все еще способен улыбаться. Как сказала Клаудия, мне, да и всем нам, теперь и навсегда, здесь, в мире теней остается только забывать.

notes

Примечания

Спортивная карточка с изображением спортсмена, впервые отличившегося на соревновании в том или ином виде спорта. Среди коллекционеров такие карточки с первым появлением спортсмена ценятся выше, чем его последующие изображения.

Канадский хоккеист, один из легендарных игроков НХЛ.

Матфей, 18:9.

Прозвище, которое использовал Дэвид Берковиц, американский серийный убийца. С июля 1976 года по июль 1977 года он убил шесть человек, а семерых тяжело ранил.

Джеффри Дамер – американский серийный убийца и каннибал, жертвами которого стали 17 человек.